

Ю. Айхенвальдъ.

СИЛУЭТЫ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Выпу

Предлагаемые очерки были, въ своемъ первоначальномъ видѣ, напечатаны въ *Научномъ Словѣ*, *Русской Мысли*, *Вѣстникѣ Воспитанія* и др. Для настоящаго изданія авторъ значительно переработалъ и дополнилъ ихъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Батюшковъ	6
Крыловъ	11
Грибоѣдовъ	20
Рылѣевъ	27
Пушкинъ	50
Гоголь	72
Лермонтовъ	90
Баратынскій	107
Тютчевъ	120
Сергѣй Аксаковъ	131
Огаревъ	136
Гончаровъ	152
Плещеевъ и Помяловскій (сравнительная характеристика)	166
Глѣбъ Успенскій	189
Гаршинъ	203
Короленко	215
Чеховъ	

Батюшковъ.

Для русской литературы Батюшковъ умеръ почти на тридцать пять лѣтъ раньше своей физической смерти: въ 1821 году онъ сталъ обнаруживать признаки душевнаго недуга, который все возрасталъ и, наконецъ, перешелъ въ беспросвѣтное безуміе. «Послѣдній лучъ таланта предъ кончиной», къ намъ дошло его стихотвореніе, записанное подъ диктовку въ этомъ роковомъ году:

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мельхиседекъ?
Рабомъ родился человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ,
Зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ.

Такимъ аккордомъ глубокой безнадежности отзвучала поэзія, въ которой преобладали совсѣмъ другіе мотивы. Какъ извѣстно, въ нашей литературѣ Батюшковъ является пѣвцомъ сладострастія, и даже слово это было для него излюблено. Онъ радовался молодости и страсти, любилъ вдыхать въ себя отъ каштановыхъ волосъ тонкій запахъ свѣжихъ розъ и безустанно пѣлъ о томъ, какъ сладко вѣнокъ на волосахъ каштановыхъ измять и поясъ невзначай у дѣвы развязать. Его чаровали тихія, медленныя и страстныя тѣлодвиженія въ сплетенномъ хороводѣ поющихъ женъ. Онъ славилъ и роскошь золотую, которая обильною рукой подноситъ вины и портеръ выписной, и сочныя апельсины, и съ трюфлями пироги. У него, правда, часто слышится также восхваленіе чистой дружбы, идиллическій призывъ къ бѣднымъ пенатамъ, къ отрадѣ смиреннаго уголка,—но его идиллія своеобразна тѣмъ, что она не скромна и тиха, что ея наслажденія тоже страстны и пьяны, что въ этотъ шалашъ простой придетъ не только другъ, но и Лилета, и пѣвецъ

«на ложѣ сладострастья» будетъ пить ея пламенное дыханіе, какъ розъ благоуханье, какъ нектаръ на пирахъ. Послѣднее мгновеніе жизни онъ эпикурейски представлялъ себѣ какъ послѣднее объятіе женщины; и богъ любви по дорогѣ, усѣянной цвѣтами, поведетъ любовниковъ въ Элизій, гдѣ они подъ сѣнью мирта воскреснутъ съ новымъ пламенемъ въ крови и

Гдѣ, любуясь пляской грацій,
Нимфъ, сплетенныхъ въ хороводъ,
Съ Деліей своей Горацій
Гимны радости поетъ.

Тяготѣя къ жизни, къ ея радости, къ ея цвѣтамъ, онъ хотѣлъ бы забыть всѣ ея суровые и строгіе тоны:

Ужели въ истинахъ печальныхъ
Угрюмыхъ стойковъ и скучныхъ мудрецовъ,
Сидящихъ въ платьяхъ погребальныхъ
Между обломковъ и гробовъ,
Найдемъ мы жизни нашей сладость?
Отъ нихъ, я вижу, радость
Летитъ, какъ бабочка отъ терновыхъ кустовъ.
Для нихъ нѣтъ прелести и въ прелестяхъ природы,
Имъ дѣвы не поютъ, сплетаясь въ хороводы;
Для нихъ, какъ для слѣпцовъ,
Весна безъ радости, и лѣто безъ цвѣтовъ.

Но эта языческая стихія была въ душѣ у Батюшкова не единственной и не полновластной. Она боролась со стихіей христіанской, и онъ не сумѣлъ и не хотѣлъ до конца остаться рапсодомъ земныхъ пировъ и любовной нѣги. Онъ не былъ послѣдователемъ, и на страницахъ его небольшой поэтической книги, несмотря на всѣ эти гимны упоенной вакханкѣ, можно замѣтить, что ему было совѣстно своего «эвоэ!». Онъ со страхомъ вопрошалъ гласъ совѣсти своей и послѣ чувственной услады, хмеля и безпокойства мечталъ о томъ, чтобы увидѣть спокойный берегъ, страну желанную отчизны, о томъ, чтобы земную ризу бросить въ прахъ и обновить существованіе. Да и то горестное, что онъ лично видѣлъ въ жизни, «въ Москвѣ опустошенной», эти блѣдныя матери, эти пищіе, эти груди тѣль и груди сожженныхъ развалинъ,—все это мѣшало ему беззавѣтно и безраздѣльно отдаваться бурной и ликующей пѣснѣ.

Эта пѣснь замолкала и потому, что вообще съ жизнерадостной открытенностью духа знаменательно сочеталась у Батюшкова его не-

измѣнная спутница, временами только отходившая въ тѣнь,—искренняя печаль. Его странникъ счастья не находитъ подъ небомъ счастливымъ Эллады; когда любовникъ умеръ, Делія не посѣтила печальный памятникъ его, и вообще

Мы лавръ находимъ тамъ
Иль кипарисъ печали,
Гдѣ счастья розъ искали,
Цвѣтущихъ не для насъ.

Лучшія изъ его стихотвореній—элегіи, и онъ сосредоточился даже на особомъ видѣ лиризма—элегіи исторической. Не только современное, но и прошлое возбуждало его грусть. Исторія печалила его. Длительное разрушеніе, она представляетъ собою руины, ибо въ самомъ существѣ человѣческихъ созиданій кроется уже разореніе, — и вотъ пѣвецъ стоитъ на развалинахъ замка въ Швеціи, гдѣ нѣкогда чаши радости стучали по столамъ. Все измѣнчиво. Рейнъ спокойно катится теперь въ родныхъ нѣмецкихъ берегахъ, но давно ли владѣли имъ враги,

Давно ль они кичася пили
Вино изъ синихъ хрусталей?

Батюшковъ восторженно призывалъ къ наслажденію, хотя бы и шаловливому, но часто вспоминалъ онъ и о минутности и бренности всего человѣческаго: мимолетная природа утѣхи наводила его мысль на то, что неминуемо исчезаетъ и все другое, и все великое. Это наблюденіе, столь не новое, вполне сохраняло для него свою меланхолическую силу. И онъ называлъ человѣка минутнымъ, онъ называлъ людей странникамъ минуты, которые ходятъ по гробамъ, и когда онъ дарилъ юной дѣвушкѣ цвѣты, — это онъ дарилъ ей «горсть какъ ты минутныхъ розъ». На судьбѣ Торквато Тассо, который Батюшкова, какъ и другихъ художниковъ, привлекалъ трагической обидой своей запоздавшей славы, онъ учился тому, что время покоряетъ себѣ не только розы, но и лавры.

Между сладострастьемъ и печалью онъ не признавалъ ничего средняго: либо жизнь подавлена, либо она протекаетъ на высотѣ своей напряженности. Онъ умиралъ, но

Вздохи страстные и сила милыхъ словъ
Его изъ области печали,
Отъ Орковыхъ полей, отъ Леты береговъ
Для сладострастія призывали.

Если бы самой дѣйствительности не достало внутренней мощи для того, чтобы она загорѣлась огненной яркостью впечатлѣній, то

ея скудныя и робкія черты надо было бы восполнить неотъемлемымъ достояніемъ поэта — мечтой, (ибо всякій художникъ въ томъ отношеніи подобенъ Гомеру, что онъ — «слѣпецъ всевидящій» и своею грезой можетъ возмѣщать непосредственное воспріятіе) «Мечтаніе—душа поэтовъ и стиховъ». И въ самомъ дѣлѣ, Батюшковъ роскошно мечталъ, и будущее показывало ему плѣнительныя картины:

Ты будешь поражать тамъ скачущихъ еленей
И златорогихъ сернь.

Но и реальное существованіе его было разнообразно, блистательно, сверкало при страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней; онъ видѣлъ чужія прекрасныя страны, на Гейльсбергскихъ поляхъ, на поляхъ брани, онъ слышалъ, какъ грома съ высоты гремѣли «мѣдной челюстью», и вообще его жизнь въ ея поэтическомъ отголоскѣ была «чудесный пиръ для слуха и очей», богатый красками и звуками, страстью и трепетомъ.

Ими онъ не поступался и тогда, когда христіанская стихія побѣждала въ немъ языческую; и въ этомъ, на нашъ взглядъ, заключается его оригинальное значеніе въ русской поэзіи. Отъ наслажденія перешель онъ къ совѣсти, но и тогда онъ остался поэтомъ паэоса. Совѣсть какъ страсть, — таковъ былъ его идеаль. Христіанское не обрекаетъ на жизнь блѣдную и унылую, не зоветъ къ пугливости ослабленныхъ переживаній. (Батюшковъ не можетъ примириться съ тѣмъ, чтобы душа его, усталая отъ суеты, потеряла любовь къ искусству, веселость ясную первоначальныхъ лѣтъ, — онъ молить музъ, чтобы онѣ отдали свѣжесть вянущимъ безперестанно чувствамъ) Добро не есть смиреніе и тишина; оно дѣйственно и страстно: добро, это — «души прямое сладострастіе», совѣсть, это — «душъ великихъ сладострастье». Оно, излюбленное, дышало въ сферѣ языческой, въ антологіи, у Тибулла и Горація, — оно же встрѣчаетъ насъ и въ сердцѣ христіанина; жизнь не перестала быть патетической.

Пѣвецъ этой жизни, поэтъ нѣсколькихъ стихотвореній, сознававшій предѣлы своего дарованія, Батюшковъ своей печалью отдалъ дань русскому духу; въ южныхъ странахъ онъ свѣтила сѣвера любезнаго искалъ, стремился къ вьюгамъ и непогодѣ и тамъ, гдѣ плещетъ Рона, посылалъ свой привѣтъ созвучному Дону, — но въ общемъ его поэзія, въ самыхъ звукахъ которой геніальный слухъ Пушкина чуялъ нѣчто итальянское, была далека отъ напѣвовъ родныхъ.

Въ исторіи русской словесности ее цѣнятъ главнымъ образомъ потому, что именно Пушкинъ воспринялъ и развилъ ея полнозвучный

и сладостный стихъ. Батюшковъ вообще затмился и растворился въ Пушкинѣ, такъ что, въ извѣстномъ смыслѣ, онъ теперь больше не нуженъ. Но онъ достоинъ своего великаго наслѣдника, потому что тревоги своей души, ея сладострастіе и въ радости, и въ совѣсти, онъ облакалъ въ стихи удивительной красоты. Въ нихъ, правда, много риторики, архаизма, мифологіи, и самая чувственность окрашена литературой, но все это лишь придаетъ имъ своеобразный колоритъ, и тамъ, гдѣ они по существу не могутъ быть граціозны, (каковы они въ «Вакханкѣ» или въ «Отрывкѣ изъ элегіи»),— тамъ они напоминаютъ собою какія-то великолѣпныя, тяжелыя складки драгоцѣнныхъ тканей—благородную роскошь античнаго міра.

Крыловъ.

Большинство произведеній Крылова имѣютъ одинъ лишь историческій интересъ; самая личность писателя тоже привлекаетъ къ себѣ не сочувственные, а только внимательные и удивленные взоры, и грузная масса равнодушія, которую представлялъ собою лѣнивый и сонный старикъ, никогда не будетъ обвѣяна въ потомствѣ дыханіемъ любви. Но басни его, басни, эта быль, одинаково затверженная дѣдами и внуками, расцвѣтившая собою нашъ обыденный разговоръ,—вотъ что сдѣлалось любимымъ достояніемъ русскаго общества. Онѣ проникнуты особой, незабываемой выразительностью, и ея, съ внѣшней стороны, достигаетъ авторъ самыми простыми средствами—какой-нибудь неожиданной римой, переходомъ отъ многосложной строки къ двухсложной или тѣмъ, что центръ логической и нравственной мысли онѣ заключаетъ въ одно слово или въ одинъ стихъ, короткий, но глубокий («другъ этотъ былъ лиса», «то были два осла»). Иногда онѣ мимоходомъ, даже безъ отношенія къ главному сюжету, набрасываетъ цѣлую бытовую картинку,—напримѣръ, въ баснѣ «Муха и дорожные»:

Гутора слуги вздоръ плетутся вслѣдъ шажкомъ;
Учитель съ барышней пушукуютъ тишкомъ;
Самъ баринъ, позабывъ, какъ онъ къ порядку нужень,
Ушелъ съ служанкой въ боръ искать грибовъ на ужинъ.

И какое счастье, что ~~э~~его басни облечены именно въ эту живую форму! Что если бы ихъ мораль, старинная и почтенная, звучала безъ ироніи, безъ улыбки,—тяжелая, какъ фигура самого Крылова? Но нѣтъ, въ проказливой мѣткости своего стильнаго языка, въ лукавой оболочкѣ своей фабулы и характеристики онѣ игривы и задорны, и онѣ живутъ—искривая, свѣжая, звонкія—какъ живетъ сама жизнь, сама житейская мудрость»

Но житейская мудрость не есть самое высокое и цѣнное въ мірѣ. То, что проникнуто ею, стелется по землѣ и не служитъ идеальнымъ запросамъ духа. Крыловъ разлилъ по своимъ произведениямъ большой и богатый жизненный опытъ, и если послушаться его басенъ, принять ихъ мораль, то можно хорошо приспособить себя къ дѣйствительности. Не этому учать великіе учителя. И этому учить вообще не приходится, такъ какъ на приспособленіе къ жизни сами собою, безъ чужого поощренія, направляются заботы каждаго. Отсюда басня по неволѣ мелка.

Да и потому, что она толкуеть о животныхъ, о растеніяхъ, о вещахъ, она не можетъ вмѣстить въ себя человѣческой многосторонности и тонкости. Есть, конечно, наивная красота въ самомъ замыслѣ упростить сложность людскихъ отношеній, свести ее къ элементарнымъ линіямъ басни и воскресить полузабытое исконное родство человѣка и животныхъ, для того чтобы, въ рядѣ примѣровъ и притчъ, разобрать на отдѣльныя нити всю психологическую ткань жизни. Но этой цѣли достигнуть нельзя, потому что даже и для такого художника, какимъ былъ Крыловъ, міръ людей и міръ животныхъ остаются несовмѣстимы. Широкіе и крупные штрихи, которые примѣняетъ басня, не соотвѣтствуютъ разнообразной игрѣ человѣческой фізіономіи и души въ ея наиболѣе интересныхъ и глубокихъ переживаніяхъ. Басня скользитъ по поверхности. Баснописецъ не возвышается надъ другими; то, что онъ почерпаетъ изъ окружающаго, вполне обыкновенно, и его устами говоритъ средній человѣкъ. Въ этомъ его характерный признакъ, даже, если хотите, его сила и власть надъ умами, надъ средними умами.

Гоголь въ заслугу вмѣняетъ Крылову то, что онъ обладалъ «умомъ выводовъ» и былъ сродни пословицѣ, которая «не есть какое-нибудь впередъ поданное мнѣніе или предположеніе о дѣлѣ, но уже подведенный итогъ дѣлу, отсѣдъ, отстой уже перебродившихъ и кончившихся событій». Между тѣмъ какъ разъ это и не составляетъ заслуги, какъ разъ въ этомъ и есть малость Крылова. Живая пословица русской литературы, онъ не имѣетъ никакого аргюмента. Не свои требованія, идеалы и запросы противопоставилъ онъ жизни, а себя приладилъ къ ней, пошелъ не мудрствуя по ея стопамъ и въ результатѣ явился передъ нами какъ ея внимательный и послушный выученикъ. Онъ говоритъ исключительно о томъ, что безспорно, по крайней мѣрѣ—въ житейскомъ смыслѣ. Но безспорна и пошлость, безспорно все слишкомъ общее, не индивидуализованное, все чуждое отгнзковъ. Поэтому и сюжетъ всякой басни имѣетъ характеръ общедоступный. Бродячій, онъ принадлежитъ всѣмъ; знаменательно, что на басню не существуетъ права собственности.

Крыловъ не видитъ въ жизни ничего сложнаго; она рисуется ему въ общихъ и немногихъ очертаніяхъ, и для него жизненные ларчики открываются просто, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ здѣсь бываютъ именно загадочныя и запутанныя сплетенія. Если жизнь проста и не нужны для нея мудрецы механики, то средній человѣкъ, а вслѣдъ за нимъ и баснописецъ, его патронъ, его пѣвецъ, не можетъ не относиться къ наукѣ и философіи съ большою долей недоумѣнія. Онѣ представляются ему въ свѣтѣ педантическомъ и смѣшномъ. Здравый смыслъ—самый надежный руководитель, высшій трибуналъ, который удовлетворяетъ всѣ потребности бытія. Слѣдуйте ему, какъ это дѣлалъ огородникъ,—и вамъ будетъ хорошо и выгодно; философъ же останется безъ огурцовъ,—а хуже такого жребія ничего не можетъ и вообразить себѣ поклонникъ здравой разсудительности. Онъ признаетъ умѣренную пользу и скромную цѣну просвѣщенія; однако пучина знаній для него страшна, и дерзкій умъ отважнаго водолаза находитъ себѣ погибельный, но поучительный конецъ. Уже съ юныхъ дней надо слѣдить за тѣмъ, чтобы не напиться ученьемъ вреднымъ. Червонецъ души теряетъ свой блескъ и цѣнность отъ чрезмѣрной культуры; о нѣкоторыхъ приходится даже такъ сказать: «они же грамотѣ, къ несчастью, знали». Несчастье знанія распатываетъ привычные устои жизни. Мысль, предоставленная самой себѣ, способна зажечь пожаръ, въ которомъ погнѣнуть и ея зачинатель, и его послѣдователи. Поэтому не снимайте узды съ ретиваго коня; упоенный свободой, онъ сброситъ сѣдока и убьется самъ,—«какъ ни приманчива свобода, но для народа не меньше гибельна она, когда разумная ей мѣра не дана». Вотъ почему сочинитель, это — супостатъ, худшій разбойника; онъ вселяетъ безвѣріе, отравляетъ умъ и сердце дѣтей и, что для обывателя особенно страшно, осмѣиваетъ супружество, начальства, власти. Онъ величаетъ безвѣрье просвѣщеніемъ, и если теперь цѣлая страна полна убійствами и грабежами, раздорами и мятежами, то этому виною не кто другой, какъ именно сочинитель. Вольтеру въ аду придется горше, чѣмъ разбойнику.

«Всякій порывъ, всякое стремленіе и сомнѣніе, всякое странствіе духа противны умѣренному и спокойному человѣку, осѣдлому жителю жизни. Не стремитесь «повѣрить быль съ молвой», не спѣшите въ даль, вспомните судьбу бѣднаго голубка, который покинулъ родную землю и родного брата,—живите дома. И дома будьте домовиты, хозяйственны, заботливы, не отдавайтесь легкомысленно пѣснямъ: иначе васъ осмѣетъ и покараетъ жестокая добродѣтель муравья»

Міровоззрѣніе средняго человѣка въ сущности окрашено не-симпатичной краской житейскаго пессимизма,—ее же принимаетъ и баснописецъ. Идите по жизни съ оглядкой, съ опаской, не довѣряйте людямъ. Берегитесь друга: онъ или хитерь или глупъ, онъ или лиса или медвѣдь. И вообще человѣческая дружба устойчива только до первой кости, какъ вѣчный миръ заключается до первой ссоры. Когда васъ хвалятъ, то это корыстно, какъ взаимныя похвалы кукушки и пѣтуха, какъ лесть коварной лисицы; если вы повѣрите чужому одобренію, вы потеряете свой кусокъ хлѣба, свой кусокъ сыру. Недаромъ лучшій и наиболѣе художественный образъ, какой создалъ Крыловъ въ галлерей своихъ людей-животныхъ, это—лиса въ ея многообразной роли. Не вѣрьте, чтобы она когда-нибудь отрѣшилась отъ своей хитрости; дайте вору хоть миллионъ, онъ воровать не перестанетъ. Чего и ждате отъ печальной дѣйствительности, гдѣ приходится терпѣть обиды отъ осла, гдѣ одобряютъ ослы ослово красно-хитро-сплетенно слово, гдѣ паукъ норовитъ заткать солнце орлу?...

Слишкомъ хорошее знаніе жизни съ ея опасностями, которыя требуютъ быть насторожѣ, не исключаетъ, впрочемъ, у баснописца критическаго отношенія къ тому, что въ ней могуче, властно и богато, не исключаетъ искренняго и смѣлаго демократизма. Крыловъ знаетъ, что «есть и въ браминахъ лицемѣры»; онъ дѣлаетъ упреки и даетъ совѣты самой силѣ. Въ баснѣ «Пестрыя овцы» онъ показалъ, какъ царственный левъ умѣетъ оставаться въ сторонѣ, а молва считаетъ злодѣями только его исполнителей-волковъ. Всѣ эти съ червонцами мѣшки, воеводы и судьи, умные умомъ своихъ секретарей, всѣ эти осиновые чурбаны въ роли царей, аристократы-гуси и волки, пасущіе овецъ,—никто изъ нихъ не ускользаетъ отъ насмѣшки баснописца. И онъ видитъ и цѣнитъ не только нарядные листы, но слышитъ и голосъ корней, подземную работу скромныхъ и темныхъ кормильцевъ.

И все же Загорѣцкій поступилъ бы напрасно, если бы, назначенный цензоромъ, онъ, согласно своему обѣщанію, налегъ на басни, «смерть свою». «Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами» въ сущности не страшны. Сатирикъ самъ никогда не бываетъ чуждъ предмету своей сатиры. А сатирикъ-баснописецъ особенно добродушенъ, и ужъ ни въ какомъ случаѣ онъ не радикаленъ, не опасенъ. Басни могъ бы писать и Молчалинъ. Ихъ пишетъ человѣкъ спокойный. Трудно представить себѣ баснописца не старикомъ; самъ Крыловъ выступилъ въ этой роли уже на пятомъ десяткѣ. Басни пишетъ человѣкъ довольный и примиренный,—онъ подобралъ уже всѣ ключи къ жизни и увѣренно побрякиваетъ ихъ связкой.

Но удовлетворенность баснописца не есть то высшее просвѣтленное благоволеніе къ жизни, та гетевская мудрость, которая побуждаетъ жить съ міромъ въ мирѣ, принять и благословить его: нѣтъ, Крыловъ доволенъ потому, что онъ не требователенъ. Зато самъ онъ не удовлетворяетъ чужимъ требованіямъ, когда они идутъ за предѣлы неподражаемой формы и сверкающаго юмора.

Грибоѣдовъ.

Одинокое произведеніе Грибоѣдова, въ рамкѣ одного московскаго дня изобразившее весь укладъ русской жизни, пестрый калейдоскопъ и сутолоку людей, на ряду съ сердечной драмой отдѣльной личности, — эта комедія съ избыткомъ содержанія не умираетъ для нашего общества, и навсегда останется ему близокъ и дорогъ тотъ герой, который перенесъ великое горе отъ ума и оскорбленнаго чувства, но, сильный и страстный, не былъ сломленъ толпою своихъ мучителей и завѣщалъ грядущимъ поколѣніямъ свое пламенное слово, свое негодованіе и все то же благородное горе...

Знаменитая пьеса «держится какимъ-то особнякомъ въ литературѣ» и, по извѣстному сравненію Гончарова, похожа на столѣтняго старика, «около котораго всѣ, отживъ поочереды свою пору, умираютъ и валятся, а онъ ходитъ, бодрый и свѣжій, между могилами старыхъ и колыбелями новыхъ людей, и никому въ голову не приходитъ, что настанетъ когда-нибудь и его чередъ».

«Несомнѣнно, этотъ чередъ увяданія и смерти насталь бы и для грибоѣдовскаго творенія, несмотря на всѣ блески остроумія и сжатость живого языка, если бы оно было только общественной сатирой и комедіей нравовъ. Вѣдь нравы мѣняются, и положительные идеалы сатирика-обличителя находятъ себѣ хотя бы и медленное осуществленіе. «Горе отъ ума» потому простерло свою художественную силу далеко за историческіе предѣлы своей эпохи, оно и теперь потому сохраняетъ свѣжесть и красоту, что подъ своей стильной оболочкой, въ нарядахъ отжившей моды и убранства, оно даетъ не только бытовую, временную картину, но и хранитъ своеобразное отраженіе вѣчныхъ типовъ литературы, отвѣчаетъ на исконныя стремленія и тревоги человѣческаго духа».

Пьеса Грибоѣдова на свое названіе комедіи имѣетъ, конечно, только историко-литературныя права; по существу же она — глубокая трагедія, и роковая невзгода, постигшая Чацкаго, предста-

вляеть собою только частичный отзвукъ міровой судьбы идеализма.

Въ трибунѣ московскихъ салоновъ живутъ черты Гамлета, который противопоставляетъ свою неумолкающую критику, свою неугомонную и пытливую думу пошлой непосредственности окружающаго міра. Чацкій тоже, какъ и тоскующій датскій принцъ, долженъ былъ сбросить со своихъ разочарованныхъ глазъ пелену мечтаній и увидѣлъ предъ собою дѣйствительность во всей ея низости и лжи. И Гамлета только потому не ославили безумнымъ, какъ его русскаго преемника, что онъ самъ успѣлъ и сумѣлъ надѣть на себя личну притворнаго безумія. Въ этой участи ума слыть безуміемъ есть нѣчто роковое.

Правда, въ противоположность шекспировскому герою, Чацкій въ своемъ размышленіи, въ своемъ осужденіи, не достигаетъ философской высоты, — его мысль летаетъ гораздо ниже, и онъ, конечно, критикъ не міра, а только его отдѣльнаго, маленькаго уголка. Но, быть можетъ, именно поэтому онъ не уходитъ всецѣло въ тоску, онъ не ограничивается однимъ бесплоднымъ сарказмомъ, — мы знаемъ его положительныя требованія отъ жизни, его слово звучитъ какъ дѣло, онъ борется, и въ этой борьбѣ онъ напоминаетъ того, кто Гамлету противоположенъ: въ этой борьбѣ его постигаетъ грустная и смѣшная участь Донъ - Кихота. Онъ щедро тратитъ свою энергію и энтузіазмъ, онъ безопасно расточаетъ цѣнный бисеръ своихъ мыслей и рѣчей, и въ неестественномъ цвѣтѣ раздраженія мелкое и второстепенное принимаетъ для него преувеличенные размѣры: точно на великановъ обрушивается онъ на такія вѣтряныя мельницы, какъ «смѣшныя, бритые, сѣдые подбородки» или фракъ, въ которомъ видитъ даже нѣчто противное разсудку и стихіямъ... Но всѣ эти увлеченія, вносящія долю комизма въ серьезный обликъ Чацкаго, показываютъ только, что передъ нами—живая человѣческая личность, а не ходячій умъ или воплощенная идея. Чацкій привлекаетъ насъ всей своей пылкой натурой, не только своимъ умомъ, но, какъ это странно ни звучитъ, и своими «глупостями», — необычностью своего поведенія и словесныхъ выходокъ. Вѣдь онъ—плодъ его кипучей и напряженной души. Спокойный, умѣренный и аккуратный Молчалинъ не сдѣлаетъ никакой нелѣпости; практически онъ разсудителенъ, своимъ молчаніемъ онъ обезпечилъ себя отъ смѣшнаго, и онъ прекрасно держитъ себя въ обществѣ. Правда, онъ потерпѣлъ неудачу и долженъ былъ уйти изъ фамусовскаго дома; но это произошло только потому, что онъ не предвидѣлъ случайности подслушаннаго разговора, и это произошло тогда, когда

онъ далъ волю своему, хотя и мелкому, увлеченію Лизой. На гладкой дорогѣ своей карьеры Молчалинъ встрѣтилъ временную помѣху оттого, что онъ не связалъ своего чувства, что онъ проговорился, и это будетъ для него урокомъ. Теперь онъ уже никогда не сломить «безмолвія печати». Онъ еще глубже пойметъ, какъ опасно прерывать молчаніе, какъ опасно проявлять свое чувство, и подобно тому какъ пожаръ много способствовалъ украшенію Москвы, такъ ночное происшествіе въ фамусовскихъ сѣняхъ сослужить хорошую службу Молчалину, дастъ новый аргументъ въ пользу его безсловеснаго міровоззрѣнія, и Молчалинъ не пропадетъ.

Отъ этого спокойствія и благоразумія, къ счастью, свободенъ Чацкій. У него сильный и пылкій темпераментъ, въ немъ играютъ возбужденные нервы, его насмѣшливость не холодна и безучастна, и когда онъ жжетъ другихъ своимъ укоризненнымъ словомъ, онъ горитъ и самъ. То умное, что проповѣдуетъ Чацкій, могло бы быть облечено и въ иную натуру, въ иную психологическую форму; Грибоѣдовъ избралъ изъ этихъ формъ самую жизненную и свѣтлую и тѣмъ стяжалъ себѣ высокую художественную заслугу. Пусть онъ назвалъ свое произведеніе «Горе отъ ума», но онъ не смотрѣлъ на міръ какъ Эразмъ Роттердамскій, который все дурное въ этомъ мірѣ считалъ порожденіемъ одной только глупости и самъ накопилъ гораздо больше «ума холодныхъ наблюденій», чѣмъ «сердца горестныхъ замѣтъ». Умъ Чацкаго—это, конечно, гораздо больше, чѣмъ одна только разсудочная сила; это—вся натура, вся цѣльная благородная личность. Если бы онъ былъ только умный, то, можетъ быть, никакого живого горя и не испыталъ бы: онъ страдаетъ не отъ одного ума, но и отъ сердца, отъ чувства. И вотъ почему онъ не можетъ молчать даже передъ такой неблагодарной и неподходящей аудиторіей, какъ Фамусовъ и его присные; вотъ почему онъ не можетъ быть равнодушенъ къ чужой косности, и слово, которое у него клокочетъ въ груди, неудержимо стремится на уста, изливается жгучимъ потокомъ.

Итакъ, на ряду съ типичными чертами протестующаго гражданина Грибоѣдовъ вдохнулъ въ Чацкаго еще искру яркой индивидуальности, замѣчательнаго своеобразія, и это очень знаменательно, что, фигура литературная, созданіе творческой фантазій, Чацкій тѣмъ не менѣе похожъ на нѣкоторыхъ живыхъ людей русской дѣйствительности. Гончаровъ указываетъ на его сходство съ Герценомъ, особенно съ пламеннымъ Бѣлинскимъ. У Бѣлинскаго, по словамъ знаменитаго романиста, «тѣ же мотивы и тотъ же тонъ, и такъ же онъ умеръ, уничтоженный миллиономъ терзаній, убитый

лихорадкой ожиданія и не дождавшійся исполненія своихъ грезъ, которыя теперь уже не грезы больше».

Своеобразіе Чацкаго, кромѣ его симпатичной несдержанности, заключается и въ томъ, что умъ у него «съ сердцемъ не въ ладу». Это сердце у него—ласковое, нѣжное, горячее, и «каждое біенье» въ немъ «любовью ускоряется». Когда онъ проситъ у Софьи отвѣтной любви и хочетъ разлучить ее съ Молчалинымъ, онъ ссылается не на преимущества своего ума,—онъ говоритъ о своей страсти, о чувствѣ, о пылкости. Онъ не врагъ людей: онъ «весель и чувствителень», онъ не мизантропъ и въ этомъ отношеніи не похожъ на своего близкаго родственника, мольеровскаго Альцеста. Онъ даже не замѣчаетъ своей язвительности и съ недоумѣніемъ спрашиваетъ у Софьи:

Послушайте, ужель слова мои всѣ колки
И клонятся къ чьему-нибудь вреду?

И въ смѣхѣ его больше горечи, чѣмъ злобы, и въ шуткахъ своихъ онъ менѣе всего походить на полковника Скалозуба (который вѣдь тоже шутитъ).

Но хотя язвительный умъ Чацкаго и его любящее сердце не ладили между собою, они въ концѣ-концовъ нашли себѣ печальное примиреніе,—ихъ соединила общая горькая судьба, ихъ слила одна невзгода. Чацкій страдаетъ и какъ гражданинъ, и какъ любовникъ: онъ оскорбленъ и въ своихъ общественныхъ идеалахъ, и въ своемъ чувствѣ.

Какъ гражданинъ, онъ видитъ предъ собою наивно-цѣльное міровоззрѣніе, какое-то эпическое спокойствіе оцѣнокъ и понятій. Здѣсь не сомнѣваются. Здѣсь неподвижно, въ этой лѣнливой, огромной, тяжелой массѣ, которая повинуется только закону инерціи. Въ средѣ Фамусова всѣ взгляды на жизнь давно уже выработаны, и эта жизнь мирно и мѣрно катится по ровной дорогѣ традиціи. Раболѣпно поклоняются авторитету и успѣху, пенавидятъ искусство и науку, потому что въ нихъ таится начало творческое и критическое, а здѣсь не нужно ни творчества, ни критики,—всякая самостоятельность только вредна. Беззащѣнно говорятъ о сожженіи книгъ, боятся мечтателей опасныхъ и завиральныхъ идей, предпочитаютъ фельдфебеля Вольтеру, — «къ свободной жизни ихъ вражда непримирима». Всѣ довольны и счастливы, потому что кругомъ тихо. Всѣ довольны и счастливы, покуда кругомъ тихо. Лишь бы не было укоряющихъ свидѣтелей, — въ себѣ самихъ они не чуютъ укоризны, отъ самихъ себя они не ждуть упрековъ, потому что они вполне удовлетворены собою. Всячески охраняютъ

молчаніе, такъ какъ «злые языки страшнѣе пистолета», и даже въ гости «являются помолчать». У каждого есть своя княгиня Марья Алексѣвна, и трепещутъ, какъ бы она не прервала спокойнаго молчанія; даже горничная Лиза, проникнутая воззрѣніями своихъ господъ, убѣждена, что «грѣхъ не бѣда,—молва не хороша». Для того, чтобы не было молвы и огласки, употребляютъ всякія средства; между прочимъ, «кому въ Москвѣ не зажимали рты обѣды, ужины и танцы?» Для того чтобы не говорилъ Чацкій, Фамусовъ проситъ его «завязать на память узелокъ»; но, безспорно, для того чтобы Чацкіе не говорили, въ распоряженіи у Фамусовыхъ имѣются и другіе, болѣе сильные мнемоническіе приемы...

Фамусовъ чувствуетъ себя прекрасно въ Москвѣ и въ мірѣ, по только не надо, чтобы говорили. И ему досадно, что нѣкоторые не слушаются его, отказываютъ ему въ такой бездѣлицѣ, какъ молчаніе. «Просилъ я помолчать—не велика услуга», обиженно замѣчаетъ онъ Чацкому. «Просилъ я помолчать»—это девизъ на его гербѣ, это условіе его существованія. И доводовъ, убѣжденій, разумныхъ словъ Чацкаго онъ не слушаетъ: «заткнулъ я уши». И съ заткнутыми ушами являетъ онъ какой-то символъ русской дѣйствительности, и съ заткнутыми ушами онъ бессмысленно повторяетъ одну и ту же роковую фразу: «не слушаю—подъ судъ! подъ судъ!» Это ужасно: онъ не слушаетъ, онъ не выслушиваетъ,—онъ только отдастъ подъ судъ. Въ это время къ нему является «человѣкъ съ докладомъ», и испуганному Фамусову кажется, что случился «бунтъ», и онъ ждетъ «содома». Но, разумѣется, никакого бунта нѣтъ, — напротивъ, это пришелъ полковникъ Скалозубъ, и Фамусовъ радуется ему, какъ своему спасителю отъ Чацкаго, отъ Чацкихъ, и съ распростертыми объятіями встрѣчаетъ онъ полковника Скалозуба...

Всѣ просятъ или требуютъ помолчать, всѣ по какому-то фатальному недоразумѣнію боятся человѣческаго слова. Для жаждущаго говорить, для имѣющаго, что сказать, это невыносимо, это—безконечная трагедія, «неотразимая обида». И хочется горячимъ словомъ растопить этотъ ледъ спокойствія, всколыхнуть и поднять эту застоявшуюся воду. Правда, уже слышится какая-то глухая тревога въ обществѣ, ее можно замѣтить даже въ самодовольныхъ рѣчахъ Фамусова, колеблются патріархальные устои, уже проникли сюда идеи и книга Радищева, и вообще идетъ книга, французская или русская, отъ которой Фамусову пока больно спится, но которая скоро вызоветъ у него бессонницу, волей-неволей разбудитъ его. Уже нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ, съ трудомъ вѣрится свѣжему преданью, и князь Федоръ, химикъ и ботаникъ, не хочетъ и знать чиновъ.

Но если тамъ и здѣсь вспыхиваютъ эти свѣтлыя искры, то все же общая картина темна, и кругомъ—молчаніе. Въ этомъ обществѣ молчаливыхъ прекрасно живетъ Молчалину. Онъ «небогатыя словами» и потому «блаженствуетъ на свѣтѣ», гдѣ «нынче любятъ безсловесныхъ». Онъ понялъ секретъ успѣха, нашель слово загадки, и это слово—молчаніе. Онъ упорно, осторожно, систематически молчитъ, и пусть кругомъ бушуетъ море страстныхъ человѣческихъ голосовъ, онъ будетъ непоколебимо, потрясающе молчать. Его презрѣнныя уста раскрываются только для лести, для трусливой пошлости и подкупа въ разговорѣ съ Лизой, для угожденія «собакѣ дворника, чтобъ ласкова была». Его молчаливая фигура твердо уперлась въ тину дѣйствительности, и вѣковѣчный поединокъ слова и безсловесности, мысли и безмыслія, Чацкаго и Молчалина развѣ могъ окончиться побѣдой перваго?

Въ «царство молчанія», въ неподвижную среду догматическаго міровоззрѣнія огненной молніей врѣзалась свободная рѣчь Чацкаго, и эта рѣчь опалила его слушателей, но она сожгла и сердце самого оратора. Чацкій всѣхъ напугалъ, оскорбилъ, произвелъ «кутерму», и всѣ съ недоумѣніемъ спрашиваютъ: «зачѣмъ сюда Богъ Чацкаго принесъ?» Въ безмолвной средѣ раздалась живая рѣчь,—и всѣ испуганно оглянулись. Самый фактъ, что кто-то заговорилъ, что кто-то осмѣлился гласно объявить пять-шесть мыслей здравыхъ,—самый фактъ уже предосудителенъ, и онъ предрѣшаетъ содержаніе рѣчи. Ясно, что она будетъ протестующей, критической; ясно, что это будетъ вызовъ крѣпостному строю жизни, тѣмъ людямъ, которые отторгаютъ дѣтей отъ матерей и отцовъ. Вѣдь если удовлетворяться этимъ строемъ, если чувствовать себя хорошо, то нѣтъ нужды говорить, — тогда лучше молчать, какъ это и дѣлаетъ, какъ и молчитъ Молчалинъ. Чацкій, дѣйствительно, возсталъ противъ крѣпостнаго общества, и оно дало ему холодный отпоръ, и когда онъ послѣ своего пламеннаго монолога оглянулся, то вокругъ него не было слушателей, и всѣ съ величайшимъ усердіемъ кружились въ вальсѣ... Но этого было мало: Чацкаго нашли помѣшаннымъ, и въ его присутствіи о немъ стали говорить уже въ прошедшемъ времени. Судьба оказалась еще насмѣшливѣе, чѣмъ Чацкій, и онъ испыталъ всю ея жестокою иронию: умный, онъ былъ признанъ безумнымъ.

Однако и этихъ «терзаній» еще мало, еще не исполнился ихъ миллионъ. Оскорбленный въ своемъ гражданскомъ негодованіи, Чацкій искалъ утѣшенія у любимой дѣвушки. Онъ подошелъ къ Софѣѣ и просилъ ея женскаго участія и трогательно жаловался ей: «душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата». Но любимая дѣвушка его

не любила, и это она первая ославила его безумнымъ. Эта дѣвушка любила другого, и этотъ другой былъ Молчалинъ. Теперь уже предѣлъ терзаній исполнился.

Въ самомъ дѣлѣ, романическая исторія Чацкаго представляетъ для него новую и жгучую обиду. Софья, оказывается, тяготѣетъ не къ силѣ ума, а къ силѣ глупости. Какой-то ворожкой проникъ ей въ сердце человѣкъ, совершенно противоположный Чацкому. Конечно, «сердцу дѣвы нѣтъ закона», и было бы странно и бесплодно спрашивать, чѣмъ плѣнилъ ее Молчалинъ. Недоумѣніе вызываетъ здѣсь только одно: Софья даетъ передъ Чацкимъ такую характеристику Молчалина, которая должна бы разрушить въ ея глазахъ все обаяніе этого лицемѣрнаго воздыхателя. Не впалъ ли здѣсь Грибоѣдовъ въ эстетическую ошибку? Вѣдь мы только въ томъ случаѣ совершенно поняли бы любовь Софьи къ Молчалину, если бы послѣдній казался ей не такимъ, какимъ онъ кажется намъ. Это находится, между прочимъ, въ связи съ обычными приѣмами Грибоѣдова: онъ въ уста своихъ персонажей часто вкладываетъ уничтожающія характеристики и даже самохарактеристики.

Во всякомъ случаѣ, Софья, когда-то любившая Чацкаго, могла охладѣть къ нему и какъ будто на зло увлечься его нравственнымъ антиподомъ. Чацкій уѣхалъ отъ нея за границу, три года онъ былъ далекъ отъ нея, три года онъ не писалъ ей. Она была оскорблена, и горечью дышитъ ея укоризна: «Ахъ, если любить кто кого, зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ далеко?» Но замѣчательно то, что въ самомъ отъѣздѣ Чацкаго была внутренняя, органическая необходимость. Кантъ сказалъ, что, кромѣ тоски по родинѣ, у человѣка есть и другой недугъ — тоска по чужбинѣ. И вотъ, Чацкій на могъ не страдать этимъ недугомъ; его фізіономія, какъ человѣка и гражданина, не была бы закончена, если бы онъ никогда не покидалъ той среды, съ которой боролся. Ему сладокъ и пріятенъ дымъ отечества, но онъ долженъ былъ противопоставить этому дымному отечеству чужія страны, онъ долженъ былъ видѣть ихъ: это было условіе для его протеста, для его борьбы. Общество, которому онъ бросилъ перчатку, не выходило изъ предѣловъ своего родового гнѣзда. Оно окружало себя только своими, только родными, радѣло родному человѣку («служащіе чужіе очень рѣдки»), воздавало по отцу и сыну честь, и недаромъ оно косилось на путешественниковъ, которые «рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши, воротятся—отъ нихъ порядка жди». Это очень характерно, что приходилось отстаивать такое, повидимому, невинное право, какъ право путешествовать. Фамусовъ и его близкіе слишкомъ засидѣлись въ своей Москвѣ, они слишкомъ были дома — и физически,

и нравственно, и вотъ изъ этого дома, изъ этого семейнаго тѣснаго круга надо было вырваться, чтобы увидѣть болѣе широкіе горизонты. Чацкій не могъ не поѣхать за границу,—Молчалинъ за границу не поѣдетъ: это, по выраженію Гончарова, «домашній котъ», и ему некуда и незачѣмъ стремиться. Онъ у себя дома, и ничто не нарушитъ его прирожденной ослѣдлости.

Можетъ быть, Грибоѣдовъ этой вынужденной разлукой Чацкаго и Софьи хотѣлъ сказать, что цѣнность и цѣльность общественнаго служенія несомвѣстима съ просторомъ личной жизни, личнаго чувства. Безспорно то, что нашему писателю образъ мужа рисовался не въ привлекательныхъ краскахъ,—онъ говоритъ о мужѣ - мальчикѣ, мужѣ - слугѣ, и эпизодическая, но яркая фигура Платона Михайловича знаменуетъ очень печальное превращеніе.

Какъ бы то ни было, мы знаемъ въ литературѣ и въ жизни свѣтлые образы русскихъ дѣвушекъ, которыя шли за борцами на ихъ трудный путь. Софья за Чацкимъ не пошла. Ее смутили «вопросы быстрые и любопытный взглядъ». Но, неспособная къ подвигу, не нашла она и счастья. Покинутая Чацкимъ, одинокая и обиженная, она естественно могла искать ласки хотя бы у Молчалина; однако и Молчалинъ ей въ ласкѣ отказалъ. И она—круглая сирота: мать ея умерла, но развѣ есть у нея хотя отецъ, развѣ Фамусовъ проявляетъ малѣйшее волненіе родительскаго чувства? Онъ только помнитъ, что это—комиссія быть взрослой дочери отцомъ, и неудивительно, если Чацкій забылъ, что Фамусовъ—отецъ Софьи, что и его, Фамусова, «не худо бы спроситься».

Но если нельзя бросить въ Софью слова осужденія за тотъ во многихъ отношеніяхъ невольный выборъ, который она сдѣлала, то отъ этого не становится менѣе грустной судьба Чацкаго. Онъ, человѣкъ, который выросъ съ Софьей, который былъ ей другомъ и братомъ и безъ памяти ее любилъ,—онъ страстно умоляетъ ее дать ему зайти въ ея комнату, гдѣ «стѣны, воздухъ—все пріятно, гдѣ его согрѣютъ, оживятъ и отдохнуть дадутъ воспоминанія о томъ, что невозвратно». Но Софья не пускаетъ его на «минуты двѣ» въ ту комнату, гдѣ она проводитъ цѣлыя ночи, безгрѣшныя ночи, въ чтеніи и бесѣдѣ, въ бесѣдѣ—съ Молчалинымъ! Опять Чацкій столкнулся съ этой жалкой фигурой, съ этимъ пошлымъ лакеемъ жизни. Да, «мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ».

«Необозримою равниной», и день и ночь по «снѣговой пустынѣ» спѣшилъ Чацкій на родину, и было передъ нимъ «свѣтло, сине, разнообразно», и что-то виднѣлось ему впереди,—но родина оказалась для него негостепрѣимна, и вотъ онъ снова долженъ ме-

таться по свѣту, предтеча того несчастнаго скитальца, того «историческаго русскаго страдальца», о которомъ говорилъ Достоевскій въ своей знаменитой рѣчи. Опять—необозримая равнина, опять—снѣговая пустыня...

Чацкій послужилъ ферментомъ благодатнаго волненія въ обществѣ; но общество тогда его отвергло. Онъ пережилъ горькую обиду; но если есть утѣшеніе въ томъ, что его потомство за него заступилось, то это утѣшеніе дано ему сполна. Вынесенное имъ горе отъ ума, отъ умнаго слова нашло себѣ сочувственный откликъ среди позднѣйшихъ русскихъ дѣятелей, и они привѣтствуютъ въ Чацкомъ человѣка отважной и честной рѣчи,—какъ бы ни расцѣпывать націоналистическіе моменты его проповѣди. Печально то общество, которое слушаетъ однихъ Молчалиныхъ, то общество, которое шепчетъ, болтаетъ, кричитъ, но не говоритъ разумнымъ человѣческимъ словомъ. Въ робко-молчаливой и позорно-спокойной средѣ Чацкій, облакая въ свободное слово свободную мысль, говорилъ, свои желанья онъ благородно возсылалъ именно вслухъ,—и за это ему и его духовному творцу воздается неумирающая хвала. Нельзя забыть того, кто совершилъ одинъ изъ величайшихъ человѣческихъ подвиговъ,—кто добровольно испилъ глубокую чашу горя и перенесъ миллионъ терзаній на благо мысли, во славу слова.

Рылѣвъ.

Рылѣвъ не принадлежитъ къ числу поэтовъ сколько-нибудь выдающагося дарованія; въ художественномъ отношеніи онъ свѣтится только отраженнымъ свѣтомъ Пушкина, и энергія, присущая его Думаамъ и поэмамъ, не искупааетъ однообразія и, часто, прозаичности его стиховъ. И, вѣроятно, исторія литературы прошла бы мимо него равнодушно, если бы недостатки его скромнаго таланта не восполнила его личная жизнь, если бы она сама не была занесена въ лѣтопись русской общественности, какъ потрясающая трагическая поэма. Его дѣло завершило его поэзію. Восемьдесятъ лѣтъ назадъ была воздвигнута близъ Петропавловской крѣпости висѣлица, на которой *дважды* дуп

его неискусный палачъ, и хотя съ тѣхъ поръ на ней смѣнилось многія жертвы, многія задохнувшіяся тѣла, все же черная тѣнь *этого* эшафота не можетъ дрогнуть и разсѣяться.

Судьба декабристовъ, и въ частности Рылѣва, особенно драматична именно потому, что они были глубоко - религіозны, что они такъ много признавали въ жизни, такъ искренне и горячо почитали ее, — и все-таки жизнь выбросила ихъ, не нашла для нихъ иного мѣста, кромѣ помоста казни и еще сибирскихъ рудниковъ. Въ лицѣ Рылѣва погибъ вовсе не отрицатель, непримиримый врагъ человѣческихъ учрежденій или прирожденный бунтарь; въ его лицѣ погибъ даже и не космополитъ, не «гражданинъ грядущихъ поколѣній», въ родѣ маркиза Позы: напротивъ, онъ былъ русскій, онъ страстно любилъ свою родину, которая его убила, онъ благоговѣнно молился и вѣрилъ. Его вдохновляли подвиги народныхъ героевъ, князья и цари; «Думы» его можно было бы принять въ хрестоматію, для того чтобы дѣти учились по нимъ отизму и русской исторіи. И вотъ, Рылѣвъ самъ вошелъ .

эрю мученикомъ, и то самое государство, которому онъ былъ преданъ, заклеило и казнило его, какъ предателя. Это мучительное противорѣчiе, эта жестокая насмѣшливость рока, это крушенiе земныхъ идеаловъ не только угнетали поэта, не только наполнили его духъ великой горечью и недоумѣнiемъ, но еще болѣе утвердили его въ томъ исповѣданiи, что здѣшняя жизнь—тягостный покровъ, который надо сбросить съ себя какъ можно скорѣе. И лѣтомъ 1826 года—это было послѣднее лѣто Рылѣва, и 13-е iюля было его послѣднимъ днемъ—онъ за нѣсколько шаговъ до могилы, которая уже раскрыла передъ нимъ свой неумолимый зѣвъ, не обращивался въ тоскѣ назадъ, къ жизни, не хватался судорожно за ея уходящiе образы,—нѣтъ, въ какомъ-то нетерпѣнiи онъ стремился изъ мiра, спѣшилъ навстрѣчу смерти, и безъ того спѣшившей къ нему. Въ историческомъ семнадцатомъ казематѣ Алексѣевского рavelина писалъ онъ тогда:

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ!
 Когда я сброшу жизнь мою?
 Кто дастъ крылѣ мнѣ голубинѣ,
 Да полечу и почию?
 Весь мiръ—какъ смрадная могила,
 Душа изъ тѣла рвется вонъ.
 Творецъ! Ты мнѣ прибѣжище и сила,
 Вонми мой вопль, услышь мой стонъ;
 Приникни на мое моленье,
 Вонми смиренiю души,
 Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
 А мнѣ даруй грѣховъ прощенье
 И духъ отъ тѣла разрѣши.

Въ этомъ—замѣчательная и самая характерная черта Рылѣва: онъ, такъ потрудившiйся и пострадавшiй ради земли, въ сущности считалъ землю чужбиной. Его завѣтные помыслы тяготѣли горѣ, ко Христу, котораго онъ славилъ всей душою, къ молитвенному созерцанiю. Для этого религiознаго человѣка, для этого чистаго христiанина были дороже всего перспективы небесныя. И, значитъ, тѣмъ болѣе велика его заслуга, что на чужбинѣ онъ поработалъ, какъ на родинѣ. Если чужбина земли неизбѣжна, если всякому приходится жить на ней, то надо сродниться съ нею и жизнь свою провести достойно, и Рылѣвъ, дѣйствительно, оставилъ свои «сионски высоты» и сдѣлался гражданиномъ той временной земной страны, и никто не можетъ и не долженъ миновать. (Святыню онъ цѣнилъ для политики, но политику онъ сдѣлалъ святою. Онъ

поднялъ руку на царство, на цареніе людей, потому что хотѣлъ претворить его въ царство Божье. Онъ сталъ государственнымъ преступникомъ, потому что не хотѣлъ преступать законовъ своего Бога, которому онъ былъ вѣрный рабъ. Онъ могъ бы жить спокойно, въ широкихъ предѣлахъ своей вѣры и своей мысли, но его тянуло еще и къ дѣлу.▷

Затѣмъ надо помнить и то, что передъ Рылѣвымъ была открыта и вся область наслажденій и веселости, которыя тоже одно время находили себѣ—правда, мимолетный—откликъ въ его душевной организаціи и на его поэтической лирѣ: у него есть стихотворенія, полныя эротизма, у него есть идилліи, воспѣвающая жизнь мирную и тихую. И все это онъ подавилъ въ себѣ во имя общаго блага, которое стало паосомъ его недолгихъ дней. Припомните энергичные стихи юнаго поэта, которые въ разныхъ вариантахъ звучатъ на всемъ протяженіи его творчества:

Я ль буду въ роковое время
 Позорить гражданина санъ
 И подражать тебѣ, изнѣженное племя
 Переродившихся славянъ?
 Нѣтъ, не способенъ я въ объятяхъ сладострастья,
 Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ молодой
 И изнывать кипящею душой
 Подъ тяжкимъ игомъ самовластья!
 Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
 Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
 И не готовятся для будущей борьбы
 За угнетенную свободу человѣка;
 Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
 На бѣдствія страдающей отчизны
 И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
 И справедливыя потомковъ укорины,—
 Они раскаются, когда народъ, возставъ,
 Застанетъ ихъ въ объятяхъ праздной нѣги
 И, въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ,
 Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріаги.

Ради страждущей отчизны онъ отрывается отъ личной жизни и сурово заявляетъ объ этомъ любящей и любимой женщинѣ. Душа его, «въ волненьи тяжкихъ думъ, теперь одной свободы жаждетъ»; она «безъ вольности тоскуетъ». И этотъ мирный и благочестивый человѣкъ изъ-за нестроеной своей чужбины-родины превращается въ непримиримаго бойца:

Мнѣ не любовь теперь нужна,
 Занятя нужны мнѣ инья:
 Отраднa мнѣ одна война,
 Однѣ тревоги боевыя.

Онъ не понимаетъ жизни внѣ гражданственности, а гражданина онъ не понимаетъ внѣ битвы. И до такой степени проникнуть онъ своей общественной страстью, что, несмотря на сознаваемые имъ тѣсныя границы своего таланта, онъ «славы *требуешь*, не просить». Поэтъ для него прежде всего—вождь и пророкъ гражданственности, честный и самоотверженный дѣятель свободы:

О, такъ! нѣтъ выше ничего
 Предназначенія поэта:
 Святая правда—долгъ его,
 Предметъ—полезнымъ быть для свѣта.
 Избранникъ и посоль Творца,
 Не долженъ быть ничѣмъ онъ связанъ;
 Святой, великій санъ пѣвца
 Онъ дѣломъ оправдать обязанъ.
 Къ неправдѣ онъ кипитъ враждой,
 Ярмо гражданъ его тревожить;
 Какъ вольный славянинъ, душой
 Онъ раболѣпствовать не можетъ.
 Повсюду твердь, гдѣ бъ ни былъ онъ,
 Наперекоръ судьбѣ и року,
 Повсюду честь ему—законъ,
 Вездѣ онъ явный врагъ пороку.
 Гремѣтъ грозою противъ зла
 Онъ чтитъ святымъ себѣ закономъ,
 Съ покойной важностью чела
 На эшафотъ и предъ трономъ;
 Ему невѣдомъ низкій страхъ,
 На смерть съ презрѣньемъ онъ взираетъ
 И доблесть въ молодыхъ сердцахъ
 Стихомъ свободнымъ зажигаетъ.

И Рылѣевъ считаетъ себя вправѣ занять мѣсто на Парнасѣ именно потому, что онъ — гражданинъ, что въ немъ

Душа до гроба сохранить
 Высокихъ думъ кипящую отвагу;
 Мой другъ, не даромъ въ юношѣ горитъ
 Любовь къ общественному благу!

Борьба за гражданскіе идеалы и есть для него поэзія, — даромъ, что блѣдны его стихи и тусклы въ нихъ образы. И если бы ему предложили на выборъ или яркій художественный талантъ, или «къ общественному благу ревность», онъ нисколько бы не задумался раскрыть свое сердце именно для послѣдней. Отреченіе отъ таланта не было бы слишкомъ большой жертвой для того, кто въ каждомъ помыслѣ своемъ—гражданинъ.

И потому, для него здѣсь, на землѣ, единое на потребу, это— чтобы не исполнилось тягостное предчувствіе Баяна въ одной изъ его «Думъ», чтобы не стала «Русь пространною могилой», чтобы вѣчно горѣло въ ней солнце свободы. Все остальное, кромѣ этого и кромѣ небеснаго, не имѣетъ никакой цѣны. Все остальное недостойно челоуѣка. Безъ этого условія «не въ праздникъ пиръ весны», всякой жизненной весны:

Что за веселье безъ свободы,
Что за весна—весна рабовъ!

Итакъ, и самъ онъ, и герои его произведеній—борцы за волю. Какъ Войнаровскій, онъ съ дѣтства привыкъ чтить безсмертный образъ Брута, великаго убійцы. Въ исторіи и въ жизни онъ ищетъ гражданъ, отдающихъ себя въ жертву родинѣ: въ исторіи онъ находитъ Войнаровскаго, Наливайку, въ жизни онъ находитъ себя и другихъ декабристовъ. Онъ знаетъ, какая участь постигла героевъ свободы, и знаетъ, какая участь постигнетъ его самого:

Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа;
Судьба меня ужъ обрекла.
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю.

Это говоритъ Наливайко, но эти же слова являются пророчествомъ и для него самого. Вообще, въ своей поэзіи онъ предчувствовалъ свою судьбу, и его обреченная душа, полная героическихъ мотивовъ, увлекала его къ родственнымъ натурамъ, къ великимъ подвижникамъ свободы. Онъ мысленно бродилъ съ Войнаровскимъ въ тѣхъ сибирскихъ дебряхъ, куда сослали его товарищей (для самого Рыльева даже тундру признали слишкомъ сладкой, и его « торже-

ственно убили»). Опъ описалъ, какъ въ этой «обширной узниковъ тюрьмѣ», въ лѣсной глуши, нечаянно встрѣтились двѣ близкія души, два сознанія — историкъ Миллеръ и Войнаровскій. Самъ Рылѣвъ въ жизненной глуши тоже искалъ подобныхъ встрѣчъ, но рѣдко давалось ему это счастье:

Не сбылись, мой другъ, пророчества
 Пылкой юности моей:
 Горькій жребій одиночества
 — Мнѣ сужденъ въ кругу людей!
 Слишкомъ рано мракъ таинственный
 Опытъ грозный разогналъ,
 Слишкомъ рано, другъ единственный,
 Я сердца людей узналъ.
 Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
 Быть чужимъ среди своихъ,
 Но ужаснѣй — истинъ тягостныхъ
 Быть сосудомъ съ дней младыхъ.
 Съ тяжкой грустью, съ черной думою
 Я съ тѣхъ поръ одинъ брожу
 И могилою угрюмою
 Міръ печальный нахожу.
 Всюду встрѣчи безотрадныя!
 Ищешь, суетный, людей;
 А встрѣчаешь трупы хладныя
 Иль безмысленныхъ дѣтей...

Родными по духу были для него только тѣ,

Кто брошенъ въ дальніе снѣга
 За дѣло чести и отчизны,

и тѣ, съ кѣмъ обнялся онъ у подножія висѣлицы.

И если бы въ тѣ мгновенія, когда онъ два раза умиралъ, когда онъ задыхался въ петлѣ,—если бы тогда онъ въ состояніи былъ думать и чувствовать, онъ могъ бы, онъ имѣлъ бы право о себѣ повторить свои стихи:

Душою чистъ и сердцемъ правъ,
 Передъ кончиною, подвижникъ постоянный,
 Какъ Моисей съ горы Нававъ
 Увидитъ край обѣтованный.

Онъ былъ достоинъ обѣтованной земли, потому что въ его душѣ горѣли и сливались въ одно чистое пламя два свѣточа: Богъ и

свобода. Онъ былъ гражданинъ-спиритуалистъ, онъ одинаково послужилъ земной чужбинѣ и небесной родинѣ и страдальчески сочелъ ихъ въ единую страну своего благороднаго духа. Оттого въ послѣднія минуты своего мученическаго конца, въ страшныя минуты предсмертнаго ясновидѣнія, онъ могъ узрѣть и край обѣтованный, и свою родную Россію, въ которой, какъ онъ пророчилъ,

Затмится сводъ небесъ лазурныхъ
Непроницаемою мглой;
Настанетъ вѣкъ бореній бурныхъ
Неправды съ правдою святой.

Въ наши дни, когда эти боренія достигли такой безпримѣрной силы, невольно вспоминаешь трагическій и трогательный образъ Рылѣва, въ кругу его сподвижниковъ и сомучениковъ, и невольно влечетъ къ себѣ нашу мысль и чувство этотъ героическій предтеча героическихъ преемниковъ. Исполняется вѣщее слово Огарева, сказанное о немъ:

Мы стихъ твой вырвемъ изъ забвенья,
И въ первый русскій вольный день,
Въ виду младого поколѣнья,—
Твою страдальческую тѣнь!
Взойдетъ гроза на небосклонѣ,
И волны на берегъ съ утра
Нахлынутъ съ бѣшенствомъ погони,
И слягутъ бронзовые кони
И Николая, и Петра;
Но образъ смерти благородной
Не смоетъ грозная вода,
И будетъ подвигъ твой свободный
Святыней въ памяти народной
На всѣ грядущіе года!

Пушкинъ.

Нельзя охарактеризовать Пушкина лучше, чѣмъ это сдѣлалъ онъ самъ въ извѣстномъ стихотвореніи «Эхо»:

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ—

На всякій звукъ

Свой откликъ въ воздухъ пустомъ

Родишь ты вдругъ.

Ты внемлешь грохоту громовъ

И гласу бури и валовъ,

И крику сельскихъ пастуховъ—

И плешь отвѣтъ;

Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ

И ты, поэтъ!

Онъ, дѣйствительно, — эхо міра, послушное и пѣвучее эхо, которое несетя изъ края въ край, чтобы страстно откликнуться на все, чтобы не дать безслѣдно замереть ни одному достойному звуку вселенской жизни. Въ этой отзывчивости, въ этомъ дарѣ гармоническихъ отвѣтовъ на всѣ голоса реальности, есть нѣчто по преимуществу человѣческое, такъ какъ никто не долженъ ограничиваться опредѣленной сферой впечатлѣній и міръ для всякаго долженъ существовать весь. Но въ одномъ этомъ есть уже и нѣчто по преимуществу поэтическое. Вѣдь поэзія сама не творитъ, а только претворяетъ. Вотъ отчего Пушкинъ многому подражалъ, — даже другимъ поэтамъ: чужое художественное созданіе уже само становится природой и входитъ въ общую совокупность явле-

ній, такъ что и оно родить свой откликъ въ воздухѣ пустомъ. Пушкинъ вообще не высказывалъ какихъ-нибудь первыхъ, оригинальныхъ и поразительныхъ мыслей; онъ больше отзывался, чѣмъ звалъ. Это именно потому, что онъ былъ истинный поэтъ. Свободный духомъ, царственно-безпечный, онъ не имѣлъ и слѣда той дискурсивности и пытливости, которая нужна для опредѣленныхъ идей. <Не промежуточная работа мысли и даже не папіе внезапныхъ умственныхъ откровеній составляли его силу, а непосредственная интуиція, вдохновенное постиженіе прекрасной сердцевины вещей. И въ его собственной душѣ жило такъ необъятно-много красоты, что она могла находить себѣ утolenіе, созвучіе, внутреннюю риму только во всемъ разнообразіи природы и во всей безпредѣльности человѣческаго бытія. Всеотзывная душа его была какъ многострунный инструментъ, и міръ игралъ на этой Эоловой арфѣ, извлекая изъ нея дивныя пѣсни. Великій Панъ поэзіи, онъ чутко слышалъ небо, землю, біеніе сердець,—и за это мы теперь слушаемъ его>

Но быть эхо вселенной не есть нѣчто пассивное и механическое: въ этомъ послушаніи міру сказывается глубокое міровоззрѣніе. Ибо Пушкинъ воспроизводилъ не то, что разсѣивается во времени и пространствѣ, обреченное забвенію, какъ шумъ печальный волны, плеснувшей въ берегъ дальній,—нѣтъ, онъ въ силу художественнаго инстинкта, не задумываясь, отметалъ все случайное и временное, <онъ сразу улавливалъ самую глубину и красоту дѣйствительности, вѣчное зерно преходящихъ явленій и предметовъ. То, что онъ повторилъ, что навѣки удержалъ изъ текучей хаотичности жизненнаго гула,—это именно и есть то, что заслуживаетъ бессмертія; какъ разъ это и должно было остаться на свѣтѣ, какъ разъ эти чистые отклики и образуютъ музыку міра>

Эхо души и дѣяній, внутреннихъ и внѣшнихъ событій, прошлаго и настоящаго, Пушкинъ въ своей отзывчивости какъ бы теряетъ собственное лицо. Но Богъ тоже не имѣетъ лица. Опредѣленные черты, фізіономія присущи только тому, что ограничено,—ихъ не знаетъ мірозданіе, какъ цѣлое. И Пушкинъ растворяется въ звукахъ, воспроизводящихъ все, отвѣчающихъ всему.

<Отъ шалости до молитвы, отъ шутки и до гимна—въ этомъ протекаетъ жизнь, и это звучитъ въ поэзіи Пушкина. Она совершила весь человѣческій циклъ и развернула живой свитокъ естественной личности, которая дышитъ всей полнотой и силой жизненныхъ впечатлѣній.> Передъ нами не мертвая тишина безстрастія и равнодушія къ жгучимъ приманкамъ жизни, не мелкая натура, спокойная въ своей мелкой безгрѣшности: напротивъ, мы видимъ, какъ бьется и трепещетъ въ соблазнахъ горячая молодость, пѣнится

вино на играхъ Вакха и Кипрпды, «подъ небомъ Аѳрики моей» кипятъ волнующія желанія чувственной природы, — и все это кончается Мадонпой, чистѣйшей прелести чистѣйшимъ образцомъ. Пушкинская муза растеть на нашихъ глазахъ и дѣлается все серьезнѣе, и, наконецъ, достигаетъ религіозной высоты. Она сначала какъ вакханочка рѣзвилась на шумныхъ пирахъ и буйныхъ спорахъ, среди изнѣженныхъ звуковъ безумства, лѣни и страстей, а потомъ Ленорой при лунѣ скакала со своимъ поэтомъ по скаламъ Кавказа или на берегахъ Тавриды водила его слушать мистическій хоръ валовъ, хвалебный гимнъ отцу міровъ. И гимны важные, внушенные богами, и пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ, и Апулей, и отцы-пустынники и жены непорочны, языческое и христіанское, всѣ оттѣнки радости и скорби, свѣтъ и тѣни разнообразныхъ чувствъ и помысловъ—все это нашло себѣ полногласный отзвукъ въ его неизсякаемомъ творчествѣ.

Сторукій богатырь духа, Пушкинъ въ своемъ пламенномъ любопытствѣ, полный звуковъ и смятенія, объемлетъ все, всѣхъ видитъ и слышитъ, каждому отвѣчаетъ. Онъ самъ сказалъ, что душа нераздѣлима и вѣчна, и онъ оправдалъ это на себѣ. Не зная границъ и предѣловъ, не зная далекаго и прошлаго, вѣчно настоящій, всюду сущій, онъ въ своей¹ сверхпространственности и сверхвременности переносится изъ страны въ страну, изъ вѣка въ вѣкъ, и нѣтъ для него иноземнаго и чужого. Овидій жилъ и страдалъ давно, но Пушкинъ переживаетъ съ нимъ эти страданія теперь и воскрешаетъ въ себѣ его тоскующій образъ и черезъ вереницу столѣтій шлетъ ему свой братскій привѣтъ. Та яркая панорама жизни, которая въ чарующемъ разнообразіи и блескѣ развертывается передъ нами въ несравненномъ посланіи къ Юсупову, вся прошла въ душѣ поэта, и еще съ гораздо большей полнотою картинъ и красокъ; и то, чего недоставало Пушкину во внѣшнихъ воспріятіяхъ—онъ не видѣлъ чужихъ краевъ, гдѣ небо блещетъ неизяснимой синевою, онъ не видѣлъ Бренты и Адриатическихъ волнъ,—все это восполнялъ онъ сказочною силой своего внутренняго зрѣнія и пережилъ въ своемъ сердцѣ всѣ эпохи и страны, всѣ культуры, и Трианонъ, и революцію, и рассказы Бомарше, и всю превратность человѣческихъ судебъ. Онъ претворилъ Аріосто въ сказку, гдѣ русскій духъ, гдѣ Русью пахнетъ; онъ передумалъ Коранъ, и русскія слова, въ которыя онъ воплотилъ его, зазвучали какою-то восточной мелодіей, окрасились въ колоритъ мечети и муэзина; онъ перечувствовалъ Данта и Гете, посѣтилъ въ идеальномъ путешествіи своихъ творческихъ сновъ Европу и Востокъ, понялъ Донъ - Жуана и Скупого Рыцаря, и другого, бѣднаго

рыцаря, который имѣлъ одно видѣнне, непостижное уму, — понялъ и зависть Сальери, и царицу Клеопатру, и вѣщаго Олега, и мудраго Пимена, чей обликъ возсіялъ ему изъ тьмы временъ. Для него были близки и понятны и Анакреонъ, и Пѣсня Пѣсней, и пѣсни Шенье, въ неволѣ славящаго свободу, и Гафизъ, и Гораций, и все, что когда-либо волновало и восхищало людей. >

Эта побѣда надъ всѣми ограниченіями, какія полагаетъ человеку скромная доля отмѣренныхъ людскихъ силъ, опредѣленная вмѣстимость индивидуальной, даже одаренной души, это поэтическое вездѣсущіе не есть, конечно, внѣшняя виртуозность и гибкость писательской техники, и это не только могучія крылья удивительнаго таланта, не слабѣющія въ своемъ дальнемъ полетѣ: это — проявленіе всего единства жизни, которое носилъ въ себѣ Пушкинъ и которое дѣлало законной и исполнимой его смѣлую мольбу — скрыться въ сосѣдство Бога. < Въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ, подъ оболочками чуждыхъ народностей и рѣчей, на протяженіи многихъ вѣковъ, всегда и вездѣ, сочувственно и глубоко узнаетъ Пушкинъ единое всечеловѣческое сердце и нераздѣльно приобщается къ его радости и печали, какъ Махадева, который принимаетъ обликъ человека, для того чтобы самому испытать все счастье и все горе людей. > Какъ замѣчаетъ Шопенгауэръ, повторяя индусскую мудрость, эгоистъ всему внѣшнему для своей личности, всему, что не опъ, брезгливо говоритъ: *это не я, это не я*; тотъ же, кто сострадаетъ, во всей природѣ слышитъ тысячекратный призывъ: *это ты, это ты*. Изъ произведеній Пушкина звучитъ намъ именно послѣдній кличъ, < благодаря Пушкину, мы и сами дѣлаемся привѣтнымъ эхо всего человѣческаго >

Онъ поведетъ насъ подъ издранные шатры цыганъ и научитъ насъ, что и тамъ живутъ мучительные сны, и тамъ горятъ роковыя страсти; онъ противопоставитъ грандіозной объективности государственнаго дѣла субъективное горе безхитростной души и около памятника Петра Великаго замѣтитъ маленькую фигуру бѣднаго чиновника, котораго счастье и скромный романъ, и самую жизнь задавило тяжело-звонкое скаканье Мѣднаго Всадника, и онъ отнесется къ этому чиновнику какъ братъ, просто, безъ горькой насмѣшливости Гоголя, подастъ ему одинъ только чистый хлѣбъ состраданія и раздѣлитъ съ нимъ его тоску въ страшную ночь наводненія, и пожелаетъ вмѣстѣ съ нимъ, чтобы вѣтеръ вылъ не такъ уныло и чтобы дождь въ окно стучалъ не такъ сердито; онъ въ пустынѣ чахлои и скупой увидитъ человека, котораго человекъ послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ, — но въ неумолимыхъ и потрясающихъ словахъ стихотворенія, посвященнаго отравленному рабу, онъ покажетъ

намъ и мрачную трагедію самого Анчара, котораго природа жаждущихъ степей породила въ день гнѣва и который стоитъ теперь въ угрюмомъ одиночествѣ, одинъ во всей вселенной, и плачетъ ядовитыми слезами: никто не приближается къ нему, и ядомъ своимъ онъ прежде всего отравляетъ самого себя. Въ волненьяхъ міровыхъ событій не пройдутъ незамѣтно для Пушкина тѣ, чья личная судьба сочетается съ ходомъ исторіи; отъ него не будетъ скрыта ни участь Маріи, которая изнываетъ въ гаремѣ хана, ни участь Маріи, красы черкасскихъ дочерей, которая свою тихую жизнь разбила о тревогу сѣверной державы,— и нѣжныя страданія сердца вплетаетъ онъ въ суровую ткань исторіи.

Для него нѣтъ въ мірѣ никого и ничего безусловно-презрѣннаго и ничтожнаго, ни одного безразличнаго существа, отъ котораго можно было бы равнодушно отвернуться. Подобно тому какъ онъ замѣчаетъ прозаическія бредни повседневности, фламандской школы пестрый соръ, и поэтизируетъ все, къ чему ни прикасается, такъ и въ людяхъ онъ благословенной прозорливостью ума и сердца всегда находитъ что-нибудь свѣтлое или же сообщаетъ имъ внутренней свѣтъ и тепло своей собственной прекрасной души. Въ «Домикѣ въ Коломнѣ» онъ рассказываетъ про молодую, богатую графиню, которая

Входила въ церковь съ шумомъ, величаво;
Молилась гордо (гдѣ была горда!)

.
. Въ волшебствѣ моды новой,

Въ своей красѣ, надменной и суровой,

Она казалась хладный идеаль

Тщеславія. Его бѣ вы въ ней узнали;

Но сквозь надменность эту я читалъ

Иную повѣсть: долгія печали,

Смиренье жалобъ... Въ нихъ-то я вникалъ;

Невольный взоръ онъ-то привлекали.

У него царить ласковое и привѣтливое отношеніе къ людямъ, чудная внимательность къ нимъ—все равно, будетъ ли это Наполеонъ со своими мощными замыслами или хлопотливая старушка Ларина, будутъ ли это братья-разбойники или дядька Савельичъ изъ «Капитанской дочки», барышня ли крестьянка или задумчивая Мери, одна изъ сестеръ печали и позора, которая поетъ на пиру во время чумы. Его нѣжная любовь къ подругѣ дней его суровыхъ, дряхлой голубкѣ-нянѣ, чья память дорога всей Россіи, потому что она холила его жизнь и рассказала курчавому мальчику

русскія сказки, которыя онъ въ послѣдствіи такъ чудно повторилъ,— эта умиленная благодарность питомца, такую теплой волною пробѣгающая по его произведеніямъ,—тоже лишь частичное проявленіе пушкинской ласки и привѣта всему, что есть на свѣтѣ добраго и простого, что спасаетъ отъ житейскаго холода и нравственнаго одиночества.

Да, любовь въ духовномъ строѣ Пушкина занимаетъ первенствующее мѣсто, и сердце его горитъ и любить—оттого, что не любить оно не можетъ. <Пушкинъ—это, не только вѣрное міру, не только правдивое и честное, но и эхо любящее. > То, что онъ услышалъ и воспроизвелъ, вызвало въ немъ просвѣтленную любовь къ жизни и высокое благоволеніе къ людямъ.

Это не значить, конечно, чтобы онъ не испытывалъ гнѣва и скорби, чтобы онъ слабо и пассивно воспринималъ зло и несчастіе: мы всѣ помнимъ его печаль, раскаты его поэтическаго негодованія, и это у него страдалецъ возносить къ Богу святую месть. Но его Немезида не отталкиваетъ отъ себя, и нелицепріятный судъ ея справедливъ, а печаль его свѣтла. <Пушкинъ часто говоритъ о жалкомъ родѣ людей, достойномъ слезъ и смѣха, о тупой черни, и онъ сказалъ эти горькія слова: кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей; но презрѣніе къ пошлости толпы не мѣшаетъ его любви къ *человѣчеству*. Частные недостатки не затемняютъ передъ нимъ общаго величія міровой драмы и ея участниковъ, и большинство этихъ «чадь праха» для него симпатичны. Онъ ихъ не проклинаетъ, какъ Байронъ, не издѣвается надъ ними. ^{какъ Байронъ} Они становятся непривлекательны, когда ихъ соединяетъ въ одно неразумное и слѣпое цѣлое общность предрасудковъ и недостойныхъ заботъ, когда они образуютъ затягивающій омутъ, который опасенъ для всякаго и въ которомъ всѣ могутъ ожесточиться и очерствѣть; но каждая изъ этихъ челоуѣческихъ единицъ сама по себѣ способна къ добру. Ошибки и заблужденія современности, осуждающей своихъ непонятыхъ героевъ, своихъ Барклаевъ де Толли, исправить грядущее поколѣніе, и на челоуѣчество, какъ на единый нравственный организмъ, не ложится пятно позора. Поэтому, несмотря на всѣ мгновенныя вспышки горечи и укоризны, у Пушкина незыблема вѣра въ людей, и нѣтъ для него сомнѣнія въ ихъ исконно-доброй природѣ. Поэтому духовный аристократизмъ соединяется у него съ нравственнымъ гостепріимствомъ. > и, кромѣ счастья роптанью не внимать толпы непросвѣщенной, <онъ знаетъ высшую радость—участіемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ. > Эти гордые совѣты царственнаго одиночества: живи одинъ, останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ; ты самъ свой

высшій судъ, обиды не страшись, не требуй и вѣнца, не дѣлись съ толпою пламеннымъ восторгомъ,—они относятся не только къ поэту, но и ко всякому человѣку; однако они вовсе не зовутъ къ надменности и холоду, а представляютъ собою великія заповѣди безкорыстія, хвалу внутреннему міру, довѣріе къ его безмолвному суду, который возвышается надъ измѣнчивыми приговорами вѣшной среды. И все это бесконечно-далеко отъ мизантропіи; строгость душевнаго уединенія гармонично разрѣшается для дружбы, которая и въ жизни, и въ твореніяхъ Пушкина, прирожденнаго друга, нашла себѣ такое свѣтлое воплощеніе. Какъ любилъ онъ бесѣду сладкую друзей! «Враговъ имѣть въ мірѣ всякъ, но отъ друзей избавь насъ, Боже!» это—горькая шутка и это осадокъ разочарованія послѣ дружбы, которая заплатила обидой; но правда, но вѣчное желаніе Пушкина, это—«печалень я: со мною друга нѣтъ», это—бессмертное созданіе трогательной дружбы, божественно-прекрасныя строфы 19 октября, когда роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ, это—любимые образы Дельвига и Пущина, восторженные посланія и призывы къ товарищамъ, съ которыми онъ хочетъ говорить о бурныхъ дняхъ Кавказа, о Шиллерѣ, о славѣ, о любви. Онъ можетъ подолгу бывать наединѣ со своими мыслями и чувствами и въ минуты вдохновенія стремится на берега пустынныхъ волнъ, онъ любитъ деревенскую тишину, гдѣ звучнѣе голосъ лирный и гдѣ творческія думы въ душевной зрѣютъ глубинѣ; но и для людей раскрыта его душа, и ихъ принимаетъ онъ радостно и охотно, и самъ чувствуетъ потребность предаться друзьямъ съ печальной и мятежной мольбою. Никто такъ не цѣнитъ человѣка, никто такъ полно, отрадно и признательно не ощущаетъ его желаннаго присутствія, какъ Пушкинъ; даже свой могильный сонъ хотѣлъ бы онъ окружить игрою молодой жизни. Ибо онъ вообще не признаетъ смерти, а молодость и красота, вѣчно-человѣческое и въ особенности вѣчно-женское, является для него расцвѣтомъ природы:

! Прекрасно море въ бурной мглѣ,
И небо въ блескахъ, безъ лазури,
Но вѣрь мнѣ: дѣва на скалѣ
Прекраснѣй волнъ, небесъ и бури.

И эта дѣва, эта женщина нашла себѣ въ Пушкинѣ пѣвца очарованнаго и чарующаго. Она будила въ немъ не только страсть, но и умиленіе; она являлась ему какъ мимолетное видѣніе, какъ геній чистой красоты, и, на примѣръ, какое чистое, хорошее чувство къ дѣвушкѣ сказывается у него въ образѣ Маши Мироновой или Маши Троекуровой!

Среди людей особенно привлекают его ясныя, добрыя, безхитростныя души, незамѣтные герои и героини, капитанъ Миرونъ и его дочь. Они служатъ для него оправданіемъ его вѣры въ добрый смыслъ жизни, къ которой онъ вообще прилагаетъ мѣрило не внѣшней красоты, а добра,—или, лучше сказать, прекрасное и доброе имѣютъ для него одинъ общій корень. Благоговѣя богомольно передъ святыней красоты, онъ видитъ въ ней и добро; онъ не только не разлучаетъ ихъ въ мнимомъ и поверхностномъ расколѣ, но своей поэзіей онъ углубилъ ихъ связь. Не военные подвиги, не слава безчисленныхъ побѣдъ, а то, что полководецъ хладно руку жметъ чумѣ, — это заставляеть его цѣнить возвышающій обманъ дороже тмы низкихъ истинъ. <Вѣщій, глубокій обманъ идеала и есть для него настоящая дѣйствительность, настоящая правда и красота.> И она <проявляется всякій разъ, когда празднуетъ свою великую побѣду нравственное начало бытія.> Это не сразу бросается въ глаза, но это несомнѣнно, что Пушкинъ, свободный изъ свободныхъ, играющій, полный душевной граціи, тѣмъ не менѣе придалъ своей поэзіи высокій этический духъ. Онъ — пѣвецъ долга, совѣсти, самоотверженія; въ упоительные звуки своихъ пѣсенъ онъ влилъ содержаніе моральное и только освободилъ его отъ угрюмой тяжести принужденія и проклятія. Онъ сочеталъ свободу съ уважительнымъ признаніемъ какихъ-то догматовъ, свѣтлыхъ догматовъ жизни. Если въ раннихъ пьесахъ или, на примѣръ, въ такой прелестной картинкѣ, какъ «Графъ Нулинъ», нравственная мысль скрыта подъ легкимъ покрываломъ шалости, то гораздо чаще она выступаетъ въ своемъ явномъ величій и могуществѣ. Она дѣлаеть героическимъ плѣнительный образъ Татьяны и въ то же время не заглушаетъ въ ней живой природы: строгое велѣніе долга чудно примиряется съ нѣжностью любовнаго признанія и сладостной мечтой о тѣхъ мѣстахъ, «гдѣ въ первый разъ, Онѣгинъ, видѣла я васъ»; высокій образецъ моральной обязанности, Татьяна вмѣстѣ съ тѣмъ не воплощеніе добродѣтели: она — прежняя, бѣдная Таня, которая плачетъ и тоскуеть въ лунную ночь и повѣряетъ свою первую и послѣднюю дѣвичью тайну: «я не больна, я... знаешь, няня, влюблена». <Для Пушкина характерна эта человѣческая нравственность, сочетаніе слабости и силы, это отсутствіе моральнаго ригоризма, который высушилъ бы сердце и обратилъ людей въ холодныя, мраморныя изваянія> «Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ» — это всякій можетъ сказать о себѣ, и всякаго грѣхъ настигаетъ. И тогда человѣкъ изнемогаетъ отъ угрызений совѣсти. Знаменательно, что ей Пушкинъ посвятилъ особенно много вниманія, много незабвенныхъ стиховъ. Совѣсть стучится у него подъ окномъ

у крестьянина, который не похоронил утопленника; она в черный день просыпается у разбойников; докучный собесѣдникъ, она когтистымъ звѣремъ скребетъ сердце Скупого рыцаря и окровавленной тѣнью Ленскаго стоитъ передъ Онѣгинимъ; жалобной пѣсней русалки, бредомъ сумасшедшаго мельника она тревожитъ измѣнническое сердце князя; тяжелыми стопами Каменнаго гостя приходитъ она въ грѣховную душу Донъ-Жуана и въ звукахъ моцартовскаго Requiem'a вольется въ черную душу отравителя Сальери. Не самозванецъ, а совѣсть Годунова облеклась въ страшное имя царевича Димитрія, и вся жизненная драма Бориса зиждется на этой потрясенной совѣсти, которая молоткомъ стучитъ въ ухахъ упрекомъ и наливаетъ сердце ядомъ. Ничто не можетъ насъ среди мірскихъ печалей успокоить, ничто, ничто... едина развѣ совѣсть—это глубокое откровеніе жизненной правды, выраженное въ свѣтлыхъ образахъ искусства, составляетъ одинъ изъ главныхъ моментовъ пушкинскаго міросозерцанія.

Совѣсть восстанавливаетъ для поэта нарушенную цѣльность міроваго добра. Всякое преступленіе и несчастіе, всякое зло разрываетъ жизненную ткань, образуетъ какую-то темную пропасть, какое-то зловѣщее зіяніе, котораго не можетъ переносить дивная гармоничность Пушкина. Ему необходимо аккордомъ примиренія, пѣснью Орфея, снова слить разъединенные элементы міра, замкнуть кольцо жизни, дать отвѣтъ на нравственное недоумѣніе. Отсюда—извѣстная черта его элегій, которыя не тонутъ въ безпросвѣтной тоскѣ, а завершаются любовью и надеждой. Отсюда его глубокія упованія, его религія добра. Отсюда его мужество передъ страданіемъ, которое не пугаетъ его, потому что онъ и жить для того хочетъ, чтобы мыслить и страдать. Мысль и улыбка любви, хотя бы и прощальная, примиряютъ его съ печалью заката и уныніемъ пути. На зло дѣйствительности онъ вѣритъ въ добро. Какъ Петръ Великій мирится съ побѣжденнымъ врагомъ, такъ свѣтлое сердце Пушкина мирится съ жизнью. Ему дороги всѣ мотивы искупленія, ему нужно оправдать человѣчество. И вотъ, Наполеонъ искупилъ для него свои

стяжанья

И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья,
Подъ сѣнью чуждою небесъ,

и къ дочери грознаго и преступнаго Карагеоргія обращаетъ онъ слова утѣшенія и привѣта:

Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца
Смирной жизнью предъ небомъ искупила.

Ему отраднo, что дочь станціоннаго смотрителя, которая такъ виновата была передъ старикомъ - отцомъ, издалека прїѣхала на бѣдное кладбище, гдѣ онъ уснулъ, и легла у его могилы и горько плакала въ тоскѣ и покаяніи. Маша Троекурова отучила отъ мести Дубровскаго, Пугачевъ имѣетъ въ себѣ черты великодушія и благородства. Всюду сомкнется жизненное зїяніе, гдѣ только засїяетъ лучъ добра. И даже смерть теряетъ свой мрачный обликъ: тамъ, гдѣ неба своды сїяютъ въ блескѣ голубомъ, исчезла въ урнѣ гробовой краса любимой женщины, но не исчезнетъ обѣщанный поцѣлуй свиданія.

Отъ этихъ утѣшеній не слабѣетъ сердечная боль, и чаша горя испивается вся до дна. Пушкинъ не отрекается отъ скорби, онъ раскрываетъ для нея свою глубокую, свою требовательную, а не легко удовлетворимую, душу, онъ мучительно восприметъ и перестрадаетъ свое и чужое горе, — но потомъ оно разрѣшится у него въ хрустальную печаль и не разобьетъ его цѣломудреннаго міровоззрѣнія. Много скорби и горечи, много тоски и негодованія прошло черезъ его душу, но въ ней, благородной, очистились онѣ, какъ и всѣ другія испытанныя имъ волненія, отъ смущающей примѣси минуты и переработались въ радужный кристаллъ типичныхъ человѣческихъ чувствъ. И возвышается среди нихъ чувство живой и непосредственной увѣренности въ томъ, что при всей силѣ мірового несчастія все-таки первѣе и выше въ мірѣ — добро. Для Пушкина никогда не отуманивается общій строй и смыслъ жизни, и онъ видитъ въ ней какое-то непоколебимое благо. Это тѣмъ поразительнѣе, что и отозвался онъ на все людское страданіе, и, кромѣ того, самъ, въ своей личной жизни, испыталъ не только много обычныхъ человѣческихъ скорбей, но мучительно пережилъ еще и специфическое горе отъ ума, тяжелую обиду генія. Великій среди малыхъ, естественный среди притворныхъ, онъ долженъ былъ отстаивать свою геніальность, бороться за каждый полетъ своего духа. Свинцовыя гири чужой глупости и злобы ложились на его крылья; золотые плоды вдохновенья, творческія мысли и слова, которыя надо было бы принимать изъ его устъ благоговѣйно и молитвенно, какъ Евангеліе красоты, онъ вынужденъ былъ отдавать на судъ чиновниковъ и жандарма — судъ неблагоприятный, мелкій, условный, и равнодушныя руки святотатственно касались его драгоценныхъ строкъ, искажали и заглушали его великіе стихи...

И вотъ, испытавъ жестокою пронію судьбы, трагедію одиночества, онъ все же остается благоволящимъ и жизнерадостнымъ; присущее ему чувство благодарности онъ распространяетъ на всю жизнь вообще. Насталъ для него полдень, уходитъ отъ него легкая

юность, но онъ дружелюбно прощается съ нею и благодарить ее за наслажденія, за грусть, за милыя мученья, за шумъ, за бури, за пиры, — за всё, за всё ея дары. Онъ вполне насладился ею и съ ясною душою пускается въ новый путь. Эта ясность и потомъ не возмутится. Онъ знаетъ, что благо и зло перемѣшаны, и правъ для него судьбы законъ, и поэтому онъ не сѣтуетъ ни на что. Онъ только благословляетъ. Онъ только принимаетъ. Ему дороги настоящіе дары жизни, а что было, то не будетъ вновь.

Все благо: бдѣнія и сна
Приходить часъ опредѣленный;
Благословенъ и день заботъ,
Благословенъ и тьмы приходъ.

Ему цвѣты осенніе милѣй роскошныхъ первенцовъ полей, разлуки часъ отраднѣй самаго свиданья, и онъ любитъ унылую пору осени, очей очарованье. Тогда нѣтъ уже розъ, но такъ какъ въ мірѣ все прекрасно, все благо и надо благодарно пить каждое мгновенье, то онъ не станетъ жалѣть о нихъ, увядшихъ съ легкою весной:

Миѣ милъ и виноградъ на лозахъ,
Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой,
Краса моеѣ долчны злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Какъ персты дѣвы молодой.

Падетъ ли онъ, стрѣлой пронзенный, иль мимо пролетитъ она, — онъ идетъ на встрѣчу обѣимъ возможностямъ: и смерти, и жизни. Передъ пѣвцомъ во мглѣ сокрылся міръ земной, но зато мгновенно проснулся его геній,

На все минувшее возрѣлъ,
И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

Наши внуки въ добрый часъ изъ міра вытѣснятъ и насъ, но отъ этого не перестанутъ зрѣть поколѣнья на жизненныхъ браздахъ. Никогда уже родныя сосны не будутъ встрѣчать поэта шумомъ своихъ вершинъ, и не онъ увидитъ ихъ могучій поздній возрастъ, но зато его внукъ, веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ, пройдетъ мимо нихъ во мракѣ ночи и вспомнитъ о немъ. Мы выпустили птичку на волю, — зачѣмъ же роптать на Бога, когда мы можемъ даровать свободу хотя бы одному творенію?

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
 Всѣмъ честію—и мертвымъ, и живымъ,—
 Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

Такъ Пушкинъ не помнитъ зла, такъ воздаетъ онъ за благо. Не только въ страдающую и бурную душу Грознаго, не только въ озлобленную душу Мицкевича, но и въ каждое человѣческое существо призываетъ онъ миръ и успокоеніе.

До какой степени Пушкинъ въ своей просвѣтленной благо-склонности, въ своемъ сочувствіи къ міру, принимаетъ жизнь, — это показываетъ, между прочимъ, одно изъ его глубочайшихъ твореній: «Моцартъ и Сальери». Оно замѣчательно тѣми перспективами, какія раскрываетъ въ свѣтлую глубину его міросозерцанія. Остановимся нѣсколько на этой пьесѣ, какъ на иллюстраціи (его положительнаго отношенія къ жизни, его взгляда на то, справедлива ли жизнь сама по себѣ, независимо отъ неправды и зла, которыя вносятъ въ нее люди).

Мы знаемъ, что Пушкину была органически чужда всякая зависть. Да и кому бы онъ могъ завидовать? Развѣ есть у солнца соперники? Онъ щедро тратилъ свои лучи, не скупалъ своихъ даровъ расчетливой рукою и не сжималъ завистливой длани. Въ теченіе своей недолгой жизни онъ гораздо больше давалъ людямъ, чѣмъ бралъ отъ нихъ. Завистливая душа скупа,—Пушкинъ былъ нравственно расточителенъ. Завистливая душа одинока и угрюма,—Пушкинъ былъ общителенъ и радостенъ, какъ юный богъ. На такой почвѣ не могутъ расти черные цвѣты зависти. Свой необычайный поэтический талантъ Пушкинъ склоненъ былъ даже умалять передъ блѣдными огоньками чужой, отъ его же свѣта зажегшейся поэзіи. Неизмѣнный *товарищъ* по духу, онъ просто и дружелюбно ставилъ рядомъ съ собою, на примѣръ, Дельвига,—и даже не рядомъ съ собою, а выше себя. И Кюхельбекера тоже называлъ онъ: «мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ», и Козлову тоже говорилъ онъ: «о, милый братъ, какіе звуки!». Пушкинъ по натурѣ своей былъ именно братъ.

Но самъ далекій отъ зависти, онъ глубоко понялъ ея драму. Ничего похожего на Сальери не было въ личности поэта, и тѣмъ не менѣе онъ создалъ образъ Сальери. И, что всего замѣчательнѣе, благородный Пушкинъ своимъ художественнымъ прикосновеніемъ какъ бы облагородилъ и самую зависть. Она получила у него особый смыслъ и поднялась на степень борьбы за попранныю міровую справедливость. Завистникъ отъ частнаго случая своихъ недоумѣній и страданій пришелъ къ вопросу объ оправданіи божества и за-

явилъ, что правды нѣтъ не только на землѣ, но и выше. Этотъ вызовъ, брошенный Богу, принялъ Пушкинъ.

Все, что зависть можетъ сказать въ свое оправданіе, всё ея жалобы и всё ея софизмы — все это вложено въ уста Сальери. Отравляя Моцарта, онъ видитъ въ себѣ человѣка, исполняющаго высокую миссію, исправляющаго роковую ошибку мірозданія. Въ лицѣ Сальери и Моцарта встрѣтились усиліе и лѣнь, напряженіе и легкость, труженикъ и «гуляка праздный». Если бы на небѣ царила правда, то, какъ думаетъ завистникъ, въ этомъ столкновеніи заслуги и благодати должна была бы одолѣть первая. Сальери рано отвергъ праздныя забавы, упрямо и надменно отрекся отъ постылыхъ наукъ, чуждыхъ музыкѣ, и предался ей одной. Онъ побѣдилъ раннія невзгоды и первые, трудные и скучные шаги. Онъ поставилъ ремесло подножіемъ искусству, разъялъ музыку, какъ трупъ, повѣрилъ алгеброй гармонію. И лишь тогда онъ сталъ творить, но въ тишинѣ, но въ тайнѣ, не смѣя помышлять о славѣ. И часто онъ жегъ свой трудъ и холодно смотрѣлъ, какъ мысль и звуки, имъ рожденные, пылая, съ легкимъ дымомъ исчезали. Наконецъ, слава улыбнулась ему, и въ сердцахъ людей онъ нашель созвучія своимъ созданіямъ. Онъ счастливъ былъ, онъ наслаждался мирно своимъ трудомъ, успѣхомъ, славой, также трудами и успѣхами друзей.

Кто скажетъ, чтобъ Сальери гордый былъ
 Когда-нибудь завистникомъ презрѣннымъ,
 Змѣей, людьми растоптанною, вживѣ
 Песокъ и пыль грызущую безсильно?
 Никто!.. А нынѣ—самъ скажу—я нынѣ
 Мучительно завидую. О небо!
 Гдѣ жъ правота, когда священный даръ,
 Когда бессмертный геній не въ награду
 Любви горящей, самоотверженья,
 Трудовъ, усердія, моленій посланъ,
 А озаряетъ голову безумца,
 Гуляки празднаго?..

За ничто дано многое, за многое не дано ничего,—Сальери не можетъ перенести этой несправедливости, и вотъ онъ завидуетъ тому, кто ею осчастливленъ, онъ ненавидитъ Моцарта. Въ то же время, какъ музыкантъ, онъ восторженно слушаетъ его небесную игру. И всегда, всегда стоитъ передъ нимъ. его безмѣрно-счастливый соперникъ. Трагическимъ стономъ звучать эти знаменательныя слова:

Ахъ, Моцартъ, Моцартъ!
 Когда же мнѣ не до тебя?

Когда Моцартъ играетъ, Сальери плачетъ отъ восторга; Моцартъ для Сальери—богъ, и все-таки Сальери обрекаетъ себя на то, чтобы никогда больше не слышать Моцарта. Это для него, музыканта и знатока,—великая жертва, и все-таки онъ приноситъ ее, чтобы облегчить свое истерзанное сердце. Въ борьбѣ между завистью и эстетическимъ восхищеніемъ побѣдила первая, и Моцартъ заснетъ надолго: недаромъ приходилъ къ нему загадочный человѣкъ, одѣтый въ черномъ. Сальери пробуетъ убѣдить себя, что онъ правъ:

Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ!
Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ:
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.
Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ,
Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!
Такъ улетай же! чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!

И Моцартъ, богъ, недостойный самъ себя, вдохновенный шалунъ, геній Божьей милостью,—довѣрчивый Моцартъ за бесѣдой съ Сальери выпилъ изъ товарищеской чаши отравленное вино и умеръ. Какіе звуки потерялъ онѣмѣвшій міръ! Какъ осиротѣла гармонія!

Но, улетая, онъ въ душѣ Сальери оставилъ мучительное сомнѣніе—совмѣстимы ли геній и злодѣйство. Убивъ Моцарта, Сальери понялъ, что онъ, убійца, не геній. Убивъ Моцарта, Сальери убилъ и самого себя. Теперь онъ одинъ, и на свѣтѣ нѣтъ уже больше великаго соперника, для котораго талантъ былъ игрушкой и который, играя, былъ похожъ на играющее дитя. Теперь изъ «двухъ сыновей гармоніи» остался одинъ; Каинъ убилъ Авеля. Но побѣдитель не спокоенъ: онъ сразу увидѣлъ всю свою темноту и все свое ничтожество. И онъ долженъ былъ понять, что его тяжба съ небомъ, его ропотъ на мнимую несправедливость не имѣли смысла. Ибо иррациональная сила таланта несоизмѣрима съ обдуманной силой прилежанія и труда. Въ сферѣ искусства ничто великое не было создано одной работой. Зерно великаго дается легко, геніальное въ своей концепціи не требуетъ усилій. Труженикъ, не благословенный дарованіемъ, проходитъ въ міръ сѣрой и медлительной тѣнью,—блестящей молніей проносится безпечный и безмятежный геній. Если въ этомъ и есть обида, то лишь для мелкаго сердца. Духъ же благородный заслушается чужой музыки, заглядится на чужія краски и линіи, и потонуть «въ наслажденьи, не отравляемомъ»

ничѣмъ», робкіе отголоски презрѣнной зависти. Не зависть можетъ возстановить міровую правду и рѣшить споръ между гениемъ и работникомъ. Зависть расчетлива, — міръ глубокъ и неизмѣримъ. Какъ имъ тягаться? И какъ разгадать нечеловѣческую тайну вѣчной справедливости? Наши свѣточы—труды нашихъ рукъ; но они покорно гаснутъ, когда нетрудящаяся Аврора показывается въ своей колесницѣ. Красота и геній всегда правы; да будутъ они благословенны въ своей безопасности, въ своемъ стихійномъ преимуществѣ,—да будутъ они благословенны отъ насъ, тружениковъ!

Такъ долженъ былъ бы сказать Сальери, если бы онъ могъ подняться на пушкинскую высоту и съ нея посмотрѣть на міръ и съ міромъ примириться, согласиться, какъ это сдѣлалъ Пушкинъ, въ которомъ и человѣкъ, и природа, и общая связь явленій—все питаетъ неизмѣнный и глубокій оптимизмъ.

Это неодолимое чувство добра, идущее за грань каждой тягостной минуты, дышитъ на всѣхъ страницахъ Пушкина, и его произведенія — художественное оправданіе Творца, какая-то поэтическая Теодицея, могучая вдохновеніемъ своего непосредственнаго порыва и всѣмъ обаяніемъ бессмертнаго пушкинскаго слова. И въ этой Теодицеѣ самъ Пушкинъ со своими стихами является лучшимъ и убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ. Его поэзія кажется намъ отзывомъ человѣка на созданіе Бога. Вотъ сотворенъ міръ, и Творецъ спросилъ о немъ человѣчество, и Пушкинъ отвѣтилъ на космическій вопросъ, на дѣло Божьихъ рукъ,—отвѣтилъ признаніемъ и восторженной хвалой, воспѣлъ «хвалебный гимнъ Отцу міровъ». Онъ понялъ, онъ принялъ, онъ оцѣнилъ.

Пушкинъ воплотилъ въ своемъ поэтическомъ словѣ міровую гармонию, и хотя въ немъ, страстномъ поэтѣ, было такъ много непосредственной жизни и любопытства къ ней, что жизни онъ могъ бы отдаться беззавѣтно, онъ все-таки захотѣлъ еще оправдать ее и оправдать свое собственное дыханіе. Онъ это осуществилъ.

Въ его признательномъ отношеніи къ бытію совсѣмъ не кроются однако ни резигнація, ни отказъ отъ жизненной борьбы, ни смиренная покорность чьей бы то ни было слѣпой волѣ: наоборотъ, міровая воля для него не слѣпа, онъ чувствуетъ ея разумный смыслъ, великую силу ея любви. Поэтому и воцаряется ясный покой въ его солнечной душѣ. Она не мятется. Но это не значитъ, чтобы ей чужды были глубокія человѣческія тревоги: она ихъ уже пережила, ихъ преодолѣла и теперь смотритъ на землю, какъ Мицкевичъ на жизнь,— съ высоты. Не равновѣсіе и самодовольство поверхностной натуры, не эгоизмъ и блѣдность впечатлѣній эта

пушкинская ясность. Она—плодь великихъ волненій и душевныхъ бурь. Нынѣ спокойный и свѣтлый, онъ въ своей внутренней исторіи зналъ и оргіазмъ, опьянѣніе духа, тайную прелесть находилъ и въ самомъ ужасѣ, испыталъ всѣ противорѣчія природы и отозвался на беззаконныя кометы въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ. Всегда совершается пиръ во время чумы, всегда одновременно кто-нибудь пируетъ и кто-нибудь умираетъ («эта черная телѣга имѣетъ право всюду разъѣзжать»), и вотъ на одномъ изъ такихъ празднествъ, окаймленныхъ черной смертью, Пушкинъ надъ нею смѣется, дерзновенно славитъ царствіе чумы и раскрываетъ экстаическія глубины обезумѣвшаго сердца:

Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы!
Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья—
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтаетъ и вѣдать могъ.

Наслажденіе въ гибели, благодатный ядъ вина, дыханіе дѣвы-розы, быть можетъ полное чумы, и здѣсь же рядомъ, на краю этой беззаконной бездны, «бездны мрачной на краю» — тихая какъ свирѣль, простая какъ василекъ, протяжная и унылая пѣснь Мери. Демонизмъ утонченнаго Вальсингама и здѣсь же—вся сплетенная изъ элементарныхъ, непосредственныхъ ощущеній, грустная жалоба и мольба дѣвичьяго сердца, обвѣянная деревенской тишиной и наивностью. И какіе звуки!

Было время, процвѣтала
Въ мирѣ наша сторона:
Въ воскресеніе бывала
Церковь Божія полна;
Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,
И сверкали въ свѣтломъ полѣ
Серпъ и быстрая коса.
Нынѣ церковь опустѣла;

Школа глухо заперта;
 Нива праздно перерзѣла;
 Роща темная пуста,
 И селенье, какъ жилище
 Погорѣлое, стоитъ;
 Тихо все—одно кладбище
 Не пустѣть, не молчить.
 Поминутно мертвыхъ носить,
 И стenanія живыхъ
 Боязливо Бога просятъ
 Упокоить души ихъ!
 Поминутно мѣста надо,
 И могилы межъ собой,
 Какъ испуганное стадо,
 Жмутся тѣсной чередой.

—

Если ранняя могила
 Суждена моей веснѣ—
 Ты, кого я такъ любила,
 Чья любовь отрада мнѣ,
 Я молю: не приближайся
 Къ тѣлу Дженни ты своей;
 Усть умершихъ не касайся,
 Слѣдуй издали за ней.
 И потомъ оставь селенье!
 Уходи куда-нибудь,
 Гдѣ бъ ты могъ души мученье
 Усладить и отдохнуть!
 И когда зараза минетъ,
 Посѣти мой бѣдный прахъ;
 А Эдмонда не покинетъ
 Дженни даже въ небесахъ!

Ты, кого я такъ любила... уходи куда-нибудь...— слова, какъ будто взятая изъ самой блѣдной обыденности, но подъ рукою Пушкина, въ художественномъ контекстѣ, сразу затеплившіяся нѣжной поэзіей,—и наименьшая искусственность дала высокое созданіе искусства.

И вообще, если по своему содержанию и смыслу поэзія Пушкина является, какъ мы уже сказали, оправданіемъ Творца, оправданіемъ добра, то это ея значеніе кроется уже и въ самой формѣ, въ самыхъ звукахъ его стихотвореній. Не только опредѣленные сюжеты и общій строй его пѣсенъ, но и сами онѣ, просто какъ

пѣсни, даже отдѣльные тоны ихъ, ласкающіе сердце, уже примиряютъ съ природой и жизнью. Ибо никогда еще человѣческое слово не устраивало себѣ такого пира, такого свѣтлаго праздника, никогда не достигало оно такого ликованія и торжества, какъ въ этомъ благословенномъ творчествѣ, которое претворило въ звуки всю благодать и всю красоту мірозданія. Какъ воздать Пушкину за то благозвучіе, которымъ наполнилъ онъ души, за тотъ восторгъ, который рождаютъ его стихи? Чѣмъ отплатить ему за художественное блаженство, которымъ даритъ насъ почти каждое слово, каждый эпитетъ его произведеній? >

Признаніе міра, хвала Богу выражаются у Пушкина именно уже въ самыхъ эпитетахъ его, изумительнѣе которыхъ нельзя себѣ ничего представить. Они не изысканы, и онъ ихъ не придумываетъ; они просты какъ природа, какъ вся его поэзія; онъ ихъ какъ будто незамѣтно и безопасно роняетъ, и между тѣмъ уже въ нихъ однихъ, въ глубинѣ этихъ опредѣленій, этихъ прилагательныхъ, раскрываются законченное міросозерцаніе и послѣдняя характеристика вселенной, и каждому существу, и каждому предмету отводятъ они какъ разъ его сокровенное значеніе, его неизмѣнное мѣсто въ общемъ строѣ бытія. Они < слово и вещь соединили вѣчной и необходимой связью, отождествили ихъ; все случайное здѣсь улегучилось, и каждый эпитетъ—бездна, каждый эпитетъ—живая, звучащая философія. > Онъ идетъ прямо въ глубину, онъ объясняетъ, и въ точности его есть нѣчто божественное. Ибо назвать предметъ—это значитъ его понять, указать его сродство съ другими, и это значитъ также вдохнуть въ него самую жизнь, живую душу, — только названное существуетъ. Надо дать имя міру, и лишь тогда міръ будетъ жить. Припомните великія слова Библии: «Господь Богъ образовалъ изъ земли всѣхъ животныхъ полевыхъ, и всѣхъ птицъ небесныхъ, и привелъ къ человѣку, чтобы видѣть, какъ онъ назоветъ ихъ, и чтобы, какъ наречетъ человѣкъ всякую душу живую, такъ и было имя ей». И вотъ человѣкъ далъ имена «всѣмъ птицамъ небеснымъ и всѣмъ звѣрямъ полевымъ». Послѣ Пушкина міръ во всякомъ случаѣ названъ.

И эти названія, эти живущія слова, всегда русскія, чисто-русскія, почерпнутыя изъ свѣжихъ народныхъ родниковъ, принимаютъ каждый разъ особую окраску—даже той чужой страны, чужого склада, которыхъ имъ приходится касаться. Мы уже видѣли это въ Подражаніи Корану, но это есть вездѣ: и въ дантовскихъ терцинахъ, и въ мотивахъ изъ Библии, и въ пѣсняхъ славянъ.

Возьмите, напримѣръ, отрывокъ изъ упомянутаго раньше посланія къ Юсупову:

Такъ, вихорь дѣлъ забывъ для нѣгъ и лѣни праздной,
Въ тиши порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ
Вельможи римскіе встрѣчали свой закатъ.
И къ нимъ издалека то воинъ, то сенаторъ,
То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.

Что же, развѣ сквозь эти звуки, не заглушая, не искажая ихъ, не слышится и рѣчь латинская? Развѣ въ этихъ семи строкахъ не показана вся даль античной культуры и психологіи, величественной какъ римскіе вельможи? Въ медленно ниспадающихъ складкахъ этихъ дорогихъ стиховъ не чуется ли вамъ торжественный шелестъ древнихъ тогъ? И однако здѣсь дано не только мѣстное, ушедшее, исторически ограниченное: кому изъ утомленныхъ путешниковъ жизненной дороги будетъ чуждо это естественно-человѣческое «вздохнуть о пристани»? Или какая обще-психологическая глубина въ томъ, что слову *диктаторъ* приданъ эпитетъ *сумрачный*! Диктаторъ является къ праздному вельможѣ день-другой роскошно отдохнуть, расправить морщины на своемъ сумрачномъ челѣ, потому что уже невыносимо стало для него это бремя власти и отвѣтственности, какое возложили на его обыкновенныя, человѣческія плечи. Ему ли не быть сумрачнымъ, когда онъ, одинъ, точно Богъ, долженъ диктовать народу свою волю и встрѣчать не совѣтъ и помощь, а только послушаніе; когда онъ, какъ Атласъ, держитъ на себѣ цѣлый міръ міродержавнаго Рима и жизнь и смерть милліоновъ людей?

Или вспомните стихи, которые такъ сильны, что ихъ можно трепетать какъ живого существа, — и точно выковаль ихъ молотъ Гефеста)

Когда владыка ассирійскій
Народы казню казнилъ
И Олофернъ весь край азійскій
Его десницѣ покорилъ, —
Высокъ смиреньемъ терпѣливымъ
И крѣпокъ вѣрой въ Бога силъ,
Передъ сатрапомъ горделивымъ
Израиль выи не склонилъ.
Во всѣ предѣлы Іудеи
Проникнулъ трепеть. Іереи
Одѣли вретищемъ алтарь.
Главу покрывъ золой и прахомъ,

Народъ завылъ, объятый страхомъ,—
 И вялъ ему Всевышній царь.
 Пришелъ сатрапъ къ ущельямъ горнымъ
 И зрить: ихъ тѣсныя врата
 Замкомъ замкнуты непокорнымъ,
 Грозой грозитъ высота.
 И, надъ тѣсниной торжествуя
 Какъ мужъ на стражѣ въ тишинѣ,
 Стоитъ, бѣлѣясь, Ветилуя
 Въ недостижимой вышинѣ.

Замокъ—непокорный, имъ замкнуты тѣсныя врата, грозитъ высота: все это сильное, еще усиленное аллитераціями, въ то же время не достигнуто какими-нибудь внѣшними приѣмами и не разсчитано на эффектъ. Царь и властелинъ слова, Пушкинъ не является однако виртуозомъ его. Онъ не играетъ въ звуки. Его высокая фонетика только соотвѣтствуетъ подъему его вдохновеннаго чувства.

Сильное, страшное, боевое какъ Полтавскій бой, или «Стамбуль гяуры нынче славятъ» присущи его поэзіи такъ же органически, какъ и мотивы совершенно иные, тихіе и ласковые, какъ разговоръ Татьяны съ няней, или «Для береговъ отчизны дальней», или «Вновь я посѣтилъ тотъ уголокъ земли» или

Есть мѣсто: въ лѣво отъ селенья,
 Гдѣ жилъ питомецъ вдохновенья,
 Двѣ сосны корнями срослись;
 Подъ ними струйки извились
 Ручья сосѣдственной долины.
 Тамъ пахарь любитъ отдыхать,
 И жницы въ волны погружать
 Приходятъ звонкіе кувшины;
 Тамъ у ручья, въ тѣни густой
 Поставленъ памятникъ простой.
 Подъ нимъ (какъ начинается капать
 Весенній дождь на злакъ полей),
 Пастухъ, плетя свой пестрый лапотъ,
 Поетъ про волжскихъ рыбарей;
 И горожанка молодая
 Въ деревнѣ лѣто провождая,
 Когда стремглавъ верхомъ она
 Несется по полямъ одна,
 Коня предъ нимъ останавливаетъ,
Ременный поводъ натянувъ

*И флеръ отъ шляпы отвернувъ,
Глазами бѣглыми читаетъ
Простую надпись—и слеза
Туманитъ нѣжные глаза.*

Мы подчеркнули живыя детали, чудно восполняющія элегическую картину; возникаетъ какое-то чувство благодарности къ Пушкину за то, что онъ все это замѣчаетъ, видитъ всѣ эти наши человѣческія движенія.

Когда онъ приникаетъ къ землѣ, когда передаетъ русскую сказку, онъ находитъ слова и риѣмы, плѣнительныя въ своей наивности, и самая обычность созвучій производитъ въ нихъ удивительное впечатлѣніе первобытности и простоты. Развѣ не есть что-то мило-дѣтское въ такихъ стихахъ, въ такихъ сочетаніяхъ:

Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный:
Тамъ, за рѣчкой тихоструйной,
Есть *высокая гора*;
Въ ней *глубокая нора*?

Или:

Вѣтеръ, вѣтеръ! ты могучъ,
Ты гоняешь стаи тучъ,
Ты волнуешь сине море,
Всюду вѣешь на просторѣ,
Не боишься никого,
Кромѣ Бога одного.

Но безнадежна всякая попытка доказать Пушкина... Надо просто его читать, раскрыть на любой страницѣ его книгу, отдаться ему слухомъ и духомъ, и тогда каждый самъ почувствуетъ, что даже не въ одномъ содержаніи—величіе нашего великаго, а въ самомъ теченіи, въ звучащей радости его стиховъ.

Укажемъ еще только на ихъ высокую простоту. Само естество смотрится въ его творенія какъ въ зеркало. Ничего вычурнаго, красота безъ украшеній, классическій стиль природы и строгая чистота линій. Вспомните и прозу его, этотъ вѣнецъ словесной прозрачности. Сама дѣйствительность, если бы захотѣла рассказать о себѣ, заговорила бы умной прозой Пушкина. Обыкновенно въ рассказахъ другихъ писателей событіе отягощается словами, обыкновенно между фактомъ и повѣстью о немъ есть какой-то промежутокъ, въ теченіе котораго событіе искажается,—у Пушкина этого нѣтъ, и дѣло не туманится рассказомъ, остается чисто, неприкосновенно, и каждый разъ взято именно столько словъ, сколько нужно.

Смѣло и увѣренно вѣтся нить событій, и если даже они могут произвести на васъ впечатлѣніе потрясающее, отъ васъ не требуетъ авторъ, чтобы вы остановились на нихъ подольше. Вотъ въ «Капитанской дочкѣ» такъ быстро, слишкомъ быстро для нашей медлительной привычки, но въ соотвѣтствіи съ природой, разыгрываются необычныя дѣла, и по знаку Пугачева, сидящаго на крыльцѣ, одного за другимъ вѣшаютъ живыхъ людей. И Пушкинъ рассказываетъ объ этомъ безъ нервности, безъ всякаго расчета на человѣческіе нервы, рассказываетъ въ томъ же тонѣ и такимъ же складомъ, какъ и о другихъ перипетіяхъ своей исторіи. И дѣйствительность сказала бы ему, что такъ и надо, что онъ правъ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, мы напрасно волнуемся, и всѣ эти казни, убійства, кровавый бунтъ или сцена, когда Мироновъ на валу благословляетъ свою дочь, не представляютъ собою ничего особеннаго, являются событиями среди событій,—не больше, не меньше другихъ. Все это патетично только для насъ, а не само по себѣ. Не будемъ же волноваться. Будемъ какъ природа, которая не знаетъ нашего паѳоса. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Пушкинъ какъ-то наивно, мило интересуется всякимъ выдающимся происшествіемъ или походомъ.

Такъ владѣлъ онъ этой великой тайной простоты, такъ показалъ онъ, что истинная поэзія стелется по землѣ. Въ перлѣ художества возводилъ онъ все естественное и простое, и тогда въ обыденной сферѣ являлась красота, и деревенская барышня принимала дивный обликъ Татьяны. И потому (несравненная осязательность его произведеній открываетъ къ нимъ доступъ для всѣхъ, а эти звуки, эта благодатная необходимость и незамѣнимость его сладкихъ словъ приводятъ къ тому, что изъ Пушкина можно сдѣлать религію. Хочется молиться Пушкину. Если бы въ мірѣ не было другихъ книгъ, кромѣ его, то и этого было бы достаточно, потому что и въ нихъ отразился міръ и дышитъ его душа. Во всякомъ случаѣ, въ Россіи homo unius libri можно быть лишь тому, кто читаетъ Пушкина.)

Божественное эхо божественнаго голоса, онъ въ томъ же стихотвореніи «Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ» выразилъ нѣжную, безпредѣльно-сочувственную мысль, что эхо сиротливо, что оно все отдаетъ, да все откликается, но само нигдѣ не находитъ отзыва. Нѣтъ ничего боже одинокаго, чѣмъ эхо. И Пушкинъ, въ своей личной жизни испыталъ это въ полной мѣрѣ. Но теперь, Пушкинъ идеальный, Пушкинъ безсмертный, въ завѣтной лирѣ пережившій свой прахъ,—теперь онъ не одинокъ. Эхо міра, на все отвѣтившее, онъ нынѣ самъ слышитъ отвѣты восхищеннаго міра, и (пока будетъ звучать на землѣ русское слово, до тѣхъ поръ не отзвучитъ его поэзія.) Этому порукой и то, что всечеловѣчности ея художе-

ственного содержанія соотвѣтствуетъ ея (Лиризмъ: (онъ не носитъ печати узкой субъективности и служитъ какъ бы вселенскимъ языкомъ, который понятно и плѣнительно звучитъ для всѣхъ временъ и поколѣній.) Мы всѣ вмѣстѣ съ Пушкинымъ бродимъ вдоль улицъ шумныхъ и стараемся угадать грядущей смерти годовщину; мы всѣ провожаемъ кого-нибудь въ часъ незабвенный, въ часъ печальный, и каждому изъ насъ наноситъ хладный свѣтъ неотразимыя обиды; на братской переключкѣ и намъ не отозвалось много голосовъ, и наши дни тянулись безъ божества, безъ вдохновенья, безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви; и мы, какъ друга ропотъ заунывный, слушали призывный шумъ свободной стихіи.

И оттого (Пушкинъ — самое драгоценное, что есть у Россіи, самое родное и близкое для каждого изъ насъ; и оттого, какъ замѣтилъ одинъ изслѣдователь русской литературы, мы почти не можемъ говорить о немъ спокойно, объективно, безъ восторга.) Мы вспоминаемъ эту дорогую кудрявую голову, мы повторяемъ его стихи, которые И. С. Аксаковъ назвалъ благодѣяніемъ, и, облагодѣтельствованные его стихами, истолкованіемъ Божества, бодрѣе продолжаемъ свою жизненную дорогу: мы знаемъ, что есть неизсякаемый животворный источникъ, гдѣ обновляется наше воодушевленіе и сила жизни, гдѣ мы почерпаемъ все новыя и новыя возможности мыслить и чувствовать, гдѣ мы приобщаемся красотѣ. Ибо въ его поэтической школѣ, въ кругу его образовъ, въ вѣнцѣ его стиховъ міръ возстаетъ передъ нами въ своемъ очарованіи и въ своемъ вѣчномъ смыслѣ.) И вотъ, его стихи лепечутъ уста дѣтей, и его же стихи, не покидаемые въ стѣнахъ школы, на обязательныхъ страницахъ хрестоматій, текутъ вослѣдъ за нами въ теченіе всей нашей жизни и, «ручьи любви», навсегда вливаются въ наши взрослыя души. И такъ проходятъ года, десятилѣтія; прошло столѣтіе со дня его рожденія, а самъ онъ не проходитъ. Великій и желанный спутникъ, онъ идетъ съ нами отъ нашего дѣтства и до нашей старости, онъ всегда около насъ, онъ всегда откликается на зовъ нашего сердца, жаждущаго прекрасныхъ звуковъ. Какое счастье!..

Гоголь.

Можетъ быть, никто больше Гоголя не былъ объятъ великой тревогой писателя, мучительнымъ сознаниемъ отвѣтственности, какую несетъ художникъ за то, что онъ послалъ въ мѣръ, за тѣ впечатлѣнія и чувства, которыя будетъ рождать среди людей воплощеніе его прихотливой мечты. И въ самомъ дѣлѣ, загадочный портретъ, о которомъ разсказалъ намъ Гоголь, до сихъ поръ не уничтоженъ, и страшные глаза его не смежаются. Безсмертный ростовщикъ, въ своемъ ли романтическомъ обликѣ или низведенный до Чичикова, продолжаетъ странствовать по свѣту, вездѣ разбрасывая свои зловѣщія сѣмена,—и не находитъ себѣ покоя смятенная совѣсть его духовнаго создателя. Ибо талантъ обязываетъ: «на будничныхъ одеждахъ незамѣтны пятна», между тѣмъ какъ праздничныя ризы небеснаго избранника не должны быть запятнаны ничѣмъ. И вотъ Гоголя томить неусыпная мысль, что Богъ требуетъ его къ отвѣту

и карѣ за то осмѣянное и обиженное чело-
вѣчество, которое онъ въ своихъ книгахъ
воззвалъ къ жизни, что и сами обиженные
преслѣдуютъ его за грѣхъ насмѣшки и осуж-
денія. И, въ жаждѣ искупленія, кажется
ему, что свой грѣхъ, свой смѣхъ онъ не
только долженъ замолить у Святыхъ мѣстъ,
но и что надо вырвать и выжечь всѣ эти
обличительныя, несмирныя страницы, для
того чтобы онѣ исчезли изъ памяти со-
временниковъ и потомства, и замѣнъ ихъ
создать нѣчто положительное и назидатель-
ное, облечь плотью и кровью чело-
вѣчность

прекрасную и нарисовать ее такъ же ярко и выпукло, какъ выходили у него явленія дурныя. Но именно это и не давалось Гоголю. Душевные порывы, трудная работа моральнаго самоуглубленія и самоочищенія влекли его къ идеалу, въ высъ, тогда какъ стихійная сила дарованія, почти всецѣло обращенная на то, что въ жизни есть пош-

лаго и мелкаго, пригвождала его къ человѣческимъ низинамъ. Его художественное зрѣніе невольно замѣчало всѣ изъяны, всѣ живыя «прорѣхи на человѣчествѣ», и лукавый духъ смѣха, котораго онъ однажды вызвалъ, не поддавался его обратнымъ заклинаніямъ, не уходилъ, фатально заслоняя собою наглядныя картины утѣшающей людской красоты. Кисть, утомленная неблагообразіемъ, стремилась написать правильное и одухотворенное лицо; но какъ у художника Чарткова она была развращена золотомъ, такъ у Гоголя ее загубило пристрастіе къ смѣшному, и она бессильно выпадала изъ его рукъ. На полотнѣ являлись фигуры неестественныя, безъ кровинки жизни, какія-то блѣдныя отвлеченности, и самъ художникъ, свой лучший судія, приходилъ въ отчаяніе передъ этой вереницей бездушныхъ призраковъ, передъ некрасивыми фантомами Улинекъ и Муразовыхъ. Онъ не могъ, не умѣлъ воплотить своихъ упованій въ реальные образы. Онъ мечталъ о второмъ, о третьемъ томѣ «Мертвыхъ душъ», гдѣ насъ должна была восхитить галлерей иныхъ лицъ, иныхъ типовъ, гдѣ «инымъ ключомъ грозная выюга вдохновенія подымется изъ облеченной въ святой ужасъ и въ блистанье главы, и почувють, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей»,—но пышныя обѣщанія оказались неисполненными, для положительнаго и простаго недостало Гоголю внутренней силы, и мы имѣемъ, во всей завершенности, только одинъ, первый томъ печальной эпопеи, гдѣ разстилается передъ нами поле, усѣянное мертвыми костями, гдѣ насъ удручаютъ не воскрешенныя авторомъ, подъ его руками и неспособныя къ воскресенію, безнадежно-мертвыя души—и тѣ, которыя покупалъ Чичиковъ, и тѣ, у которыхъ онъ покупалъ.

Художественное безсиліе въ области серьезнаго Гоголь переживалъ какъ драму,—оно было для него религіознымъ страданіемъ. Но оно же было для него и эстетической обидой, потому что въ созиданіи положительнаго онъ имѣлъ не только нравственную потребность. Дѣло въ томъ, что и какъ писателя его ужаснули его собственныя дѣтища. Они обступили его плотной стѣной, одно безобразнѣе другого, они протягивали къ нему свои лица и руки,—неудивительно, что ему стало душно и тошно среди этихъ людскихъ чудовищъ, среди калѣкъ и ходячихъ нелѣпостей. Какъ чудища въ татьяниномъ снѣ, эти странныя чада его фантазіи скалили на него зубы, и онъ съ тоскою видѣлъ кругомъ себя

...очи всѣхъ,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавыя языки,
Рога и пальцы костяные.

Гоголь безопасно смѣялся и высмѣивалъ, сочеталъ въ одно каррикатурное цѣлое диковинныя, вычурно-изломанныя линіи, творилъ одинъ живой курьезъ за другимъ, — и вдругъ оглянулся и, какъ городничій, увидалъ передъ собою «свинья рыла», оскаленныя рожи, застывшія человѣческія гримасы. Онъ содрогнулся и отпрянулъ, творецъ и властелинъ уродовъ; онъ почувствовалъ себя испуганнымъ въ этомъ дикомъ мірѣ, который онъ самъ же, какъ нѣкій насмѣшливый богъ, сотворилъ для собственной потѣхи. Онъ забавлялся смѣшнымъ, игралъ съ этимъ огнемъ, и какое-то серьезное начало, царящее надъ нами, отомстило ему тѣмъ, что смѣшное претворилось для него въ страшное, веселое стало печальнымъ. Онъ сперва не замѣчалъ, какое кошмарное зрѣлище готовятъ ему его несчастные глаза, въ которые съ неотразимой силой бросалось все, что есть на свѣтѣ ничтожнаго и низкаго. Они зорко высматривали не только людское неблагообразіе, но даже и неприглядныя, облупленныя вещи, смѣшныя подѣлки смѣшныхъ человѣческихъ рукъ, и сколько разъ отравленное перо Гоголя одушевляло неодушевленные предметы, для того чтобы посмѣяться надъ ними; сколько разъ оно комически живописало всѣ эти уморительныя одѣянія, платья и чепчики губернскихъ дамъ, эти вывѣски, брички адамовыхъ временъ, похожія на арбузъ, медвѣжьи стулья Собакевича, кривыя зеркала, шипящіе часы Коробочки, табакерку Петровича изъ «Шинели» съ лоскуткомъ бумаги, вмѣсто проткнутаго пальцемъ генеральскаго лица, салфетку и солонку въ деревенскомъ трактирѣ, всѣ трактиры и гостиницы, всю нашу обстановку и всѣ жилища вообще, и всѣ города и деревни, и самую церковь Николая на Недотычкахъ! Въ концѣ концовъ Гоголь въ общей категоріи смѣшного пересталъ различать людей и предметы, и все для него слилось въ одну сплошную вещь, въ беспорядочную кучу сродни той, какая наполняла комнату Плюшкина, покрытая пылью, точно фуфайкой. Такъ какъ душа мертва, то изъ людей, естественно, и образуются вещи. Характерно, что скупецъ у Гоголя, это—человѣкъ, поработенный вещью, какъ такую, уподобившейся ей и мертвый какъ она. Скупой рыцарь копить золото, бережетъ дѣйствительныя, неоспоримыя драгоценности, создаетъ себѣ изъ нихъ, при свѣтѣ щедро зажженныхъ свѣчей, блестящій пиръ и отраду для глазъ, между тѣмъ какъ Плюшкинъ—коллекціонеръ ненужностей, рабъ вещей и лоскутьевъ, слившійся съ ними въ одно неразличимое сѣрое и пыльное цѣлое. И для Гоголя есть даже люди, которые «существуютъ на свѣтѣ не какъ предметъ, а какъ постороннія крапинки или пятнышки на предметѣ». Итакъ, если вещамъ Гоголь даетъ душу, чтобы насмѣяться надъ ними, то у людей онъ съ той

же цѣлью душу отнимаетъ, и у него оказываются неопредѣленные люди-пятнышки, люди-крапинки, у него выступаетъ подобіе чело-вѣка, «совершенная приказная чернильница», или низенькая старушка, «совершенный кофейникъ въ чепчикѣ»,—нѣчто теряющее свой человѣческій образъ и видъ. Именно поэтому, въ силу контраста, Гоголь и восхищался такъ «Одиссеей», гдѣ Гомеръ, безсмертный старикъ человѣчества, «собираетъ весь людъ въ одну семью» младенчески ясныхъ героевъ, изъ которыхъ каждый «приобрѣлъ какую-то стройность и даже красоту поступковъ, такъ что все въ немъ сдѣлалось величаво съ ногъ до головы, отъ рѣчи до простого движенія и даже до складки платья»,—какъ не похожъ на эти античныя складки халатъ Плюшкина, какъ далеки отъ гомеровской красоты современные люди, которые «умѣли дойти до какого-то неряшества и неустройства, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, умѣли сдѣлаться лоскутными, мелкими, отъ головы до самага платья нашего»! Они утратили даже индивидуальныя черты и въ своей оцѣпенѣлости похожи другъ на друга, какъ Бобчинскій на Добчинскаго, какъ мертвецъ на мертвеца.

Въ своемъ смѣхѣ неумолимый, немилосердный, требовательный до мелочей, Гоголь сбрасываетъ душевные покровы со своихъ несчастныхъ жертвъ и въ каждой изъ нихъ выскиваетъ какого-нибудь мелкаго бѣса, ревниво подмѣчаетъ все гадкое, жадное, стыдное. Онѣ мечутся отъ него, хотять укрыться отъ его дьявольской дальнозоркости, найти себѣ какой-нибудь потаенный уголокъ,—но все напрасно: Гоголь повсюду найдетъ, нащупаетъ ихъ лучами смѣха, вездѣ подслушаетъ ихъ и выведетъ на свѣтъ,—но только не на Божій свѣтъ. И смѣшное онѣ видитъ не въ одномъ лишь главномъ, не только въ центрѣ, но и въ периферіи; онѣ мелькомъ, мимоходомъ больно задѣваетъ его и забираетъ въ свою коллекцію уродовъ, какъ это онѣ сдѣлалъ, напимѣръ, съ тѣмъ поручикомъ изъ Рязани, который ничего общаго съ похождениями Чичикова не имѣлъ, а совершенно случайно попалъ, на свое несчастье, въ поле гоголевскаго зрѣнія, когда въ отдѣльной комнатѣ гостиницы—казалось бы, наединѣ—безпрестанно примѣривалъ любимыя сапоги и «нѣсколько разъ подходилъ къ постели съ тѣмъ, чтобы ихъ скинуть и лечь, но никакъ не могъ: сапоги, точно, были хорошо сшиты, и долго еще поднималъ онѣ ногу и осматривалъ бойко и на диво стаченный каблукъ».

Совокупная картина неряшества и неблагообразія, человѣческихъ и матеріальныхъ лоскутьевъ, тѣмъ болѣе должна была наконецъ потрясти Гоголя, что она не служила для него простой абстракціей, не рисовалась ему издалека: напротивъ, его писатель-

ское зрѣніе было поразительно, и онъ видѣлъ, явственно видѣлъ своихъ героевъ съ ногъ до головы.

Знаменательно въ этомъ смыслѣ то впечатлѣніе, какое произвелъ на него собственный «Ревизоръ», поставленный въ театрѣ. Неудовлетворенный авторъ жалуется въ извѣстномъ письмѣ на дурную постановку комедіи,—но кто знаетъ, дѣйствительно ли настоящая причина овладѣвшаго Гоголемъ унынія таилась въ режиссерскихъ и актерскихъ пзъянахъ спектакля? «Еще разъ повторяю: тоска, тоска! Не знаю самъ, отчего одолеваетъ меня тоска». Быть можетъ, то, чего не зналъ писатель, яснѣе намъ, его читателямъ, и не потому ли сдѣлалось Гоголю тоскливо на душѣ, что онъ увидѣлъ и услышалъ реальное воплощеніе своихъ комическихъ химеръ? Когда къ ясновидѣнію автора присоединилась хотя бы и несовершенная конкретность лицедѣевъ, живая осязательность сценической работы, тогда Гоголю стало не въ мочь, тогда смѣшное посмѣялось уже надъ нимъ и обвѣяло его безысходной горечью и грустью.

Онѣ питались именно тѣмъ, что каждый предметъ отчетливо показывалъ ему всѣ свои детали, всю дробность жизни. Для него не было секретовъ и тайнъ, не было ничего интимнаго. Какъ Бетрищевъ при Чичиковѣ, его персонажи дѣлали при немъ все, что угодно: умывались, фыркали, гоготали, одѣвались въ свои фраки и кафтаны цвѣта наваринскаго дыму съ пламенемъ или застуженнаго картофельнаго киселя, брились, такъ что намыленные щеки ихъ дѣлались какъ настоящій атласъ въ разсужденіи гладкости и лоска, съѣдали тѣ фиги, которыми они лѣчили свои флюсы... И Гоголь не только ясно видѣлъ: такъ же осязательны были и другія его чувства, и не выдумкой, а реальнымъ ощущеніемъ были для него и запахъ Петрушки, и шарманка Ноздрева съ ея дребезжащимъ Мальбрукомъ.

Отъ этой назойливой и постылой близости уродливо-человѣческаго, отъ этого неизбывнаго присутствія физическихъ и нравственныхъ инвалидовъ легко было сойти съ ума. И Гоголь, дѣйствительно, былъ на границѣ безумія, когда вокругъ него разлилось мертвое море имъ же вызванной человѣческой пошлости. Голова кружится отъ этой удручающей безсмыслицы разговоровъ и мнѣній, отъ этого обилія кривлякъ, отъ этой безпросвѣтной глупости, въ которой, какъ въ трясинѣ, барахтаются жалкіе карлики, отъ времени до времени насмѣшливо поднимаемые на ладонь Гуливера-Гоголя. И для того, чтобы они были еще нелѣпѣе, онъ и самъ говоритъ о нихъ и ихъ заставляетъ говорить нарочито смѣшною рѣчью, и они не только своими косноязычными устами рассказываютъ упоенно-глу-

пья исторіи о капитанѣ Копѣйкинѣ, но еще уснащаютъ свою рѣчь безобразными наростами—обиліемъ нескладныхъ прибаутокъ и ничего незначащихъ словъ. И сами они тоже зовутся неблагозвучными именами, всѣ эти Довгочуны и Держиморды, Тяпкины-Ляпкины и Дѣепричастія. Не довольствуясь тѣмъ, что они внутренне смѣшны, Гоголь придаетъ имъ еще внѣшнюю, ненужную комичность,—на коричневый сюртукъ Антона Прокофьевича онъ нашиваетъ голубые рукава.

Ничего не имѣя за душою, за мертвой душою, и въ этомъ смыслѣ какіе-то безплотные, гоголевскіе призраки, «безотвѣтные, мертвые обитатели, страшные недвижимымъ холодомъ души своей и безплодной пустыней сердца», силятся чѣмъ-нибудь наполнить свое время, ссорятся и мирятся, создаютъ вокругъ себя затхлую атмосферу нелѣпицы и занимаются, на примѣръ, тѣмъ, что въ газетныхъ объявленіяхъ вызываютъ «желающихъ купить старыя подошвы, съ приглашеніемъ явиться къ переторжкѣ каждый день отъ 8 до 3 часовъ утра». Что жъ, и вправду находятся желающіе каждый день торговаться о старыхъ подошвахъ. Когда они собираются въ общество, они пьянствуютъ, сосредоточенно играютъ въ карты или ведутъ разговоры о томъ, что отвѣтилъ нижній земскій судъ, о томъ, какіе фетончики носятъ теперь, или «довольно свободно и плавно рассказываютъ свои любовныя приключенія», на дѣлѣ кончающіяся финаломъ поручика Пирогова, или въ качествѣ очевидцевъ и участниковъ описываютъ такую баталію, какой никогда и не было, и потомъ «совершенно неизвѣстно по какимъ причинамъ берутъ пробку отъ графина и втыкаютъ ее въ пирожное». Когда имъ становится невмоготу ужасающая реальность ихъ собственной жизни, тогда они украшаютъ ее ложью Ноздрева или Хлестакова, мечтательно преображаютъ ее въ еще болѣшую нелѣпость. Ихъ грезы такъ же удручаютъ, какъ ихъ дѣйствительность. И всѣ эти «труды и дни», всѣ эти унижительные для человѣческаго существа поступки и рѣчи, пестрый фараонъ которыхъ мечетъ передъ нами безпощадная фантазія Гоголя, сливаются свои мелкія очертанія въ одинъ колоссальный и подавляющій кошмаръ, и вы съ отчаяніемъ думаете, не страдаетъ ли художникъ полнымъ безвѣріемъ въ человѣка, не руководитъ ли его неумолимою кистью, такъ сказать, человѣческій атеизмъ.

Въ одной изъ драгоцѣнныхъ замѣтокъ на лоскуткахъ Гоголь пишетъ: «...преобразование бездѣльности жизни всего человѣчества въ массѣ... какъ пивести всемірную (картину) бездѣлья во всѣхъ родахъ до сходства съ городскимъ бездѣльемъ? и какъ городское бездѣлье возвести до преобразования бездѣлья міра?» Эти немногія

недописанныя строки, глубоко комментирующія художественный текстъ, еще нагляднѣе показываютъ намъ, что губернский или уѣздный городъ со своей гнетущей пустотой и бездѣльемъ былъ для Гоголя только шаржированнымъ снимкомъ съ общеміровой бездѣльности; ему казалось, что все человѣчество, несмотря на свою внѣшнюю хлопотливость и суетливость, несмотря на эти пышные несмолкаемые разговоры, которыми звучать вѣка, на самомъ дѣлѣ только лепечетъ коснѣющими устами всякій вздоръ и предается тяжелому бездѣйствію. И вотъ онъ согналъ человѣчество въ неопрятныя улицы провинціального городка, онъ сѣзилъ міръ до Миргорода, и въ этой миниатюрѣ показалъ арлекинаду вселенской жизни, бросилъ обиду и насмѣшку въ лицо исторіи.

Люди, изболѣнные Гоголемъ, такъ безжизненно проводятъ свои дни; ихъ праздники и печали, ихъ женитьбы и кончины отличаются такой безнадежной тусклостью, что даже смерть не является для нихъ замѣтной, мистической и величественной гостьей. Они сѣумѣли опошлить свою смерть и этимъ осудили свою жизнь. У нихъ нѣтъ смерти, а есть только похороны и поминки. На тѣхъ же лоскуткахъ, гдѣ Гоголь записывалъ обрывки своихъ великихъ мыслей, мы читаемъ поразительную истину: «Какъ пустота и бессильная праздность жизни смѣняются мутною, ничего не говорящею смертью. Какъ это страшное событіе совершается безсмысленно. Не трогаются. Смерть поражаетъ нетрогающій(ся) міръ. И еще сильнѣе между тѣмъ должна представиться читателю мертвая безчувственность жизни». Дѣйствительно, мутная, некраснорѣчивая смерть, нелѣпая, какъ смерть прокурора изъ «Мертвыхъ душъ», прозаически и лѣниво надрываетъ сѣрую нить прозябанія, не возбуждая трепета и тайны: вѣдь она приходитъ слишкомъ поздно—къ тѣмъ, кого уже и безъ нея, кого уже и до нея не было въ живыхъ. Вымершій городъ, безъ единой живой души,—его ли удостоить смерть своимъ настоящимъ появленіемъ, въ ореолѣ своего ужаса и своего смысла?

Недаромъ Гоголь, потрясенный свидѣтель этого людского оцѣпенѣнія, такъ часто говоритъ о «грозной и страшной вѣдѣмъ-старости», которая вся изъ желѣза, «ничего не отдаетъ назадъ и обратно» и которая не только его обывателей, но и всѣхъ людей, и его самого, заставляетъ нравственно коченѣть и хладѣть. Вотъ Плюшкинъ старѣлъ, и одно за другимъ притворялись окна въ его домѣ, притворялись окна въ его душѣ, и онъ потемнѣлъ, съежился, превратился въ комокъ. Именно тогда овладѣваетъ душою губительный демонъ золота, и «все, дышащее порывомъ, сжимается въ человѣкѣ, могущественный смычокъ слабѣе доходитъ до души и

не оббивается пронзительными звуками около сердца; прикосновенье красоты уже не превращает дѣйственныхъ силъ въ огонь и пламя, но всѣ отгорѣвшія чувства становятся доступнѣе къ звуку золота, вслушиваются внимательнѣе въ его заманчивую музыку, и мало-по-малу нечувствительно позволяютъ ей совершенно усыпить себя».

Мы всѣ когда-то весело и любопытно совершаемъ свои жизненные поѣздки, какъ Гоголь въ лѣта своей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго дѣтства; но затѣмъ суровѣе становятся мысли, «менѣе улыбается душа на устахъ, и что-нибудь да отпадаетъ съ каждымъ днемъ отъ прежней живости», и въ возрастѣ Чичикова, который нельзя сказать, чтобы старъ, однако же и не такъ, чтобы слишкомъ молодъ,—въ эти годы мы начинаемъ равнодушно прѣзжать и уѣзжать, и всякій можетъ къ себѣ примѣнить трагическую жалобу Гоголя: «То, что пробудило бы въ прежніе годы живое движеніе въ лицѣ, *смѣхъ* и немолчныя рѣчи, то скользить теперь мимо, и безучастное молчаніе хранять мои недвижныя уста. О, моя юность! о, моя свѣжесть!»...

Если Гоголь изливался въ лирическихъ пеняхъ, смущаемый естественнымъ отцвѣтаніемъ души, мертвящимъ дыханіемъ природной, своевременной старости, то понятно, въ какомъ испугѣ и ужасѣ онъ долженъ былъ отпрянуть отъ тѣхъ, кто никогда и не зналъ духовной молодости, кто всегда былъ, какъ хозяинъ изъ «Портрета», какимъ-то пепельнымъ, отставнымъ человѣкомъ, отставной душой, жителемъ Коломны, гдѣ «все—тишина и отставка». Онъ мучительно понималъ, какое страшное противорѣчіе гнѣздится въ этомъ сочетаніи: мертвая душа. Вотъ почему онъ и испытывалъ давящее уныніе, когда заканчивалъ свои смѣшныя исторіи объ Иванѣ Ивановичѣ и Иванѣ Никифоровичѣ,—и въ заключеніи шаржа вырывался у него безнадежный вопль: «скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» Апоѳеозъ глупости, нестерпимое столкновеніе пустыхъ, полыхъ, ничѣмъ не занятыхъ душъ подъ рукою Гоголя естественно завершались осеннимъ аккордомъ однообразнаго дождя, мокрыхъ галокъ и воронъ, слезливаго неба, — и смертной скукой сжималась только что смѣявшаяся душа великаго насмѣшника, великаго печальника.

Такимъ образомъ, тоска и суровое осужденіе змѣнились въ потаенныхъ складкахъ его насмѣшки. И есть нѣчто жуткое въ той геніально-неожиданной сценѣ, когда городничій на глазахъ у потрясенныхъ зрителей сбрасываетъ съ себя комическую маску и въ паосѣ отчаянія являетъ свое трагическое лицо. Онъ негодуетъ противъ смѣха, который уже слышится ему изъ всѣхъ угловъ Россіи; онъ предается изстуженной горести изъ-за того, что не

миновать ему посмѣшища и комедіи, и «будутъ всѣ скалить зубы и бить въ ладоши—чему смѣтеть! надъ собой смѣтеть!» Въ уста первому комическому актеру («Развязка Ревизора») Гоголь вкладываетъ глубокую мысль, что въ день Страшнаго Суда мы всѣ окажемся смѣшными. «Взглянемъ хоть сколько-нибудь на себя глазами Того, Кто позоветъ на очную ставку всѣхъ людей, передъ которыми и наилучшіе изъ насъ, не позабудьте этого, потупятъ отъ стыда въ землю глаза свои, да и посмотримъ, достанетъ ли у кого-нибудь изъ насъ тогда духу спросить: «да развѣ у меня рожа крива?»

Итакъ, вся наша жизненная неблагообразность является только предвареніемъ того послѣдняго комизма, который выпадетъ на нашу горькую долю въ часъ посмертнаго расчета, и если бы даже красивы были наши образы теперь, то, разоблаченные и раздѣтые, дрожащіе и униженные, мы станемъ передъ высшій трибуналъ съ «рожами кривыми». Такъ понималъ Гоголь конечное слово міра, и вотъ онъ упредилъ тотъ карающій смѣхъ верховнаго Ревизора, который грезился ему въ развязкѣ нашей человѣческой комедіи. И Пушкинъ тоже рассказалъ намъ, что въ «гееннѣ гладной» надъ Іудой-предателемъ прежде всего посмѣялись:

Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
 Пріяли съ *хохотомъ* всемірнаго врага
 И съ шумомъ понесли къ проклятому владыкѣ.
 И сатана, привставъ, съ *веселіемъ* на ликѣ,
 Лобзаніемъ своимъ насквозь прожегъ уста,
 Въ предательскую ночь лобзавшія Христа.

Гоголю былъ дорогъ и близокъ этотъ мотивъ, и, на примѣръ, «Страшная месть» какъ разъ построена на ужасающей силѣ смѣха. «Слушай, панъ Данило, какъ страшно говорятъ: что будто ему (колдуну) все чудилось, что всѣ смѣются надъ нимъ. Встрѣтится ли подъ темный вечеръ съ какимъ-нибудь человѣкомъ, и ему тотчасъ покажется, что онъ открываетъ ротъ и скалить зубы». Колдуну скалить зубы все на свѣтѣ (и Гоголь между прочимъ), и когда уже близокъ былъ къ нему страшный часъ расплаты — о, чудо! засмѣялся даже конь, на которомъ онъ скакалъ отъ своей судьбы, и «бѣлые зубы страшно блеснули двумя рядами во мракѣ», и «дыбомъ поднялись волосы на головѣ колдуна». А когда уже лицомъ къ лицу увидѣлъ колдунъ своего мстителя, тогда услышалъ онъ дикій смѣхъ, который рассыпался по горамъ и зазвучалъ въ его потрясенномъ сердцѣ. «Ему чудилось, что будто кто-то, сильный, влѣзъ въ него и ходилъ внутри его и билъ молотами по сердцу, по жиламъ... такъ страшно отдался въ немъ этотъ смѣхъ».

Смѣхъ - Немезида, смѣхъ, какъ выраженіе укоризны и совѣсти, является однимъ изъ отличительныхъ моментовъ Гоголя, великаго обвинителя. Онъ небратски, невеликодушно подмѣчаетъ скрытую вину, «комическій задоръ» всякаго и каждое встрѣчное существо поворачиваетъ къ себѣ его смѣшною стороною. У городничаго изъ «Повѣсти объ Иванѣ Ивановичѣ и Иванѣ Никифоровичѣ» прострѣлена нога, и это очень смѣшно, когда онъ прихрамываетъ и закладываетъ раненой ногой далеко въ сторону; иногда это дѣлаетъ ему больно, но ничего—пустъ стонеть: важно то, что его хромота входитъ въ общую картину житейской некрасивости. Доброе сердце Гоголь превратилъ въ Манилова и вдобавокъ еще высмѣялъ дѣтей Манилова; или мичманъ Жевакинъ у него только комиченъ, а не печаленъ въ своемъ тоскливомъ одиночествѣ, и весь со своею глупостью выведенъ на всеобщее позорище, какъ и его товарищъ по несчастному сватовству Анучкинъ, въ которомъ другой, можетъ быть, увидѣлъ бы и нѣчто трогательное и котораго не осудилъ бы за желаніе непремѣнно образованной жены. Но Гоголю нѣтъ дѣла до трогательнаго. Героиня той же «Женитьбы», современная Пенелопа, отвергающая своихъ жениховъ, замѣчаетъ въ каждомъ изъ нихъ какой-нибудь смѣшной изъянъ,—а умѣренная оцѣнка людей, принадлежащая Собакевичу, тоже хорошо извѣстна. Гоголь смѣется и тамъ, гдѣ у другого осужденіе вышло бы иначе; напримѣръ, Иванъ Ивановичъ, издѣвающийся надъ нищенкой своими разспросами объ ея аппетитѣ, — человекъ не только смѣшной, но и жестокой; однако нашъ писатель и здѣсь предпочитаетъ серьезнымъ штрихамъ нравственнаго обвиненія все ту же кару смѣха. Безжалостенъ Гоголь и тогда, когда изображаетъ робкое, пугливое горе одного изъ своихъ забытыхъ героевъ, одного изъ этихъ чиновниковъ, которые сѣрой толпой, въ своихъ жалкихъ одеждахъ, прошли по русской жизни и сдѣлали ее такой убогой и горемычной. Трагедія исторической новой шинели рассказана такъ беззащитно, что, можетъ быть, Акакій Акакіевичъ отказался бы отъ нашего состраданія, отказался бы отъ самой шинели, лишь бы только Гоголь его не трогалъ, не вводилъ насъ въ тайны его несчастнаго туалета, не рассказывалъ съ присущею ему нескромностью, какъ онъ торопливо съѣдаетъ свой обѣдъ «съ мухами и со всѣмъ тѣмъ, что ни посылалъ Богъ на ту пору». Недаромъ его коллега, Макаръ Дѣвушкинъ въ «Бѣдныхъ людяхъ» Достоевскаго, такъ возмущенъ непрошеннымъ любопытствомъ юмориста. Не утѣшило бы Акакія Акакіевича, что сквозь это жесткое проглядываетъ все-таки, хотя и тщательно скрываема, внимательность къ нему, бѣдному чиновнику, который всю жизнь прямымъ почеркомъ выводилъ буквы и

для котораго въ концѣ этой жизни, ушедшей въ переписку, оказался слишкомъ дорогъ дубовый гробъ...

Смѣющійся судья, Гоголь указываетъ, въ свое оправданіе, на то, что онъ проникаетъ въ самую глубину своихъ подсудимыхъ. Онъ гордится тѣмъ, что если бы онъ не заглянулъ поглубже въ душу Чичикова, если бы «не шевельнулъ на днѣ ея того, что ускользаетъ и прячется отъ свѣта, не обнаружилъ сокровеннѣйшихъ мыслей, которыхъ никому другому не ввѣряетъ человѣкъ, а показалъ его такимъ, какимъ онъ показался всему городу, Манилову и другимъ людямъ, то всѣ были бы радешеньки и приняли бы его за интереснаго человѣка». Значить, глубина смѣшна. Но вотъ именно съ этимъ не мирится наше сознаніе, и невольно является вопросъ, дѣйствительно ли открылъ Гоголь самое дно чужой души. Вѣдь мы не забываемъ, что онъ далеко не брезгалъ какъ разъ внѣшней комичностью. Онъ бы только въ томъ случаѣ имѣлъ право искать смѣшного внутри, если бы не обращалъ вниманія на смѣшное наружное. Мы не вѣримъ тому, чтобы и въ основѣ міра лежала комика, чтобы въ ея однообразіи тонуло все—и внѣшнія примѣты, и самыя нѣдра вещей. Да и самъ Гоголь почувствовалъ, что всѣ тѣ, кого онъ изуродовалъ и осмѣялъ, жалуются на него Серьезному, передъ которымъ они оправдаются, которое прикроетъ и защититъ ихъ отъ язвительной насмѣшки, потому что истиной и сердцевинной человѣка не можетъ быть смѣшное. Они надѣются, что нѣкто заглянетъ въ нихъ еще глубже, чѣмъ это сдѣлалъ Гоголь. И какъ первые будутъ послѣдними, такъ на божественномъ судилищѣ именно смѣшные будутъ прекрасными и прекрасные—смѣшными. А для Гоголя уже теперь всѣ смѣшны, и въ этомъ общемъ комизмѣ теряется различіе между глубиною и поверхностью, между несчастнымъ и счастливымъ, между лицомъ и личиной.

И совершивъ надъ людьми свой Страшный Судъ, свой Страшный Смѣхъ, Гоголь остался одинъ. И это было для него тяжело. Онъ опустошилъ чужія души и заполнилъ ихъ собственнымъ смѣхомъ. Онъ, по его личному признанію, долженъ былъ обнаружить много глубины душевной, пролить много незримыхъ слезъ, для того чтобы озарить свои картины, взятая изъ презрѣнной жизни, и возвести ихъ въ перлъ созданія. И онъ спрашивалъ: «развѣ все, до малѣйшей излучины души подлаго и безчестнаго человѣка, не рисуется уже образъ честнаго человѣка?», развѣ «холодная вода въ рукахъ искуснаго медика», холодная вода его изобличенія и насмѣшки, не показываетъ всей сокровищницы авторскаго идеализма? Интересно, что всѣ эти доводы нужны были Гоголю не только для убѣжденія публики, но и для самого себя. Его зрители и чита-

тели, утомленные пошлостью и нелѣпостью гоголевскихъ уродовъ, возжаждали хоть одного честнаго человѣка, хотя бы одной неоскорбительной человѣческой фигуры. Имъ опротивѣли эти «перлы созданія», которые и сами-то готовы были взмолиться Гоголю, чтобы онъ оставилъ ихъ въ покоѣ, не удостоивалъ ихъ губительнымъ прикосновеніемъ своего грознаго таланта. И такъ характерна, такъ законна эта жажда благородства, которую выказываютъ участники театральнаго разѣзда; ихъ не удовлетворяетъ единственный честный человѣкъ, которымъ защищается авторъ, именно — смѣхъ. Имъ нужно, чтобы этотъ скрытый герой, этотъ внутренній идеалистъ вышелъ наружу и воплотился въ какой-нибудь отраднѣйшій реальный образъ. И тѣмъ меньше возможно ихъ винить за это тяготѣніе къ осязательному, что и самъ Гоголь страстно желалъ послѣдняго: онъ тоже хотѣлъ придать конкретныя черты своему внутреннему честному человѣку, претворить свой смѣхъ въ серьезное, но, какъ мы уже видѣли, онъ этого не сумѣлъ сдѣлать, и вотъ онъ пробовалъ утѣшать себя «незримиыми слезами» и «перлами созданія». Онъ остался одинъ въ опостылѣвшемъ кругу своихъ безобразныхъ порожденій, на этомъ трагическомъ карнавалѣ, и его преслѣдовалъ несмолкающій отголосокъ собственнаго смѣха.

Однако и на этомъ еще не кончается драма—по крайней мѣрѣ, не кончается для читателей. Главный ужасъ состоитъ не въ томъ, что Гоголю не удалось написать положительныя фигуры, а въ томъ, что когда онѣ начали проступать въ своихъ блѣдныхъ очертаніяхъ, въ большинствѣ ихъ, невѣдомо, а можетъ быть и вѣдомо, для автора, оказалось нѣчто отрицательное, нѣчто отталкивающее. Писатель кончилъ оправданіемъ Чичикова, и на протяженіи «Мертвыхъ душъ» — страшное зрѣлище!—Гоголь превратился въ Чичикова. Провидецъ и обличитель пошлости самъ оказался ею одолѣннымъ. Если и раньше онъ клеймилъ Плюшкина не только за дурную человѣчность, но и за дурную хозяйственность, за нечѣлесообразность его скряжничества, то въ послѣдствіи, чѣмъ дальше ѣздилъ Чичиковъ по своимъ дѣламъ и навѣщая родственниковъ генерала Бетрищева, тѣмъ больше запутывался Гоголь въ «хозяйственной паутинѣ» и принималъ все ниже и ниже къ землѣ, къ помѣстью, къ пріобрѣтательскимъ интересамъ, и то хорошее, что онъ замыслилъ противопоставить дурному, явилось просто-напросто во образѣ «чуднаго хозяина». Вся художественная работа отрицанія, все униженіе человѣчества были совершены для того, чтобы намъ, отчаявшимся и взалкавшимъ нравственнаго отдыха, былъ показанъ, точно якорь спасенія, помѣщикъ Костанжогло, объясняющій, какъ безукоризненно и справедливо пріобрѣлъ откупщикъ Муразовъ свои милліоны,

передъ которыми благоговѣть и Чичиковъ, и сроднившійся съ Чичиковымъ Гоголь. Послѣднему лѣнь и пьянство мужиковъ показались вершинами человѣческой порочности; а Чичикова онъ устами Костанжогло упрекаетъ въ эстетизмъ! («А вы охотникъ до видовъ!—сказалъ Костанжогло, вдругъ взглянувъ на него строго.—Смотрите, погонитесь тутъ за видами, останетесь безъ хлѣба и безъ видовъ. Смотрите на поля, а не на красоту».) И словно для того, чтобы мы не сомнѣвались въ этой конечной низменности идеаловъ, Гоголь, вращающійся вокругъ хозяйства, впоследствии показалъ намъ свою переписку съ друзьями, которая, при всей мистической окраскѣ иныхъ моментовъ, поражаетъ непріятными глубинами практицизма, подобно тому какъ въ «Игрокахъ», да и на другихъ его страницахъ, насъ приводитъ въ недоумѣніе его освѣдомленность въ дѣлахъ шулерства и мошенниковъ, нѣкоторый вкусъ къ Чичикову. Передъ многимъ въ жизненной практикѣ, въ Россіи, умилившійся и оттого умалившійся, возведшій и начальство, и крѣпостное право на степень неизмѣнной нравственной категоріи, Гоголь въ «Перепискѣ» мучительно для себя и для другихъ перебираетъ какую-то лиру съ больными струнами; предтеча Іудушки, онъ нерѣдко говоритъ его нудною рѣчью и оскорбляетъ чудовищной неграціозностью своей морали, тяжелой поступью какого-то придирчиваго существа, которое само испытываетъ бремя и налагаетъ его на другихъ. Въ ней, «Перепискѣ», учиняетъ онъ сыскъ добродѣтели и ратуетъ за добро, споспѣшествуемое чиновниками, правительствомъ, добро казенное; въ ней регламентація нравственнаго дѣланія заглушаетъ всякій наивный ростокъ, всякій ароматъ живой любви. Въ ней проявляетъ онъ душу связанную, чуждую игры и свободы, и такъ же связываетъ онъ души чужія,—совѣтуетъ, на примѣръ, женщинѣ распредѣлить свое достояніе на «семь кучъ» и вести особо расходъ каждой изъ нихъ: «Даже и тогда, когда бы оказалась надобность помочь бѣдному, вы не можете употребить на это больше того, сколько находится въ опредѣленной на то кучѣ. Если бы даже вы были свидѣтельницей картины несчастія, раздирающаго сердце, и видѣли сами, что денежная помощь можетъ помочь, не смѣйте и тогда дотрогиваться до другихъ кучъ». Весь громоздкій механизмъ назиданія приводится въ дѣйствіе только для того, чтобы, въ конечной цѣли, создать человѣка, умѣющаго хорошо распоряжаться своими денежными кучами, все той же кучей плюшкинскаго добра... У Гоголя даже и выраженіе такое есть: «душевное хозяйство», онъ говоритъ о «внутреннемъ казначействѣ».

Итакъ, ни въ непосредственной художественной оболочкѣ, ни въ спокойной формѣ разсужденія не являлся Гоголю тотъ честный

человѣкъ, котораго требовали отъ него другіе, котораго ждалъ онъ и самъ отъ себя, въ великой жадѣ совершенства, усталый отъ смѣшного. Для того чтобы создать нѣчто положительное, Гоголь долженъ былъ удалиться отъ того реализма, которымъ благословили, которымъ проклинали его взыскательныя музы. Отъ пошлаго, отъ Чичикова, отъ мелкаго искалъ онъ утѣшенія и убѣжища гдѣ-либо въ сказочной области или въ какомъ-нибудь цвѣтномъ углу жизни, на Туречинѣ, въ Сѣчи, въ казаккомъ куренѣ, тамъ, гдѣ онъ могъ вдоволь насладиться своей любимой игрой яркихъ красокъ, блестящемъ сочнаго колорита. Отъ сѣрыхъ медвѣжьихъ тоновъ Собакевича ему отрадно было переноситься къ блестящимъ тканямъ польскихъ одеждъ, или хотя бы къ пестрымъ нарядамъ малороссійскихъ дивчинъ «въ желтыхъ, синихъ, розовыхъ стричкахъ», или въ «зелено-золотой океанъ» степи, или даже на ярмарку—въ тотъ моментъ, когда «усталое солнце уходитъ отъ міра» и скользить своими лучами по набросаннымъ всюду предметамъ, такъ что «зеленыя фляжки и чарки, горы дынь, арбузовъ и тыквъ кажутся вылитыми изъ золота и темной мѣди». Въ обители яркаго онъ часто идеализируетъ грубое, дикое, тѣшитъ себя «широкимъ разметомъ душевной воли», поскольку она проявляется въ алыхъ потокахъ человѣческой крови, и онъ нерѣдко заливаетъ ею свои страницы; онъ любитъ это красное вино, драгоценное вино, которое хлынуло изъ молодого казака Кукубенка. Ибо красная свитка дьявола, разрѣзанная на куски, тянется по всему міру и огненно вспыхиваетъ то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ. Въ «Тарасѣ Бульбѣ» Гоголь медлительно и сладостно развертываетъ панораму отдѣльныхъ боевыхъ картинъ; онѣ часто составляютъ его словесную живопись, и война дышитъ у него всѣмъ своимъ ужасомъ,—небось, это не та война, на которую собирался Аванасій Ивановичъ, и ружья здѣсь не въ родѣ того, на которое позарился Иванъ Ивановичъ. Гоголь вообще упивается горящими красками зла, потому что онъ, какъ писатель, жестокъ,—вспомните, какъ зарѣзанъ мальчикъ Ивасъ въ «Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала» или какъ убитъ ребенокъ Катерины изъ «Страшной мести»; онъ съ увлеченіемъ, съ безсердечными подробностями рисуетъ сцены голода въ «Тарасѣ Бульбѣ» или какъ топятъ евреевъ въ Днѣпрѣ и «жидовскія ноги въ башмакахъ и чулкахъ болтаются на воздухѣ», или какъ «грозно стоитъ обгорѣлый черный монастырь» точно «картезіанскій монахъ», а тамъ чернѣетъ висящее тѣло «бѣднаго жида или монаха». Онъ спокоенъ передъ страданіемъ или убійствомъ не потому, чтобы въ немъ сильна была художественная объективность, а потому, что онъ вообще холоденъ къ человѣческому.

Вся эта оргія красокъ и крови нужна ему и сама по себѣ, и какъ фонъ для тѣхъ величественныхъ фигуръ, которыя онъ противопоставляетъ реальнымъ гномамъ и лиллипутамъ другихъ своихъ произведеній, всей этой мелкотѣ чиновниковъ и помѣщиковъ. И вотъ, у подножія горы копошатся у него Коробочки и Пѣтухи, а на вершинѣ поднимается какой-нибудь витязь сверхчеловѣческаго роста. Какъ нуждался онъ въ гиперболѣ смѣшного, такъ употребляетъ онъ преувеличеніе и для серьезнаго, для мужественнаго. Послѣднее онъ черпаетъ не изъ простой и обыденной жизни, — ему нужно становиться фантастичнымъ или, по крайней мѣрѣ, уходить изъ своей эпохи, для того чтобы творить положительное. Между Тарасомъ Бульбой и Чичиковымъ онъ не знаетъ промежуточныхъ ступеней, и надъ пошлостью мелкихъ выступаютъ у него грозные воины, «безженные рыцари», герои-отцы, убивающіе родныхъ сыновей. Въ жанрѣ гипербола его сводится къ изобилію мельчайшихъ деталей курьеза; въ героическомъ, въ положительномъ вообще онъ любитъ, наоборотъ, линіи крупныя, изгибы смѣлые и рѣшительныя, мазки широкіе—и это не только въ беллетристикѣ, но и въ историческихъ восклицаніяхъ, тамъ, гдѣ онъ съ птичьяго полета озираетъ цѣлыя вѣка міровой жизни.

Все это чрезмѣрное и усиленное иногда создаетъ подъ руками Гоголя, одинаково изъ пейзажа и изъ характеровъ, какую-то олеографію; избытокъ звонкаго и красочнаго вырождается въ риторику. Возникаетъ напыщенная литература, играютъ сгущенно-яркія краски, а не дѣйствительность и не свѣтлая человѣческая красота. И настолько это роскошное, эффектное преобладаетъ у Гоголя, что оно затмеваетъ собою и поглощаетъ отдѣльныя вспыхивающія на его страницахъ искры простого, милаго, умилительнаго, отдѣльныя добрыя слова, которыми нечаянно проговорился насмѣшникъ и которыя поэтому становятся для насъ еще дороже и отраднѣе. Таковы у него старосвѣтскіе помѣщики; онъ и надъ ними тихо посмѣялся, но все-таки написалъ ихъ нѣжно и такъ любовно рассказалъ намъ объ этой любви среди декоктовъ и рыжиковъ, на идиллическомъ хуторѣ, и было ему грустно, «заранѣе грустно», что вскорѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ съ поющими дверями, онъ увидитъ «заглохшій прудъ, заросшій ровъ». И глядя на осиротѣвшаго Аѳанасія Ивановича, который реликвіей кушаній поминаетъ свою Пульхерію Ивановну, Гоголь думаетъ: «Боже! Пять лѣтъ всеистребляющаго времени... старикъ, уже безчувственный старикъ, котораго жизнь, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущеніе души, котораго вся жизнь, казалось, состояла изъ сидѣнія на высокомъ стулѣ, изъ яденія сусе-

ныхъ рыбокъ и грушъ, изъ добродушныхъ разсказовъ — и такая долгая, такая жаркая печаль». Да, если бы Гоголь пристальнѣе всмотрѣлся и въ другіе свои персонажи, то и въ нихъ онъ, можетъ быть, тоже замѣтилъ бы не только смѣшное и растительное, но и душевный паѳосъ, какую-нибудь чистую печаль, какую-нибудь чистую радость... Или какъ симпатиченъ Вакула, доморощенный художникъ - кузнецъ, когда во дворцѣ Екатерины невольно останавливается передъ картиной Пречистой Дѣвы, эстетически любитъ ею и въ то же время соображаетъ, сколько пошло на нее вохры да бакана. Или—трогательная утопленница изъ «Майской ночи»: сама несчастная, сама на землѣ такая несчастная, она устроила чужое счастье, радость двухъ любящихъ сердецъ, такъ что и читателю хочется исполнить ея грустную просьбу—помолиться за упокой ея страдальческой души. Или—старая мать Остапа и Андрия. Или эта нѣжная, меланхолическая мысль, въ концѣ «Сорочинской ярмарки», что на разстояніи между звукомъ и отзвукомъ уже исчезаетъ недолгая человѣческая радость, и одинокій звукъ не можетъ выразить веселья и въ собственномъ эхо, въ эхо невѣрномъ, слышитъ онъ уже «грусть и пустыню, дико внемлетъ ему».

Но всѣ эти мягкіе и ласковые штрихи для Гоголя случайны и не типичны. Его положительное находится, какъ мы уже видѣли, въ иной области, — тамъ, гдѣ царятъ яркія краски и гдѣ онъ оказывается способнымъ только на гиперболу и риторику. Созиданіе прекрасныхъ и простыхъ образовъ не дается ему. Здѣсь онъ не творецъ, здѣсь онъ безсиленъ. Въ этомъ отношеніи глубоко-характерно его изображеніе женщины. Онъ ее любитъ, какъ и природу; но какъ описаніе природы у него всегда красиво, но не всегда тепло, такъ и о женщинѣ онъ чаще говоритъ въ высокопарномъ стилѣ Аннунціаты, приподнято и звонко, порою съ трепетомъ нездороваго сладострастія,—а все-таки чувствуется, что женщины человѣчески-живой, естественной и обаятельной онъ не знаетъ. Прекрасная женственность у него теоретична, литературна, какъ, напримѣръ, красавица-полячка изъ «Тараса Бульбы», — пусть и говоритъ онъ о шестнадцатилѣтней институткѣ, что она въ своемъ бѣломъ платьѣ, «легко и ловко обхватившемъ во всѣхъ мѣстахъ молоденькіе стройные члены, которые обозначались въ какихъ-то чистыхъ линіяхъ», вся походила на игрушку, «отчетливо выточенную изъ слоновой кости, и только одна бѣлѣла и выходила прозрачною и свѣтлою изъ мутной и непрозрачной толпы». Прекрасная женщина у него мертва, какъ мертвая красавица въ «Віѣ», а реальны и выписаны во всей жизненности своего непривлекательнаго облика инья женщины, — тѣ губернскія дамы, просто пріятныя

и пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ, которыхъ онъ такъ безжалостно осмѣялъ, или тѣ, которыя сродни Хавронѣ Никифоровнѣ. Помните ее? Это — та самая, которой шопотомъ признается въ любви поповичъ, «держа въ одной рукѣ вареникъ, а другою обнимая широкій станъ ея», и про которую ея молчаливый супругъ, утомленный неутомимостью ея рѣчей, отъ всей души воскликнулъ: «Господи Боже мой! И такъ много всякой дряни на свѣтѣ, а ты еще и жинокъ наплодилъ!..»

Такъ, сила Гоголя — не въ патетическомъ. Онъ больше отрицаетъ, чѣмъ утверждаетъ, и только въ качествѣ судьи познаетъ онъ человѣка. Очень характерно, что Гоголь—замѣчательно тонкій литературный критикъ, едва ли не лучший въ Россіи, хотя съ этой стороны и мало оцѣненный и цѣнимый. Впрочемъ, извѣстны его классическія страницы о Пушкинѣ и то, какъ онъ, темный и больной, горячо любилъ это свѣтлое солнце нашей поэзіи, искалъ его лучей, чтобы согрѣть свою зябкую душу, тяготѣлъ къ его дивной гармоніи. Онъ проникновенно чувствовалъ и сознавалъ, что «Пушкинъ былъ знатокъ и оцѣнщикъ вѣрный всего великаго въ человѣкѣ»; онъ вообще въ своей критикѣ обнаружилъ глубокое пониманіе великаго и возвышеннаго, и тѣмъ тяжелѣе было ему въ собственномъ заколдованномъ кругу низменныхъ и комическихъ образовъ. Опять и опять пытался онъ вырваться изъ этой цѣпкой среды, найти себѣ гдѣ-нибудь освѣженіе отъ головокружительнаго дурмана пошлости, вдохнуть и въ себя «упойтельное курево» прекраснаго. Потерпѣвъ роковую неудачу въ конкретномъ изображеніи серьезнаго и высокаго, онъ отдыхалъ отъ самого себя, отъ своей насмѣшливости, въ лирическихъ отступленіяхъ, которыя иногда достигаютъ несравненной силы, и, что еще трогательнѣе — для той же цѣли онъ прибѣгалъ и къ помощи своихъ смѣшныхъ героевъ. Помните, что самъ Чичиковъ у него не только дѣйствуетъ, но еще играетъ и роль какъ бы античнаго хора изъ трагедіи, и Гоголь не гнушается даже его устами выражать свои завѣтныя мысли и чувства. Онъ поступается выдержанностью комической фигуры, лишь бы только дать исходъ своимъ серьезнымъ помысламъ, и въ этомъ есть какое-то примиряющее начало, и вамъ отрадно слышать человѣческое въ торгашѣ, видѣть сближеніе сатирика съ его жертвой. Чичиковъ покупаетъ мертвыя души, но вотъ, накупивъ ихъ, мертвыя и бѣглыя, у Собакевича, у Плюшкина, у Коробочки, онъ задумался. И Чичиковъ задумавшійся (что одно уже представляетъ зрѣлище необычное и знаменательное),—Чичиковъ испытываетъ «какое-то странное, непонятное ему самому чувство», и онъ дѣлаетъ свою знаменитую перекличку душъ, кличетъ свой лирическій кличъ вдогонку погиба-

ющимъ и погибшимъ русскимъ людямъ. И гдѣ теперь Григорій Доѣзжай-не доѣдешь? И что дѣлаетъ теперь Абакумъ Оыровъ? Такъ на время перестаютъ звенѣть бубенчики смѣха, поднимается завѣса комическаго, и въ глубинѣ, въ отдаленіи, выступаетъ серьезное, отблескъ котораго загорается и на Чичиковѣ. Между прочимъ, именно оттого, что Гоголь нуждается въ послѣднемъ, какъ въ хорѣ, и оттого, что ему нужно странствованіе этого русскаго Одиссея, мы, читатели, не замѣчаемъ одного противорѣчія, которымъ страдаютъ «Мертвыя души» и которое выражается сопоставленіемъ: Чичиковъ—незадачникъ. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ—Чичиковъ, такъ почему же онъ не успѣваетъ? Торгующійся покупатель мертвыхъ душъ, типичный пріобрѣтатель, онъ только и дѣлаетъ, что теряетъ свои накопленныя имущества, терпитъ одно крушеніе за другимъ; уже въ почтенныхъ лѣтахъ, уже не слишкомъ толстый, не слишкомъ тонкій, онъ все только ѣдетъ, ѣдетъ за ускользящимъ отъ него золотымъ руномъ. Такой сильный въ ариѳметикѣ, богъ практичности и плутни, Чичиковъ постоянно ошибается въ своихъ расчетахъ, и поэма его незадачливыхъ походовъ, — это какая-то «религія страдающаго бога»...

Всѣ эти примирительныя и лирическія просвѣты, смягчающіе суровое дѣло сатиры, показываютъ, что жизнь не вмѣщалась для Гоголя въ рамки натурализма. Къ этой чертѣ его, къ этой неудовлетворенности обыденнымъ и жалкимъ, присоединяется и то, что отъ житейской прозы, которую онъ такъ мучительно хорошо зналъ и въ которой самъ задышался, онъ искалъ спасенія въ мистикѣ. Земля была въ его глазахъ населена далеко не одними маленькими людьми, не исчерпывалась дотла ихъ маленькими расчетами. Есть въ жизни какое-то непознаваемое, ирраціональное начало, и вотъ почему, напримѣръ, человѣку неизвѣстно его будущее; оно стоитъ, «подобно осеннему туману, поднявшемуся изъ болотъ: безумно летаютъ въ немъ вверхъ и внизъ, черкая крыльями, птицы, не распознавая въ очи другъ друга,—голубка, не видя ястреба, ястребъ, не видя голубки, и никто не знаетъ, какъ далеко летаетъ отъ своей гибели». Его трезвый умъ, отъ котораго не могли укрыться самые тонкія практическія умыслы Чичиковыхъ, находилъ себѣ оригинальное восполненіе въ яркой и живой фантазіи. И вотъ, на ряду съ дѣльцами, купцами, чиновниками являются у Гоголя чортъ и вѣдьма, которые и вмѣшиваются очень властно въ будничную жизнь, казалось бы, такую спокойную и размѣренную. Міръ, какъ кievскій лѣсъ, кажется ему полнымъ нечистой силы, всѣхъ этихъ некрещенныхъ дѣтей и дѣвушекъ, которыя погубили свои души, а теперь губятъ души чужія. Какъ Пи-

скареву изъ «Невскаго проспекта», ему при взглядѣ на бурлящую дѣйствительность представляется, что «какой-то демонъ искрошилъ весь міръ на множество разныхъ кусковъ и всѣ эти куски безъ смысла, безъ толку смѣшалъ вмѣстѣ». Цѣлый рой духовъ рѣетъ вокругъ насъ, «демонъ зажигаетъ лампы для того только, чтобы показать все не въ настоящемъ видѣ», и дьявольскія силы преслѣдуютъ человѣка при жизни и послѣ смерти; такъ, вѣдьма изъ «Майской ночи» мучила сотникову дочь и послѣ того, какъ послѣдняя сдѣлалась русалкой. Отъ вмѣшательства загадочныхъ силъ нельзя ничѣмъ и нигдѣ оградиться; это очень характерно для Гоголя и для жизни, что мистика проникла даже въ царство исключительной и тихой обыденности,—къ старосвѣтскимъ помѣщикамъ, перелетѣла за частоколь, окружающій небольшой дворикъ, и таинственно позвала къ смерти сначала Пульхерію Ивановну, а потомъ и Аванасія Ивановича, который услышалъ въ своемъ саду чей-то невѣдомый голосъ. Точно также мистика поразила и добраго бурсака Хому Брута; самъ онъ былъ веселый, прозаическій, имѣлъ душу простую и пошлую, душу пьяную, горилкѣ преданную, ни въ чемъ онъ не былъ виноватъ, и въ эту простоту и пустоту закралась нечистая сила, «чуть не зацѣпляя его концами крылъ и отвратительныхъ хвостовъ», и изъ-подъ чудовищныхъ вѣкъ убійственнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на него желѣзный Вій.

Страшныя сказки о жизни рассказалъ намъ Гоголь, потому что и жизнь сама страшна, какъ страшна показалась Хомѣ «освѣщенная церковь ночью, съ мертвымъ тѣломъ и безъ души людей»,—церковь, домъ незаселенный, площадь пустоты. И быть можетъ, страшно все пустое, котораго недаромъ боится природа, и не оттого ли жутко на свѣтѣ, что люди-призраки имѣютъ душу, ничѣмъ не заполненную, душу мертвую?..

Правда, мистика не всегда поднята у Гоголя на особую высоту сравнительно съ остальною жизнью. Въ соотвѣтствіи со своей общей реалистической и юмористической манерой онъ и о таинственномъ говоритъ вперемежку съ шуткой, онъ чорта показываетъ на ярмаркѣ, на Сорочинской ярмаркѣ, среди суеты и шума, въ пестрой прозѣ, гдѣ перемѣшана фантастика и реальность. Чортъ въ видѣ Басаврюка ходитъ среди людей, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что, какъ пузатый запорожецъ Пацюкъ находится немного средни чорту, такъ и всѣ мы, по Гоголю, тоже не свободны отъ этого родства. И вотъ черти и вѣдьмы снуютъ повсюду, посѣщаютъ человѣческія свадьбы и похороны, содѣйствуютъ и мѣшаютъ человѣческимъ романамъ, играютъ въ дудки, ѣдятъ галушки (тѣ самыя, которыя и «всѣ святые люди и угодники ѣда-

ли», — а царица Ёсть «золотыя галушки»); изъ трубы любого деревенскаго дома вмѣстѣ съ дымомъ поднимается верхомъ вѣдьма на метлѣ, чортъ крадетъ мѣсяцъ, чтобы досадить кузнецу, а кузнецъ называетъ чорта нѣмцемъ проклятымъ... Нерѣдко между людскою и нечистою силами происходитъ поллюбовное соглашеніе, и даже у Гоголя и его героевъ проявляется не разъ смѣшливое, непочтительное отношеніе къ чорту, къ таинственнымъ дѣятелямъ вообще, — вѣроятно, потому, что и чортъ высмѣиваетъ насъ. Только на вершинѣ мистическое величаво, торжественно, но въ долинахъ жизни оно не брезгаетъ принимать житейскія, повседневныя формы. Есть комедія и есть трагедія чорта. Кромѣ того, реальное и фантастическое такъ переплетены между собою, что трудно поручиться, не примете ли вы по ошибкѣ одно за другое. Вѣдь кузнецъ Вакула на спинѣ своего чорта волшебнымъ образомъ переносится прямо изъ чертоговъ царицы въ хату, въ кучу диканьскихъ бабъ, которыя плюютъ другъ дружкѣ въ лицо. Или записка, которую парубокъ въ сонныхъ грезахъ получилъ изъ рукъ русалки, потомъ оказывается запиской отъ комиссара. Наконецъ, можетъ быть, всѣ эти вѣдьмы и черти — только порожденіе нашей грезы? И являются они передъ нами только въ парахъ вина, когда нѣсколько разъ достанешь до дна дѣдовской чарки? Можетъ быть и то, что самъ чортъ заинтересованъ въ томъ, чтобы возникла эта неразбериха, эта пьяная иллюзія, гдѣ самые разнородные элементы сливаются въ одно жизненное цѣлое. Во всякомъ случаѣ, серебряный мѣсяцъ украинской ночи, очаровательной, божественной ночи, одинаково льетъ свои тихіе лучи и надъ прозою и надъ поэзіей, надъ реальностью и надъ фантазіей.

И для самого Гоголя есть это единство, потому что онъ любитъ одни и тѣ же мотивы разрабатывать и въ романтическомъ, и въ реалистическомъ аспектахъ. Одни и тѣ же человѣческія свойства и отношенія проявляются различно, смотря по тому, какое придать имъ освѣщеніе. Въ «Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала» блестящія груди золота и дорогихъ камней показаны въ нѣдрахъ земли, и какъ безумный стоитъ передъ ними Петро. Но вѣдь это же самое безуміе, желтое безуміе золота, царящее въ мірѣ, только въ прозаической формѣ, овладѣло и Чичиковымъ. Можно сказать, что Петро искалъ червонцевъ ради любимой дѣвушки, но вѣдь и Чичиковъ хотѣлъ разбогатѣть ради будущаго семейства своего, ради потомства, которымъ онъ очень дорожилъ. А въ «Страшной мести» близкій мотивъ о томъ, что не будетъ потомства, звучитъ иначе, звучитъ какъ проклятіе. Чичиковъ есть и въ художникѣ Чартковѣ; онъ — «вѣчный спутникъ» человѣческаго, какъ неотвязна всеобщая спутница-пошлость.

Итакъ, въ почву дѣйствительности щедрою рукою бросаль Гоголь сѣмена смѣшного, и неожиданно для него изъ этого посѣва народилось въ его произведеніяхъ человѣчество не только смѣшное, но и страшное. Онъ испугался передъ нимъ, онъ въ своей исповѣди и письмахъ просилъ прощенія у своихъ карриатуръ, у всѣхъ, кого онъ обидѣлъ и осмѣялъ. «Чушь и дичь» видѣлъ онъ по обѣимъ сторонамъ своей жизненной дороги, и потому «исполинскій образъ скуки» возсталъ передъ нимъ; онъ хотѣлъ спугнуть его фигурами утѣшительными, положительными,—это не было ему дано осуществить; смѣшное такъ властно было надъ нимъ, что даже въ «Разъѣздѣ», когда сердце его разрывалось отъ боли, онъ все-таки слышалъ и видѣлъ комическія рѣчи, комическія лица, эту разнообразно одѣтую толпу, которая спѣшитъ въ свои дома и на свой Невскій проспектъ съ его обманами и тайнами. Онъ хотѣлъ быть Шиллеромъ, но міръ ему неизмѣнно показывалъ себя въ освѣщеніи Сервантеса. И онъ умеръ среди своего уродливаго маскарада. Но между героями Шиллера и героемъ Сервантеса существуетъ гораздо большее родство и сходство, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Во всякомъ случаѣ, Гоголь оставилъ человѣчеству отзвуки своихъ внутреннихъ бореній. Онъ испыталъ муки Тантала: онъ понималъ «согласіе и высокую мудрость простоты», онъ чувствовалъ прекрасное, но не могъ сорвать его съ дерева искусства и облечь въ человѣческую форму. Онъ оставилъ и реальные слѣды тѣхъ возвышенныхъ чаяній, которыя стремились въ немъ къ жизни и воплощенію и среди которыхъ особенно поражаютъ его знаменитыя сравненія-періоды: въ нихъ обнаружилъ онъ поразительное умѣніе, оставаясь въ предметѣ, въ то же время мыслью уноситься отъ него въ сторону и въ даль, воскрешать предъ собою цѣлыя картины, внутренне родственныя и близкія тому, что пробудило его вдохновенную фантазію. Кто способенъ на такіе крыленные полеты во всѣхъ областяхъ жизни, тотъ не можетъ не таить въ себѣ, хотя бы и глубоко скрытаго, родника идеаловъ.

И хотя обидно и стыдно находить себя среди его художественной кунсткамеры, но — кто знаетъ, можетъ быть, какъ, по его собственной мысли, отдѣльному человѣку во благо идутъ и болѣзни, и оскорбленія, такъ и человѣчеству нужно это неумолимое изобличеніе, эти немилосердные упреки, которые онъ бросилъ ему въ его смѣшное лицо. Гдѣ такое воздѣйствіе смѣха, его прямая польза очевидны, такъ это—въ сферѣ общественной; въ ней и стяжалъ себѣ Гоголь особенное значеніе. Какъ помогъ онъ Россіи, какъ заклеилъ онъ въ ней какой-то апопоеозъ взятки и неправды,—это слишкомъ хорошо извѣстно и не нуждается въ разъясненіи. Рос-

сія никогда не забудеть ему той исторической услуги, какую онъ оказалъ ей, пустивъ въ самую гущу жизни, противъ мертвыхъ и мертвенныхъ душъ, змѣй своего геніальнаго остроумія и сатиры. То, что онъ осмѣялъ, уже не смѣетъ показаться на свѣтъ Божій, не рискуя услышать одну изъ тѣхъ гоголевскихъ кличекъ, которыя вошли въ обиходъ нашего языка, какъ вошли въ него и другія блестящія его юмора, на которыя въ нашихъ разговорахъ рассыпалась сокровищница его безсмертнаго смѣха.

И теперь, блуждая среди его смѣшного и страшнаго, среди его рожъ и романтики, — мы съ жутью видимъ, какая великая драма точила грудь этого писателя комедій, какъ тяжело страдалъ этотъ своеобразный «человѣкъ, который смѣется», знаменитый герой французскаго романиста. Ибо это—великая скорбь: быть обреченнымъ на то, чтобы смѣяться. И Гоголь проклиналъ свой смѣхъ во имя серьезнаго, онъ жегъ свои комическія страницы, чтобы изъ пепла ихъ возродить свою душу, — но смѣшное и пошлое не покидало его, и серьезное, великое, святое не давалось этому внутреннему Гуинплэну.

Лермонтовъ.

Когда-то на смугломъ лицѣ юноши-Лермонтова Тургеневъ прочелъ «зловѣщее и трагическое, сумрачную и недобрую силу, задумчивую презрительность и страсть». Съ такимъ выраженіемъ лица поэтъ и отошелъ въ вѣчность; другого облика онъ и не запечатлѣлъ въ памяти современниковъ и потомства. Между тѣмъ внутреннее движеніе его творчества показываетъ, что если бы ему не суждено было умереть такъ рано, его молодыя черты, навѣрное, стали бы

мягче и въ нихъ отразились бы тишина и благоволеніе просвѣтленной души. Вѣдь передъ нами—только драгоцѣнный человѣческій осколокъ, незаконченная жизнь и незаконченная поэзія, какая-то блестящая, но безжалостно укороченная и надорванная нить трудовъ и дней. Есть нѣчто горькое и трогательное въ томъ, что поэтическое наслѣдіе Лермонтова изобилуетъ отрывками. Онъ не договорилъ; его слова, его стихи, на самомъ значительномъ и важномъ мѣстѣ, прервала равнодушная пуля соперника, и мы не услышали тѣхъ «разказовъ мудреныхъ и чудныхъ», которые

зналъ бѣдный странникъ его стихотворенія, и тѣхъ разказовъ простыхъ и проникновенныхъ, которые узналъ онъ самъ. Это, впрочемъ, не значить, чтобы Лермонтовъ оставилъ мало произведеній: напротивъ, ихъ много, и въ этомъ множествѣ есть лишнее,—страницы повторяющіяся, блѣдныя и незрѣлыя. Мы хотимъ сказать главнымъ образомъ то, что его поэзія—отрывокъ по существу; она не завершила своего цикла, и только намѣчены тѣ глубокія перспективы, которыя ей надлежало еще пройти. И между этимъ обиліемъ его стиховъ и прозы и ихъ внутренней незаконченностью есть органическая связь. Онъ не успѣлъ, онъ не сказалъ своего послѣдняго и лучшаго слова именно потому, что вообще началъ говорить и началъ жить слишкомъ рано: пока изъ этой душевной преждевременности, изъ

этой роковой незрѣлости онъ выбивался на свою настоящую дорогу, пока онъ блуждалъ, дорога пресѣклась у подножія Машука. Надо помнить, что юный поэтъ вполнѣ сознавалъ досрочность своихъ переживаній и эта мучительная особенность психическаго склада угнетала его; онъ постоянно чувствовалъ ея бремя и много силъ потратилъ на то, чтобы сбросить съ себя ея непосильныя вериги. Въ томъ возрастѣ, когда еще «новы всѣ впечатлѣнія бытія», Лермонтовъ уже былъ далекъ отъ непосредственности, и разладъ и сомнѣнія закрались въ его отроческое сердце. Въ томъ возрастѣ, когда расцвѣтають однѣ надежды и тревожно-сладкія предчувствія, Лермонтовъ уже не замѣтилъ ихъ, прошелъ мимо; цѣльность и чистота его духа были возмущены въ самомъ началѣ, въ самомъ истокѣ жизни. Въ томъ возрастѣ, когда тѣшатъ игры, Лермонтовъ извѣдалъ уже «безнадежную любовь ребенка», чертилъ въ тетрадахъ женскіе профили; его опалило дыханіе страсти. И такъ, его душа, еще не настроенная, еще не готовая, преждевременно бросилась въ «море жизни шумной»; за это «страданія ея до срока измѣнили», и она заплатила «страшной пустотой» и тѣмъ «безочарованіемъ», которое такъ хорошо подмѣтилъ въ ней Жуковскій.

Мотивъ досрочности настойчиво и разнообразно звучитъ на всемъ недолгомъ протяженіи поэзіи Лермонтова. Онъ «изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ» и, въ противоположность своему «милому Сашѣ», вмѣстѣ съ ними потерялъ «и звонкій дѣтскій смѣхъ, и вѣру гордую въ людей».

До времени отвыкнувъ отъ игры,
 Онъ жадному сомнѣнью сердце предалъ,
 И презрѣвъ дѣтства милые дары,
 Онъ началъ думать, строить міръ воздушный.

Очевидно, нельзя безнаказанно презирать дѣтство, отвергать его одежды и надежды; очевидно, есть какой-то срокъ для души, раньше котораго она не можетъ раскрыться для извѣстныхъ впечатлѣній, не можетъ вмѣстить въ себѣ жгучихъ страстей,—иначе эти страсти, довременно пробужденныя, «живымъ огнемъ прожгутъ свой алтарь, не найдя кругомъ достойной жертвы». Дѣтство надо пережить, его надо преодолѣть,—иначе взрослое дитя, «ранній старикъ безъ сѣдинъ», подъ бременемъ этого трагическаго противорѣчія, будетъ влачить въ своемъ опустошенномъ сердцѣ однѣ только разбитыя упованія и тоску. Недаромъ Лермонтовъ желалъ ребенку своего друга:

Пускай не знаетъ онъ до срока
 Ни мукъ любви, ни славы жадныхъ думъ.

И естественно, кто вышелъ, какъ Лермонтовъ, «одинъ на дорогу», кто ушелъ впередъ раньше другихъ, тотъ уже не остановится, тотъ будетъ и дальше идти одинъ; онъ «въ мирѣ не оставитъ брата, на дружнѣй зовъ не встрѣтитъ отвѣта» и какъ мѣсяцъ, «небесной степи блѣдный властелинъ», будетъ одиноко совершать свое печальное движеніе. Досрочность неминуемо ведетъ къ одиночеству. Дубовый листокъ, который созрѣлъ до срока, отрывается отъ вѣтки родимой, и вотъ онъ носится, носится, безъ цѣли, безъ дороги; желтый и пыльный, онъ не пара свѣжимъ сынамъ зеленаго дерева, и вовсе непривлекательно для нихъ то, что онъ много видѣлъ, много знаетъ, много думалъ, — онъ никогда не найдетъ ласки у молодой, непосредственной, не думающей чинары. «Раннѣй плодъ, лишенный сока», или «тощій плодъ, до времени созрѣлый, виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый, и часъ ихъ красоты—его паденья часъ». Это—особая, специфически-лермонтовская драма: быть плодомъ среди цвѣтовъ. Другіе плоды еще не созрѣли, и созрѣвшій не имѣетъ современниковъ. Ускоренный какою-то зловѣщей силой, оторванный отъ времени, отъ родныхъ поколѣнѣй, безъ ровесниковъ и среды, онъ одинокъ въ своей ненормальной зрѣлости, которой не радуется самъ, которая не радуется и чужихъ взоровъ; онъ будетъ одинокъ и въ своемъ «довременномъ концѣ», окруженный безучастной молодостью, которая для него не родная и которая поэтому зрѣлищемъ своей красоты не утѣшитъ его въ предсмертныя мгновенья. Онъ «раньше началъ, кончитъ ранѣ», — и въ началѣ, и въ концѣ онъ былъ и будетъ «одинъ, какъ прежде, во вселенной, безъ упованья и любви».

{ Таковъ средь океана островокъ:

Пусть хоть прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ;

Ладьи къ нему съ гостями не пристанутъ,

Цвѣты жъ на немъ отъ зноя всѣ увянутъ.

Но человѣческому существу несвойственно быть островкомъ среди волнующагося моря людей; человѣкъ не хочетъ и не можетъ жить отдѣльно и довольствоваться собственной красотой и величьемъ. Онъ испытываетъ глубокую тоску по чужой ладьѣ, которая бы своимъ одинокимъ парусомъ заблѣла въ туманѣ моря голубомъ и пристала къ его природенно-гостепріимнымъ берегамъ; онъ нуждается въ этихъ гостяхъ, которымъ онъ могъ бы отдать цвѣты своего острова, цвѣты своей души; ему нужно склонить предъ кѣмъ-нибудь свои гордые пальмы, хотя бы это впоследствии и принесло ему гибель. Иначе его пышные цвѣты поблекнутъ, никого не порадовавъ, и будетъ жаловаться ни съ кѣмъ не подѣ-

лившаяся, одинокая душа, что она устала, что она увяла въ буряхъ рока, подъ знойнымъ солнцемъ бытія. Даже старый утесъ, великанъ, покрытый морщинами, тихонько плачетъ о своей мимолетной гостьѣ, о своей маленькой золотой тучкѣ, которая провела ночь на его груди. Одинокая сосна подъ снѣжной ризою мечтаетъ о прекрасной пальмѣ юга; въ долинѣ Дагестана сраженный боець грезить въ послѣднемъ сновидѣніи о юной женщинѣ, которой грезится долина Дагестана,—и всему, всему живому хочется разсѣять безотрадность одиночества.

Оттого, между прочимъ, сердце жадно ловить сладкіе звуки, которые порою раздаются на землѣ и для тѣхъ, кто имъ неподвижно внемлетъ, принимаютъ близкій и милый образъ, «въ одежду жизни одѣваютъ все, чего ужъ нѣтъ». Ибо звуки безсмертны, и если хоть однажды огласятъ они землю своей небесной гармоніей, они уже не потонутъ въ жизненномъ шумѣ: душа никогда не забудетъ той мелодіи, которую пѣлъ ей ангелъ въ небѣ полуночи. Лермонтовъ часто возвращается къ этому обаянію «святыхъ звуковъ», которые онъ роднитъ со слезами. Вдохновенный страданьемъ поэтъ-слѣпецъ только по звуку слова узнаетъ родное существо, и такъ прекрасно и многозначительно говоритъ объ этомъ Лермонтовъ:

Онъ васъ не зрѣлъ; но ваши рѣчи,
 Какъ отголосокъ юныхъ дней,
 При первомъ звукѣ новой встрѣчи
 Его встревожили сильнѣй.
 Тогда признательную руку
 Въ отвѣтъ на вашъ привѣтный взоръ,
 Навстрѣчу радостному звуку
 Онъ въ упоеніи простеръ.

Для другихъ непонятные, другимъ невнятные, есть въ мірѣ такіе звуки, которые на разныхъ концахъ вселенной могутъ услышать и понять только двое; и благодаря этому, въ людной пустынѣ жизни осуществляется великая переключка родственныхъ душъ, и онѣ не затериваются одна для другой.

Есть звуки—значенье ничтожно
 И презрѣно гордой толпой,
 Но ихъ позабыть невозможно,—
 Какъ жизнь они слиты съ душой;
 Какъ въ гробѣ зарыто былое
 На днѣ этихъ звуковъ святыхъ,
 И въ мірѣ поймутъ ихъ лишь двое,
 И двое лишь вздрогнутъ отъ нихъ!

СНайти въ земномъ хорѣ свое созвучіе, свою человѣческую риѣму; и въ храмѣ, и средѣ боя чутко услышать и выдѣлить ее изо всѣхъ голосовъ міра; въ упоеніи дать на нее сердечный откликъ и броситься ей навстрѣчу, даже «не кончивъ молитвы»,—вотъ къ чему, въ исконной боязни одиночества, стремится каждое существо. Но не каждое успѣваетъ въ этомъ стремленіи, и многія остаются «въ созвучіи вселенной ложнымъ звукомъ», сознаютъ себя какъ живой диссонансъ и, въ одинокой тоскѣ забывая небесные гимны, уныло слушаютъ однѣ только «скучныя пѣсни земли».

Что самъ Лермонтовъ былъ одинокъ, что пѣсни земли въ теченіе долгаго времени казались ему скучны, что было ему и скучно, и грустно («мнѣ скучно въ день, мнѣ скучно въ ночь»),—это слишкомъ ясно для каждаго читателя его произведеній. Несмотря на свою глубокую воспріимчивость ко звукамъ небесъ, на свой изумительный внутренній слухъ, онъ долго не находилъ себѣ утѣшенія въ этой возвышенности своей природы, и его давило земное «жизни тяготѣнье». Чаша бытія казалось ему пустою, чужой, и уже очень рано просытился онъ ею, и очень рано пришелъ онъ къ сознанию того, что радости и горести, чувства и желанія, вся жизнь вообще не заслуживаютъ повторенія. Нетрудно подмѣтить эту характерную тему его поэзіи. Досрочность и одиночество приводятъ къ идеалу безслѣдности, когда всякое переживаніе цѣнится лишь постольку, поскольку оно не напоминаетъ ничего пережитаго. Жизнь интересна только въ своей однократности, она не должна повторяться — «не дважды Богъ даетъ намъ радость» и «кто можетъ дважды счастье знать?». Наполеонъ, который «погибъ какъ жилъ, безъ предковъ и потомства», который былъ самъ по себѣ,—вотъ излюбленный прообразъ той натуры, которая часто носилась передъ умственнымъ взоромъ Лермонтова. Нѣтъ ни прошлаго, ни будущаго, ни родины, ни изгнанія,—ни отъ чего не остается слѣдовъ. Каждый моментъ представляетъ собою нѣчто первое и послѣднее; онъ представляетъ собою не продолженіе, а сразу начало и конецъ, одно сплошное настоящее, которому чужды и воспоминанія, и надежды. Душа ничего не наслѣдуетъ, и все, что она испытываетъ, не связано между собою, не образуетъ цѣпи или звеньевъ,—есть только вихрь мгновеній, изъ которыхъ всякое обладаетъ великой самостоятельностью, довлѣетъ себѣ. Оттого каждый разъ душа опять нова, и прежнія письма съ нея безслѣдно стерты. Оттого

Вкушаютъ сонъ безъ сновидѣній
Полузавядшіе цвѣты.

Вспомните, какъ охотно Лермонтовъ сравниваетъ человѣка съ тучками, облаками, волнами,—съ тѣмъ, что по самой природѣ своей не знаетъ руля и вѣтриль, не оставляетъ въ мѣрѣ слѣда, «игру *безсвязную* заводить»:

Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ безъ слѣда
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада...

А волны, волны—все однѣ!
Я, обожатель ихъ свободы,
Какъ я въ душѣ любилъ всегда
Ихъ безконечныя походы
Богъ вѣсть откуда и куда;
.
И эту жизнь безъ дѣлъ и думъ,
Безъ родины и безъ могилы.

Правда, объ этой безслѣдности поэтъ иной разъ говоритъ и съ горечью. «Мы гибнемъ, нашъ сотрется слѣдъ». Онъ жалуется, что въ немъ самомъ «прошлаго нѣтъ и слѣда», онъ сѣтуетъ, что его поколѣнiе пройдетъ «безъ шума и слѣда»; онъ вообще часто упоминаетъ о шумѣ, и нужно ему, чтобы жизнь не была тиха, имѣла свое звучанiе; онъ не хочетъ быть въ мѣрѣ прохожимъ и угаснуть, «какъ въ ночь звѣзды падучей пламень», и онъ знаетъ,

Какая сладость въ мысли: я—отецъ!
И въ той же мысли сколько муки тайной!
Оставить въ мѣрѣ слѣдъ...

Онъ оплакиваетъ безслѣдную судьбу Одоевского.

...Дѣла твои и мнѣнья,
И думы—все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкiй паръ вечернихъ облаковъ:
Едва блеснутъ, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ—
Куда они? зачѣмъ? откуда?—кто ихъ спроситъ...
И послѣ нихъ на небѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви ребенка безнадежной...

Но своею мыслью онъ все же тяготѣетъ къ этому холодному величiю безслѣднаго существованiя, онъ поклоняется ему; «самъ немножко въ этомъ родѣ», онъ устами демона внушаетъ человѣку уподобиться облакамъ, перенять ихъ безпечность и безучастность:

Чась разлуки, чась свиданья
 Имъ не радость, не печаль;
 Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
 Имъ прошедшаго не жаль.

Безслѣдной душѣ невѣдомы раскаяніе и жалость, отъ нея далеки страсти и страданія; для нея, растворившейся на отдѣльных мгновенія, любовь—безъ радости, зато разлука—безъ печали. Печоринъ ни къ кому не имѣетъ настоящей привязанности. Беспечный и безучастный какъ облака, онъ не вспоминаетъ о Бэлѣ, его не мучитъ совѣсть за Грушницкаго, и свободный отъ дружбы, которая стѣсняетъ своими нравственными слѣдами и связями, онъ не чувствуетъ благодарности къ Максиму Максимычу и при встрѣчѣ обдаетъ его холодомъ глубокаго равнодушія. Онъ уходитъ «ни съ кѣмъ въ отчизнѣ не простясь»; онъ приходитъ никого не привѣтствуя,—да и вообще есть ли у него духовная отчизна?

Именно такія неосѣдлыя души, которыя не возвращаются, которыя разрываютъ связи и все испытываютъ одинъ лишь разъ, Лермонтовъ «давно любилъ отыскивать по свѣту на свободѣ». И въ прекрасной «Сказкѣ для дѣтей», гдѣ въ обычномъ знаменательномъ союзѣ выступаютъ демонъ и дѣвушка, мы читаемъ о послѣдней:

Я понялъ, что душа ея была
 Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно.
 Для мукъ и счастья, для добра и зла
 Въ нихъ пищи много; только невозвратно
 Онѣ идутъ, куда ихъ повела
 Случайность, безъ раскаянья, упрековъ
 И жалобы. Имъ въ жизни нѣтъ уроковъ,
 Ихъ чувствамъ повторяться не дано.

Тамъ, гдѣ жизнь состоитъ изъ ряда независимыхъ и несвязанныхъ мгновений, она не имѣетъ характера дидактическаго. Кому она выпала на долю, тотъ не поучается, а живетъ. И если Пушкинъ устами Годунова восторженно славить науку за то, что она «сокращаетъ намъ опыты быстро текущей жизни», то Лермонтовъ такого сокращенія не хочетъ, и для того чтобы мгновение оставалось чисто, полновѣсно и цѣнно, чтобы жизнь не превратилась въ урокъ, въ школу, и одно переживаніе не держалось боязливо и послушно за другое, онъ отвергаетъ блѣдныя услуги знанія. Душѣ невмѣстно учиться. Она не должна быть памятливой и озабоченной, она не должна имѣть опыта. Отсюда же, въ конечномъ счетѣ,—и это лермонтовское презрѣніе къ яду и гнету просвѣщенія, къ наукѣ без-

плодной, которая изсушаетъ умы; отсюда—это обычное сѣтованіе на то, что въ знаніи—смерть и кара («вѣчностью и знаніемъ наказанъ»). И апоѳеозъ безслѣдности создавалъ въ поэтѣ странную иллюзію, которая побуждала его видѣть гнетущій избытокъ знанія тамъ, гдѣ послѣднее вовсе отсутствовало: Лермонтову казалось, что многіе влачатъ на себѣ грузъ науки и ею заслонили отъ себя солнце непосредственной и дѣйственной жизни. Для науки характерны именно связи, слѣды, а («пѣвецъ небесныхъ тучекъ») не хотѣлъ слѣдовъ.

Но безслѣдность является только желаніемъ, и въ сердцахъ лермонтовскихъ героевъ, въ помнящихъ людскихъ сердцахъ, она не можетъ находить себѣ полного осуществленія. Напротивъ, тотъ же безучастный и безпечный Печоринъ, которому «прошедшаго не жаль», сознается, что оно пріобрѣтаетъ надъ нимъ непримѣрную власть: «всякое напоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки... я глупо созданъ: ничего не забываю—ничего!» Ничего не забываетъ и Демонъ. А Мцыри даже и погибъ отъ того, что онъ не могъ забыть своего дѣтства, своей воли.

Что прошло, небывшимъ сдѣлать вновь
Кто подъ луной умѣетъ?

Такимъ образомъ, душа представляетъ арену, на которой связанность и безслѣдность ведутъ между собою ожесточенную, роковую борьбу. Можно ли не помнить, въ человѣческихъ ли силахъ «незабвенное забыть», отрѣшиться отъ своей душевной исторіи и каждый разъ начинать жизнь свѣжую и свободную?

И отъ души какаѣ можетъ власть
Отсѣчь еѣ мучительную часть?

Если даже великимъ напряженіемъ воли будутъ спугнуты призраки прошлаго, все же останется отъ него безнадежная усталость и разочарованіе. Забвеніе и память будутъ попеременно одерживать свои трудныя побѣды, и одинаково будетъ страдать разрываемаѣ ими душа. Этотъ расколъ во всей его глубинѣ чувствуютъ герои Лермонтова. Они страстно хотятъ безслѣдности,—между тѣмъ «все въ мірѣ есть: забвенья только нѣтъ». Ради нея они принимаютъ нечеловѣческія формы, потому что она идетъ за предѣлы человѣческаго: они становятся демонами и дивами или, по крайней мѣрѣ, надѣваются на себя ихъ красивыя личины, завидуя вѣчной молодости и безмятежности небожителей. Они хотѣли бы всю жизнь воплотить въ одно неповторяющееся мгновеніе, которое бы молніе-

носно вспыхнуло и безслѣдно сожгло ихъ въ своемъ пламени. «Если бъ меня спросили,—говорить Печоринъ въ «Княгинѣ Лиговской»,—чего я хочу: минуту полного блаженства или годы двусмысленнаго счастья, я бы скорѣй рѣшился сосредоточить всѣ свои чувства и страсти на одно божественное мгновѣніе и потомъ страдать сколько угодно, чѣмъ мало-по-малу растягивать ихъ и размѣщать по нумерамъ въ промежуткахъ скуки и печали». Вотъ это (Божественное мгновѣніе, противопоставленное длительности и вѣчности, вырванное изъ «промежутковъ скуки и печали», составляетъ одинъ изъ любимыхъ мотивовъ нашего поэта.) Творецъ изъ лучшаго ээира соткалъ живыя струны такихъ душъ,

Которыхъ жизнь—одно мгновенье
Неизъяснимаго мученья,
Недосягаемыхъ угѣхъ.

Пусть съ трепетомъ любви остановится на мнѣ взоръ моей прекрасной,

Чтобъ роковое воспоминанье
Я въ настоящемъ утопилъ
И все свое существованіе
Въ единый мигъ переселилъ.

(Божественное мгновенье стоитъ вѣчности:

Мгновѣніе вмѣстѣ мы были,
Но вѣчность—ничто передъ нимъ;
Всѣ чувства мы вдругъ истожили,
Сожгли поцѣлуемъ однимъ.)

Азраиль «за мигъ столѣтьями казненъ»; мгновенна была дивная пѣснь Литвинки, ничто не можетъ замѣнить («мгновенной дружбы межъ бурнымъ сердцемъ и грозой») и, съ другой стороны,

Есть мгновенья, краткія мгновенья
Когда, столпясь, всѣ адскія мученья
Слетаются на сердце и грызутъ!
Вѣка печали стдѣять тѣхъ минутъ.

Жизнь важна и цѣнна не въ своемъ количествѣ, а въ своей напряженности, и двѣ тихія жизни промѣнялъ бы Мцыри на одну,— «но только полную тревогъ». Демонъ живетъ вѣка, но эту вѣчность онъ отдалъ бы Тамарѣ за мигъ любви, какъ за ночь любви другой Тамарѣ отдають путники свою жизнь. Ибо жизнь понята какъ безусловное и безслѣдное мгновенье.?

(Лермонтовъ глубоко любить это обаяніе душевной тревоги, эти

молніи жизни, напряженную страстность минуты. Онъ знаетъ, что такое избытокъ силы и крови.) Все яркое, кипучее, огненное близко и дорого ему. Онъ чувствуетъ, что можно отдать цѣлые вѣка за искрометный мигъ единственнаго ощущенія. И вотъ почему Кавказъ, гдѣ все горитъ и трепещетъ, гдѣ все живетъ усиленной и роскошной жизнью, гдѣ высятся горы, эти «пирамиды природы», — Кавказъ является родной страной его жаждущему духу:

Еще ребенкомъ робкими шагами
Взбирался я на гордыя скалы,
Увитыя туманными чалмами,
Какъ головы поклонниковъ Аллы.

Его кавказскія легенды рисуютъ жизнь какъ сплошное приключеніе. Но и вся жизнь вообще рисуется Лермонтову какъ нѣкій нравственный Кавказъ, гдѣ нѣтъ будничной, удобной безопасности, тишины и покоя. Въ одно мгновеніе здѣсь можетъ все измѣниться, и потому каждое мгновеніе интересно, загадочно и тревожно; здѣсь рѣдко бываетъ естественная смерть: ударъ кинжала, выстрѣлъ, «злая пуля осетина» въ любую минуту прерываетъ шумные и бранные дни. Всякій можетъ здѣсь сказать про себя: «конь мой бѣжитъ — и никто имъ не править», и конь этотъ — «сѣдой летунъ» времени съ его безудержнымъ порывомъ. Въ этой очарованной странѣ страстей «бушуетъ вѣчная метель» несговорчивыхъ человѣческихъ желаній; люди не знаютъ мира и ничего не уступаютъ другъ другу, братъ идетъ на брата, мать проклинаетъ сына.

Здѣсь «мщенье — царь въ душахъ людей»,

И кабардинецъ черноокий
Безмолвно, чистя свой кинжаль,
Уроку мщенія внималь.

Такъ часто въ этой экзотической рамѣ выступаютъ непреклонные мстители, и даже Пушкинъ умеръ «съ глубокой жаждой мщенья», какъ это и подобаетъ поэту, который именно «на голосъ мщенья» долженъ вырывать изъ ноженъ кинжаль своего прекраснаго гнѣва. Но вѣдь кто мститъ, тѣ помнятъ, и всѣ эти могучіе Орши, Хаджи-Абреки, Литвинки, Арбенины и Вадимы, всѣ эти неумолимые *каллы* (убійцы), воплощая собою разладъ свободы и связанности, не только не отрѣшены отъ прошлаго, но въ этомъ смыслѣ именно ради прошлаго и живутъ, не только не поднимаются до облачныхъ высотъ невозмутимой безслѣдности, но сладострастно и упоенно проводятъ въ своей душѣ и въ мірѣ самые яркіе слѣды — кровавые слѣды мести.

Здѣсь много пѣсни и пляски, много радости и любви. Но именно потому, что жизнь обладает здѣсь такой стремительностью и полнотой, она мгновенно превращается въ смерть. Ибо пляска жизни и пляска смерти родственны между собою. Никогда жизнь не вспыхиваетъ такимъ яркимъ и сосредоточеннымъ пламенемъ, какъ если она посмотритъ въ глаза смерти. Оттого эти страстные люди, эти беспокойные и неосѣдлые горцы, живущіе на высотѣ орловъ, эти живописные всадники царственныхъ коней дѣлаютъ изъ своего существованія удалую войну. Они не любятъ середины между жизнью и смертью, они дышатъ или полной грудью или совсѣмъ перестаютъ дышать. Они играютъ и своей, и чужой жизнью, они стремятся «отъ душныхъ келій и молитвъ въ тотъ чудный край тревогъ и битвъ», потому что въ несравненныя мгновенья боевой схватки они переживаютъ какую-то оргію жизненныхъ силъ, жизненной радости: въ одинъ и тотъ же мигъ они достигаютъ вершины своего бытія и низвергаются въ самую пучину смерти.

Но чувства ихъ безсмертны. Земныя страсти переносятся въ могилу, и слышенъ изъ нея ревнивый неуспокоенный голосъ:

Ты не должна любить другова—
Нѣтъ, не должна!

И требуетъ любовникъ, чтобы и за предѣлами земного міра возлюбленная покинула для него свои райскія селенія и, ангель, вернулась къ нему, демону:

Клянися тогда позабыть, дорогая,
Для прежняго друга все счастье рая!
Пусть мрачный изгнанникъ, судьбой осужденный,
Тебѣ будетъ раемъ, а ты мнѣ—вселенной.

Однако вполне ли подобаешь самому Лермонтову жить въ этой странѣ повышенной жизни? Съ «увядшими мечтами», съ умомъ охлажденнымъ и недовѣрчивымъ, съ ироніей въ утомленномъ сердцѣ—что ему дѣлать тамъ, гдѣ все наивно и цѣльно, гдѣ дышитъ стихійная непосредственность? Докторъ Вернеръ на Кавказѣ: не звучитъ ли это странно и противорѣчиво? И другу Вернера, Печорину, и другу Печорина, Лермонтову, не могли развѣ сказать горцы того самаго, что сказали они Измаилу-Бею, въ которомъ не признали брата:

Зачѣмъ въ страну, гдѣ все такъ живо,
Такъ непокойно, такъ игриво,
Онъ сердце мертвое принесъ?

Вѣдь на Кавказъ, въ символическомъ смыслѣ этого слова, Лермонтовъ принесъ только одну половину души, и въ этомъ заключается коренное противорѣчіе его поэзіи, которая сочетаетъ въ себѣ подавленность жизни съ ея напряженностью, являетъ одновременно знаменательный союзъ и расколъ между огненной дѣйственностью и медлительной рефлексіей,—все ту же антиномію безслѣдности и памяти, мгновенія и длительности. Печоринъ опустил-ся въ «холодный кипятокъ» Нарзана,—именно такимъ холоднымъ кипяткомъ былъ и самъ Печоринъ, былъ и его духовный отецъ. Общеніе съ людьми отпугнуло Печорина-Лермонтова отъ людей, и вотъ, горько пресыщенный, онъ бродитъ по жизни, обманывая свое любопытство, зная напередъ ея содержаніе, всѣ свои будущія встрѣчи, и ему «скучно и гадко, какъ тому, кто читаетъ дурное подражаніе давно ему извѣстной книгѣ» /Счастье для него только въ «насыщенной гордости», но эту гордость ему приходится мелочно удовлетворять побѣдой надъ мелкими, надъ своей карриатурой—Грушницкимъ (Онъ самъ не живъ, и отъ его приближенія умираетъ живое, умираетъ Бѣла, Вѣра, чахнетъ княжна Мери, и даже своего коня замучилъ онъ, когда запоздало мчался на потерянное свиданіе.) Онъ говоритъ, что въ любви рѣшаетъ дѣло «первое прикосновеніе», но когда онъ самъ прикасается къ женщинѣ, это его не настраиваетъ на влюбленный и нѣжный ладъ, и онъ про себя глумится надъ Мери въ ту минуту, когда цѣлуетъ ее (такъ и Демонъ своимъ прикосновеніемъ убилъ Тамару.) Измаиль-Бей—невѣсту Русскаго. Онъ вообще имѣетъ печальное свойство губить все, что его любитъ. Онъ одержимъ фатальной «склонностью къ разрушенію».

Такъ картины яркой и страстной жизни, жизни по преимуществу, выходятъ изъ-подъ лермонтовскаго пера, изъ души человѣка, который «размышленіемъ холоднымъ убилъ послѣдній жизни цвѣтъ». О жизни пишетъ—и какъ пишетъ! неживой. «Преступленій сладострасть», дерзновеніе, борьбу изображаетъ писатель, который въ то же время относится къ міру презрительно и пресыщенно, холодно и насмѣшливо. Скучающій Лермонтовъ сознаетъ, что («жизнь скучна, когда боренья нѣтъ») бездѣйственный, онъ презираетъ то поколѣніе, которое состарится въ бездѣйствіи, и юпошескими устами говоритъ онъ:

Мнѣ нужно дѣйствовать, я каждый день
 Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
 Великаго героя; и понять
 Я не могу, что значить отдыхать.

По всей поэзии Лермонтова переливаются эти двѣ разнородныя волны дѣла и равнодушія, борьбы и отдыха, страсти и усмѣшки. Это и раздираетъ его творчество; это между прочимъ и дѣлаетъ его поэтомъ зла. Если напряженность душевныхъ переживаній сама по себѣ легко разрѣшается какой-нибудь бурной вспышкой и кровавой грозой, эффе́ктомъ убійства и разрушенія, то человѣкъ, который съ этой напряженностью сочетаетъ надменный холодъ мысли, жестокою способностью презрѣнія и сарказма, будетъ особенно тяготѣть къ дѣлу зла. И Лермонтовъ показалъ зло не только въ его спокойно-иронической, насмѣшливой и вѣжливой формѣ, не только въ его печоринскомъ обликѣ, но, больше чѣмъ кто-либо изъ русскихъ писателей, онъ явилъ и красоту зла, его пафосъ и величье. Онъ съизмлада полюбилъ черный образъ Демона, онъ дѣтской рукой написалъ безобразную фигуру Вадима, русскаго Квазимодо, но только безъ нѣжности своего родича; онъ тѣшилъ себя картинами ужаса и гибели, войны, разбоя, мести. Въ «Тамани» красивымъ отблескомъ отваги и моря загорается преступная жизнь контрабандистовъ, и зло воплощаетъ собою плѣнительная ундина, молодая дѣвушка съ распущенными косами, съ волнующей пѣсней на устахъ.

Можетъ быть, Лермонтовъ и хотѣлъ бы остановиться на этой высотѣ и красотѣ зла, но это не въ силахъ человѣка, и даже лермонтовскому Демону измѣнила его злая воля: онъ далъ обѣтъ отречься отъ «злыхъ стяжаній», онъ вновь постигнулъ «святыню любви, добра и красоты». Хаджи-Абрекъ безпощадно и спокойно убилъ любовницу своего врага,—но спокойно ли увозить онъ подъ своею буркой ея мертвую голову? Не кажется ли ему, что пѣна ручья блещетъ «какъ очи мертвой головы»? И не слѣдуетъ ли ему, герою зла, помолиться?

Скорѣе, путникъ одинокій,
 Закройся буркою широкой,
 Ременный поводъ натяни,
 Ременной плеткою махни;
 Тебѣ вослѣдъ еще не мчится
 Ни горный духъ, ни дикій звѣрь;
 Но если можешь ты молиться,
 То не мѣшало бы—теперь.

И вообще, у Лермонтова молитва и преступленіе, любовь и ненависть находятъ себѣ союзъ, повидимому странный и въ то же время неразлучный, какъ это было и въ его собственномъ сердцѣ, «гдѣ такъ безумно, такъ напрасно съ враждой боролася любовь».

Невольно вспоминаешь изъ его біографіи и изъ его «незрѣлыхъ вдохновеній», что въ дѣтствѣ онъ одновременно былъ живымъ предметомъ раздора и привязанности: борьба между отцомъ и бабушкой создавала вокругъ него двойственную атмосферу любви и ссоры, ласки и раздраженія; это несомнѣнно сказалось на всемъ дальнѣйшемъ содержаніи его творчества. Но (свой личный опытъ онъ углубилъ и понялъ вообще связь убійства и любви) Такъ характерно, что «лилейная рука» любимой женщины подносить ему въ нѣмой залогъ любви кинжалъ и женскіе черные глаза при огнѣ тускнѣютъ и сверкаютъ какъ сталь кинжала.

На высотѣ зла поэтъ не остался. (Его сердце и творчество было «вьюгой зла занесено, какъ снѣгомъ крестъ въ степи забытой») но (вотъ именно этотъ крестъ, «любви символъ ненарушимый», виднѣется изъ-за всѣхъ его произведеній, какъ увидѣлъ его самъ Лермонтовъ на Крестовой горѣ, среди обваловъ и потоковъ Кавказа. Крестъ и келья часто завершаютъ у него и очищаютъ собою бурное дѣло крови.) Страсть и ея драма разыгрываются у него въ сосѣдствѣ монастыря и въ монастырѣ находятъ свою развязку. Боецъ и монахъ встрѣчаются между собою въ глубокой антитезѣ и глубокомъ родствѣ. Одинъ изъ праотцевъ Гудала, «грабитель странниковъ и сель», въ часъ раскаянья обѣщаль построить церковь на вершинѣ гранитныхъ скалъ, въ обители коршуновъ, и вотъ между величественныхъ снѣговъ «поднялся одинокій храмъ»,

И кости злого человѣка

Вновь успокоилися тамъ.

И когда «рука вѣковъ прилежно смела» всѣ слѣды прошлаго, когда отзвучали имена Гудала и Тамары, одна только эта церковь, «храняемая святою властью», продолжала возвышаться между тучъ, и облака толпою спѣшили къ ней на поклоненье изъ своей дали, какъ изъ другой, человѣческой, дали—мечтаетъ Лермонтовъ—нищій путникъ медленно придетъ къ осѣненной крестомъ гостепріимной вершинѣ кургана, къ этой примиряющей гробницѣ (страстнаго и мятежнаго поэта.)

(Страстный и мятежный, Лермонтовъ именно въ смиреніи и примиреніи нашель синтезъ между подавленностью безочарованія и стремительной полнотою жизни.) Это не сразу кажется убѣдительнымъ, что Лермонтовъ былъ человѣкъ синтеза, и можно подумать на первый взглядъ, что душа его вѣчно протестовала, навсегда сохранила (зіяніе байроновскихъ тревогъ и сомнѣній,) не слилась въ единую гармонію и согласіе съ міромъ. И между тѣмъ завершающая успокоенность нашего безпокойнаго поэта является

психологическимъ фактомъ, и болѣе тщательный разборъ его произведеній могъ бы даже установить всю градацію его переходовъ отъ демонизма къ религіозности, отъ озлобленія къ прощенію.) Есть люди, которые всю жизнь представляютъ собою непримиримое противорѣчіе, звучатъ роковымъ диссонансомъ, — Лермонтовъ же этимъ началъ, но не этимъ кончилъ. У него всегда была потребность въ молитвѣ. Правда, когда-то онъ признавалъ ее только на вершинѣ, и эта молитва была «грѣшной», и было въ ней больше упрека и бунта, чѣмъ просьбы:

Въ тѣсинѣ Кавказа я знаю скалу,
Туда долетѣть лишь степному орлу;
Но крестъ деревянный чернѣетъ надъ ней,
Гниетъ онъ и гнется отъ бурь и дождей.
И много ужъ лѣтъ протекло безъ слѣдовъ,
Съ тѣхъ поръ какъ онъ виденъ съ далекихъ холмовъ;
И каждая кверху подъята рука,
Какъ будто онъ хочетъ схватить облака.
О, если бъ взойти удалось мнѣ туда,
Какъ я бы молился и плакалъ тогда...
И послѣ я сбросилъ бы цѣпь бытія,
И съ бурей братомъ назвался бы я.

Теперь же, въ періодъ своего духовнаго синтеза, онъ при зрѣлищѣ природы смиряетъ свое душевное волненіе, и въ небесахъ и на землѣ онъ видитъ не демона, какъ раньше, а Бога, миръ и отраду вокругъ палестинской вѣтки; онъ возноситъ сердца тихаго моленья, склоняется передъ Матерью, теплою заступницей міра холоднаго, и спрашиваетъ ребенка о дѣтской молитвѣ, которую шептала ему женщина — «и въ знаменье креста персты твои сжимала». Онъ вообще полюбилъ ребенка, его чистый поцѣлуй, его ясное счастье, его сонъ спокойный, сонъ отроковицы, когда ангелы-хранители бесѣдуютъ съ дѣтьми, и онъ не хочетъ смущать этотъ покой тайнымъ ядомъ страницы знойной. Его душа захотѣла отдохнуть «подъ Божьей тѣнью», какъ «усталый пѣшеходъ», который сворачиваетъ съ «дороги трудной»; (но отдохнуть она хотѣла не для мертваго безстрастія могилы, а для того, чтобы слушать сладкій голосъ любви.) И если вообще молитва и благословеніе, посылаемыя міру, составляютъ одно изъ прекрасныхъ человѣческихъ зрѣлищъ, то особенно трогательна молитва духа бунтующаго, который много бродилъ въ краяхъ чужого склада, искалъ бури, «судился съ Творцомъ» $\left\{ \right.$ вель пламенную тяжбу съ міромъ, съ женщиной, (но потомъ нашелъ свою родину, т.-е. понялъ и принялъ

жизнь въ ея земной сущности. Лермонтовъ вернулся въ страну бѣлѣющихъ березъ и желтой нивы, Его дружба съ Кавказомъ, освященная дѣтскими воспоминаніями, не прекратилась; но если прежде съ его высокихъ горъ поэтическая и космическая фантазія Лермонтова представляла себѣ обобщенныя картины мірозданія, озираала вселенную съ высоты демоническаго полета и видѣла сожженную Богомъ безглагольную страну у ногъ Іерусалима, желтый Ниль и цвѣтные шатры бедуиновъ, созерцала вѣчность какъ «безбрежный океанъ, гдѣ, безпріютны, блуждаютъ звѣзды вслѣдъ другимъ звѣздамъ», то съ этихъ вершинъ онъ сошелъ внизъ, и ему полюбились тихія долины, полныя мглой, дорога, которая не пылить, листы, которые не дрожатъ. Онъ увидѣлъ красоту частнаго, отдѣльнаго, обыденнаго,—онъ понялъ величіе малаго. И даже свое сказочное воображеніе онъ сумѣлъ перенести въ самую глубь реальнаго и прозаическаго,—въ Столярный переулокъ, въ домъ Штосса, гдѣ, въ отрывкѣ изъ начатой повѣсти, мечетъ свои карты фантастическій старикъ. Уже на Кавказѣ, кромѣ Печорина, встрѣтилъ Лермонтовъ кроткую фигуру Максима Максимыча: эти два полярные образа символизируютъ всю его поэзію. И второй изъ нихъ, написанный чисто-пушкинскими чертами, представляетъ собою великую эстетическую и этическую заслугу со стороны Лермонтова. Пѣвецъ надменности и гордости, демонъ котораго имѣлъ своей стихіей собранье золь, среди великолѣпія природы и своихъ героевъ увидѣлъ незамѣтнаго штабсъ-капитана съ его безкорыстной, неприятельной и безъименной любовью,—увидѣлъ и любовно изобразилъ его, не мечтавшаго о чести изображенія. Въ Максимѣ Максимычѣ Лермонтовъ художественно намѣтилъ такое цѣльное міросозерцаніе, гармоничное и спокойное, такую красоту душевную, передъ которой онъ самъ склонился бы ницъ. Въ простой и будничной оболочкѣ раскрылись поэту доброе и нравственная тишина. Въ Лермонтова проникла сердечность,—и это было ново и велико. Особенно изъ его усть, когда-то знавшихъ одинъ только «гордый ропоть», отрадно было услышать звуки ласковые и мягкіе. Въ «Княгинѣ Лиговской» онъ сочувственно понялъ реальное горе нуждающагося и самолюбиваго чиновника; онъ нѣжно понялъ горькую печаль обиженной дѣвушки Елизаветы Николаевны, которая «плакала, но такъ тихо, такъ тихо, что если бъ вы стояли у ея изголовья, то подумали бы, что она спитъ покойно и безмятежно».

Да, много крови и битвы у Лермонтова,—

Крикъ побѣдившихъ, стонъ сраженныхъ
Принудятъ мирныхъ соловьевъ

Искать въ предѣлахъ отдаленныхъ
Иныхъ долинъ, другихъ кустовъ,

но «съ грустью тайной и сердечной» подумалъ онъ, въ конечномъ періодѣ своего душевнаго развитія, о безцѣльности вражды, пожалѣлъ человѣка, показалъ ему, что «небо ясно», что «подъ небомъ много мѣста всѣмъ». «Солнце ясно, небо сине,—чего бы, кажется, больше? Зачѣмъ страсти, желанія и сожалѣнія?» И надъ колыбелью будущаго казака, знаменуя одно изъ вѣчныхъ противорѣчій жизни, поетъ свою тихую пѣснь, свое материнское баюшки-баю, кроткая и печальная женщина, которая дастъ воину на его кровавую дорогу образокъ святой. (Противорѣчіе крови и святыни) остается, Лермонтовъ не можетъ его разрѣшить, но во всякомъ случаѣ то злое и надменное, что жило въ творцѣ и поклонникѣ «Демона», улеглось, и, какъ въ его стихотвореніи,—«паль на землю черный конь», т.-е. изъ двухъ бойцовъ, изъ двухъ разнородныхъ порывовъ его души, одолѣлъ тотъ, который былъ облеченъ въ бѣлый сребристый покровъ. Лермонтовъ просвѣтленно примирился съ міромъ. Конечно, это совсѣмъ не значитъ, чтобы онъ понизилъ свои идеальныя требованія къ людямъ и жизни,—онъ только освободилъ себя отъ презрѣнія къ нимъ и увидѣлъ то, что есть въ нихъ прекраснаго. > Не велика та гордость, которая оказывается въ результатѣ сравненія съ другими: < быть можетъ, Лермонтовъ былъ гордъ и надменности удѣлялъ такое почетное мѣсто въ своихъ произведеніяхъ лишь до тѣхъ поръ, покуда онъ сравнивалъ. Тогда онъ былъ сатирикомъ и бросалъ въ людей «желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью»; тогда онъ видѣлъ «вездѣ обманъ, безумство иль страданье»; тогда, какъ герою его повѣсти, всѣ люди казались ему желтыми. Когда же онъ остался наединѣ съ собою, когда глубоко вошелъ въ себя, онъ позналъ смиреніе. Въ теченіе всей своей короткой жизни онъ тяготѣлъ къ этой духовной тишинѣ, къ «дивной простотѣ», и много усилій долженъ былъ онъ сдѣлать надъ собою, чтобы найти красоту и глубину простаго. > И онъ его въ концѣ своей внутренней жизни нашелъ. Онъ мудростью сердца постигъ философію и религію жизни, онъ созналъ, что картина ея производитъ тѣмъ болѣе потрясающее впечатлѣніе, чѣмъ проще краски, которыми она пишется. Даже стихъ его сдѣлался тогда болѣе проникновеннымъ и близкимъ къ душѣ. Всегда въ немъ было много колоритнаго и красочнаго, много силы и страсти, но была въ немъ и звучная риторика. Въ новомъ фазисѣ Лермонтова она исчезла, и теплое, человѣческое содержаніе приняло и соответственную интимную форму.

Онъ понялъ, что простое—это не пошрое, что легче красиво пролетать надъ вершинами Кавказа, чѣмъ въ низинахъ жизни скромно и труженически дѣлать ея трудное дѣло. Онъ долго просилъ бури, и знойныя бури, дѣйствительно, бушевали въ его груди. Но въ то время, когда онъ пронеслись и со dna его души выбросили было свѣтлыя жемчужины и Лермонтовъ пришелъ домой, гдѣ его такъ долго ждало простое и прекрасное,—въ это время онъ былъ убитъ, и не суждено ему было прожить дома. И онъ ушелъ съ душою, міромъ непонятой; онъ ушелъ, сочтенный толпою за гордаго и злого, между тѣмъ какъ онъ былъ только несчастенъ. И теперь, какъ герой своего «Завѣщанія», онъ шлетъ изъ своей ранней страдальческой могилы поклонъ родному краю,—и родной край любовно отвѣчаетъ на него своему пѣвцу и сыну.

Баратынскій.

Баратынскій извѣстенъ въ русской литературѣ какъ «поэтъ мысли». Не то, чтобы у него была какая-нибудь одна господствующая идея, которая придавала бы его поэзіи характеръ глубокой и оттого прекрасной односторонности. Правда, какъ мы увидимъ дальше, центральнымъ идейнымъ ядромъ, вокругъ котораго обволакиваются остальные его поэтическія замѣчанія, можно считать постоянную мысль о человѣческомъ счастьи и о коренной недоступности его для насъ. Но и это не имѣетъ въ его книгѣ преимущественной силы и только входитъ въ тотъ общій кодексъ художественной мудрости, какой представляетъ собою сборникъ его стиховъ. Баратынскій вообще претворяетъ свои ощущенія въ разумъ; онъ вообще неустанно думаетъ, и какъ алмазныя искры тамъ и здѣсь вспыхиваютъ въ его творчествѣ красивыя мысли, неожиданныя обобщенія людского опыта.

Отъ каждаго явленія міровой жизни вдумчиво беретъ онъ его смыслъ, его умную сердцевину, и показываетъ ея красоту. Не только чувство въ своей силѣ и страсти, въ безконечномъ разнообразіи своихъ цвѣтовъ и оттѣнковъ можетъ служить предметомъ лиризма, но и человѣческое размышленіе о мірѣ тоже вдохновенно облекается въ поэтическія строфы. Мысль прекрасна, и Баратынскій отдался ей, но черезъ это не сталъ разсудоченъ. Возникла особая лирика мысли, и хотя вся роскошь непосредственныхъ впечатлѣній, вся плѣнительная наивность жизни перегорѣла въ этомъ гераклитовскомъ огнѣ ума, — она возродилась къ новому бытію, свѣтлая, углубленная, спокойная. Она потеряла значительную долю «здѣшнихъ чувственныхъ примѣтъ», но зато дала сознанію ясность неожиданныхъ откровеній, радость пониманія, и приобщила его къ замыслу вселенной. Въ этомъ отношеніи, въ этомъ избыткѣ умнаго, Баратынскій похожъ на Гете, и характерно, что именно онъ посвятилъ мудрѣйшему изъ поэтовъ мудрые и глубокіе стихи. Таково

«необщее выраженіе», которое запечатлѣлось на интеллигентномъ лицѣ его музы.

Эта насыщенность мыслью, отличающая поэзію Баратынскаго, находится въ органической связи съ тѣмъ, что свою сосредоточенную думу онъ выражаетъ необыкновенно сжато, гармонически воплощаетъ ее въ такое же сосредоточенное слово. Онъ сознаетъ и цѣнитъ эту черту своихъ тщательно обдуманыхъ рѣчей, болѣе похожихъ на изреченія; онъ говоритъ именно о сжатой поэмѣ; онъ хочетъ, чтобы, какъ учить Шиллеръ, просторно было его мысли въ строгомъ кольцѣ нещедрыхъ словъ. Только серьезный мыслитель можетъ чувствовать себя привольно въ этихъ словесныхъ тѣснинахъ, только онъ довольствуется небольшою, но зато изысканной долей внѣшнихъ знаковъ. И Баратынскій часто одѣваетъ свою сконцентрированную идею въ какое-нибудь одно соответствующее слово, въ какой-нибудь одинъ эпитетъ, который зато наполненъ содержаніемъ до краевъ, точно художественный, большей частью—стариннаго стиля сосудъ. <Его роскошныя слова, будто спѣлые колосья, тяжелы отъ мысли>, и если бы ихъ было много, они могли бы заглушить нѣжный ростокъ поэтичности. Но ихъ мало, и этого не случилось. Однако поразительная экономія въ тратѣ полновѣсныхъ словъ, доведенная до самыхъ предѣловъ необходимости, вызвала то, что Баратынскаго не всегда легко понять: иной разъ не сейчасъ увидишь, къ чему относится его мѣстоименіе, гдѣ ключъ къ разстановкѣ словъ; не сейчасъ развяжешь узелъ его глаголовъ, которые онъ, тоже въ интересахъ сжатости, часто употребляетъ въ нежеланномъ для русскаго языка страдательномъ залогѣ. Самъ богатый мыслью, Баратынскій, требуетъ ея и отъ своего читателя; только напряженное и пытлиное вниманіе, идущее въ самую глубину не сразу проникаемыхъ строкъ, оцѣнитъ его стихотворенія,—иначе они останутся, и дѣйствительно остались, «какъ дѣва юная, темны для невнимательнаго свѣта».

Такъ какъ <слово у него боится пустоты и содержательно все, во всѣхъ своихъ изгибахъ и складкахъ>, то оно и пріобрѣтаетъ особую выразительность и силу. Подъ руками Баратынскаго, подъ его пристальнымъ взглядомъ слово оживаетъ въ своей внутренней красочности, обнаруживаетъ всю незамѣченную прежде глубину своего смысла и звучитъ во всю полноту своего звука. Поэтому оно поражаетъ насъ, точно мы услышали его впервые или послѣ долгаго психологическаго либо историческаго промежутка. Мы какъ будто и не думали раньше, что оно такъ красиво и многозначительно. Воскрешенное или новое, старомодное или современное, оно во всякомъ случаѣ раздается какъ-то свѣжо, торжественно и серьез-

но, даже если само по себѣ оно вполне обыденно. Впрочемъ, обыденности у Баратынскаго нѣтъ. Читая эти благородныя страницы, полныя своеобразной, аристократической красоты, вы не чувствуете, вы забываете, что почти всѣ человѣческія слова потускнѣли отъ безчисленныхъ прикосновеній, что они покрылись какимъ-то налетомъ,—подобно тому лаку, который отъ тысячи вождельющихъ взглядовъ образовался на обнаженныхъ плечахъ Эленъ изъ «Войны и мира». Всякое слово Баратынскимъ передумано сизнова, и потому въ немъ нѣтъ и тѣни пошлости; оно имѣетъ свою оригинальную и живую фізіономію, оно всегда ново. При этомъ, свободный въ своемъ широкомъ выборѣ, Баратынскій любовно принялъ русскій словарь во всемъ его прекрасномъ изобиліи, во всей возможности его сочетаній и энергичныхъ аллитерацій («между мужами возмужаль», «не споры сборы»),—но ни разу не угодилъ онъ звуку во вредъ мысли, и слово у него честно. Оно сроднилось съ мыслью и выступаетъ только ради нея и вмѣстѣ съ нею, въ то же время стихи его музыкальны, и нерѣдко въ нихъ красивое повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ,—особенно въ началѣ.

Быть можетъ, Баратынскій и самъ не радъ этой суровой власти, какую приобрѣла надъ нимъ всемогущая мысль. Онъ сѣтуетъ, что роковая дума легла на него гробовой насыпью и удушаетъ его легкій даръ; онъ знаетъ, что изъ-за нея не будетъ ему хмеля на праздникѣ мірскомъ, и съ горечью восклицаетъ онъ:

Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный слова!

О жрецъ ея! тебѣ забвенья нѣтъ.

Но Пушкинъ недаромъ назвалъ его Гамлетомъ. И какъ Гамлетъ, съ черепомъ въ рукахъ, «мыслящій наслѣдникъ разрушенья», поэтъ обреченъ на то, чтобы думать и быть Агасееромъ своей думы. Нельзя остановиться, надо вѣчно идти все дальше и дальше, все глубже и глубже, проникая въ непроницаемую сущность явленій. Ихъ окрашенная оболочка доступна уже рѣзцу, органу, кисти; и за чувственную грань ея видимости и звучности могутъ, по Баратынскому, и не переступать ваятель, музыкантъ, художникъ,—но поэтъ, вѣщатель слова, невольно и необходимо долженъ быть мыслителемъ и отъ живыхъ волненій жизни уноситься по ту сторону явнаго міра. Поэзія обязываетъ. Поэтъ глубже, но зато и чувственно-бѣднѣе своихъ собратьевъ по искусствамъ; другія музы не такъ задумчивы, не такъ безплотны,—онѣ дѣлаютъ своихъ жрецовъ соучастниками земного пира и разворачиваютъ передъ ними все земное «очей очарованье». А поэтъ лишь въ предѣлахъ минуты весенней радости, когда его душа съ ручьемъ—ручей и

съ птичкой—птичка, «забвенъе мысли пѣть» и освобождается отъ своей строгой властительницы.

Такимъ образомъ, Баратынскій какъ бы считаетъ мысль не личной особенностью своего поэтическаго генія, а родной стихіей всѣхъ поэтовъ вообще. Мы знаемъ, что онъ только отчасти правъ: хотя разумъ и находитъ въ «словѣ, жилищѣ мысли» своего прирожденнаго истолкователя, хотя искусство слова, поэзія, разумна по преимуществу, — она, конечно, изображаетъ и славить цвѣтную и осязательную сторону жизни и не тяготѣетъ къ одному сверхчувственному. Только по отношенію къ Баратынскому вѣрно то, что страстное чувство и чувственность остались за предѣлами его творчества. Отъ эмоціональнаго, поскольку оно бурно и пылко, сохранилось почти одно лишь воспоминаніе. Надо имѣть въ виду, что «его поэзія, — это уже не первая, а вторая глава изъ его душевной книги. Сборникъ его стиховъ, это—продолженіе, и онъ начался тогда, когда яркая полоса непосредственной жизни уже кончилась: не послѣдовательное и многообразное раскрытіе духа совершается передъ нами въ произведеніяхъ Баратынскаго, а дано только спокойствіе зрѣлости, тихая пора завершеній».

Его «томная душа созрѣла для благочинныхъ размышленій», и страсть больше не взволнуетъ ея. Онъ возвышается надъ явленіями, онъ живетъ во внутреннемъ мірѣ, и можетъ быть, одна только Италия съ башнями Ливурны зоветъ его къ себѣ, и хочется ему увидѣть поэтическія развалины древняго Рима, чтобы этотъ «пышный саркофагъ погибшихъ поколѣній» возбудилъ его гамлетовскую мысль и, опять съ черепомъ въ рукахъ, онъ могъ обратиться къ Риму, къ міру, къ исторіи со своими вѣщими вопросами. Не только пиры и «паеосскія пилигримки» не смѣютъ вернуться къ поэту, но и вообще ужъ онъ не вѣритъ увѣреньямъ, ужъ онъ не вѣруетъ въ любовь, и разочарованному чужды всѣ обольщенія прежнихъ дней. Онъ живетъ осенью, и «ужъ та зима главу его сребритъ, что грѣетъ сѣвъ для будущаго міра»; въ лицо ему дышитъ «запахъ увяданья»:

Я посѣтилъ тебя, плѣнительная сѣнь,
Не въ дни веселые живительнаго мая.

Ему къ лицу сумрачный пейзажъ его излюбленной Финляндіи, гдѣ «долъ очей не веселитъ,—гранитной лавой онъ облитъ». Не требуйте отъ него притворной пылкости,—онъ сердца своего не скроетъ хладъ печальный. Женцина потеряла надъ нимъ свое бывшее обаяніе; онъ сталъ поэтомъ уже послѣ разлуки. Страстную любовь онъ только вспоминаетъ. Ему страшна теперь краса черно-

окая,—онъ любить красавицу съ очами лазурными. Если женщина, подобно лунѣ, не влечетъ его отъ дольней жизни, если при ней душа не исполняется «священной тишиной», то онъ даже питаетъ къ ней легкое пренебреженіе или насмѣшку, тѣмъ болѣе что она не принадлежитъ къ числу тѣхъ избранныхъ, которымъ понятенъ языкъ поэтовъ и боговъ. Если бы женщина вдохновила его, онъ все равно не удостоилъ бы ея, не сталъ бы читать ей своихъ стиховъ, ею же вдохновенныхъ,—«подобный въ этомъ пчелѣ, которая со цвѣтомъ не дѣлитъ меду своего». Но не женщина вдохновляетъ его; онъ разорвалъ обычный союзъ любви и вдохновенья. Это поэзія—безъ женщины. Впрочемъ, это—поэзія жены, сестры. Съ ними хотѣлъ бы онъ жить, «случится-ль ведро иль нечастье на перепутьѣ бытія», имъ посвящаетъ онъ нѣжныя и задушевныя строки,—напримѣръ, такія:

Я твой, родимая дуброва!
 Но отъ насильственныхъ судьбинъ
 Молить хранительнаго крова
 Къ тебѣ пришелъ я не одинъ.
 Привель подъ сѣнь твою святую
 Я соучастницу въ мольбахъ:
 Мою супругу молодую
 Съ младенцемъ тихимъ на рукахъ.
 Пускай, пускай въ глуши смиренной,
 Съ ней, милой, быть мой утая,
 Другихъ урочищъ вселенной .
 Не буду помнить бытія.

Въ этой мирной пристани, гдѣ руки пожатые замѣнило Баратынскому поцѣлуй прекрасныхъ устъ, гдѣ его окружаютъ друзья и Дельвигъ, его добрый, милый Дельвигъ, гдѣ изъ эмоцій выбраны только спокойныя, — счастливъ ли нашъ поэтъ и мыслитель? Онъ часто восхваляетъ отдыхъ, спасительный холодъ бездѣйственной души, отрадное безстрастье; онъ стоитъ вдали отъ большой дороги жизни и «скромно кланяется прохожимъ». Самъ онъ никуда не идетъ. Онъ усталъ, и оттого покой, которому онъ теперь предается, не есть ли его счастье? Съ присущею ему откровенностью и умною трезвостью онъ не разъ говоритъ о своемъ примиреніи, о своей тишинѣ, о томъ, что онъ выбралъ безнадежность и покой. И эта холодная усталость, не разрѣшающаяся катастрофой, не влекущая къ самоубійству, производила бы отрицательное впечатлѣніе, если бы ей не сопутствовала энергія ищущей мысли. И кромѣ того, отдыхъ, похожій на счастье, сладкое усыпленіе,

хладной мудрости высокая возможность — все это на самомъ дѣлѣ представляетъ собою затаенное мучительное несчастье, и нерѣдко Баратынскій просыпается отъ своего душевнаго сна, отъ своей внутренней осени и тогда слышны тѣ горестныя звуки отчаянія, которые создали ему славу пессимиста. Баратынскій слишкомъ уменъ, для того чтобы повѣрить, будто человѣкъ можетъ утihnуть въ мертвой зыби покоя. Онъ знаетъ, что законъ міра — волненье, и онъ говоритъ объ этомъ художественными словами:

Намъ, изволенемъ Зевеса брошеннымъ въ міръ коловратный,
Жизнь для волненья дана: жизнь и волненье—одно.

.

Міра невѣжда, младенецъ, какъ будто законъ его чуя,
Первымъ стремленьемъ качать нудить свою колыбель.

Затѣмъ проходятъ волнующіеся годы, и наступаетъ омертвѣніе. Страстная, одержимая душа вдругъ останавливается, и умолкаетъ призывный гулъ ея водопада,—участь, которой въ большей или меньшей степени подвержено каждое человѣческое существо. Оно смертно не потому, что его настигаетъ смерть, а потому, что оно медленно умираетъ еще при жизни.

На что вы, дни! Юдольный міръ явленья
Свои не измѣнить!
Всѣ вѣдомы, и только повторенья
Грядущее сулить.
Недаромъ ты металась и кипѣла,
Развитіемъ спѣша,
Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла,
Безумная душа!
И тѣсный кругъ подлунныхъ впечатлѣній
Сомкнувшая давно,
Подъ вѣяньемъ возвратныхъ сновидѣній
Ты дремлешь, а оно
Безмысленно глядитъ, какъ утро встанетъ,
Безъ нужды ночь смѣня;
Какъ въ мракъ ночной бесплодный вечеръ канетъ,
Вѣнецъ пустого дня.

Это—отзвукъ изъ ненаписанной книги Баратынскаго, это—первая, недошедшая до насъ глава его поэзіи. <Неодновременность, непараллельность въ развитіи души и тѣла, досрочность переживаній, то, что отравило жизнь и поэзію Лермонтову, >—это, очевидно, въ до-историческій, такъ сказать, періодъ Баратынскаго ложилось гне-

томъ и на него. Его прошлое было стремительное движеніе, которое теперь уже застыло, оцѣпенѣло,—говоря его собственными словами:

Такъ ярый токъ, оледенѣвъ,
Надъ бездною висить,
Утративъ прежній грозный ревъ,
Храня движенья видъ.

Онъ спѣшилъ, онъ жадно пилъ жизненныя впечатлѣнія несозрѣвшими устами,—и вотъ теперь «не постигаетъ онъ души употребленья», и она безвременно изсякла, опустошилась, и тѣло ненужной и сиротливой тѣнью влачится безъ нея.

При такихъ условіяхъ, при этомъ нравственномъ автоматизмѣ, развѣ достижимо счастье? Его и нѣтъ подъ слоємъ того унылаго спокойствія, которымъ дышатъ инныя страницы Баратынскаго. Не смотря на свою резигнацію, онъ несчастенъ, и онъ не можетъ отрѣшиться отъ своей печали.

Но Баратынскій глубоко показалъ всю внутреннюю недоступность счастья не только для себя лично, но и для всѣхъ людей вообще, и въ то же время засвидѣтельствовалъ неодолимость тоски по счастью,—«желанье счастья въ меня вложили боги». При этомъ знаменательно, что, въ отличіе отъ многихъ пѣвцовъ земной скорби, онъ разрушительнымъ началомъ «блаженства прямого» считалъ не эмоціональныя человѣческія страданія, не сердечныя боли, не смерть. Ему, конечно, было «жаль земного поселенца» съ его повседневной заботой и печалью; но, болѣе исполненный мысли, чѣмъ задушевности, онъ источникъ нашего несчастья философски видѣлъ въ самой духовной конституціи человѣка, въ его положеніи среди необъятнаго міра. Именно эта фатальная неприспособленность къ счастью на ряду съ немолчнымъ желаніемъ его составляетъ, какъ мы уже сказали, центральную мысль въ поэзіи Баратынскаго.

Онъ не понимаетъ міра безъ человѣка, человѣческой радости, и первый разсматриваетъ въ связи съ послѣднимъ. Вселенная какъ поприще для людей составляетъ предметъ его исключительной думы, и поэтому для него важна проблема счастья. И вотъ, человѣкъ для него по самому происхожденію и по существу своему является обреченнымъ на муку вѣчнаго противорѣчія. Дѣти Прометея, «чада святотатства», мы осуждены «питаться болѣзненной жизнью, любить и лелѣять недугъ бытія и смерти отрадной страшиться»; мы осуждены быть несчастными,—и въ то же время Прометеева искра не можетъ погаснуть въ насъ и, все разгораясь, она говоритъ намъ о небесной родинѣ, о небесномъ счастьи. И вѣчныя Танталы, мы алчемъ и не насыщаемся. Быть можетъ, еще тяжелѣе другая анти-

номія, другая исконная трагедія, которая называется: прикованный Прометей. Свобода, пригвожденная къ скалѣ; крылья связанные; духъ плѣненный: таково зрѣлище, которое для забавы приготовили себѣ жестокіе и иасмѣшливые боги. Они не могутъ простить намъ похищеннаго огня, и не кончается наша тяжба съ ними. Есть гнетущее противорѣчіе между прикрѣпленностью, осѣдлостью человѣка и высокимъ пареніемъ его духа. Конечный и утомляемый, смертный и слабый, человѣкъ находится въ крѣпостной зависимости отъ своей скалы (она есть у каждаго), отъ своего мѣста, отъ своей предназначенной доли, и это мѣшаетъ его идеальной подвижности, и это создаетъ въ немъ <безнадежную борьбу между природою и свободой> между <судьбой и сердцемъ>—и опять такимъ образомъ возстаетъ передъ нами грандіозная въ своемъ несчастіи и въ своемъ подвигѣ фигура скованнаго Прометея, чья страдальческая тѣнь всегда поднимается за лучшими и наиболѣе характерными стихотвореніями Баратынскаго.

Тягостна для насъ эта жизнь, «въ сердцѣ бьющая могучею волною и въ грани узкія втѣсенная судьбою». Что же, покориться гранямъ, усмирить волну? Да, Баратынскій какъ будто совѣтуетъ это, но совѣтъ его дышитъ горькой неувѣренностью:

Къ чему невольнику мечтанія свободы?
 Взгляни: безропотно текутъ рѣчныя воды
 Въ указанныхъ брегахъ; по склону ихъ русла
 Ель величавая стоитъ, гдѣ возросла,
 Невластная сойти; небесныя свѣтила
 Назначеннымъ путемъ невѣдомая сила
 Влечетъ; бродячій вѣтръ неволенъ, и законъ
 Его летучему дыханью положенъ.
 Удѣлу своему и мы покорны будемъ:
 Мятежныя мечты смиримъ иль позабудемъ.

Но человѣкъ не только физически прикованъ къ своей человѣческой слабости. Какіе бы гордые и свѣтлые горизонты ни раскрылись его духу, все же онъ сирь и малъ для міра, въ который брошена искорка его души. Міръ и по своей внѣшней и по своей внутренней величинѣ, и по своимъ размѣрамъ и по своей тайнѣ, неизмѣримо больше его, и человѣкъ воплощаетъ собою то новое противорѣчіе, что его подавляетъ его собственное жилище, вселенная. Онъ оказывается въ мірозданіи какимъ-то «недоноскомъ». «Крылатый вздохъ», онъ носится межъ землей и небомъ, одинаково страшными для него, и вселенная его ужасаетъ.

Въ тягость роскошь мнѣ твоя,
Въ тягость твой просторъ, о вѣчность!

«Роковая скоротечность», онъ «отбываетъ безъ бытія» изъ этого міра, гдѣ такъ пугливо вздрагивалъ и отъ космическихъ бурь, и отъ драматизма человѣческаго:

Смутно слышу я порой
Кличъ враждующихъ народовъ,
Поселянъ безпечныхъ вой
Подъ грозой ихъ переходовъ,
Громъ войны и крикъ страстей,
Плачь недужнаго младенца...

Такъ, божественное пламя, лучшее достояніе человѣка, въ то же время тяготитъ его, и, на минуту низринутый въ вѣчность, самъ причастный къ ней въ своей душѣ, онъ мучится ею, но и жаждетъ ея, борется изъ-за нея съ богами,—и терзаетъ его это роковое противорѣчіе. Для міра великаго и вѣчнаго онъ еще не дозрѣлъ.

А пока человѣческій недоносокъ робко живетъ на землѣ, онъ неминуемо подпадаетъ фатальной силѣ несчастья. И въ поразительно-красивыхъ, непередаваемыхъ строфахъ своей «Осени» Баратынскій описалъ, что приносить этотъ «вечеръ года» человѣку, «оратаю жизненнаго поля», какую жатву собираетъ онъ («въ зернахъ думъ»):

Ты такъ же ли, какъ земледѣль, богатъ?
И ты, какъ онъ, съ надеждой сѣялъ;
И ты, какъ онъ, о дальнемъ днѣ награду
Сны позлащенные лелѣялъ...
Любуйся же, гордись возставшимъ имъ,
Считай твои приобрѣтенья...
Увы! къ мечтамъ, страстимъ, трудамъ мірскимъ
Тобой скопленныя презрѣнья,
Язвительный, неотразимый стыдъ
Души твоей обмановъ и обидъ!

Твой день взошелъ, и для тебя ясна
Вся дерзость юныхъ легковѣрій;
Испытана тобою глубина
Людскихъ безумствъ и лицемѣрій.
Ты, нѣкогда всѣхъ увлеченій другъ,
Сочувствій пламенный искатель,

Блистательныхъ тумановъ царь, и вдругъ
 Бесплодныхъ дебрей созерцатель,
 Одинъ съ тоской, которой смертный стонъ
 Едва твоей гордыней задушенъ.

Но если бы негодованья крикъ,
 Но если бъ вопль тоски великой
 Изъ глубины сердечныя возникъ
 Вполнѣ торжественный и дикой,—
 Костями бы среди своихъ забавъ
 Содроглась вѣтреная младость,
 Играющій младенецъ, зарыдавъ,
 Игрушку бъ выронилъ, и радость
 Покинула бъ чело его навѣкъ,
 И заживо бъ въ немъ умеръ человѣкъ!

Зови жъ теперь на праздникъ честный міръ!
 Спѣши, хозяинъ тароватый!
 Проси, сажай гостей своихъ за пиръ
 Затѣйливый, замысловатый!
 Что лакомству пророчить онъ утѣхъ!
 Какимъ разнообразьемъ брашенъ
 Блистаетъ онъ!.. Но вкусъ одинъ во всѣхъ,
 И какъ могила людямъ страшень:
 Садись одинъ и тризну соверши
 По радостямъ земнымъ твоей души.

«Садись одинъ»... Оратаи жизненнаго поля не сойдутся на общую паннихиду по своимъ идеаламъ; каждый останется въ тишинѣ своего внутренняго міра и сохранить про себя «лучшій жизни кладъ—даръ опыта, мертвящій душу хладъ». Быть можетъ, намъ стыдно и горько передавать другъ другу плоды своего жизненнаго урожая? И гордость мѣшаетъ намъ сознаться въ своей бѣдности? Но если бы даже мы рѣшились на это, кто насъ послушаетъ и пожалѣетъ, кто повѣритъ намъ? Опытъ непередаваемъ. Каждый начинаетъ сызнава и каждый остается одинъ. Баратынскій живо чувствуетъ эту обиду конечнаго одиночества, въ особенности поражающую тѣхъ, чей голосъ «земное перешель». Человѣческая толпа встрепенется отъ «пошлаго гласа, вѣщателя общихъ думъ»,— но то, что въ мірѣ есть великаго и рѣдкаго, проходитъ незамѣченно для погруженныхъ въ «постороннюю суету»: немногіе услышатъ паденіе звѣзды, немногіе замѣтятъ рожденіе новой.

Пускай, принявъ неправильный полетъ
 И вспять стези не обрѣтая,
 Звѣзда небесъ въ бездонность утечетъ;
 Пусть замѣнитъ ее другая:
 Не явствуетъ землѣ ущербъ одной,
 Не поражаетъ ухо міра
 Паденія ея далекій вой,
 Равно какъ въ высотахъ ээира
 Ея сестры новорожденный свѣтъ
 И небесамъ восторженный привѣтъ.

Но все равно, горѣла ли человѣческая душа небесной звѣздой, была ли она тусклымъ огонькомъ земли, — она все равно погаснетъ, и за осенью, вечеромъ года, наступитъ его бѣлая снѣжная ночь. Придетъ зима. Подъ снѣгомъ старости однообразно скроется все, и вотъ, наконецъ, опустится ночь на утомленные человѣческія вѣжды, темная, беззвѣздная, послѣдняя ночь, и за нею уже не наступитъ утро, — по крайней мѣрѣ, утро земное. Но будетъ ли гдѣ-нибудь разсвѣтъ и для нея, узнаетъ ли и свою зарю глубокая ночь смерти?

Какъ извѣстно, Баратынскій воспѣлъ этой смерти гимнъ, оправдалъ ее. Это не значитъ, чтобы она его не волновала. Правда, онъ говорить, что «не страшится новоселья» и просто заявляетъ:

Бѣжитъ невѣрное здоровье,
 И каждый день готовлюсь я
 Свершить послѣднее условье,
 Законъ послѣдній бытія.

Но «вскорѣ мнимая рѣшимость позабыта и томной слабости душа его открыта», и онъ хотѣлъ бы найти «услужливый предлогъ жить и бѣдствовать». И когда подъ липою сидятъ любовники и любятъ зеленой красою лѣта, они смущены въ своихъ сердцахъ налетѣвшей мыслью о неизбѣжной смерти. Ужасно думать, что сегодня возлюбленный съ пламеннымъ чувствомъ сжимаетъ руку возлюбленной, понимаетъ ея нѣжный взоръ, узнаетъ ея сладкій голось, — а завтра или сей же часъ онъ будетъ незрячимъ, нѣмымъ и холоднымъ и лучъ дневной напрасно ударитъ его въ мертвые, не отвѣчающіе глаза. Баратынскій понимаетъ, какъ это страшно и нелѣпо, когда человѣческіе глаза, предназначенные для того, чтобы видѣть солнце, остаются къ солнцу равнодушны и не принимаютъ его играющихъ лучей. Зачѣмъ же и восходить оно, когда его извѣчная соперница, смерть, тушитъ людскіе взоры? И Баратынскому грезится потрясающая картина «одряхлѣвшей вселенной», когда послѣдняя смерть

смететь съ лица земли остатки человѣческихъ семей, наступить глубокая тишина, «державная природа облачится въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ» и природа будетъ пуста, и міръ будетъ ненаселенъ. И опять взойдетъ солнце надъ этой безгласной бездной, надъ этой неживленной пустыней, но его никто не увидитъ и ему никто не скажетъ привѣта. Зачѣмъ же и восходить солнцу, когда его не могутъ видѣть родные ему человѣческіе глаза?

И все-таки Баратынскій покидаетъ свою обычную антропоцентрическую точку зрѣнія и славить смерть, какъ разрѣшенье всѣхъ загадокъ, какъ разрѣшенье всѣхъ цѣпей. Она для него благодатное укропенье, желанная тишина. Она своимъ «прохладнымъ дуновеньемъ смиряетъ буйство бытія» и сохраняетъ міръ въ равновѣсіи. Жизни долженъ быть положенъ извѣстный предѣлъ,—иначе вселенная погибла бы отъ избытка ея. Смерть, которая ставитъ границы урагану, растенію, океану, вноситъ мѣру и въ міръ человѣчскій, утишаетъ гнѣвъ и любострастіе и въ «недружной судьбѣ» людей осуществляетъ конечное равенство небытія. Смерть устрояетъ жизнь.

Такъ беретъ онъ у смерти то, что есть въ ней справедливаго, и ничего не говоритъ о той разладицѣ, какую она несетъ съ собою въ міръ человѣчскій. Смерть должна останавливать безмѣрное нарастаніе жнзни, она съ біологической необходимостью очищаетъ мѣсто для новыхъ поколѣній,—но вѣдь съ нею погибають и всѣ видимыя проявленія жизни душевной, съ ней убываетъ и меркнетъ психическое, для котораго мѣста не надо и которое, даже въ своихъ страстныхъ формахъ, лучше холодной мертвенности. И все же Баратынскій беретъ ее подъ свою защиту. Объясняется это тѣмъ, что при всемъ глубокомъ сознаниі мировыхъ противорѣчій, которыя разрываютъ недоумѣвающее сердце человѣка, Баратынскій желалъ бы найти добрый смыслъ въ общемъ строѣ жизни, и онъ часто говоритъ объ оправданіи Творца. Теодицея занимаетъ его. Но именно въ этомъ вопросѣ, поскольку онъ находитъ себѣ поэтическое отраженіе, сказывается неопредѣленность и слабость нашего мыслителя. Истины, какъ это видно и изъ его знаменитаго стихотворенія, онъ не хочетъ; онъ боится ея свѣтильника, погребальнаго для радостей земныхъ, или, по крайней мѣрѣ, въ характерномъ человѣческомъ трепетѣ, онъ отсрочиваетъ ея безрадостный приходъ до самой поры своего заката, поры невольнаго отреченія, когда придется забыть все, что мило. По отношенію къ Истинѣ Баратынскій остается все тѣмъ же робкимъ недоноскомъ, и онъ не смѣетъ вмѣстить ея. Онъ не отказываетъ божеству въ своемъ довѣріи, но и молитва его блѣдна. У него недостаетъ генія и паюса ни для проклятія, ни для благословенія. Онъ не знаетъ. И не видно,

чтобы это незнаніе, это сомнѣніе терзало его. Въ стихотвореніи «На смерть Гете» онъ спокойно говоритъ о двухъ возможностяхъ: или Творецъ ограничилъ жизнью земною летучій нашъ вѣкъ, или загробная жизнь намъ дана. Вопросъ о томъ, наследуетъ ли человекъ «несрочную весну» безсмертія, остается открытымъ. Баратынскій вдохновенныя строки посвящаетъ великому гимну, въ которомъ примираются мятежные звуки бытія; ему дорогъ «превыспренній строй космическихъ арфъ», который надо понять, въ который надо вѣрить, для того чтобы съ признательнымъ смиреньемъ пасть ницъ передъ Промысломъ оправданнымъ; человекъ весь подвластенъ страданью, по какъ новый Ахиллъ, онъ пятой своею невредимъ, «если ею на живую вѣру сталь». И тѣмъ не менѣе, для того чтобы вѣрить, Баратынскому нужно увѣрять себя. Она въ «Отрывкѣ» успокаиваетъ себя и этимъ выдаетъ свое безпокойство:

Есть бытіе и за могилой,
 Намъ обѣщаль его Творецъ.
 Спокойны будемъ: нѣтъ сомнѣнья,

 Ахъ, какъ любить безъ этой вѣры!

Онъ поддерживаетъ, ободряетъ ее, какъ дѣти въ темнотѣ поощряютъ другъ друга. Онъ не допускаетъ въ божественной силѣ лукавства, онъ защищаетъ правдивость Бога, декартовскую *veracitas Dei*.

Такъ, Всемогущій безъ нея (вѣры)
 Насъ искушалъ бы выше мѣры;
 Такъ, есть другое бытіе!
 Ужели нѣкогда погубить
 Во мнѣ Онъ то, что мыслить, любить,
 Чѣмъ Онъ созданье довершилъ,
 Въ чемъ, съ горделивымъ наслажденьемъ,
 Міръ повторилъ онъ отраженемъ
 И Самъ Себя изобразилъ?
 Ужели творческая сила
 Лукавымъ свѣтомъ бытія
 Мнѣ ужасъ гроба озарила,
 И только? Нѣтъ, не вѣрю я.

 Какъ! не терпящая смѣшенья
 Въ слѣпыхъ стихіяхъ вещества,
 На хаосъ нравственный возрѣнья

Не бросить мудрость Божества?

Нѣтъ! мы въ юдоли испытанья,
И есть обитель воздаянья:
Тамъ, за могильнымъ рубежомъ,
Сіяетъ день незаходимый,
И оправдается Незримый
Предъ нашимъ сердцемъ и умомъ.

Она въ «Отрывкѣ», по своей природѣ болѣе консервативная и боязливая, встревожна этой защитой Божества; она считаетъ слова своего возлюбленнаго «мятежными» и спрашиваетъ: «ужели нужны для убѣжденныхъ убѣжденья?» Она не хочетъ разсуждать:

Премудрость вышняго Творца
Не намъ изслѣдовать и мѣрять:
Въ смиреньи сердца надо вѣрить
И терпѣливо ждать конца.

Убѣжденному, дѣйствительно, не нужны убѣжденья, и терпѣливому не трудно ждать. Но въ томъ-то и дѣло, что Баратынскій по существу не убѣжденъ и не терпѣливъ. Онъ знаетъ, что «нѣтъ па землѣ ничтожнаго мгновенья»,—но все-таки медленный ходъ мгновений не тѣшитъ его: онъ стремится «возмутить природы чинъ», «съ безумнымъ ожиданіемъ» вслушивается въ мятежный ревъ водопада и не хочетъ «въ покоѣ раболѣпномъ» ждать своей кончины отъ «медленной отравы бытія».

Не подчинишь однимъ законамъ ты
И свѣта шумъ, и тишину кладбища!

Онъ оплакиваетъ присущій всему человѣческому «закопъ уничтоженія», но вмѣстѣ съ тѣмъ разрушительности времянь противопоставляетъ то, что человѣкъ вѣченъ для себя, что мгновенье ему принадлежитъ, какъ онъ принадлежитъ мгновенью.

Такъ онъ колеблется между смиреньемъ и протестомъ, между вѣрой и отрицаньемъ, но это колебаніе, въ соотвѣтствіе общему характеру его творчества, не горитъ само и не жжетъ васъ. У Баратынскаго нѣтъ мученичества вѣры, нѣтъ и мученичества безвѣрія. Именно это и не сдѣлало его великимъ.»

Духовный центръ его жизни коренится не въ религіи, хотя Баратынскій и понимаетъ всю жгучесть ея проблемъ. Баратынскій живетъ эстетикой. Правда, иногда ради непрехотливой лѣни, ради любезнаго ему союза съ бездѣйствіемъ, онъ остываетъ и къ

гармоніи стиха. Но кто разъ услышалъ въ себѣ прекрасныя созвучія, кто однажды тѣшилъ «златою игрой» стиховъ, тотъ никогда уже не перестанетъ слышать и слагать ихъ въ глубинѣ своей души. Въ пѣсняхъ музъ Баратынскій нашелъ себѣ отраду, смыслъ міра. Отъ тѣхъ волненій его внутренней жизни, которыя остались за порогомъ его поэтического дома, онъ сохранилъ въ душѣ «идеаль прекрасныхъ соразмѣрностей», который и спасалъ его «въ дни безграничныхъ увлеченій, въ дни необузданныхъ страстей». Поэзія является его этикой, поэзія спасаетъ его и учитъ его безкорыстію, потому что въ искусствѣ находитъ онъ «возмездіе искусства».

Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье.
 Гармоніи таинственная власть
 Тяжелое искупить заблужденье
 И укротить бунтующую страсть.
 Душа пѣвца, согласно излитая,
 Разрѣшена отъ всѣхъ своихъ скорбей;
 И чистоту поэзія святая,
 И міръ отдастъ причастницѣ своей.

Но этого мало. Поэзія, красота, не только радуетъ его лирными струнами, не только умиротворяетъ его духъ,—она ручается ему за смыслъ и строй міра, за то, что міръ есть именно космосъ, гармонія и порядокъ. Глубоко проникая въ сущность поэзіи, Баратынскій захотѣлъ «жизни даровать согласье лиры». Идеаль прекрасныхъ соразмѣрностей, золотая мѣра вещей изъ сферы внутреннихъ впечатлѣній переносится на всю вселенную. И на первый взглядъ хаотическая, вселенная отъ звуковъ лиры,—той самой, какую нѣкогда держалъ Орфей,—начинаетъ сама слагаться въ прекрасную соразмѣрность. Развѣ могутъ борьба, противорѣчіе, разладъ лежать въ необходимой основѣ такого мірозданія, гдѣ живетъ поэзія? Баратынскій понимаетъ, что въ самой риомѣ есть нѣчто мистическое и утѣшительное: можетъ ли не быть сокровенной гармоніи въ такомъ мірѣ, гдѣ возможна риема? Согласная, радостная встрѣча звуковъ, мелодичный звонъ сдружившихся словъ, которыя за минуту были далеки одно отъ другого и внезапно сблизились вдохновенной силой, открывшей въ нихъ затаенную отъ вѣка симпатію,—развѣ это не говоритъ, что міръ есть мѣра? Покуда въ мірѣ звучитъ риема, можно довѣряться ему, ибо риема — внѣшній знакъ глубокой музыкальности бытія. И кто владѣетъ ею, кому она отзывается на зовъ встревоженной души, тотъ чувствуетъ, что онъ правъ, что онъ сказалъ нѣчто важное и вѣчное. Риема—звучащее проявленіе и доказательство истины. Греческому поэту или рим-

скому оратору толпа оказывала поддержку своимъ сочувствіемъ, своимъ рукоплесканьемъ, — но поэта современности кто одобритъ, кто восхвалитъ?

Но нашей мысли торжищъ нѣтъ,
 Но нашей мысли нѣтъ форума!..
 Межь насъ не вѣдаетъ поэтъ,
 Высокъ полетъ его иль нѣтъ,
 Велика ль творческая дума?
 Самъ судія и подсудимый,
 Скажи: твой безпокойный жаръ —
 Смѣшной недугъ иль высшій даръ?
 Рѣши вопросъ неразрѣшимый.
 Среди безжизненнаго сна,
 Средь гробового хлада свѣта,
 Своею ласкою поэта
 Ты, риема, радуешь одна!
 Подобно голубю ковчега,
 Одна ему съ родного берега
 Живую вѣтвь приносишь ты;
 Одна съ божественнымъ порывомъ
 Миришь его твоимъ отзывомъ
 И признаешь его мечты!

Такъ понимаетъ Баратынскій поэзію и ея легкокрылую вѣстницу-приему. Только опѣ даютъ значеніе и красоту его жизни. Оттого и было ему жутко видѣть, что жизнь окружающая бѣднѣетъ поэзіей, что «ребяческіе сны» послѣдней исчезаютъ при свѣтѣ просвѣщенія, спугнутыя «общей мечтой», которая «часть отъ часу насущнымъ и полезнымъ отчетливѣй, безстыднѣй занята». Природа, обиженная тѣмъ, что человѣкъ въ суетѣ своихъ изысканій сталъ пытаться ея «горниломъ, вѣсами и мѣрой», закрыла свои вѣщія уста и молчитъ, и больше не кажется своихъ примѣтъ. <Миръ сталъ прозаиченъ. И трагична въ немъ судьба послѣдняго поэта, который среди разсудочныхъ поетъ о страсти, о чувствѣ, о вѣрѣ: надъ нимъ смѣются, онъ отъ смѣющихся хочетъ уйти въ безлюдный край, но проза расселила людей повсюду, и «свѣтъ ужъ празднаго вертепа не являетъ, и на землѣ уединенія нѣтъ». Непраздная, промышленная земля не можетъ быть убѣжищемъ поэта, и онъ уходитъ къ морю. Оно имѣетъ то разительное отличіе отъ земли, что не измѣнило своего лица съ перваго дня творенія и, не покрившееся человѣку, имъ не опошленное, сохранило свою перво-зданную космическую картину. Ровесники земли, если бы воскресли, не узнали бы ея, измѣнившейся отъ человѣческихъ перестроекъ, а море — все то же.>

Человѣку непокорно
 Море синее одно:
 И свободно, и просторно,
 И привѣтливо оно;
 И лица не измѣнило
 Съ дня, въ который Аполлонъ
 Поднялъ вѣчное свѣтило
 Въ первый разъ на небосклонъ.

Поэтъ пришелъ къ морю, въ которомъ нѣкогда Сафо погребла жарь своей отверженной любви, и въ этомъ же морѣ погребаетъ и питомецъ Аполлона свой отверженный «безполезный даръ». И, быть можетъ, потому, если звуки земли привычны для человѣческаго слуха, то голосъ моря приводитъ человѣка въ смущеніе.

И отъ шумныхъ водъ отходить
 Онъ съ тоскующей душой.

Самъ Баратынскій, страстно любившій море («съ дѣтства влекла меня сердца тревога въ область свободную влажнаго бога»),— Баратынскій участь послѣдняго поэта раздѣлилъ въ томъ смыслѣ, что и онъ ушелъ съ людского торжища въ уединеніе и его мало знаютъ. Онъ на знакомство и не напрашивается, и кто хочетъ его понять, долженъ прійти къ нему самъ. Уединенность его исключительна; она больше уединенности другихъ поэтовъ именно потому, что мысль вообще уединяетъ. Даже Пушкинъ бесплодно звалъ его «съ поклономъ»:

Но посреди печальныхъ скалъ,
 Отвыкнувъ сердцемъ отъ похвалъ,
 Одинъ, подъ финскимъ небосклономъ,
 Онъ бродитъ, и душа его
 Не слышитъ горя моего.

И все-таки отъ жизни пестрой и блещущей, отъ ея безпокойнаго и рѣзкаго полудня хочется иногда уйти къ этому печальнику и мудрецу, въ прохладу и сумракъ его поэтического лѣса, чтобы, въ тишинѣ навѣваемой думы, слушать тамъ величавое эхо—прекрасную рѣчь его стиховъ. Ибо то, что онъ сказалъ, и въ особенности то, какъ онъ сказалъ, входитъ въ исторію русской литературы страницей небольшой, но нѣкъмъ не повторенной и едва ли повторяемой. Отъ присутствія Баратынскаго въ нашей словесности стало какъ-то умнѣе, чище и серьезнѣе, и безъ него русская поэзія была бы скуднѣе мыслью и много потеряла бы въ благородной звучности.

Тютчевъ.

Ключъ къ поэзіи Тютчева далъ Вл. С. Соловьевъ, и говорить о ней послѣ знаменитаго русскаго философа можно, только исходя изъ его основной идеи. Соловьевъ сказалъ, что [никто глубже Тютчева не захватывалъ таинственной основы, «темнаго корня» бытія; онъ былъ поэтъ хаоса.] И въ этомъ вы убѣждаетесь съ первыхъ же его стихотвореній.

Тютчевъ слышалъ и видѣлъ въ природѣ и въ душѣ не одну только божественную организацію, стройный космосъ, — онъ чуюлъ въ нихъ хаотическое волненіе, мятежъ, вѣчный Беспорядокъ. Еще не умолкла та борьба стихій, которая нѣкогда, на зарѣ мірозданья, не успокоенная Божьимъ велѣніемъ, потрясала вселенную. Міръ еще не конченъ, не готовъ, — быть можетъ, въ томъ и заключаются его смыслъ и тайна, что онъ никогда и не будетъ законченъ. Онъ не можетъ забыть титаническихъ революцій своего прошлаго. И море, и небо, и суша постоянно грозятъ снова ввергнуться въ одну безформенную и безобразную массу, въ овидіевскую *rudis indigestaque moles*. Не надо вѣрить спокойной тишинѣ и благообразности міра: подъ этой мирной пеленою, подъ зеленой тканью привѣтливыхъ лужаекъ «хаосъ шевелится». Вы идете по равнинѣ жизни и вы не знаете часто, гдѣ своимъ движеніемъ разбудите притаившееся чудовище хаоса. Въ глубокихъ нѣдрахъ земли совершается какая-то вулканическая работа подземныхъ силъ, и когда онѣ въ дикомъ торжествѣ произвола вырываются наружу, тогда сотрясаются человѣческіе города и человѣческія души.

< Проникающая бытіе глухая трагедія и борьба негармонизованныхъ возможностей > особенно сильно ощущаются всякій разъ, когда уходитъ солнце, когда опускается темная ночь. Филины и совы чувствуютъ себя хорошо подъ ея черной зашитой, но человѣческіе глаза предназначены для солнца и не приспособлены къ ночи. И мы совсѣмъ не должны были бы знать ея мрака. Съ за-

ката солнца и до восхода его мы, робкія дѣти міра, должны бы погружаться въ сонъ. Горе неспящимъ, горе разбуженнымъ, горе познавшимъ ночь! Ибо нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы мы знали ее, чтобы мы подслушали тайную бесѣду ея «демоновъ глухонѣмыхъ», которой назначено происходить въ отсутствіе нашего сознанія. Это необязательно, это для космическихъ властелиновъ случайность, что мы узнали ночь. Мы нескромно и святотатственно зажгли свои искусственные огни, и блѣдный свѣтъ ихъ еще болѣе оттѣнилъ ея безнадежную темноту. Ночь не касается насъ. И оттого матовый блескъ ея луны производитъ на насъ, ея непрошенныхъ соглядатаевъ, впечатлѣніе чего-то холоднаго и чуждаго, и оттого луна не только не освѣщаетъ намъ загадокъ жизни, но и придаетъ имъ еще болѣшую таинственность, облакаетъ ихъ въ нереальныя одежды привидѣній. Недаромъ луна кажется для насъ міромъ отжившимъ, и это такъ подходитъ къ ней, чтобы именно въ ея лучахъ дремалъ почившій Римъ, безлюдно величавый, чтобы именно съ нею сроднился его вѣчный прахъ. Рожденная въ прошломъ, древняя какъ Римъ, древнѣе его, ночь не касается насъ.

И все-таки мы познали ее. Рожденные отъ солнца, отъ метеорова огня, мы стали блуждать между солнцемъ и тьмою, между днемъ и ночью. И ночь испугала насъ. Тютчевъ, глубже всѣхъ познавшій ее, объяснилъ намъ, почему страшна для насъ ночь. Въ своихъ гениальныхъ стихотвореніяхъ онъ раскрылъ, что день, другъ человѣка, исцѣляющій его больную душу,—этотъ благодатный день не что иное, какъ блистательное златотканное покрывало, участливо накинутое богами надъ бездною міра. Ночью, когда наши глаза должны бы смыкаться, міровая Пенелопа распускаетъ дневной коверъ, сіяющую ткань его парчи—

И бездна намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И нѣтъ преградъ межъ ей и нами:
Вотъ отчего намъ ночь страшна.

Святая ночь на небосклонъ взошла,
И день отраднѣй, день любезнѣй
Какъ золотой коверъ она свила,—
Коверъ, накинутый надъ бездною.

И, какъ видѣнье, ви́шній міръ ушелъ...
И человѣкъ, какъ сирота бездомнѣй
Стоитъ теперь и немощенъ, и голъ
Лицомъ къ лицу предъ этой бездною темной.

Ночь не только испугала, она и умудрила насъ, бодрствующихъ въ неурочные часы, свидѣтелей неосвѣщенной стихіи. Мы не разгадали тайны, но узнали, что тайна есть. И мы постигли, что ночь, съ ея недоумѣніями и кошмарами, первѣе, старше дня.

Полночь говоритъ у Ницше, что міръ глубокъ и глубже, чѣмъ это думалъ день. Ночь раскрыла передъ нами глубину міра и души. Жизнь для насъ болѣе понятна и объяснима не тогда, когда свѣтитъ благословенное солнце: подождемъ, чтобы кончился день, обманчивый въ своихъ свѣтлыхъ утѣшеніяхъ, и ночью мы узнаемъ правду. Тогда все яркое, живое, дневное почувдится «давно минувшимъ сномъ» <день превратится въ сновидѣніе и ночь—въ реальность>

Міръ не тихъ, не миренъ, онъ по существу своему трагиченъ, и лучше всего можно познать его въ минуты роковыя, въ тѣ чрезвычайные моменты, когда поднимается древній хаосъ. Когда міръ и море спокойны, вы не узнаете ихъ. Пусть разразится падъ ними хаотическая буря, и тогда они выдадутъ свои тайны. Вотъ почему въ глазахъ Тютчева

Счастливъ, кто посѣтилъ сей міръ
Въ его минуты роковыя:
Его призвали Всеблагіе,
Какъ собесѣдника на пиръ.
Онъ ихъ высокихъ зрѣлищъ зритель,
Онъ въ ихъ совѣтъ допущенъ былъ
И заживо, какъ небожитель,
Изъ чаши ихъ безсмертье пилъ.

Истинный міръ—это міръ, какъ онъ выглядитъ въ поздніе часы, когда умолкаютъ людскія движенія и рѣчи и въ наступившей тишинѣ, въ «безлюдіи ночномъ», явственно слышится живой языкъ природы. Днемъ его нельзя услышать, потому что мы заглушаемъ его своими разговорами,—но вотъ наступаетъ «всемірное молчанье», и слово принадлежитъ вселенной. Раздается безумное сѣтованье ночного вѣтра, и оно твердитъ намъ о непонятной мукѣ и взрываетъ въ нашемъ сердцѣ неистовые звуки; ночное небо угрюмо заволакивается со всѣхъ сторонъ, и «словно тяжкія рѣсницы разверзаются порою и сквозь бѣглыя зарницы» вспыхиваютъ надъ землей «чьи-то грозныя зѣнницы». Тогда все обнажено, и воочию предстаетъ намъ сама космическая душа:

И въ оный часъ явленій и чудесъ
Живая колесница мірозданья
Открыто катится въ святилищъ небесъ.

Между закатомъ одного дня и утромъ другого есть какой-то темный провалъ, черная бездна ночи. И вотъ, Тютчеву кажется, что въ этотъ промежутокъ раздается «чудный, еженочный гулъ».

Откуда онъ, сей гулъ непостижимый?
Иль смертныхъ думъ, освобожденныхъ сномъ,
Миръ безтѣлесный, слышный, но незримый,
Теперь роится въ хаосѣ nocturno?

Въ самомъ дѣлѣ, куда дѣваются человѣческія дневныя думы? И не правъ ли Тютчевъ, что онъ ихъ объективируетъ и слышитъ ихъ ночную жизнь? Миръ шумитъ отъ нихъ, <миръ полонъ мыслью, и изъ волненія этихъ рѣющихъ думъ рождаются новыя высокія откровенья.> И для самого Тютчева стихи слагались изъ этого еженочнаго гула, въ который онъ такъ проникновенно вслушивался.➤

Но тѣ же мысли, отслуживъ свою дневную службу и покинувъ насъ ночью, когда онѣ возвращаются на родное лоно міра, сплетаются въ прихотливые узоры сонныхъ грезъ и въ этомъ видѣ опять прилетаютъ къ намъ; и такъ между сновидѣніями и думами, которыя наполняютъ вселенную, протекаетъ наша жизнь. Кругомъ насъ сны, и трудно провести границу между сновидѣніемъ и реальностью.

Объ этомъ изумительно говоритъ Тютчевъ:

Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной,
Земная жизнь кругомъ объята снами.
Настанетъ ночь, и звучными волнами
Стихія бьетъ о берегъ свой.
То гласъ ея: онъ нудитъ насъ и проситъ.
Ужъ въ пристани волшебный ожилъ челнъ...
Приливъ растетъ и быстро насъ уноситъ
Въ неизмѣримость темныхъ волнъ.
Небесный сводъ, горящій славой звѣздной,
Таинственно плыветъ изъ глубины,
И мы плывемъ, пылающею бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены.

Въ томительные часы физической и душевной бессонницы мы слышимъ

|| Часовъ однообразный бой,
Томительную ночи повѣсть,
Языкъ для всѣхъ равно чужой
И внятный каждому какъ совѣсть.

Эти «глухія времени стenanья» — отзвукъ ужаса, хаоса, и въ послѣднемъ узнали мы нѣчто свое, нѣчто родное и роковое. Поэтому человекъ и проникнуть странной тревогой, и часто среди красоты отдыхающей вселенной слышитъ онъ страшныя пѣсни «про древній хаосъ, про родимой, и жадно мiръ души почпой внимаеъ повѣсти любимой». Прошлый хаосъ не прошелъ, онъ только дремлетъ, и есть для насъ нѣчто жутко-плѣнительное и зовущее въ томъ, чтобы слиться съ его безпредѣльностью, разбудить его мрачныя силы. Темныя призраки ночи нашли мы и въ собственной душѣ; мы почували въ себѣ демоновъ. «Чуждое, неразгаданное ночное» оказалось самымъ близкимъ для насъ; мы постигли хаосъ въ самихъ себѣ и должны были ужаснуться своей душевной ночи.

Познавшій ночь, Тютчевъ увидѣлъ ея безуміе, ея «божій гнѣвъ». И въ стихотвореніи Mal'aria онъ говоритъ, что даже любить сіе незримо во всемъ разлитое, таинственное зло —

Въ цвѣтахъ, въ источникѣ прозрачномъ какъ стекло
И въ радужныхъ лучахъ, и въ самомъ небѣ Рима!
Все та жъ высокая, безоблачная твердь,
Все такъ же грудь твоя легко и сладко дышитъ,
Все тотъ же теплый вѣтръ верхи деревъ колышетъ,
Все тотъ же запахъ розъ... и это все есть смерть.

Смерть въ запахѣ розъ, въ тепломъ вѣтрѣ, колышущемъ деревья, зло благоуханное — вотъ зерно хаоса, спрятанное въ прекрасную и чарующую оболочку. Тютчевъ проникаетъ въ нее. Оттого ночная, трагическая стихія, «жизнь злая», открылась ему именно въ томъ, что какъ будто составляетъ самое лучезарное и богатое, самое дневное и доброе въ мiрѣ: хаосъ увидѣлъ онъ въ любви, т.-е. въ глубинѣ и красотѣ, въ основѣ человѣческаго духа. Любовь не только — «союзъ души съ душой родной»: она — и «роковое ихъ сліянье, ихъ поединокъ роковой». Въ самой любви таится уже будущая вражда, разлука или измѣна, смерть или утомленіе. Матери нѣжнѣй лелѣялъ онъ тебя, свою возлюбленную, и сладокъ и тихъ былъ твой сонъ, но...

... Если бы тогда тебѣ приснилось,
Что будущность для васъ обоихъ берегла,
Какъ уязвленная ты бѣ съ воплемъ пробудилась
Иль въ сонъ иной бы перешла.

Дѣвушка любила, но потомъ

Она сидѣла на полу
И груди писемъ разбирала,

И, какъ остывшую золу,
 Брала ихъ въ руки и бросала.
 Брала знакомые листы
 И чудно такъ на нихъ глядѣла,
 Какъ души смотреть съ высоты
 На ими брошенное тѣло.

Есть «кровный, не случайный» союзъ между любовью и самоубійствомъ; они обворожаютъ насъ своей неразрѣшимой тайной и ужасны своимъ обаяньемъ. Но съ любовью родственно не одно только самоубійство: есть связь между нею и убійствомъ вообще, и Тютчевъ глубоко чувствовалъ эту смерть въ самой любви, этотъ разладъ въ самомъ единеніи. Мы фатально обречены на то, чтобы любить убійственно. Мы убиваемъ то, что любимъ. Въ нашемъ любовномъ прикосновеніи таится гибель, и она поражаетъ какъ разъ то сердце, которое нашему сердцу всего милѣй. Въ страстныхъ объятіяхъ человѣка отцвѣтаетъ любимое, и слышится оно первое приближеніе конца. Рождаются дѣти, которыя тоже будутъ любить и убивать, которыя тоже будутъ любимы и будутъ убиты. И каждый скажетъ своей любви, своему цвѣтку:

...мой бѣдный, блѣдный цвѣтъ, —
 Тебѣ ужъ возрожденья нѣтъ;
 Не расцвѣтешь!
 Ты сорванъ былъ моею рукой,
 Съ какимъ блаженствомъ и тоской, —
 То знасть Богъ!..

Разрушающая человѣческая любовь — главное проявленіе нашей внутренней ночи, нашего духовнаго хаоса, и въ этомъ ея убійственномъ свойствѣ мы воспринимаемъ отзвукъ того, что міръ хотя и созданъ любовью, но правится не ею одной. На жизненный пиръ явилась и не званная Эрида, и она мститъ за то, что ея не позвали. Греческій философъ признавалъ именно двѣ міроуправляющія силы — любовь и ненависть, и въ своей отравленной любви мы въ самомъ дѣлѣ ощущаемъ, что ихъ — двѣ...

Но характерно для Тютчева, что, познавъ ночное, хаотическое, мрачное, такъ далеко проникнувъ въ темную обитель корней и подслушавъ злое соглашеніе демоновъ, онъ самъ остался все-таки лучезаренъ и чистъ. Ночь не объяла его. Въ этомъ заключается его своеобразие, и въ этомъ представляетъ онъ знаменательный контрастъ Достоевскому, который тоже сердцемъ своимъ жилъ ночью и видѣлъ лицомъ къ лицу ея тревоги и тайны. Достоевскій изъ своей кромѣшной ночи вышелъ темный, Тютчева ночь оставила свѣтлымъ. Вся

жизнь его прошла подь «кроткимъ, благостнымъ вліяніемъ» Жуковскаго, и кроткой была его поэзія, хотя и соприкоснувшаяся демоническому началу жизни. Его цѣломудренная лирика сохранилась нѣжной и довѣрчивой, и онъ могъ бы къ собственной музѣ отнести тѣ слова, которыя онъ высказалъ о гр. Растопчиной:

И страстно пѣснь ея звучала,
 Плѣняя души и сердца.
 Она Бетховена играла
 И доиграла до конца.

Счастье, которое достается немногимъ—доиграть Бетховена до конца—выпало вполнѣ на долю Тютчева, и онъ навсегда удержалъ для своей лиры музыкально-чистый звукъ. «Онъ стройно жилъ, онъ стройно пѣлъ». Можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что Тютчевъ свою ночь не болѣлъ. Она только опажнула его черными крыльями, но она не проникла въ него какъ драма, какъ отчаяніе. Вѣроятно, душевная организація Тютчева не была благоприятна для того, чтобы въ ней прочно гнѣздилась трагедія хаоса и тьмы. И потому, хотя онъ зналъ зловѣщую сторону любви, но самъ онъ любилъ нѣжно, рыцарски, и въ самой страсти, глубокой и серьезной, сохранялъ онъ то благородство и умиленіе, которыя вообще свойственны его поэзіи. Говоря о женщинѣ, онъ находитъ слова изысканно-прекрасныя, комплименты чарующіе,—онъ вспоминаетъ «воздушный шелкъ ея кудрей» или «этотъ длинный тонкій волосъ, едва доступный пальцамъ фей»; или же онъ находитъ слова ласковыя и трогательныя, какія расточаетъ и на свою дочь, на свое «родимое дитя» (Свидѣтель и провидецъ ночи, поэтъ хаоса, Тютчевъ въ то же время страстно любилъ космосъ въ его ласкающихъ, лазоревыхъ проявленіяхъ; его плѣняла идиллія міра,—весна, > «роскошный Генуи заливъ», южное солнце, подь лучами котораго онъ «заслушивался пѣнія великихъ средиземныхъ волнъ», и въ упоеніи восклицалъ онъ: «О этотъ югъ, о эта Ницца!»). Сѣверъ называлъ онъ сновидѣньемъ безобразнымъ, и его южная душа тосковала по тѣмъ краямъ, гдѣ «лавровъ стройныхъ колыханье зыблетъ воздухъ голубой». Глубоко чувствуя трагическія тѣни въ природѣ, онъ все-таки тѣшилъ себя ея мирными картинами, ея *Stilleben*, ея очаровательной радугой, которая «полнеба охватила и въ высотѣ изнемогла». Видя смерть и ея неуклонное приближеніе («кто смѣетъ молвить: до свиданья! — чрезъ бездну двухъ или трехъ дней?»), часто говоря о преходимости жизни, онъ все-таки благословляетъ новыхъ, молодыхъ «гостей», сающихся «за уготованный имъ пиръ»:

Когда дряхлѣющія силы
 Намъ начинаютъ измѣнять,
 И мы должны, какъ старожилы,
 Пришельцамъ новымъ мѣсто дать,—
 Спаси тогда насъ, добрый гений,
 Отъ малодушныхъ укоризнъ,
 Отъ клеветы, отъ озлобленій
 На измѣняющую жизнь.

Онъ знаетъ, что «такъ легко не быть», и примиряется съ этимъ. Осень вызываетъ въ немъ умиленное участіе, и онъ любить въ ней «краткую улыбку увяданья»; въ своихъ Листьяхъ онъ сочувственно воспроизвелъ ритмъ осенняго вѣтра въ «полураздѣтомъ» лѣсу. Увядающее мило ему, и онъ напутствуетъ его грустной улыбкой.

Это имѣетъ свои корни въ томъ, что <онъ свято вѣруетъ въ одушевленность природы и въ свое конечное сліяніе съ ней> Человѣкъ наравнѣ съ природой сладостно и мучительно вспоминаетъ древній хаосъ; между ночью міра и ночью души есть глубокая связь, — днемъ же они оба успокаиваются и свѣтлѣютъ. Значитъ, каждому душевному настроенію должно быть непремѣнное соотвѣтствіе въ природѣ, каждая дума и каждое чувство имѣютъ въ ней свой отзвукъ. <Для Тютчева жизнь сердца и жизнь вселенной образуетъ стройное созвучіе, великую и вѣчную риему.> Правда, есть и диссонансы, есть разладъ между человѣкомъ и природой, и порою «въ общемъ хорѣ душа не то поетъ, что море, и ропщетъ мыслящій тростникъ», но эта двойственность только случайная, ибо «дума за думой, волна за волной—два проявленья стихіи одной».

Вся жизнь—риема къ природѣ. Поэтому въ знаменитомъ стихотвореніи-молитвѣ лѣтнему жару и зною, когда бѣдный нищій бредетъ мимо сада по жаркой мостовой, соотвѣтствуетъ жизненная тропа, по которой бредетъ обездоленный. Поэтому лѣни соотвѣтствуетъ полдень, когда «самъ великій Панъ въ пещерѣ нимфъ спокойно дремлетъ», а душное молчаніе воздуха, предчувствіе грозы, отвѣчаетъ волненію молодой дѣвушки, которая замираетъ въ истомѣ проснувшейся первой любви. Поэтому неожиданная ласка природы, позднее, неуходящее лѣто похоже на «молодую улыбку женскихъ устъ и глазъ», которая, «не восхищая, не прельщая, подъ старость лишь тревожитъ насъ». И слезы людскія, которыя льются ранней и поздней порой, льются безвѣстныя, неистоцимыя, неисчислимыя,—эти слезы льются «какъ струи дождевыя въ осень глухую, порою ночной».

Это неизмѣнное соотвѣтствіе духа и природы у Тютчева не придумано, не сочинено, и аналогія является такой естественной и простой, образы и олицетворенія какъ бы приходятъ сами собою. Для кого природа «не слѣпокъ, не бездушный ликъ», тотъ чувствуетъ ее въ каждомъ проявленіи частнаго,—между прочимъ и человѣческаго, бытія. <А Тютчевъ больше, чѣмъ всѣ поэты, зналъ и вѣрилъ, что природа жива, что она имѣетъ душу и даже празднуетъ съ людьми воскресенье. Не садовникъ приклеилъ листь и цвѣты на деревѣ, не игрою виѣшнихъ, чуждыхъ силъ зрѣетъ плодъ въ родимомъ чревѣ. Какъ бы нѣкая живая женщина природы осязательно сопутствовала Тютчеву въ его мысляхъ, и онъ съ чудной, смѣлой образностью представлялъ себѣ не только ея душу, но и виѣшний обликъ ея. Онъ говоритъ о сладкомъ трепетѣ, который какъ струя

По жиламъ пробѣжалъ природы,
 Какъ бы *горячихъ* погъ ея
 Коснулись ключевыя воды.

И день у него восходитъ по лѣстницѣ, а «вечеръ пламенный и бурный обрываетъ свой вѣнокъ». Даже погода для него не безцвѣтный фонъ дневныхъ заботъ, а важное событіе общеміровой жизни, которое непремѣнно отражается въ индивидуальной душѣ. Только люди-кроты не видятъ и не слышатъ, «живутъ въ семъ мірѣ, какъ впотъмахъ», и не чувуютъ, не понимаютъ, что въ природѣ «есть душа, въ ней есть свобода, въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ».

Въ этой жизни естества Тютчевъ радостно хочетъ раствориться, и дальше ея, и отдѣльно отъ нея ему идти не нужно. Онъ не въ силахъ скрыть своего пристрастья къ матери-землѣ, онъ—вѣрный сынъ ея, и не привлекаютъ его утѣхи рая, духи безплотные.

<Въ личной утратѣ его утѣшаетъ зрѣлище общаго жизненнаго потока.> Это очень знаменательно, что онъ не вѣритъ въ индивидуальное безсмертіе и не дорожитъ имъ. Онъ называетъ человѣка игрой и жертвой жизни частной и зоветъ его ринуться въ животворный океанъ вѣчно-юной, неумирающей природы. Въ весенній ледоходъ одна льдина за другою стремятся въ море и, несмотря на свои частныя различія, сливаются въ одной общей стихіи, въ одной общей колыбели-могилѣ:

Всѣ вмѣстѣ—малыя, большія,
 Утративъ прежній образъ свой,
 Всѣ безразличны, какъ стихія,
 Сольются съ бездною роковой!

О, нашей мысли обольщенье,
 Ты—человѣческое я!
 Не таково ль твое значенье,
 Не такова ль судьба твоя?

Въ сонномъ сумракѣ онъ именно хочетъ «вкусить уничтоженья» и смѣшаться съ міромъ дремлющимъ. «Все во мнѣ, и я во всемъ».

Эта природа, на лоно которой мы всѣ вернемся, приметъ насъ, блудныхъ сыновей, недолгихъ посетителей индивидуальности, и она забудетъ о насъ и разсѣтетъ миражъ нашего я; смутно чувствуется, что мы сами—только ея сновидѣнія:

Поочередно всѣхъ своихъ дѣтей,
 Свершающихъ свой подвигъ бесполезный,
 Она равно привѣтствуетъ своей
 Всепоглощающей и миротворной бездной.

Природа вся въ настоящемъ разлита, она не имѣетъ памяти, и мы тоже приобщимся къ этому вѣчному настоящему, когда умремъ, когда сольемся съ жизнью вселенной.

Природа вся въ настоящемъ. Во всякомъ случаѣ теперь она молчитъ о дняхъ былыхъ «съ улыбкою двусмысленной и тайной». Такъ много хочется спросить у міра, —напримѣръ, хоть у этой пустынной рѣчки или у прибрежной дубравы: онѣ были сверстниками и очевидцами былого. И многое могъ бы разказать міръ, онъ много видѣлъ,—но онъ молчитъ. И это молчаніе было бы совсѣмъ безнадежно, если бы между нашей пытливостью, между «разумнымъ гениемъ челоуѣка», и «жнвой силой естества» не было глубоко заложенной связи. Челоуѣкъ проникъ въ эту связь.

Колумбъ довершилъ судебъ неконченное дѣло: онъ завѣсу расторгъ всесильною рукой и вынесъ за собою новый міръ, невѣдомый, нежданый. Вообще, надо лишь челоуѣку сказать завѣтное слово,

И міромъ новымъ естество
 Всегда откликнется готово
 На голосъ родственннй его.

Значить, въ нѣдрахъ вселенной таятся еще невѣдомые міры, и они ждутъ только завѣтнаго, родственнаго слова, чтобы явиться нашему взору. Еще много Америкъ поджидаютъ своихъ Колумбовъ. И даже послѣ Слова, быть можетъ, не всѣ еще слова сказаны изъ тѣхъ, которыя способны вызывать изъ міровой безпредѣльности таящіяся въ ней страны.

Изъ немногихъ избранныхъ такое слово суждено было сказать

именно Тютчеву, и это слово открыло новыя области духа. Онъ какъ бы пришелъ къ самому краю, къ загадочному первоисточнику вселенной; онъ остановился у самыхъ границъ доступнаго міропониманія и нашелъ такія слова, которыя составляютъ предѣлъ того, что вообще можетъ сказать человѣкъ о мірѣ и о себѣ. Дальше начинается уже иная область, уже не человѣческое слово. Если и эта мысль, поднявшаяся на такую непримѣрную высоту, преломлена «незримо-роковою дланью» и опять свертается на землю не въ видѣ самой истины, а лишь какъ брызги ея, какъ «огнецвѣтная пыль» фонтана, то это уже не вина Тютчева: это ужъ сказывается общій законъ для «неистоцимаго водомета смертной мысли». Во всякомъ случаѣ, съ его маленькой книжки проникло въ русскую философію и поэзію такое величіе мысли и мистики, что въ исторіи нашей умственной культуры она пройдетъ глубокой бороздою.

Правда, со своихъ идейныхъ вершинъ Тютчевъ не разъ спускался въ низины общественной партійности.

Онъ приписывалъ Россіи, которую въ рабскомъ видѣ Царь Небесный исходилъ благословляя, не временную, не историческую, а міровую роль, и это бы, конечно, не нарушало его чистой, бетховенской игры. Но Россія космическая часто превращалась у него въ предметъ обыкновенной націоналистической политики, и онъ воспѣвалъ тотъ самый «коранъ самодержавія», который по его же словамъ «развратилъ» декабристовъ. Тѣмъ не менѣе исторія литературы именно потому забудетъ эти патріотическія заурядности Тютчева, что она помнитъ его духовную высоту. Несомнѣнно еще и то, что иногда онъ умѣлъ дѣлать политику поэтической; напримѣръ, стихотвореніе «Море и утесъ», гдѣ онъ тѣшитъ себя надеждой, что волна 1848 года вновь присмирѣетъ и «безъ вою и безъ бою подь гигантскою пятою вновь уляжется она»,—это стихотвореніе, при всей непривлекательности своего замысла, въ художественномъ отношеніи очень высоко. И кромѣ того, было бы неправильно думать о Тютчевѣ, что онъ былъ грубъ и прямолинеенъ въ своемъ консерватизмѣ, что онъ не чувствовалъ русской неправды. На самомъ дѣлѣ онъ зналъ про всѣ эти «рубцы насилій и обидъ»; онъ зналъ, что въ Россіи человѣкъ не живетъ яркой человѣческой жизнью, а только «снится самъ себѣ». Онъ колебался, онъ не былъ убѣжденъ въ томъ, что на своей патріотической лпрѣ беретъ вѣрные звуки; напримѣръ, о декабристахъ онъ сначала говоритъ нѣчто нелѣпое и несправедливое,—будто народъ поноситъ ихъ имена, будто ихъ память схоронена для потомства, какъ трупъ въ землѣ; но въ этомъ же стихотвореніи онъ трогательно рисуетъ образъ героев—пускай,

безразсудныхъ,—которые хотѣли своей «скудной кровью растопить вѣчный полюсъ», и эта кровь едва дымясь сверкнула

На вѣковой громадѣ льдовъ:
Зима желѣзная дохнула
И не осталось и слѣдовъ!

Наше время знаетъ, какіе глубокіе и чистые слѣды оставила эта драгоценная, а не скудная кровь. Но важно не то, что Тютчевъ оказался къ счастью дурнымъ пророкомъ, а то, что и самъ онъ своей политической укоризной воздалъ декабристамъ величайшую хвалу. Ибо можетъ ли быть задача болѣе идеальная, подвигъ болѣе благородный, чѣмъ растопить собственной горячей кровью вѣчный полюсъ мертвеннаго льда?

Нѣкоторая двойственность въ оцѣнкѣ Россіи, ея довольныхъ и ея недовольныхъ, можетъ быть, находится въ связи съ тѣмъ, что колебаніе вообще характерно для Тютчева, выбиравшаго между ночью и днемъ. Часто день жегъ ему глаза своей багровостью, своимъ пышнымъ золотомъ, крикливостью своей окраски,—и тогда онъ хотѣлъ ночи или, по крайней мѣрѣ, сумерекъ. Но и солнце влекло его своими лучами, и хотя страсти, ночныя чада хаоса, волновали его страдальческую грудь, все же душа его была «готова, какъ Марія, къ ногамъ Христа на вѣкъ прильнуть». Волна морская, конь морской были дороги ему и покоясь, и играя—все равно:

Ты на солнцѣ ли смѣешься,
Отражая неба сводъ,
Иль мятешься ты и бѣешься
Въ одичалой безднѣ водъ,—
Сладокъ мнѣ твой тихій шопоть,
Полный ласки и любви;
Внятенъ мнѣ и буйный ропоть,
Стоны вѣщіе твои.

Въ своихъ тревожныхъ колебаніяхъ между днемъ и ночью онъ любилъ оставаться одинъ,—люди мѣшали ему, звуки и шумы тревожили его. Могъ ли онъ въ такомъ случаѣ вѣрно различать и расцѣпывать шумъ политическихъ волненій? Есть у него глубокое духовно-аристократическое презрѣніе къ толпѣ, къ «безсмертной пошлости людской»; хочется замкнуть молчаньемъ свою душу и жить въ своемъ внутреннемъ святилицѣ, среди таинственно-волшебныхъ думъ; хочется быть звѣздой, и даже звѣздой не вечерней, а дневной, когда никто ея не видитъ и можно горѣть незамѣтнымъ для другихъ сіяньемъ. Это не легко дается, потому что пошлость

насильничаетъ, и отъ восторженныхъ порывовъ она снова отрываетъ насъ для вялыхъ сновъ, и мысль наша «какъ подстрѣленная птица подняться хочетъ и не можетъ»; подрѣзаны ея гордыя крылья. «Жаждетъ горнихъ наша грудь», но мы — «ничтожная пыль», которой не дано различить въ небѣ иной, «звѣздной пыли», и не намъ суждено дышать божественнымъ огнемъ; мы тлѣемъ, а не горимъ.

Примиреніе между днемъ и ночью, между космосомъ и хаосомъ, между тишиною одинокой человѣческой души съ ея воспоминаніями и тѣнями — и пестрымъ шумомъ окружающаго человѣчества не идетъ у Тютчева въ пушкинскую ясную и простую глубь. Не съ этимъ ли въ связи находится и то, что онъ труденъ для пониманія и стихи его не сразу проникаютъ въ чужую мысль? Удивительны его сомнѣнія, его пониманіе трагедіи и тьмы, но какъ ночь необязательна, такъ необязателенъ и онъ. При всей задушевности его стиховъ, которые отличаются дорогой неотдѣланностью и небрежностью своей риемы и неоспоримо подтверждаютъ свидѣтельство его біографовъ, что онъ не былъ специалистомъ поэзіи и безопасно ронялъ свои поэтическія откровенія, при всей геніальности его прозрѣній и догадокъ, онъ именно потому и не великъ величіемъ простоты, что онъ необязателенъ, что онъ для немногихъ. Великое, какъ солнце, существуетъ для всѣхъ.

Сергѣй Аксаковъ.

«Семейная хроника» и примыкающія къ ней сочиненія Аксакова представляютъ собою одинъ изъ самыхъ уютныхъ уголковъ русской литературы. Здѣсь раскрывается передъ нами жизнь какъ такая, жизнь, взятая въ наиболѣе простой и скромной формѣ и, тѣмъ не менѣе, подъ рукою своего благодушнаго рапсода, загорѣвшаяся тихими красками очарованія. Они были сѣры, эти необразованные оренбургскіе помѣщики, но Аксаковъ убѣдилъ насъ, что всякая жизнь интересна и что ни одна жизнь не заслуживаетъ смерти, ни одна смерть не права передъ человѣчествомъ. Въ прозѣ и обыденности безцвѣтныхъ дней, въ однообразіи быта, въ механизмѣ самодовлѣющаго хозяйства онъ увидѣлъ и показалъ внутреннюю красоту, мѣрное дыханіе человѣческой души. И разставаясь съ его героями, всякій повторитъ его сердечныя напутственныя слова:

«Прощайте, мои свѣтлые и темные образы, мои добрые и недобрые люди, или лучше сказать, образы, въ которыхъ есть и свѣтлыя и темныя стороны, люди, въ которыхъ есть и доброе и худое! Вы не великіе люди, не громкія личности; въ тишинѣ и безвѣстности прошли вы свое земное поприще, и давно, очень давно его оставили; но вы были люди, и ваша внѣшняя и внутренняя жизнь исполнена поэзіи, такъ же любопытна и поучительна для насъ, какъ мы и наша жизнь, въ свою очередь, будемъ любопытны и поучительны для потомковъ. Вы были такія же дѣйствующія лица великаго всемірнаго зрѣлища, представляемаго человѣчествомъ, такъ же добросовѣстно разыгрывали свои роли, какъ и всѣ люди, и также стоите воспоминанія. Могучею силою письма и печати познакомлено теперь съ вами ваше потомство. Оно встрѣтило васъ съ сочувствіемъ и признало въ васъ братьевъ, когда и какъ бы вы ни жили, въ какомъ бы платьѣ ни ходили. Да не

оскорбится же никогда память ваша никакимъ пристрастнымъ судомъ, никакимъ легкомысленнымъ словомъ!»

Всѣ достойны воспоминанія, всѣ мы интересны, и стоить намъ только умереть, чтобы это сдѣлалось очевиднымъ. Ибо послѣ смерти близкаго человѣка сливаются въ одно цѣлое всѣ эти разрозненные слова, которыя онъ произносилъ на протяженіи своей жизни, всѣ эти безчисленные проявленія его незамѣнимой личности, всѣ эти мелочи, которыхъ отъ привычки мы уже не замѣчали и которыя теперь, погаснувъ навѣки, стали для насъ особенно дорогими, осмысленными и сплелись въ живой обликъ, полный грусти и сладости. Нравственное творчество смерти, ея духовный синтезъ именно тамъ, гдѣ она только что произвела страшное физическое зіяніе, гнетущую пустоту, вызываетъ законченный образъ, и существо, которое отъ насъ ушло, возвращается для нашего воспоминанія въ своемъ единствѣ и собранности,—ихъ не давала разсѣивающая жизнь. Но не всякій умѣетъ вспоминать. Аксаковъ же обладалъ этимъ даромъ въ высокой степени. Изъ его души не изгладились желанные образы родныхъ, они никогда не стали для него чужими и мертвыми. Онъ не принялъ смерти, съ нею не примирился. Онъ сумѣлъ, въ пожилые годы оглянувшись назадъ, припомнить всѣ детали ушедшаго дѣтства, оживить потускнѣвшія лица и воспроизвести тембръ отзвучавшихъ голосовъ. Онъ воскресилъ даже и тѣхъ, кого онъ самъ не видѣлъ, о комъ только слышалъ изъ чужихъ родственныхъ устъ. Это не столько память ума, это больше память сердца. Оттого предки неизмѣнно сопутствуютъ Аксакову, хотя и смягченные въ своей былой рѣзкости, отодвинутые далью годовъ. Надорванная Парками нить отжившихъ жизней осталась для него цѣла, потому что онъ побѣдилъ смерть кроткой силой любви, любовнаго воспоминанія. Въ имѣніи Багрова — отца сохранился дубъ, которому насчитывали тысячу двѣсти лѣтъ; это характерно, и онъ сохранился также у Багрова-внука, ничего не теряющаго, бережнаго хранителя нравственной старины. Аксаковъ прежде всего — потомокъ, и среди равнодушныхъ и забывчивыхъ онъ единственный свято блюдетъ культъ предковъ. Онъ поддерживаетъ связь и единство человѣческихъ поколѣній.

Удержать прошлое, интимное, милое, не дать ему уйти—это, конечно, большая заслуга. Но, безъ сомнѣнія, на тихій подвигъ воспоминанія окажется способнымъ только тотъ, у кого настоящее протекаетъ безбурно и блѣдно. Чья душа вмѣститъ страсть и полноту мгновений на ряду съ отчетливостью прошедшихъ образовъ? Здѣсь необходимъ выборъ, и надо поступиться напряженностью настоящаго, для того чтобы остаться вѣрнымъ прошлому. Аксаковъ

и былъ миренъ, спокоенъ, добродушенъ въ каждый данный моментъ; оттого и далась ему памятьливость чувства, нравственная археологія. Онъ глубоко запомнилъ, и тѣни умершихъ людей такъ выразительно обрисовались какъ разъ на фонѣ его духовной тишины.

Однако не слѣдуетъ думать, что ихъ изображеніе, повидимому, такое элементарное и осуществленное съ наименьшей затратой искусственныхъ приѣмовъ, литературы, досталось Аксакову легко. Для того чтобы написать эти столь близкія къ жизни и прямо изъ нея взятая фигуры, необходимо было высокое искусство; они производятъ идиллическое впечатлѣніе пожелтѣвшихъ дагерротиповъ, эти домашніе пенаты, служащіе предметомъ сердечнаго поклоненія, но въ дѣйствительности авторъ долженъ былъ совершить здѣсь великую работу живописца, художественное обобщеніе. Этотъ лѣтописецъ жизни, этотъ «безпристрастный передаватель изустныхъ преданій», вовсе не такъ простъ, какъ онъ кажется, подобно тому какъ въ неприхотливомъ содержаніи его чистыхъ, ясныхъ книгъ скрывается глубокая поучительность и жизненная мудрость. Расскажите любую жизнь, и вы расскажете міръ. Вотъ отчего мирная смѣна похожихъ другъ на друга дней и ночей, протекая въ рамкахъ одной, опредѣленной семьи, тѣмъ не менѣе оказывается у Аксакова глубоко-типичной, и типичной не только въ историческомъ смыслѣ, не только для данной общественной эпохи, но и въ психологическомъ отношеніи, для всего человѣчества вообще. Здѣсь колыбели и могилы, здѣсь страсти и страданія, здѣсь даны общія категоріи людскихъ чувствъ и нравовъ. Передъ нами и материнская любовь въ своемъ апоэозѣ, неудержимо-страстная, напряженная до болѣзненности, и священнодѣйствующій отецъ, въ патриархальномъ ореолѣ своей patria potestas, разумъ своихъ чадъ и домочадцевъ, и даже какъ бы изъ сказки вышедшія, непременно злыя золовки, и «милая моя сестрица», милая не только для автора, и этотъ вѣрный пѣстунъ, другъ-слуга Евсейчъ въ своей душевной красотѣ, и эта любовь въ старомъ вкусѣ, когда скромный и уважительный любовникъ, чтобы вымолить у своего отца благословеніе на бракъ, пишетъ ему: «смертоносная пуля скоро просверлитъ голову несчастнаго вашего сына». И стариковскимъ свидѣтельствомъ свидѣтельствуемъ намъ авторъ, что «очарованные глаза, пылающія щеки, смущеніе, доходящее до самозабвенія, всегда были краснорѣчивыми объяснителями любви»...

Поэтъ хозяйства, историкъ буденъ, съ любовью изобразившій весь ритуаль домашняго обихода, какое-то богослуженіе семейственности, Аксаковъ такъ искусно сложилъ эту мозаику жизненныхъ мелочей, что передъ нами проступили крупныя черты романа, трагедіи, общаго

содержанія жизни—и все это въ оболочкѣ спокойной и свѣтлой. Въ темную и незаконную глубь души Аксаковъ спускаться не могъ, и потому, напримѣръ, драматическая фигура Куролесова — повидному, очень сложная — осталась у него въ извѣстномъ отдаленіи. Нашъ старый писатель, дѣдъ, описывающій своего дѣда, его добрые и злые дни, чувствуетъ себя хорошо не здѣсь, около преступленій, не на этомъ бурномъ гребнѣ душевныхъ человѣческихъ волнъ, а въ мирной пристани дома, на берегу Бугуруслана, обросшемъ зелеными кустами, среди своихъ непритязательныхъ героевъ и героинь.

И тѣни этихъ простыхъ, безграмотныхъ людей должны быть ему благодарны, что онъ воскресилъ ихъ, такъ ласково и нѣжно, ничего не утаивъ, но никого и не обидѣвъ, такъ почтительно и стыдась своего превосходства. Цѣломудренный, онъ не посмѣялся наготѣ своего отца, своихъ отцовъ. Подъ его добрымъ перомъ отпало все мелкое, случайное, дурное—все это умерло, остался въ живыхъ только духъ, только смыслъ личностей. Ужасень старикъ Багровъ въ своемъ некультурномъ гнѣвѣ, въ своей дикой необузданности, грозный для всѣхъ окружающихъ. Но въ описаніи своего внука онъ вышелъ инымъ, и вы чувствуете въ немъ особую мощь и своеобразную красоту. Ибо, властный и деспотическій, онъ въ трудныя минуты жизни не искалъ зато ничьего совѣта, онъ всѣхъ прогонялъ отъ себя калиновымъ подожкомъ и оставался одинъ. Въ своемъ тяжеломъ одиночествѣ онъ за всѣхъ думалъ, за всѣхъ и для всѣхъ устраивалъ. И вставалъ онъ въ четыре часа утра. Что-то первобытное, цѣльное и древнее есть въ этомъ старикѣ, и въ раскатахъ его безудержнаго гнѣва слышится все та же стихія, та же природа, которая потомъ изъ его внука сдѣлала охотника. И какъ трогательна его забота о томъ, чтобы не прервался древній родъ Шимона, чтобы онъ, такъ сказать, прирожденный и типичный предокъ, имѣлъ потомковъ! Когда ему сообщили, что родился у него внукъ, то первымъ его движеніемъ было перекреститься; потомъ въ родословной, отъ кружка съ именемъ Алексѣй, онъ сдѣлалъ кружокъ на концѣ своей черты и посрединѣ его написалъ: Сергѣй,—точно онъ предчувствовалъ, что этотъ Сергѣй спасетъ его для безсмертія и покажетъ русскому народу его неуклюжую, крѣпкую фигуру. И можетъ быть, въ той нѣжной привязанности, которую онъ неожиданно испыталъ къ матери Сергѣя, своего внука и своего пѣвца, къ этой горожанкѣ, проникшей въ его деревенскую первобытность, сказалось глубоко заложенное подъ грубой оболочкой, смутное тяготѣніе къ эстетическому, къ изящному началу жизни, къ той силѣ, которая сдѣлала его дѣдомъ и прадѣдомъ писателей,

натуръ одухотворенныхъ и тонкихъ: это ничего, что прежде мужская гордость старика оскорблялась влюбленностью сына.

Такихъ страницъ не напишешь безъ дарованія и безъ міросозерцанія. Правда, самъ Аксаковъ оживленіе своихъ стариковъ объяснялъ только «могучей силой письма и печати», но эти простодушные слова, вплетая новый полевой цвѣтокъ въ его моральный вѣнецъ, конечно, не могутъ быть приняты всерьезъ. Большой эпическій талантъ нуженъ былъ Гомеру русской старины, для того чтобы приковать вниманіе молодыхъ поколѣній къ страницамъ своего петоропливаго, спокойнаго разсказа, для того чтобы своей родною хроникой заинтересовать другихъ, чужихъ. И пужно было для этого еще и довѣрчивое, пичѣмъ не смущенное, безмятежное возрѣпіе на міръ и людей, кристальная ясность и великая наивность духа, которая позволила бы прежде всего замѣтить, увидѣть то малое и милое, что описалъ Аксаковъ и что существуетъ лишь постольку, поскольку на него обращаютъ вниманіе. Для того чтобы такъ говорить о человѣческомъ, какъ говоритъ Аксаковъ, надо самому быть человѣкомъ съ гостепріимпой, радушной и ласковой душой, всегда готовой понять и простить. Отъ прикосновенія той правственной чистоты, которую олицетворяетъ нашъ бытописатель, все то, о чемъ онъ разсказываетъ, само становится чистымъ; отъ его прикосновенія всѣ люди дѣлаются лучше.

Мы, «другіе», потеряли вкусъ къ этому существованію ради существованія, къ этой веренищѣ дней, къ этой стильной жизни, которую отмѣряетъ на ровныя части маятникъ старинныхъ часовъ. Но и насъ тихо, нѣжно и тепло обнимаютъ эти воспоминанія, эти невыдуманныя страницы, посвященныя семейному укладу, мирной радости бытія. И такъ больно для насъ ощущеніе жизни, которая жила, которая была; всѣ умерли: и самъ разсказчикъ, и тѣ, о комъ онъ разсказалъ,— всѣ умерли, не только дѣдъ и мать, но и «милая моя сестрица», которая на нашихъ глазахъ играла съ братомъ въ чурочки и куклы... Безконечно-грустное сознаніе преходимости всего родного и близкаго, всего человѣческаго сжимаетъ ваше сердце, и не только о себѣ говоритъ Аксаковъ: «Знойное лѣто, роскошныя бессонныя ночи, берега Бугуруслапа, обросшіе зелеными кустами, изъ которыхъ со всѣхъ сторонъ неслись соловьиныя пѣсни; я помню замираніе молодого сердца и сладкую безотчетную грусть, за которую отдалъ бы теперь весь остатокъ угасающей жизни».

Да, хотя «Семейная хроника» и приводитъ къ мысли, что жизнь одинакова, что она въ сущности неподвижна, что все это, бывшее за сто, и больше, лѣтъ назадъ, осталось какъ было и настоящее похоже на прошлое, тѣмъ не менѣе, именно изъ книги

Аксакова особенно можно видѣть, какъ проходятъ если не факты, не вещи, то паши впечатлѣнія отъ нихъ. Онъ долго жилъ, этотъ старый питомецъ родного дома, сынъ усадьбы, и усадьба сохранялась все время, пока онъ жилъ, но уже никогда не подъѣзжалъ онъ къ ней съ такимъ настроеніемъ, какъ въ дѣтскіе годы, послѣ гимназіи, гдѣ онъ такъ страдалъ, гдѣ черезъ впечатлительное сердце мальчика прошло тяжкое столкновеніе казеннаго и частнаго, государства и семьи, директора и матери.

«Не берусь передать, что чувствовало мое сердце, когда я увидѣлъ милое мое Аксаково! Нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ для выраженія такихъ чувствъ... Во все теченіе моей жизни я продолжалъ испытывать, приближаясь къ Аксакову, подобныя ощущенія; но два года тому назадъ, послѣ двѣнадцатилѣтняго отсутствія, также довольно рано, подъѣзжалъ я къ тому же Аксакову; сильно билось мое сердце отъ ожиданія, я надѣялся прежнихъ радостныхъ волненій. Я вызвалъ милое прошедшее, и рой воспомнаній окружилъ меня... но не весело, а болѣзненно, мучительно подѣйствовали они на мою душу, и мнѣ стало невыразимо-тяжело и грустно. Подобно волшебнику, который, вызвавъ духовъ, не умѣетъ съ ними сладить, и не знаетъ, куда отъ нихъ дѣваться,—не зналъ я, какъ прогнать мои воспомнанія, какъ успокоить перадостное волненіе. Старые мѣхи не выдерживаютъ молодого вѣтра, и старое сердце не выноситъ молодыхъ чувствъ... но тогда, Боже мой, что было тогда!»

Въ образѣ жизни Аксаковыхъ-стариковъ было что-то звѣриное, стихійно-матерьяльное,—и вотъ народился охотникъ, любитель звѣря и насильникъ надъ нимъ. Ибо въ охотѣ страшно соединяется любовь къ природѣ и борьба съ нею; это—любовная война съ живымъ, съ живыми существами, ихъ убійство безъ ненависти. Охотникъ еще помнитъ свое тожество съ природой, свою исконную связь съ нею; черноземный Немродъ, кроткій убійца, Аксаковъ страстно любилъ ее и всю свою жизнь вносилъ въ нее смерть; еще въ ту пору, когда онъ ловилъ бабочекъ, эти «порхающіе цвѣтки», онъ слился съ природой въ любви и въ убійствѣ.

Онъ наивенъ въ своей жестокости, не замѣчаетъ ея и такъ просто говоритъ: «на это, пожалуй, всякій посмотритъ съ удовольствіемъ»—т.-е. на то, какъ ястребъ клюетъ перепелку и лакомятся ея оторванной головой. Или онъ «попросилъ отца застрѣлить уточку». «Окровавленные, бьющіяся птички не возбуждаютъ въ немъ никакого состраданія»; но зато смерть дерева, гибель природы матерьяльной, онъ не можетъ равнодушно видѣть и описываетъ ее трогательно. «Безъ всякихъ преувеличеній и фразъ можно сказать,

что ружье—молнія и громъ въ рукахъ охотника и, на опредѣленномъ разстояніи, дѣлаеть его владыкой жизни и смерти всѣхъ живущихъ тварей». И онъ пользуется своимъ владычествомъ. Ему «весело прекратить быстрый бѣгъ зайца мѣткимъ выстрѣломъ, отъ котораго колесомъ завертится русакъ съ разбѣга и потомъ растянется на снѣгу». Весною прилетитъ изъ дальнихъ странъ юное, трепетное поколѣніе, но его поджидаетъ съ молніей и громомъ въ рукахъ Сергѣй Аксаковъ, и прилетитъ все это живое для того, чтобы быть убитымъ. «Пролетная птица торопится безъ памяти, спѣшитъ безъ оглядки къ своей цѣли, къ мѣстамъ обѣтованнымъ, гдѣ надобно ей приняться за дѣло—вить гнѣзда и выводить дѣтей», но Аксаковъ не позволитъ ей дѣлать этого, Аксаковъ ее убьетъ.

Обстоятельный, не поверхностный знатокъ природы, проникнувшій въ ея интимную жизнь, и въ то же время ласковый убійца ея живыхъ тварей, онъ не изысканъ въ своей дѣтской привязанности къ ней; онъ не брезгаетъ черной работой ея матерьяльныхъ силъ. Вѣрному сердцу его близка она вся и всегда, не только въ красивомъ нарядѣ, но и замарашкой. Ему дорога не только поэзія, но и проза природы. Онъ такъ довѣряетъ ей, что не можетъ себѣ представить, чтобы она была неэстетична. Да и не нашей условной эстетикѣ мѣряться съ природой, разбирать, что въ ней хорошо и что—нѣтъ. Практическій натуралистъ, онъ вовсе не нисходитъ къ природѣ, любить ее, но почти не любитъ ею,—со всѣмъ не нужно ему, чтобы она была красива, какъ не нужно, чтобы красива была мать. Поэтому въ изображеніи весны онъ ничего не скроетъ, не утаитъ, не забудеть сказать, что «обтаяли и свѣжія навозныя кучи», что «зачернѣли проталины, какъ грязныя пятна на бѣлой скатерти».

Онъ раздѣляетъ всѣ праздники, всѣ торжественные дни природы, ея веселье и скорби. Онъ съ нею обращается бережно и по родственному; отрадно ему быть членомъ ея великой семьи, переживать съ нею всю ея жизнь, и когда пойдетъ рѣка, освобожденная весною, забьется и затрепещеть его собственное сердце.

«Около полугода рѣка какъ будто не существовала: она была продолженіемъ снѣжныхъ сугробовъ и дорогъ. По рѣкѣ ходили, ѣздили, скакали, какъ по сухому мѣсту, и почти забыли про ея существованіе, и вдругъ—широкая полоса этого твердаго, неподвижнаго, снѣжнаго пространства пошевелилась, откололась и пошла, и пошла». Какая радость!

И если описаніе выходитъ у него красиво, торжественно, то какъ будто самъ описатель здѣсь ни при чемъ. Аксаковъ такъ не

любить пустыхъ эффектовъ, такъ щепетильно-точенъ, трезвъ и правдивъ въ своемъ художественномъ воспроизведеніи природы, что боится, какъ бы нечаянно не оговорить ея, не ошибиться въ какой-нибудь детали, касающейся кулика или плотицы. Опъ тщательно собираетъ раньше всѣ свои «освѣдомленія», а потомъ уже повѣствуетъ; такъ что если бы сама природа была заинтересована въ томъ, чтобы ее описали и рассказали, она не избрала бы для этого ничьихъ другихъ устъ, кромѣ Аксакова,—лишь тогда была бы она спокойна, что никакихъ искаженій не произойдетъ. Къ тому же, собственно о томъ впечатлѣніи, какое производитъ на него природа, онъ по большей части цѣломудренно умалчиваетъ,—Аксакову не до того, онъ озабоченъ тѣмъ, чтобы вѣрно описать ее: дѣло не въ немъ, а въ ней. Конечно, не всегда нашъ честный и добросовѣстный пейзажистъ можетъ удержаться на этой высотѣ стыдливой уединенности, и онъ знаетъ, онъ говоритъ о томъ, что природа существуетъ не только сама по себѣ и для себя, что при зрѣлищѣ ея «улягутся мнимыя страсти, утихнутъ мнимыя бури, разсыплются самолюбивыя мечты, разлетятся несбыточные надежды»:

Есть однако примиритель,
 Вѣчно юный и живой,
 Чудотворецъ и цѣлитель,—
 Ухожу къ нему порой.
 Ухожу я въ міръ природы,
 Въ міръ спокойствія, свободы,
 Въ царство рыбъ и куликовъ,
 На свои родныя воды,
 На просторъ степныхъ луговъ,
 Въ тѣнь прохладную лѣсовъ
 И... въ свои молодые годы.

Природа успокаиваетъ, лѣчитъ его, навѣваетъ на него минуты «благодатныя и свѣтлыя»,—подобно тому какъ никто, по его словамъ, ни старый ни малый, не пройдетъ мимо рѣки или пруда, не поглядѣвъ, какъ гуляетъ «вольная рыба»,—и въ эти минуты каждый забудетъ свою трудовую и трудную жизнь. «Душа превращается, какъ будто, тогда въ глубокое, невозмутимо - тихое, прозрачное озеро, отчетливо отражающее въ себѣ голубое небо, надъ нимъ раскинувшееся, и весь міръ, его окружающій».

Онъ наивно убѣжденъ, что всѣхъ должны интересовать детали уженья, охоты—всякая мелочь великой природы. Онъ ревнуетъ ее къ людямъ, и кажется ему, старику, что теперь она уже не та. Чѣмъ дольше природа живетъ съ людьми, тѣмъ сильнѣе мѣняется

она свой обликъ. И вотъ Старица почти высохла, да и вообще, прежде полноводнѣе были рѣки, и больше въ нихъ водилось рыбы: «нѣтъ, ты уже не та теперь, не такая, какую даже и я зналъ тебя, — свѣжею, цвѣтущею, неизмятою отовсюду набѣжавшимъ разнороднымъ народонаселеніемъ». Да, свершилось пророчество:

Помнуть луга, порубячь лѣсъ,
 Взмутячь въ водахъ лазурь небесъ,

 И тукъ земли неистощенный
 Всосутъ чужія сѣмена.

Онъ не переноситъ — это характерно для него — стихіи въ ея бурныхъ явленіяхъ; онъ боится грозы, большой воды, и смиренно и лукаво говоритъ, что не станетъ спорить съ любителями величественныхъ и грозныхъ образовъ, и охотно соглашается, что неспособенъ къ принятію грандіозныхъ впечатлѣній. Но отъ природы тихой и спокойной, какъ его собственная душа, онъ себя не отдѣляетъ. Недаромъ онъ имѣлъ за собою не только дѣда, какъ будто выросшаго прямо изъ земли и въ землю вросшаго, но и отца, безхитростнаго любителя природы, — и только мать его, горожанка, была, повидимому, къ ней равнодушна.

Въ едипой великой семьѣ природы животныя и люди для Аксакова какъ будто одинаковы, и онъ одушевленно заступаетъ за честь тетеревовъ. Ибо онъ справедливъ, какъ само естество, которому смѣшонъ и притязателенъ кажется нашъ несправимый антропоцентризмъ. И въ мірѣ рыбъ тоже бываютъ событія, а любовь селезня и утки или токованье тетеревовъ мало чѣмъ отличается отъ романовъ человѣческихъ.

Отъ этихъ рыбъ и куликовъ, отъ этого чернолѣся и краснолѣся міръ во всякомъ случаѣ сдѣлался богаче, населеннѣе. Аксаковъ раздвинулъ предѣлы художественной повѣсти, ввелъ въ нее не однихъ людей, какъ это было прежде, но и представителей царства животнаго. Онъ проникъ въ ихъ интересы, нравы; онъ сумѣлъ ихъ индивидуализировать и, хотя смотрѣлъ на нихъ преимущественно глазами охотника, на потребу и потѣху котораго создапы всѣ эти живыя существа, мишени для выстрѣловъ, тѣмъ не менѣе онъ изобразилъ ихъ и такими, какъ они оказываются для самихъ себя. Не съ литературой подошелъ онъ къ природѣ; естественнымъ сыновнимъ голосомъ позвалъ онъ ее, и она отвѣтила ему всѣмъ разнообразіемъ своихъ голосовъ и тембровъ, такъ что онъ услышалъ, какъ токують тетерева, пищать рябчики, хрипятъ вальдшнепы, вор-

куют голуби, взвизгивают и чокают дрозды, заушвно, мелодически перекликаются иволги, стонут кукушки, постукивают дятлы, трубят желны, трещат сойки, и «все многочисленное крылатое, мелкое пѣвчее племя наполняет воздухъ разнымъ голосамъ и оживляет тишину лѣсовъ»...

Та тихая жизнь, похожая на озеро, которой жилъ Аксаковъ, имѣет свое обаяніе, мирную прелесть «Германа и Доротеи», и можетъ быть, въ ней, духовно скудной и слишкомъ, нечеловѣчески-безмятежной, процвѣтаетъ зато съ особою силой растительность, прозябаніе. Вотъ передъ нами прошла милая чета. «Домикъ ихъ блисталъ опрятностью и чистотой, привлекалъ уютностью, дышалъ спокойствіемъ». Въ этомъ гнѣздѣ жизни, жизни какъ такой, оживало все простое, элементарное, непритязательное. И оттого «подарять бывало имъ горшокъ какихъ-нибудь засыхающихъ цвѣтовъ, они у нихъ оживутъ, позеленѣютъ и обыкновенно разрастутся, такъ что прежній хозяинъ выпроситъ ихъ назадъ... Какъ будто въ воздухѣ было нѣчто успокоительное и живительное, отчего и животному, и растенію было привѣтно».

Животному и растенію... Но человѣкъ—ему что скажетъ эта мирная обитель? Намъ вотъ о чемъ свидѣтельствуетъ Аксаковъ: «Заѣзжая иногда въ этотъ уединенный уголокъ и посмотря нѣсколько часовъ на эту безцвѣтную скромную жизнь, я всегда поддавался ея впечатлѣнію и спрашивалъ себя: не здѣсь ли живетъ истинное счастье человѣческое, чуждое неразрѣшимыхъ вопросовъ, неудовлетворимыхъ требованій, чуждое страстей и волненій? Долго звучалъ во мнѣ гармоническій строй этой жизни, долго чувствовалъ я какое-то грустное умиленіе, какое-то сожалѣніе о потерѣ того, что имѣтъ казалось такъ легко, что было подъ руками. Но когда задавалъ я себѣ вопросъ—не хочешь ли быть Василюмъ Васильевичемъ, я пугался этого вопроса, и умиленное впечатлѣніе мгновенно исчезало». Именно это и можетъ послужить исходной точкой для критики самого Аксакова, его семейной повѣсти. Онъ самъ отшатнулся отъ заводи соннаго прозябанія, его отпугнулъ избытокъ идиллическаго. И Аксаковъ, который «жизнь домашнимъ кругомъ ограничить захотѣлъ» и въ этой сферѣ создалъ страницы, на которыхъ привѣтливимъ огнемъ камелька свѣтитъ и теплится даже самая ихъ ограниченность,—Аксаковъ не поднялся на горныя вершины человѣческаго.

Зато человѣческая долина описана имъ съ художественной простотой и красотой, хрустальными словами, которыя льются такъ легко, такъ довѣрчиво къ сердцу и пониманію читателя. Вы слышите въ нихъ то, что запало когда-то въ дѣтскую душу Акса-

кова: «чудные голоса святочных пѣсенъ, уцѣлѣвшіе звуки глубокой древности, отголоски невѣдомаго міра». И чистымъ звукомъ звучить этотъ сплошной русскій языкъ, не прерванный, не смущенный ни однимъ чужакомъ, ни однимъ пришельцемъ изъ рѣчи иностранной. Аксакова оскорбляетъ какой-то бусурманской дикостью даже слово *бургъ* въ названіи любимой Оренбургской губерніи. Для всего, что нашъ писатель думалъ и чувствовалъ, онъ нашелъ соотвѣтственныя выраженія у себя, на родинѣ, въ сокровищахъ собственнаго языка; ему не нужно было переѣзжать границу, этому глубокому въ своей ограниченности, осѣдлому жителю Россіи. Зачѣмъ бы въ самомъ дѣлѣ понадобились ему чужія и чуждыя слова? Для понятій отвлеченныхъ? Но онъ такъ далекъ отъ умозрительнаго, онъ совсѣмъ не теоретикъ, вѣрный питомецъ осязательности; характерно, что въ молодые годы онъ страстно любилъ театръ, эту воплощенную наглядность, этотъ предѣлъ конкретнаго въ искусствѣ.

Онъ долго жилъ, и кругомъ него kloкотали событія, а онъ, «сидя тихо и смирно съ удочкой на берегу озера или рѣчного залива», сохранялъ душевный покой. Міръ со своими волненіями уплывалъ отъ него, не тревожилъ его. Съ отроческихъ лѣтъ мы видимъ предъ собою этого смирнаго и тихаго рыбака, этого чистаго сердцемъ, почтительнаго къ людямъ любителя природы, проникнутаго духомъ честности и благоволенія, и теплою волною колыхаетъ онъ умиленное сердце, и возрастаетъ наша вѣра въ чело-вѣка. Вѣдь самъ онъ такъ много уважалъ въ жизни, такъ искренне почиталъ и прошлое, и настоящее; такъ стыдно и больно было ему замѣчать темное въ другихъ, — напримѣръ, въ своемъ любимцѣ Гоголѣ. И когда, заслоненный болѣе яркими, болѣе кипучими фигурами новой жизни, замедленной походкой старости уходитъ отъ насъ этотъ добрый старожилъ, у насъ надолго остается въ душѣ какой-то чистый и свѣтлый слѣдъ, и грезятся зеленые берега Бугуруслана и выросшій на нихъ ружейный охотникъ Оренбургской губерніи — въ окруженіи своихъ родныхъ, съ которыми сроднилъ онъ и всякаго русскаго читателя.

Огаревъ.

Блѣдный спутникъ блестящаго свѣтила, Огаревъ извѣстенъ большинству русскихъ читателей не самъ по себѣ, а въ ореолѣ Герцена, и онъ памятенъ не своими стихами, а какъ соратникъ послѣдняго въ борьбѣ за свободу, объединенный съ нимъ знаменитой клятвой на Воробьевыхъ горахъ.

Но если золотыя крупинки чистой меланхолической поэзіи, хотя и затеряныя во множествѣ стиховъ, по выраженію самого автора, «усталыхъ» и «вялыхъ», даютъ право на безсмертіе, то, несомнѣнно, Огаревъ никогда не будетъ чужимъ и лишнимъ въ домѣ родной литературы. У него есть свои образы, порою величественные и волнующіе; у него есть своя мелодія, нѣжные вздохи серенады или романса, и вообще въ той сферѣ чувства и мысли, которую ему отдѣлили музы, для него не щедрыя, онъ, какъ Ленскій, ихъ «не постыдилъ». Вы найдете у него и жанръ, часто подернутый дымкой сатиры; вы найдете у него и своеобразный русскій пейзажъ, «серебряный морозъ» нашей зимы. Въ его лирикѣ и эпосѣ (напримѣръ, въ неоконченной поэмѣ «Африка») загораются и огоньки художественной энергіи, и тогда, въ эти исключительные моменты, стихъ его летится полнозвучно и гордо.

Однако самый складъ его внутренняго міра не благопріятствуетъ развитію звучности и силы: возникаетъ параллелизмъ, своеобразная гармонія между акварельной окраской таланта и призрачнымъ, «блѣдноликимъ» характеромъ его объектовъ. Въ самомъ дѣлѣ, краски яркія и слова торжествующія и смѣлыя нужны тому, кто живетъ настоящимъ и смотритъ впередъ, кто любитъ бурную вспышку мгновенія и довѣрчиво къ нему и къ себѣ устремляется за нимъ въ безконечную даль будущаго. Огаревъ же весь въ прошломъ. Никто изъ русскихъ поэтовъ такъ часто не воспоминаетъ, такъ много не помнитъ, какъ именно Огаревъ. Молясь на прошлое, онъ называетъ «даль воспоминанія» святою. Онъ постоянно озирается на-

задь. Его идеаль, его счастье, его любовь отстали отъ него, и онъ, какъ Орфей, оглянулся на свою Эвридику,—Эвридика черезъ это исчезла, и съ тѣхъ поръ неутѣшный пѣвецъ и супругъ въ своей тоскѣ все смотритъ на дорогу, уже пройденную, не сводитъ глазъ съ ушедшаго, съ прошедшаго. И брачное ложе грезится ему въ спальнѣ старинной, подъ сѣнью ветхую, и на это ложе опускается не живая и прекрасная: нѣтъ, въ часъ привидѣній одиноко садится на него печальная тѣнь,

Садится и плачетъ
И русой косою
Въ безмолвыи ночей
Слезу утираетъ
Съ потухшихъ очей.

Глаза потухшіе какъ будто дороже Огареву, чѣмъ горящіе; портреты говорятъ его сердцу больше, чѣмъ живые, чѣмъ живущіе люди; образы и тѣни вытѣсняють собою непосредственное и трепетное ощущеніе. <Его память богаче его дѣйствительности> Онъ схватываетъ настоящее не въ его жизненной теплотѣ, онъ цѣнитъ его лишь постольку, поскольку въ немъ зрѣетъ смерть, поскольку оно сдѣлается прошлымъ и, какъ все на свѣтѣ, превратится въ воспоминаніе. *Тогда* онъ обернется на него, и вчерашнее, далекое, бывшее предстанетъ ему въ свѣтѣ отрадномъ и дорогомъ, и *тогда* онъ будетъ думать о мелькнувшей передъ нимъ женщинѣ въ бѣломъ платьѣ. <Жизнь должна сперва умереть, чтобы потомъ лишь начаться для него>

Среди живыхъ и самъ живой, онъ не довольствуется тѣми, кто есть,—онъ не можетъ обойтись безъ умершихъ, безъ ушедшихъ. Его душа являетъ собою, по его собственному сравненію, кладбище, и онъ, при романтическомъ свѣтѣ луны, бродитъ вокругъ этихъ нравственныхъ могилъ и вызываетъ уснувшіе призраки, «родныя тѣни мертвецовъ». Его сердце не бьется для данной минуты,—оно больно тѣмъ, что имѣетъ только исторію.

Онъ опаздываетъ, не поспѣваетъ за жизнью. При этомъ однако онъ слышитъ, какъ легко стучитъ о плиты деревянный башмачокъ молодой неаполитанки, при этомъ онъ знаетъ, какъ жгуча страсть и пьяно вино, какъ прекрасно мгновеніе («дорожу я прекраснымъ мгновеньемъ»), и онъ бы вынулъ его до дна и затѣмъ разбилъ бы вдребезги бокалъ своей жизни, но у него недостаетъ для этого рѣшимости и силы. Онъ только совѣтуетъ это сдѣлать другимъ,—напримѣръ, въ слѣдующихъ прекрасныхъ стихахъ:

Живите мало. Странно вамъ?
 Ромео умеръ, съ нимъ Джульета—
 Шекспиръ зналъ жизнь какъ Богъ: мы снамъ
 Роскошно вѣримъ въ юны лѣта,
 Но сухость жизнь наводитъ намъ.

.
 Блаженны тѣ, что въ утрѣ дней
 Въ послѣднемъ замерли лобзаньи,
 Въ тѣни развѣсистыхъ вѣтвей,
 Подъ вечеръ майскій, при журчаньи
 Бѣгущихъ водъ,—и соловей
 Имъ пѣлъ надгробное рыданье,
 А воронъ тронуть ихъ не смѣлъ
 И робко мимо пролетѣлъ.

Самъ же онъ полонъ безпредметныхъ желаній, «давно угасшаго стремленія»; его сердце безотчетно ноетъ и не сознаетъ, чего оно хочетъ. Огаревъ — ищущій безъ объекта исканій: можно ли въ такомъ случаѣ найти?

Не знаю самъ, чего ищу,
 Какую тайну знать хочу.
 Вотъ что-то бѣлое луной
 Озарено передо мной.
 Быть можетъ, призракъ мертвеца?
 Быть можетъ, это тѣнь отца?
 Иль образъ матери моей
 Шепнуть мнѣ хочеть въ мглѣ вѣтвей
 Слова любви или угрозъ?

Вообще, Огаревъ представляетъ собою зрѣлище человѣка, у котораго «юный жаръ» подъ дуновеніемъ жизненнаго холода превратился не болѣе какъ въ теплое и который пережилъ самого себя, свои страсти и желанія:

Листъ за листомъ я рвалъ завѣтныя тетради,
 И все, и все изорвано теперь.

<Онъ—поэтъ хандры> жизни прожитой, и жизнь тогда ему дороже всего, когда она — запустѣніе.

Унылый внутренній міръ находитъ себѣ печальное соотвѣтствіе во внѣшней природѣ, и вотъ мы читаемъ:

Осенній день былъ сѣръ и сыръ,
 И мелкій дождь ежеминутно

На землю капаль: мокрый міръ
 Смотрѣлъ уныло, безпріютно.
 Казалось пусто. Садъ притихъ,
 Замолкъ деревьевъ гуль протяжный,
 И желтый листь, срываясь съ нихъ,
 Печально мокъ на почвѣ влажной,
 И только утки, какъ всегда,
 Плескались глупо у пруда.

Вѣчная осень... Тяжко долженъ чувствовать себя человѣкъ, для котораго какъ бы остановилось кругообращеніе временъ и весна ни разу больше не возвращается. Она — неподвижное прошлое.

И Огаревъ «болѣзненно лелѣетъ» его, «какъ мать безумная въ слезахъ съ младенцемъ мертвымъ на рукахъ». Это — поразительный образъ, но къ Огареву онъ не подходитъ въ томъ отношеніи, что нашъ поэтъ вовсе не безуменъ и мертвенность ребенка онъ вполне сознаетъ. Безумная мать считаетъ своего младенца живымъ, онъ для нея ничѣмъ не отличается отъ живого, между тѣмъ какъ Огаревъ слишкомъ ясно видитъ ту линію, которая отдѣляетъ прошлое отъ настоящаго. Прошлое онъ именно въ этомъ его качествѣ и чувствуетъ. Оно не облеклось для него въ плоть и кровь, оно одѣто въ свой трауръ и не имѣетъ иллюзіи и красокъ текущаго момента. Великъ былъ бы тотъ человѣческій духъ, въ которомъ бы ничто не умирало, который зналъ бы одно настоящее и переживалъ бы «вѣчное теперь», *nunc stans*. Огареву эта вѣчность совсѣмъ чужда. Его душа только памятлива, но не бессмертна. Прошлое не сливается въ ней съ настоящимъ въ одно глубокое впечатлѣніе, въ одно сверхвременное переживаніе, — прошлое у него остается блѣдно. И если бы Огареву предложили замѣнить эту блѣдность отмершихъ элементовъ духа живыми переливами настоящаго, онъ бы на это не согласился, — у него для настоящаго, какъ мы уже сказали, нѣтъ силы, онъ не хочетъ реальности, онъ вмѣсто нея взялъ бы сновидѣніе. Огаревъ всегда предпочтетъ мертвое, и онъ сознательно и разсудочно скажетъ:

Все, что пройдетъ, то будетъ мило!
 Я въ этомъ тайны, наконецъ,
 Иной не вижу, мой мудрецъ!

Разсудочность вообще искажаетъ его меланхолю, какъ и всю его поэзію, и было бы лучше, если бы онъ былъ просто сентименталенъ и наивенъ, если бы не было этого вмѣшательства разсужденій и еще этихъ инкрустацій неглубокаго юмора. Огаревъ

отлично самъ себя понималъ и объяснилъ въ своихъ стихахъ,— не читатель, а самъ онъ вскрываетъ свою оглядчивость, свою привязанность къ прошедшему.

Его духъ, всегда обращенный къ прошлому, уже этимъ обнаруживаетъ свою несамостоятельность. Огареву нужны чужая помощь, чужое благословеніе, хотя бы онѣ шли изъ могилы, изъ «страны иной». Онъ постоянно говоритъ и проситъ о дружбѣ,— ему необходимъ другой. Онъ не мужественъ, и онъ одинъ не можетъ быть, а великъ именно тотъ, кто можетъ быть въ мірѣ одинъ; Въ первомъ же стихотвореніи онъ жалуется на то, что онъ и его друзья не встрѣтили участія. Огаревъ, словно дитя безъ родителей, безъ руководителей, заблудился, растерялся въ жизни (особенно, конечно, въ русской жизни, которая своею грубостью такъ мучила его чуткую, можетъ быть — слишкомъ холеную душу), и онъ тоскливо оглядывается кругомъ: нѣтъ ли проводника.

Оттого онъ и знаетъ, «что значить слово мать»:

Я знаю—въ немъ есть міръ любви чудесный,
Я знаю—мать прискорбно потерять
И сиротой докончить путь безвѣстный.

Оттого же часто встрѣчается у него и мотивъ семьи, дѣтей; онъ любить ребенка, но не столько въ его настоящей прелести, сколько какъ потенцію жизни, какъ будущій очагъ воспоминаній: вѣдь Огареву—мы уже знаемъ это—жизнь и вообще-то дорога не актуальная, а только въ ея прошлой или будущей возможности. Огареву отраденъ «старый другъ—старый домъ», «опять знакомый домъ, опять знакомый садъ»; онъ часто сидитъ у камина съ думой «сѣдою, отжившей»—быть можетъ, со связкой давнишнихъ, пожелтѣвшихъ писемъ отъ возлюбленной, которая умерла. Для него, утомленного, разбитого не столько «сѣдою усталюю годовъ», сколько воспоминаніями, такъ желанно все уютное и привѣтливое, все ласкающее нѣгой отдыха. Да, усталъ этотъ человѣкъ, «вмѣстѣ старый и молодой»...

Но васъ удручаетъ избытокъ утомленія, эта душа, похожая на опустѣлый барскій домъ, который оживаетъ только лунной ночью, когда онъ отдается воспоминаніямъ и портреты на стѣнахъ его старинныхъ покоевъ начинаютъ свою безмолвную бесѣду. И мы выпосимъ такое впечатлѣніе, что поэзія Огарева, бѣдная полными аккордами, въ лучшихъ своихъ образцахъ похожа на кладбище, которое онъ, такъ характерно для себя, любилъ и охотно посѣщалъ. Кладбище, гдѣ «тише стала тишина», имѣетъ свою печальную отраду, и на немъ пышно разрастаются цвѣты; но все же кладбище не садъ, и кто можетъ, тотъ уходитъ съ него—въ жизнь.

Гончаровъ.

Незадолго до смерти, называя себя «близкимъ кандидатомъ въ покойники», Гончаровъ трогательно просилъ, во имя своего честнаго служенія перу, чтобы не нарушали его послѣдней воли, не печатали его личной переписки и судили о немъ только по его литературнымъ произведеніямъ. Онъ хотѣлъ отойти въ потомство исключительно какъ авторъ, какъ творецъ «Обломова» и «Обрыва»; онъ хотѣлъ, чтобы мѣриломъ его оцѣнки служили не мимолетныя изъясненія случайныхъ писемъ, а то, что онъ обдумывалъ цѣлыми годами и во что вложилъ свою душу, свои творческіе замыслы. Исполнить эту естественную и психологически-законную волю слѣдовало бы даже и въ томъ случаѣ, если бы она набрасывала покровъ на интересныя черты для его характеристики. Но въ дѣйствительности этого нѣтъ: умственная и нравственная фізіономія Гончарова достаточно ясно отразилась въ его художественныхъ

твореніяхъ, и намъ вовсе не нужна его переписка, для того чтобы знать, кто онъ. Въ заключительной главѣ «Обломова» мы видимъ даже его внѣшность: передъ нами является «литераторъ, полный, съ апатическимъ лицомъ, задумчивыми, какъ будто сонными глазами». А въ томъ классическомъ и для всѣхъ открытомъ письмѣ, которое представляетъ собою «Фрегатъ Паллада», онъ много рассказываетъ о себѣ, о своей жизни, и на картины чужой природы, па описаніе всего путешествія, налагаетъ яркій отпечатокъ своей личности. Онъ смотритъ на

насъ изъ своихъ произведеній, такъ что мы можемъ прочесть не только ихъ, но и его самого; онъ даетъ намъ свою внутреннюю автобіографію.

Тѣмъ разительнѣе то глубокое недоразумѣніе, въ силу кото-

раго Гончарова нерѣдко называютъ писателемъ объективнымъ: таковъ эпитетъ, который издавна придавали ему русскіе критики. Между тѣмъ въ свои романы Гончаровъ свою натуру перенесъ всецѣло и нисколько не отрѣшился отъ себя, когда живописалъ другихъ людей. У него и помину нѣтъ той строгой объективности, которая подавляетъ въ художникѣ его сочувствія и непріязни и безо всякаго замѣтнаго посредничества ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ жизнью и людьми. Мы слишкомъ ясно видимъ, кого и что онъ любитъ, кому онъ отказываетъ въ своей симпатіи; напримѣръ, рисуя фигуры Волохова и Тушина, онъ не скрываетъ, къ которой изъ нихъ лежитъ его сердце; онъ явно раздѣляетъ «бабушкину мораль», и не писатель-объективистъ провожаетъ Вѣру въ обрывъ участливой мольбою: «Боже, прости ее, что она обернулась!». Гончаровъ необычайно субъективенъ въ произведеніяхъ своего пера, онъ и не пытается достигнуть писательскаго безпристрастія, и даже, не умѣя индивидуализировать слога, заставляетъ свои персонажи говорить пластическимъ языкомъ самого автора: вѣдь молодой Адуевъ и Райскій, Штольцъ въ своихъ послѣднихъ бесѣдахъ съ Ольгой, Обломовъ въ своихъ тирадахъ противъ столичной жизни—всѣ они выражаются одинаково, и всѣ они употребляютъ тѣ же красивыя, стройныя, образныя фразы, которыя спокойно и медлительно текутъ изъ устъ самого писателя на тѣхъ многочисленныхъ страницахъ, гдѣ онъ прерываетъ нить непосредственнаго дѣйствія для своихъ разсужденій и характеристикъ. Иногда гончаровская рѣчь или отдѣльная фраза, неосторожно вложенная въ уста какого-нибудь героя, даже рѣзко поражаетъ своимъ несоотвѣтствіемъ говорящему лицу; вспомните, напримѣръ, какъ Татьяна Марковна въ «Обрывѣ» опредѣляетъ остроу: «острота фальшива, принарядится краснымъ словомъ, смѣхомъ, ползетъ, какъ змѣй, въ уши, норовитъ подкрасться къ уму и помрачить его» — развѣ это бабушкины рѣчи?

Если возникла все-таки по отношенію къ Гончарову иллюзія объективнаго творчества, то это объясняется лишь тѣмъ, что онъ, пожалуй, былъ объективенъ, т.-е. спокоенъ, какъ человѣкъ (а не какъ художникъ!), что внутренній міръ его, котораго онъ ничѣмъ и не старался заслонить, самъ-то былъ тихъ и созерцателенъ, сторонился огня и страсти, жизнь переносилъ легко и окрашивалъ ее въ свѣтлыя и мирныя краски. Прирожденную безмятежность духа не будемъ смѣшивать съ художественной объективностью. Не дадимъ себя убаюкать невозмутимому краснорѣчію Гончарова, отъ котораго онъ щедро удѣляетъ и своимъ героямъ; разсѣмъ чары этого плавнаго стиля, который напоминаетъ комнату съ мягкой мебелью и портъерами, устланную пушистыми коврами, гдѣ

скрадывается гулкой шумъ жизненныхъ шаговъ, умѣряются диссонансы и волненія страстей.

И вотъ, вглядываясь въ Гончарова, поскольку онъ отразился въ своихъ романахъ, мы видимъ, что онъ никогда не спѣшитъ, не торопится, что это—организация внутренне-осѣдлая, привязанная къ данному укладу жизни, хотя во имя высшаго идеала, во имя нравственной красоты, и осуждающая въ себѣ эту цѣпкую привязанность. Затаенное, но сказывающееся въ юморѣ, бореніе двухъ моментовъ, центростремительнаго и центробѣжнаго, столкновение домо-сѣда и путешественника,—вотъ что характеризуетъ Гончарова. Конечно, эта разладаца и двойственность въ большей или меньшей степени свойственна каждому человѣческому существу, но у нашего писателя она пріобрѣтаетъ особую силу и значительность, потому что начало центростремительное, «земное жизни тяготѣнье», не только досталось ему въ прочное, неизбывное наслѣдство отъ цѣлаго ряда домовитыхъ поколѣній, но и нашло себѣ въ его собственномъ сердцѣ исключительно благодарную, хотя уже и облагороженную почву. И потому Гончаровъ прежде всего—несравненный мастеръ *жанра*, и въ этой сферѣ заключается его главная сила, сюда принадлежать его лучшія страницы. Онъ любитъ человѣка въ его домашней обстановкѣ, въ окруженіи разнообразныхъ мелочей повседневнаго, мирно текущаго быта, среди вещей уютнаго роднаго угла. Онъ—поэтъ комнаты, пѣвецъ дома; его привлекаетъ маленькій сонный городокъ и его незатѣйливые демики съ мезонинами и садиками, гдѣ живутъ хотя и сонныя, но все-таки милыя человѣческія души, гдѣ онъ встрѣчаетъ женщину, «весь вѣкъ прошедшую въ своемъ переулкѣ, безъ суматохи, безъ страстей и волненій». Онъ съ наслажденіемъ рисуетъ *nature morte* и тѣхъ, кто близокъ къ ней по несложности своего психическаго міра,—слугъ, Агаею Матвѣвну, эту царицу хозяйства, простодушную Марѣинку. Его занимаетъ жизнь свѣтлая, открытая, гдѣ прозрачны дома и души. Ему близка, ему дорога Обломовка, гдѣ царитъ природа прирученная, гдѣ небо приближено къ землѣ и сама поэтическая луна очень походитъ на мѣдный вычищенный тазъ,—Обломовка во всѣхъ ея видахъ и оттѣнкахъ, и онъ самъ говоритъ, что унесъ ея почву съ собою въ тропическія страны и тамъ вспоминалъ ея тишину, ея волжскіе пейзажи. Въ русской литературѣ онъ является художникомъ фламандской школы: его тѣшитъ ея «пестрый соръ», его интересуется самый обрядъ жизни, и, поэтъ обыденности, онъ умѣетъ извлекать теплое и душевное изъ хозяйственной прозы. Онъ освѣщаетъ ее ласковымъ огонькомъ своего добродушнаго юмора, который распространяетъ и на самого себя: Гончаровъ сознаетъ свою врож-

денную слабость къ вещамъ, къ комфорту, къ порядку, ради котораго отвергается даже величавое и грозное зрѣлище бури въ океанѣ,—онъ сознаетъ ее и посмѣивается надъ нею, далекій отъ всякаго педантизма, несклонный возводить свое удобство въ неприкосновенный догматъ. Ибо здѣсь начинается уже свою работу второе начало его духа—центробѣжное. Онъ любитъ свой кабинетъ подъ надежной кровлей, свое покойное кресло,—но въ немъ живутъ и мечты путешественника, въ немъ свѣжи и плѣнительны впечатлѣнія отъ рассказовъ моряка Якубова. И его, казалось бы—упорнаго домохозяина, зовутъ къ себѣ даже не края сосѣдней Европы: ему чудятся «Азія, міръ праотца Адама, юная Колумбова земля», его манятъ «пловучіе наѣзды»

Въ тѣ древнія и новыя мѣста,
Гдѣ въ небесахъ другія блещутъ звѣзды,
Гдѣ свѣтъ лѣтъ созвѣздіе Креста.

И вотъ онъ покидаетъ безопасное жилище для кругосвѣтнаго плаванія на парусномъ суднѣ, ввѣряетъ морскимъ волнамъ и случайностямъ пути свое здоровье и жизнь. Героическимъ моментомъ и поэзіей его существованія было это путешествіе; но и оно послужило писателю главнымъ образомъ ту службу, что дало ему новые узоры для жанра,—грандіознаго жанра, предметомъ котораго сдѣлался почти весь міръ. Всюду, куда ни заноситъ Гончарова судьба и корабль, онъ подмѣчаетъ все типическое, характерное, внѣшне-человѣческое; его интересуютъ лица, голоса, манеры, одежды, жилища, яства, — все то разнообразіе наружныхъ формъ и проявленій общезитія, въ какое облакается человѣкъ на протяженіи земель и морей. Въ Лондонѣ, «чѣмъ смотрѣтъ на сфинксы и обелиски» мертваго британскаго музея, Гончарову нравится лучше простоять цѣлый часъ на перекресткѣ и наблюдать живыя уличныя сценки; въ Капской землѣ, въ Китаѣ, въ Японіи, въ Индіи, въ Сибири—ездѣ онъ присматривается къ тому, какъ люди разговариваютъ между собою, чѣмъ они окружаютъ себя, что ѣдятъ; ездѣ тяготѣетъ онъ къ однимъ и тѣмъ же впечатлѣніямъ домашняго быта и привлекательныхъ мелочей жизни, ездѣ посвящаетъ свое роскошное перо описанію обѣдовъ, вещей, комнатной обстановки. Онъ взялъ съ собою въ кругосвѣтное путешествіе всю свою палитру жанриста, и даже разновидность безсмертнаго Захара ~~взятъ~~ онъ съ собою — въ лицѣ своего вѣстового ~~Фаддеева, къ которому нѣтъ-нѣтъ, да возвращается отъ созерцанія экзотическихъ красотъ.~~ И хотя природа тропиковъ вдохновила его на удивительныя описанія, но въ то же время онъ не стѣсняется примѣнять къ ней все

тѣ же будничныя сближенія: сравниваетъ Юпитеръ съ золотой пуговицей, горизонтъ—съ занавѣской, цвѣтъ моря—съ цвѣтомъ ботвины. И вы чувствуете, что не въ природѣ для него центръ тяжести, что онъ предпочитаетъ заходу южнаго солнца человѣческое лицо и мило-прозаическія вещи. Его занимаетъ не столько буря въ Тихомъ океанѣ, сколько тотъ хаосъ, который она произвела въ его каютѣ, и тѣ ухищренія, съ какими Ѳаддеевъ приноситъ пищу во время качки...

Прежде чѣмъ отправиться въ путешествіе, которое должно было спасти его отъ «вѣчныхъ будней», отъ «мелкихъ, надобвшихъ явленій», Гончаровъ впалъ въ страшное и глубоко-характерное для него сомнѣніе: «Хватитъ ли души вмѣститъ вдругъ неожиданно развивающуюся картину міра? Вѣдь это дерзость почти титаническая! Гдѣ взять силы, чтобы воспринять массу великихъ впечатлѣній? И когда ворвутся въ душу эти великолѣпные гости, не смутится ли самъ хозяинъ среди своего пира?» Что же, вышелъ ли обличитель и пѣвецъ Обломовки съ честью изъ этого испытанія? Не подавилъ ли его своимъ величіемъ тотъ міръ, который онъ объѣзжалъ на знаменитомъ фрегатѣ? Міръ всколыхнулъ его душу, исторгъ изъ нея прекрасныя слова художественнаго удивленія передъ тропической ночью, передъ чистымъ созвѣдіемъ Южнаго Креста, иногда чаровалъ его иллюзіей волшебной сказки,—но въ общемъ Гончаровъ остался спокоенъ: глубокаго переворота въ немъ не совершилось, и ничто, ни одно грандіозное зрѣлище не вывело его надолго изъ его яснаго настроенія и неизмѣнной душевной трезвости. Восторженнаго не ищите на страницахъ Гончарова. И, кромѣ того, онъ объѣхалъ кругомъ свѣта, но синтезъ свѣта не получился въ его наблюдательной душѣ. Міръ раздробился, раскололся для него на мелочи и житейскія детали, прошелъ передъ его глазами длинной вереницей обыкновенныхъ людей и будничныхъ событій, и Гончаровъ низвелъ его къ уровню нормальныхъ человѣческихъ силъ и взглядовъ, описалъ его доступными для всѣхъ красками, изобразилъ его въ рядѣ привѣтливыхъ картинокъ. Величественныя силы вселенной не подавили въ немъ способности къ неожиданной шуткѣ, и онъ могъ съ улыбкой говорить о космическомъ. Вотъ, напримѣръ, онъ начинаетъ рѣчь о зрѣющихъ чудесахъ индійской природы, онъ видитъ ея творческія мечты «какъ вдохновенныя мысли на лицѣ художника»,—здѣсь можно слышать, «какъ растеть трава», и онъ надѣется услышать, какъ растеть... «хоть сладкій картофель или табакъ». Міръ сталъ прозаиченъ, и путешественникъ имѣетъ право относиться къ нему безъ трепета: въ Гонъ-Конгѣ, на межѣ Индіи и Китая, нельзя даже поѣздить на

слонѣ, потому что единственный слонъ занятъ, — работаетъ на сахарномъ заводѣ...

Если неподобный жанръ составляетъ лучшую эстетическую заслугу Гончарова и если несложные и однородные люди выписаны имъ съ необыкновенной рельефностью, то, съ другой стороны, чѣмъ выше поднимается нашъ писатель надъ уровнемъ некультурнаго, первобытнаго, элементарнаго человѣка, тѣмъ блѣднѣе становится его кисть: у него недостаетъ драматизма, діалога, непосредственной изобразительности, и онъ замѣняетъ ее тѣми общими характеристиками и разсужденіями, которыя такъ растягиваютъ его романы и лишаютъ ихъ энергіи и дѣйствія, отнимаютъ у нихъ всякій рисунокъ, архитектонику, и дѣлаютъ ихъ похожими на Обломова. Когда онъ подходитъ къ натурѣ болѣе или менѣе сложной, его въ значительной степени покидаетъ художникъ и съ нимъ остается умный человѣкъ; въ такой натурѣ онъ тонко подмѣтитъ и колоритно опишетъ то простое и внѣшнее, что въ ней есть, то, чѣмъ она приближается къ Захару или къ Агаѣмъ Матвѣевнѣ, — но болѣе высокія проявленія ея духа не найдутъ себѣ съ его стороны искусства освѣщенія и чисто-художественной обработки. Такіе люди выходятъ у него блѣдными, иногда безъ признаковъ жизни, какъ Штольцъ; волненія такой души отличаются у него сочиненностью, и Гончаровъ намъ разсказываетъ о нихъ, но ихъ не живописуетъ. Оттого для изображенія своихъ героевъ онъ неуклонно пользуется методомъ прямолинейнаго контраста и одному Адуеву противопоставляетъ другого, Обломова упрекаетъ Штольцемъ, Вѣру оттѣняетъ Марейнкой. Почти каждую фигуру онъ сначала пространно характеризуетъ, готовитъ къ ней читателя, а затѣмъ какъ бы оправдываетъ эту характеристику соотвѣтственнымъ діалогомъ, — онъ не рѣшается предоставить героя собственнымъ силамъ и выяснить его фізіономію безъ своей авторской помощи, одной только выразительностью разговоровъ и дѣйствій. И если эти разговоры возвышаются надъ сферой жизненныхъ мелочей и обыденныхъ интересовъ, если въ нихъ не бьется жилка гончаровскаго юмора, — они носятъ на себѣ отпечатокъ книжности, слишкомъ красивы и округлены, слишкомъ высокопарны и общи: таковы въ особенности бесѣды Райскаго съ Бѣловодовой, съ Вѣрой, таковы и бесѣды Обломова съ Штольцемъ и Штольца съ Ольгой. Въ нихъ нѣтъ дыханія жизни и нѣтъ индивидуальности. И самъ Гончаровъ и его критики видѣли въ этомъ его умѣнье и склонность рисовать типы, даръ обобщенія; но едва ли за типичное они не приняли блѣднаго, неопредѣленнаго, расплывающагося. Великіе художники-реалисты даютъ типы въ оболочкѣ конкретнаго и индивидуальнаго: родовыя черты выясняются изъ личныхъ, субъективное

и частное является въ свѣтѣ общаго, и передъ нами встаетъ живая и особенная личность. У Гончарова мы видимъ разныя, очень интересныя, схемы человѣка, но не видимъ типовъ,—опять-таки въ томъ лишь случаѣ, когда онъ удаляется отъ простыхъ героевъ незатѣйливаго жанра (хотя и послѣдніе иногда, какъ Марейника, утрированы въ своей цѣльности). Знаменательно, что Грибоѣдову онъ дѣлалъ упрекъ въ реальности деталей, въ излишней яркости колорита, въ преобладаніи временныхъ моментовъ надъ общечеловѣческими чертами. Для него очень характерно, что при всей его любви къ человѣческому лицу онъ не всегда умѣетъ рисовать его отчетливыми штрихами: онъ напишетъ мѣткій портретъ какого-нибудь Евсея, патетически и любовно чистящаго сапоги, яркимъ пятномъ набросаетъ необъятныя бакенбарды Захара, «говорящій носъ» или «всесметающую руку» его жены; онъ однимъ взмахомъ кисти, однимъ выраженіемъ «за человѣка страшно», сдѣлаетъ для насъ живою фигуру гарнизоннаго полковника: толстаго, коротенькаго, съ налившимся кровью лицомъ и глазами; но когда эта кисть должна воспроизвести лицо болѣе одухотворенное, тогда художникъ ограничивается безцвѣтными и общими мазками и не даетъ намъ *физиономіи*. Про Лизу, одну изъ героинь «Обыкновенной исторіи», мы узнаемъ только, что она была «хорошенькая дѣвушка, высокаго роста»; главный дѣятель «Исторіи», Александръ Адуевъ, представленъ намъ какъ «бѣлокурый молодой человѣкъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, здоровья и силъ»; жена старшаго Адуева—молодая, прекрасная женщина: это все примѣты, а не живыя и разнообразныя человѣческія лица. Ольга Ильинская въ первый разъ выступаетъ передъ нами просто какъ «прекрасная женщина», и только потомъ она изображается нѣсколько явственнѣе. И внѣшность главнаго своего героя, Обломова, Гончаровъ описываетъ такъ: «Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати двухъ-трехъ отъ роду, средняго роста, пріятной наружности, съ темно-сѣрыми глазами, но съ отсутствіемъ всякой опредѣленной идеи, всякой сосредоточенности въ чертахъ лица»: конечно, это не описаніе, а общая характеристика лица, и *физиономіи* мы опять-таки не видимъ, не видимъ того Обломова, которому авторъ посвятилъ столько вниманія и страницъ! Всѣ эти лица нѣсколько напоминаютъ того безцвѣтнаго Алексѣева, который приходилъ въ гости къ Обломову...

Такою же схематичностью, какъ и большинство героевъ Гончарова, отличается и цѣликомъ одно изъ его произведеній—«Обыкновенная исторія». Здѣсь противопоставленіе слишкомъ рѣзко, для того чтобы оно было жизненнымъ, и мы въ концѣ-концовъ имѣемъ не исторію человѣческой души, а исторію карьеры. Не-

смотря на значительный объемъ этого романа, на обиліе эпизодовъ и теоретическую помощь автора, который по своему обыкновенію не остается въ тѣни,—несмотря на такую обстоятельность разсказа, мы все-таки не видимъ, какъ собственно идеалистъ обратился въ пошляка. Передъ нами зрѣлый и молодой человѣкъ, зрѣлыя и молодая рѣчи, передъ нами схема опытности и схема увлеченій, но жизненной конкретности и глубины нѣтъ передъ нами, и нѣтъ истиннаго психологическаго анализа. Когда въ «Войнѣ и мирѣ» Николай Ростовъ, пылкій юноша-рыцарь, мало-по-малу дѣлается банальнымъ патриотомъ и помѣщикомъ, который бьетъ своихъ крестьянъ, то насъ это не удивляетъ: такъ незамѣтно и такъ естественно подвигался онъ въ своемъ ростѣ, такъ психологически-правильно велъ его Толстой по жизненной, дѣйствительно—обыкновенной дорогѣ. Между тѣмъ у Гончарова Адуевъ-племянникъ долженъ какъ бы олицетворять собою молодость; но, какъ всякое олицетвореніе, всякая аллегорія, онъ не оказался ни типомъ, ни индивидуальностью,—онъ вышелъ блѣденъ и необъдѣтеленъ. Больше жизни въ его антитезѣ — Адуевъ старшемъ: но и въ немъ жизненно только то, что относится къ сферѣ жанра, дѣловитости, прозы. И какъ вездѣ у Гончарова, такъ и здѣсь наиболѣе конкретны и неподражаемо-хороши фигуры несложныхъ людей: влюбленные слуги; старикъ Костяковъ, для котораго высшее удовольствіе жизни—провести вечеръ въ банѣ, въ бесѣдахъ о торговлѣ или о преставленіи свѣта; приживальщикъ Антонъ Ивановичъ со своимъ счастливымъ аппетитомъ; и такъ какъ для жанра все одинаково важно, то не забыть Гончаровымъ и Барбось, который во время отъѣзда Адуева изъ роднаго гнѣзда, казалось, спрашивалъ глазами: «скажутъ ли мнѣ, наконецъ, что у насъ сегодня за суматоха?»...

И надъ всѣми этими картинками быта, надъ этимъ противопоставленіемъ столицы губернскому городу, гдѣ всякому извѣстно чужое времяпрепровожденіе и кто куда и зачѣмъ идетъ,—надъ этой идилліей осѣдлости лежатъ освѣщеніе гончаровскаго юмора, который вообще скрашиваетъ и ходульность иныхъ героевъ, и книжность иныхъ сценъ. Благодаря этому юмору, этой всегда готовой улыбкѣ, вы чувствуете себя съ Гончаровымъ свободно и легко; онъ не предъявляетъ строгихъ требованій къ человѣку, не зоветъ его далеко отъ будничной сферы, онъ самъ имѣетъ слабости и признаетъ ихъ въ другомъ; онъ спокоенъ, никогда ничѣмъ не возмущается и самъ причастенъ тѣмъ грѣхамъ, надъ которыми посмѣивается, самъ привязанъ душой и тѣломъ къ той Обломовкѣ, которую выставилъ на всенародное позорище. Мирный и уравновѣшенный, слегка насмѣшливый, въ мѣру эпикуреецъ, остроумный и добрый,

Гончаровъ, точно Горацій съ Поволжья, всѣмъ доступенъ, никого не подавляетъ, никого не гонитъ отъ себя. Въ немъ нѣтъ мистицизма и мрачныхъ глубинъ Достоевскаго, нѣтъ пророчества и исканій Толстого: ясное и тихое озеро напоминаютъ его произведенія. Онъ не любитъ бури, не способенъ къ ней и устами Райскаго такъ много и краснорѣчиво толкуетъ о страсти именно потому, что самъ ея не испыталъ, да испытать и не хочетъ. «Вѣдь бури и бѣшенныя страсти,—говоритъ онъ въ «Фрегатѣ Паллада»,—не норма природы и жизни, а только переходный моментъ, беспорядокъ и зло, процессъ творчества, черная работа,—для выдѣлки спокойствія и счастья въ лабораторіи природы». Да, онъ не мятеженъ, не проситъ бури; онъ слишкомъ знаетъ, что въ буряхъ нѣтъ покоя. Паэоса бытія нѣтъ въ его произведеніяхъ; онъ знаетъ скорбь жизни, но не описываетъ ея трагизма,—онъ его не видѣлъ; и когда въ Сибири ему встрѣтился несчастливецъ-мужикъ, котораго, по его собственнымъ словамъ, «одолѣло горе», у котораго двадцать пять лѣтъ назадъ убили отца, который потерялъ двухъ женъ, у котораго сгорѣла восьмилѣтняя дочь, у котораго дважды украли скопленные великимъ трудомъ деньги,—когда Гончаровъ встрѣтилъ этого мученика, ему стало жутко. «Это страданія Юва!» думалъ я, глядя на него съ почтеніемъ». Но Дормидонъ (такъ звали мужика) не унывалъ, возилъ приѣзжихъ, сбывалъ сѣно на пріиски, и Гончаровъ слышалъ, какъ онъ *весело* крикнулъ сыну-ямщику: «эй, малый, вези по старой дорогѣ!..»

Но, не рисуя зловѣщихъ сторонъ жизни, Гончаровъ часто показываетъ ея трогательныя и задушевныя картины; онъ умѣетъ съ тихой улыбкой на лицѣ затрогивать добрыя и чуткія струны сердца, и у него есть сцены, полныя нѣжности и ласки. Вотъ чужая женщина, которая не выдержала суроваго прощанія старика Штольца съ Андрюшей и со слезами креститъ его «сиротку», и цѣлуетъ его,—и онъ плачетъ, обнимая ее, потому что ему послышался голосъ матери, «возникъ на минуту ея нѣжный образъ»; вотъ поэтическій, мелькомъ брошенный силуэтъ Сони Углицкой (въ «Воспоминаніяхъ»); вотъ Титъ Никонычъ изъ «Обрыва», который «любитъ обѣихъ дѣвицъ, какъ родныхъ дочерей», и потихоньку отъ бабушки готовитъ имъ драгоценныя подарки; вотъ Лиза изъ «Обыкновенной исторіи», къ которой не вернется Александръ, которая, несмотря на близкую осень, несмотря на то, что ей очень холодно, не хочетъ уѣзжать съ дачи, гдѣ она съ нимъ видалась, и умоляющимъ голосомъ говоритъ отцу: «Погодите! еще воротятся красные дни»; но отецъ ей отвѣчаетъ про Адуева съ пріятелемъ: они не воротятся...—«Не воротятся! — сказала она вопросительно-печальнымъ

голосомъ, — потомъ подала отцу руку и тихо, склонивъ голову, пошла домой, оглядываясь по временамъ назадъ».

Есть писатели, для которыхъ любовь сильнѣе смерти, которые любовь окрашиваютъ въ трагическій цвѣтъ. Гончаровъ не принадлежитъ къ ихъ числу. Онъ знаетъ страстность Марины или жены Козлова, которая по-книжному говоритъ, что она «топить стыдъ въ поцѣлуяхъ»; но любовь для него — либо нѣжное воркованіе Адуева и Наденьки, Викентьева и Марейники, либо спокойное чувство Адуева-дяди къ своей женѣ, либо подвигъ спасенія одного изъ любящихъ другимъ. Именно послѣдняя, едва ли не самая мирная разновидность любви составляетъ одинъ изъ главныхъ моментовъ «Обломова» и «Обрыва»: Ольга хочетъ разбудить Обломова, вдохнуть энергію въ его усталую душу, Вѣра хочетъ вернуть на путь истины заблудшую овцу, Марка Волохова. Обѣ онѣ не столько любятъ, сколько спасаютъ, и Гончаровъ не сознаетъ, что именно поэтому обѣ онѣ терпятъ фіаско, которое, впрочемъ, кончается вполне благополучно, — бракомъ; неудачныхъ спасительницъ въ свою очередь спасаютъ другіе герои. Ольга нашла, что доброта, умъ и благородство Обломова недостаточны для счастья; она имѣла жестокость въ сценѣ разрыва сказать ему: «а нѣжность... гдѣ ея нѣтъ!», и когда Обломовъ, увѣренный, что она его любитъ и не перенесетъ разлуки съ нимъ, въ трогательной заботѣ о ней воскликнулъ: «Возьми меня, какъ я есть, люби во мнѣ, что есть хорошаго», то на этотъ крикъ сердца она «отрицательно покачала головой» и успокоила его, чтобы онъ не боялся за нее и за ея горе. И дѣйствительно, ея тоска скоро утихла, и она рассказала Штольцу весь свой романъ съ Ильей, всё подробности вплоть до поцѣлуя, въ которомъ Штольцъ (и его любила она рассудочной любовью) великодушно далъ ей отпущеніе. Ольга такъ же повѣствуетъ другому о своей любви, какъ Вѣра рассказываетъ о своемъ романѣ не только бабушкѣ, и не только Райскій знаетъ о немъ, но и Тушину она сама шепчетъ на ухо о тайнѣ обрыва.

Для Гончарова характерно вообще, что подобныя тайны имѣютъ въ его глазахъ особенную, внѣшнюю важность и подобныя бѣды всегда, по его мнѣнію, грозятъ дѣвушкамъ; онъ очень часто говоритъ о нихъ, и говоритъ почти какъ филистеръ. Безусловный поклонникъ законнаго брака, онъ оберегаетъ дѣвushку отъ «паденія» столь тщательнѣе, что это дѣлается, наконецъ, грубо и оскорбительно и всякомъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительнымъ цѣломудріемъ. То, напримѣръ, что Ольга посѣтила Обломова въ его холостой квартирѣ, возводится и авторомъ и героемъ на степень событія чрезвычайнаго, и особенное внима-

не обращено на то, что Ольга вышла из этой квартиры въ «гордомъ сознаниі своей невинности». Мароинька наединѣ съ кузеномъ Райскимъ тоже, если вѣрить Гончарову, подвергалась большой опасности. А когда она въ роцѣ слушаетъ съ Викентьевымъ соловья и затѣмъ упрекаетъ юношу за его смѣлость, и сама про себя говоритъ, что свою сердечную тайну она шепнула бы бабушкѣ на ушко, а потомъ спрятала бы голову подъ подушку на цѣлый день, и когда она поучаетъ еще, что Викентьевъ тоже долженъ былъ бы свой секретъ сказать на другое ушко бабушкѣ и у ней спросить: «люблю ли я васъ», — то отъ этого избытка добродѣтели, которая сама себя такъ сознаетъ и выдвигаетъ, вамъ становится неловко и за Мароиньку, и за Гончарова, подсказавшаго ей эти, къ счастью, совсѣмъ не правдоподобныя слова — не дѣвственныя и не дѣвичьи. Точно также читатель вовсе не расположенъ нравственно сопровождать бабушку Татьяну Марковну въ ея безумномъ хожденіи, которымъ она хотѣла заглушить угрызения совѣсти за свой давнишній грѣхъ. Наконецъ, Райскій, иронически бросившій Вѣрѣ померанцевый букетъ послѣ событія въ бесѣдкѣ, и сама Вѣра, до обрыва такая гордая и замкнутая, а послѣ него столь склонная исповѣдываться въ томъ, до чего никому, кромѣ нея самой, и дѣла нѣтъ, — все это, вопреки намѣренію Гончарова, не только не производитъ впечатлѣнія чистоты, но и достигаетъ противоположнаго эффе́кта.

Понятно, что на почвѣ такой общительности и такой неединенности чувства любовь не пронесется ураганомъ, не испепелитъ человѣка. Къ тому же и любовь эта, какъ мы уже сказали, не имѣетъ беззавѣтнаго и безумнаго характера: оттого нераздѣленность чувства оскорбляетъ больше самолюбіе, чѣмъ сердце, и сердце остается неразбитымъ.

Не спасала, а только любила, безхитро и горячо любила Обломова другая, невѣжественная и прозаическая женщина, Агаѣя Матвѣевна, и о ея любви Гончаровъ разсказалъ такъ ласково и тепло, разсказалъ, какъ она во время болѣзни Обломова, написавъ крупными буквами на бумажкѣ «Илья», бѣжала въ церковь, подавала бумажку въ алтарь помянуть за здравіе; какъ она закладывала свой жемчугъ, для того чтобы слаще кормить его, выхолоннаго и нѣжнаго барина. Чувство этой несложной натуры Гончаровъ изобразилъ такъ же классически, какъ изобразилъ онъ все несложное, все близкое къ элементарному содержанію жизни. И въ самомъ Обломовѣ — центральной фигурѣ своего творчества — онъ рельефнѣе всего показалъ не то, что роднитъ его съ людьми высшихъ духовныхъ запросовъ, а то, чѣмъ онъ сопри-

касается съ непосредственностью жизни и ея немудрствующихъ сыновъ.

Обломовъ больше всѣхъ воплощаетъ собою консервативное, центростремительное начало жизни, но въ то же время онъ исполненъ глубокаго идеализма и свѣтитъ своей душевной чистотой. Въ немъ дорого и мило то, что онъ не дѣлецъ, что онъ— созерцатель и, кроткій голубь, не могъ ужиться въ такой средѣ, гдѣ необходимо дѣло и гдѣ даже юныя и *Casta diva* поющія дѣвушки, въ родѣ Ольги, предварительнымъ условіемъ и доказательствомъ любви настойчиво признаютъ хозяйственную поѣздку въ деревню или посѣщеніе казенной палаты. Но порывы своего героя авторъ оставилъ въ сторонѣ; Илья Муромецъ, который есть въ Ильѣ Обломовѣ, описанъ больше въ томъ періодѣ, когда онъ сиднемъ сидитъ, чѣмъ когда онъ совершаетъ подвиги духа; лучшіе мазки своей кисти Гончаровъ отдалъ на изображеніе осѣдлости Обломова. Вотъ ее представилъ онъ въ краскахъ гиперболическихъ и въ то же время элементарныхъ. То мертвое озеро жизни, которое характеризуется страшнымъ словомъ *обломовщина* (вѣдь она страшна, эта тина, засасывающая живыхъ людей), то зло безсилія, беспомощности и равнодушія, которое укладываетъ людей въ «простой и широкій гробъ» соннаго прозябанія,—это зло Гончаровъ взялъ въ самомъ обыденномъ его проявленіи; онъ значительно упростилъ его, низвелъ его къ физической лѣни. Для того чтобы быть Обломовымъ, вовсе не надо лежать по цѣлымъ днямъ, не разставаться съ халатомъ, плотно ужинать, ничего не читать и браниться съ Захаромъ,—можно вести самый подвижный образъ жизни, можно странствовать по Европѣ, какъ это дѣлаетъ Штольцъ, и все-таки быть Обломовымъ. Гончаровская обломовщина не тонка, она имѣетъ слишкомъ фізіологическій характеръ, и авторъ заручился даже медицинскимъ свидѣтельствомъ о болѣзни Обломова, объ отолщеніи его сердца. Въ Онѣгинѣ и Бельтовѣ, даже въ Райскомъ, въ лишнихъ людяхъ Тургенева и Чехова обломовскія черты одухотворены, и тамъ онѣ болѣе глубоки, живутъ исключительно во внутреннемъ мірѣ, не проступаютъ такъ грубо наружу, какъ у Ильи Ильича. Тамъ гораздо идеальнѣе страхъ передъ жизнью, которая «трогаетъ, вездѣ достаетъ». У Гончарова физической Обломовъ заслоняетъ собою Обломова души, и тѣ общія черты, которыми авторъ рисуетъ постепенное духовное замираніе и оцѣпенѣніе своего героя, расплываются передъ нами въ туманъ. Если та среда, въ которую насъ переносятъ сонъ Обломова, и объясняетъ многое въ его судьбѣ и характерѣ, то все же, кромѣ среды, существуетъ и самъ человѣкъ, и вотъ личную драму этого человѣка, который отказался не только

отъ живой дѣятельности, но даже и отъ книгъ и газетъ, который не живетъ, а лежитъ,—драму этого человѣка Гончаровъ мало уяснилъ и показалъ ее почти исключительно съ ея внѣшней стороны, и его Обломовъ вышелъ наименѣе интереснымъ и глубокимъ изъ всѣхъ многочисленныхъ разновидностей обломовскаго типа. То, что есть въ исторіи о погибшемъ Обломовѣ горестнаго и грустнаго, относится къ Ильѣ простому, къ чистому и благородному человѣку, а вовсе не къ жертвѣ общества или сраженному герою какой-нибудь непосильной борьбы,—къ тому Обломову, который во слѣдъ Гончарову находилъ поэзію въ самой жизни и который, со своею лѣнью и безпомощностью, несравненно симпатичнѣе и милѣе дѣятельнаго и дѣловитаго Штольца. Мягкими красками изображена его смерть и его могила, надъ которой дремлютъ вѣтви сирени, посаженныя дружеской рукой его жены. У каждаго мертваго есть свой живой, который ходить за его могилой или, по крайней мѣрѣ, помнить о немъ; но надъ прахомъ Обломова особенно витаетъ участіе живыхъ, потому что отдаленность этого человѣка отъ сутолоки и борьбы сохранила въ немъ то «природное золото» чистаго сердца, ту «хрустальную, прозрачную душу», о которыхъ Штолецъ говорилъ Ольгѣ. И вотъ это кроткое, привязанное къ безмятежной и тихой жизни и отъ нея безвременно оторванное, это прекрасное и незлобивое, что было въ Обломовѣ, Гончаровъ подмѣтилъ съ великой любовью и написалъ его художественно, съ грустью и теплотой; именно это безотносительное къ высшимъ сторонамъ духа, эта обыкновенная исторія человѣческой судьбы, — вотъ что наиболѣе привлекаетъ въ знаменитомъ романѣ.

Для того чтобы понять и оцѣнить Гончарова, мы должны вникнуть только въ этотъ романъ и въ остальные его беллетристическія вещи; но бесполезна для насъ та авторская исповѣдь, которую онъ написалъ по поводу *Обломова* и по поводу другихъ своихъ произведеній, подъ заглавіемъ «Лучше поздно, чѣмъ никогда». Если намъ не нужны письма Гончарова, то не нуженъ и тотъ надуманный комментарий, который онъ далъ къ собственному художественному тексту; мы имѣемъ право не считаться съ нимъ и, обойдя его, стать лицомъ къ лицу съ самимъ художникомъ, тѣмъ болѣе что и комментарии его далеко не всегда правильны. Должно быть, подъ вліяніемъ публицистической критики онъ захотѣлъ, въ названной исповѣди, увидѣть въ большинствѣ созданныхъ имъ лицъ символы общественныхъ отношеній и эпохъ и даже въ Наденькѣ изъ «Обыкновенной исторіи» показать не живую индивидуальность, а этапъ въ развитіи русской дѣвушки. Между тѣмъ, по собственному признанію, онъ творилъ эти лица чисто-художнически, безъ

всякой тенденціи: они выяснялись передъ нимъ какъ люди, а не какъ представители соціальныхъ теченій. И вообще, гдѣ Гончаровъ касается явленій общественныхъ, поскольку они выходятъ за предѣлы установившагося быта, переступаютъ традиціонную Обломовку, — тамъ онъ дѣлается просто резонеромъ. Вспомните, напримѣръ, какъ въ «Обрывѣ» онъ характеризуетъ Волохова. Онъ повѣствуетъ какъ будто отъ лица Вѣры, но слишкомъ явно здѣсь авторское намѣреніе; Вѣра не могла бы говорить о «поверхностныхъ и одностороннихъ увлеченіяхъ» Марка: это не дѣвичье, это — хорошо знакомое намъ оффиціальное выраженіе. Онъ округленно и укоризненно, вовсе не объективно, толкуетъ въ романѣ о матеріалистическихъ воззрѣніяхъ Волохова, онъ придалъ ему мальчишескія черты, — а въ своемъ позднѣйшемъ комментаріи удивляется, какъ это передовая русская молодежь приняла образъ Волохова на свой счетъ. «Даровитые дѣятели въ крестьянской реформѣ, въ земскихъ дѣлахъ, въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ успѣли пріобрѣсти громкія имена: неужели это Волоховы!» восклицаетъ онъ. Гончаровъ не понялъ, что русское общество могло пенять ему за самый замыселъ изобразить именно эту, волоховскую, сторону прогрессивнаго явленія, не говоря уже о томъ, что и сдѣлано это изображеніе неубѣдительно и неправдоподобно; Волохову, напримѣръ, приписано слишкомъ много міровоззрѣнія, теоріи, которой онъ будто бы не могъ поступиться даже въ минуты увлеченія и страсти. Гончаровъ не понялъ, что Тушинъ, на котораго онъ указываетъ какъ на истиннаго представителя новой молодежи, нисколько не проникнуть элементомъ критики, протеста, а вѣдь именно этотъ элементъ и составлялъ главное и существенное въ «нигилизмѣ», и если иногда онъ принималъ наивныя и комическія формы, то въ основѣ его все-таки лежало глубокое и честное возмущеніе «черной неправдой» дореформенной Россіи, позоромъ крѣпостничества. Эту внутреннюю сущность, эту историческую и этическую подкладку новой соціальной силы надо было показать, если ужъ авторъ хотѣлъ вывести нарождавшееся движеніе. Тушинъ — энергичный дѣятель въ своемъ лѣсномъ царствѣ, прекрасный хозяинъ; но вѣдь не хозяйственные доблести, не заводы и фабрики, которые у Гончарова являются неизмѣнными атрибутами положительныхъ героев, — не они служатъ двигателями развитія. Волоховскій протестъ мелоченъ и смѣшонъ; но Гончаровъ въ своемъ ограниченномъ общественномъ исповѣданіи не замѣтилъ той волны серьезнаго и вдумчиваго протеста, которая всколыхнула застоявшуюся жизнь и которая, между прочимъ, увлекла и дѣвушекъ изъ «почтенныхъ», какъ онъ характерно выражается, семействъ. Впрочемъ, гончаровская Вѣра, какъ мы уже видѣли, вовсе и не была

увлечена, она больше спаслаа и не она шла къ Волохову, а, напротивъ, звала его къ себѣ, — къ бабушкѣ, къ отцу Василю, къ брачному алтарю, и звала не потому, чтобы непосредственно вѣрила во все это, какъ ея сестра, а потому, что ея спокойный духовный творецъ надѣлилъ ее большимъ запасомъ трезваго ума.

Объясненія, которыя даетъ Гончаровъ своимъ персонажамъ, иногда удивительны по своей мелкости. Для того, напримѣръ, чтобы оправдать Штольца, онъ говоритъ о положеніи остзейскихъ нѣмцевъ; Адуеву-дядѣ вмѣняетъ въ заслугу то, что онъ, «директоръ, тайный совѣтникъ», рѣшился сдѣлаться заводчикомъ; въ борьбѣ дяди съ племянникомъ, житейской трезвости съ идеализмомъ, видитъ между прочимъ борьбу съ «пустой тратой времени на визиты, на ненужное гостепріимство и т. д.». Это критическое *terre-à-terre* вызываетъ одно лишь недоумѣніе. Но еще важнѣе то, что комментаторъ клеветаетъ на художника: въ своемъ объяснительномъ очеркѣ Гончаровъ рисуетъ дѣло такъ, какъ будто онъ сочувствуетъ положительному дядѣ, и укоризненно отождествляетъ идеализмъ Александра съ «праздной, мечтательной и аффектаціонной стороною старыхъ нравовъ». Но если такъ, если критикъ Гончаровъ держится такого взгляда, то почему же у романиста Гончарова, въ «Обыкновенной исторіи», чахнетъ жена старшаго Адуева—въ своемъ пышномъ домѣ, съ умнымъ и заботливымъ мужемъ, который не видитъ разницы между привычкой и любовью; почему она такъ жаждетъ голоса огня и страсти, который оживилъ бы ее; почему она съ грустью смотритъ на успокоившагося Александра? Нѣтъ, какъ разъ это сочувствіе идеалистическимъ порывамъ младшаго Адуева придаетъ лучшій колоритъ «Обыкновенной исторіи», и намъ нѣтъ дѣла до того, что авторъ,—поэтъ, слишкомъ удачно и искусно выдававшій себя за прозаика—впослѣдствіи старался возвысить дядю надъ племянникомъ. Не торжество жизни совершается на послѣднихъ страницахъ «Обыкновенной исторіи», а слышится на нихъ печальное вѣяніе близкихъ похоронъ. Гибнетъ жена Адуева, и жертвой пошлости павѣки падаетъ счастливый женихъ Александръ.

Именно эта конечная неудовлетворенность прозаическимъ ходомъ существованія, эта побѣда центробѣжнаго начала надъ осѣдлостью спасаетъ романы Гончарова отъ господства пошлости и не требовательнаго оптимизма. Счастливая Ольга устала отъ счастья, и она тоскуетъ, расплывается за «Прометеевъ огонь», и ей стала знакома «грусть души, вопрошающей жизнь о ея тайнѣ». И на фрегатѣ «Паллада» прославившій его путешественникъ убѣдился, что «одна природа да животная, хотя и своеобразная жизнь не

наполнять человѣка, не поглотять вниманія; остается большая пустота». И даже элементарная Агаея Матвѣевна, неразвитая и невѣжественная, надъ трупомъ Обломова уразумѣла свою жизнь, задумалась надъ ея значеніемъ, и эта задумчивость легла тѣнью на ея лицо, зажгла смыслъ въ ея глазахъ и вѣчной, разумной и сознательной грустью отуманила ея сердце. «Она поняла, что проиграла и просіяла ея жизнь, что Богъ вложилъ въ ея жизнь душу и вынулъ опять; что засвѣтилось въ ней солнце и померкло навсегда... Навсегда, правда; но зато навсегда осмыслилась и жизнь ея; теперь ужъ она знала, зачѣмъ она жила и что жила не напрасно».

Надъ описаніемъ вещей и аксессуаровъ жизни, которые радуютъ глаза человѣка и получаютъ отъ него душу, надъ будничными событіями и лицами, надъ сонной атмосферой хозяйственного уголка поднялся благородный строй души и помысловъ Гончарова, — недаромъ отъ всѣхъ его произведеній вѣетъ какою-то высокой порядочностью и чистотой. Онъ съ любовью нарисовалъ уютность и тишину быта, полную чашу дома, сладость семейнаго очага; онъ не могъ изжить Обломовки, онъ слишкомъ зналъ идиллію, Капую, нѣжащее и усыпительное начало жизни, — но сквозь это житейское, удобное и спокойное просвѣчиваетъ, возвышаясь надъ нимъ, задумчивая печаль, пушкинская «свѣтлая печаль». И когда Гончаровъ рассказываетъ, какъ погибалъ корабль «Діана» и какъ угасаютъ человѣческія души, намъ видно бѣдное человѣчество, «расходующееся по мелочамъ». Осѣненный поэзіей тихой мечтательности, выступаетъ передъ нами образъ писателя, который тонко любилъ жизнь, любилъ ее всю, во всѣхъ ея мелочахъ и подробностяхъ, — но и грустилъ надъ нею и тосковалъ неудовлетворимой тоскою избранниковъ.

Плещеевъ и Помяловскій.

(Сравнительная характеристика).

Эти два писателя въ основныхъ линіяхъ своего внутренняго міра значительно расходятся между собою; но у нихъ есть и объединяющее начало, и оно заключается въ любви къ дѣтямъ и къ молодости вообще.

Помяловскій былъ человекъ съ истерзанной душою, съ невыплаканными слезами въ груди; ему скучно было въ жизни, которая знаетъ или горе, или худшее всякаго горя «мѣщанское счастье»; онъ былъ недоверчивъ къ обывденнымъ людямъ и ядомъ своего недоверія прежде всего отравилъ самого себя. Онъ страдалъ отъ собственнаго скептицизма, который разоблачалъ передъ нимъ жизненную правду. Когда онъ умеръ, ему не было еще двадцати девяти лѣтъ; но въ своихъ разсказахъ онъ по праву говорилъ о своей старости, о своемъ утомленіи. Дѣйствительность рано состарила его и показала ему свое безобразіе. Въ самомъ преддверіи жизни встрѣтить бурсу, провести въ ней

оскверненное дѣтство, это—великая драма, и она кошмаромъ легла на Помяловскаго. Онъ «продалъ» родную бурсу, онъ описалъ ее, потому что она невыносимо угнетала его сердце и ему надо было духовно освободиться отъ нея, вывести ее наружу, превратить ее въ книгу. Но слишкомъ глубоко она запала въ него, и грубыя впечатлѣнія, которыя испыталъ чуткій мальчикъ, никогда не могли исчезнуть изъ души взрослого человекъ. Въ произведеніяхъ Помяловскаго мы неизмѣнно видимъ передъ собою того Караса, который былъ физически и нравственно изсѣченъ при самомъ вступленіи въ школу, который пережилъ роковую обиду несправедливости и въ «мертвенной безнадежности», въ «глухомъ отчаяніи», заглянулъ въ «широкую, бездонную, зіяющую про-

пасть бурсацкихъ ужасовъ», когда, жестоко истязаемый на любовскихъ «воздушяхъ», онъ не произнесъ ни одного слова въ свое оправданіе, ни одной мольбы о пощаду, — и «раздавался только крикъ живого мяса» въ которое впивались красными и темными рубцами жгучія, острыя, яростныя лозы». Это даромъ не проходитъ, и Карась на самомъ себѣ понялъ, что дѣтство—не «самый счастливый, самый невинный, самый радостный періодъ жизни», что это — наиболѣе опасное время, когда «легко развратиться и погибнуть навѣки». Карась-Помяловскій не погибъ; но тѣнь безстыдной розги и всяческаго цинизма все-таки надвинулась на его духовный міръ и оскорбила его воображеніе. Всю жизнь Помяловскій боролся съ позорными слѣдами дикой бурсы, и мы знаемъ изъ его біографіи, что какъ человѣкъ онъ былъ сраженъ въ этой неравной борьбѣ, но какъ писатель онъ часто бралъ надъ ними верхъ, и тогда раскрывалась его душа, трепетная и полная тонкаго лиризма. Этотъ бурсакъ умѣлъ воспроизводить неуловимыя мгновенія психической жизни какъ Фетъ; <онъ умѣлъ расщеплять дѣйствительность, природу и душу, на такіе нѣжныя детали и отгѣнки, на такіе переливы настроеній и «полумыслей», на такую игру сознанія и бессознательнаго, что несчастный двойникъ Карася долженъ быть причисленъ къ славной группѣ русскихъ художниковъ-психологовъ.

Правда, рассказы его производятъ такое впечатлѣніе, словно беллетристика не всегда казалась ему самодовлѣющимъ дѣломъ, и онъ, въ ущербъ стройности и сжатости, нерѣдко прерываетъ ихъ вставками дѣлового содержанія (напримѣръ, объ институтскихъ порядкахъ). Въ самомъ талантѣ его слышится какой-то привкусъ автодидактизма; съ другой стороны, его дарованіе, хотя и не подражательное, полно мотивовъ, которые звучатъ у нашихъ классиковъ. У Помяловскаго есть насмѣшливость и реализмъ, которые напоминаютъ Гоголя; въ молотовской любви къ вещамъ и комнатамъ, къ хозяйственному и семейному укладу, есть что-то гончаровское; наконецъ, мы слышимъ и тургеневскіе звуки—тамъ, гдѣ Помяловскій описываетъ любовь и кисейную дѣвушку.

Въ веселой и пустой Леночкѣ, въ этой «гибкой, стройной, черноглазой козочкѣ», онъ разглядѣлъ и внутреннюю печаль; среди лѣта онъ вспомнилъ о томъ, какъ ей живетъ зимою, когда спѣтъ идетъ и воютъ волки, и нѣту никого, никого... Онъ намѣтилъ горе сестры, которой не любить ся любимый братъ, горе дѣвушки, которая «такъ жить хотѣла, такъ любить хотѣла и доживала послѣднюю лучшую минуту жизни». Съ безконечной нѣжностью и грустью смотреть на нее Помяловскій и слышитъ, какъ она «всю ночь

проплакала и все понять не могла, отчего же насъ любить нельзя? отчего?» Прошли для нея хорошіе, добрые дни; но ей было жалко не только добрыхъ дней, тихихъ вечеровъ и ясныхъ поцѣлуевъ,— она чувствовала какую-то особенную горечь въ сердцѣ и все спрашивала: «отчего же насъ любить нельзя?» Бурса не подавила въ Помяловскомъ такого участія и вниманія къ небогату, пустенькому кисейному сердцу. Онъ раздѣлялъ его тоску и радовался его недолгой радостью.

«— Люби меня, Егорушка,—прошептала Леночка.

Молотовъ молчалъ.

— Хоть не навсегда, хоть немного.

Леночка поцѣловала его въ лобъ.

Молотовъ ни слова.

И пѣли птицы тихія пѣсни. Рѣка въ крутыхъ берегахъ поднимала грудь свою; винтомъ прошелъ лучъ солнца до самаго дна рѣки; летитъ мошка надъ водой; кузнечикъ трепещетъ въ осокѣ; толпы комаровъ вѣнчаютъ свадьбу; по травѣ прошелъ мягкій вѣтеръ и стыдливо прокрался въ сочныя волны ея; горитъ мѣдный крестъ колокольни... И поютъ легкія птицы тихія пѣсни, и радуется мое оскопленное, старческое сердце, глядя на счастье молодыхъ людей... Чужая любовь расшевелила его. Играйте, дѣти, играйте!.. мы, старые люди, будемъ любоваться на васъ...»

Вотъ это обращеніе старика, физическаго или духовнаго, обращеніе къ дѣтямъ, къ юности, этотъ возгласъ: «мы, старые люди, будемъ любоваться на васъ», — вотъ что роднитъ Помяловскаго и Плещеева. Собственная жизнь изжита, но въ душѣ не пусто, и она съ лаской и любовью раскрывается для чужихъ жизней, для чужой молодости. И старикъ вмѣстѣ съ юношами поетъ *Gaudeamus igitur*, — пѣсню, въ его устахъ такую грустную и противорѣчивую...

Плещеевъ часто въ своихъ стихотвореніяхъ называетъ себя странникомъ. Это вѣрно прежде всего въ томъ отношеніи, что у него не было своего поэтическаго дома. Какъ художникъ, онъ не оригиналенъ и не высокъ. Въ его блѣдныхъ строфахъ много прозы и мало образовъ; лишь изрѣдка звучатъ онѣ пѣвучей мелодіей, лишь изрѣдка вспыхиваютъ онѣ искорками настоящей красоты. У него темпераментъ спокойный и чуждый паюса; немного крылатыхъ словъ и незабываемыхъ сти-

ховъ завѣщаль онъ потомству. Онъ самъ называетъ свой стихъ «плохимъ». Но и въ словахъ невыразительныхъ сказывается поэтическая и кроткая душа, которая жаждетъ говорить на возвышенномъ языкѣ стиховъ; но и въ рѣчи, небогатой красками, чувствуется беззвучная пѣснь чистаго сердца. Въ саду его не было прекрасныхъ лилій, «горделивыхъ георгинъ»; но садикъ его все-таки былъ «свѣжъ и зеленъ», —

Распустилась въ немъ сирень;
Отъ черемухи душистой
И отъ липъ кудрявыхъ тѣнь...
Да подсолнечникъ у входа,
Словно вѣрный часовой,
Сторожить себѣ дорожку,
Всю поросшую травой.

У Плещеева не было своего поэтическаго дома, и, странникъ, онъ шелъ на огонекъ, — между прочимъ, и на огонекъ чужой поэзии. Онъ много и хорошо переводилъ, онъ стучался къ разнымъ пѣвцамъ, сосѣдямъ по духу, и, претворяя, черпалъ у нихъ тѣ звуки и мотивы, на которые ему не доставало собственной мощи и творчества. Онъ не былъ самостоятеленъ и силенъ, и даже молодымъ его трудно представить себѣ. Рано ему слышался «говоръ зеленыхъ вѣтвей» надъ отцовскою могилой:

Усталъ ты и ищешь покоя!
Усни здѣсь—и мы надъ могилой твоей
Раскинемся тѣнью густою...

Когда онъ былъ «годами еще не старъ», ему была уже «мила пора заката»:

Какой-то кроткой тишиной
Въ тотъ мигъ душа моя объята.

Эта кроткая тишина и сердечность разлита во всей его поэзии. И такъ случайны кажутся на этой негромкой и задушевной лирѣ отдѣльные порывы энергіи или проблески сатирическаго отношенія къ дѣйствительности.

Жизнь не горѣла въ немъ яркимъ пламенемъ, — это была привѣтливая лампада, къ тихому свѣту которой приходили молодые, сбѣгались дѣти, и, какъ старикъ его собственнаго стихотворенія, онъ радъ былъ этой веселой семьѣ, щебетавшей «словно птички передъ сномъ»:

Дѣдушка, голубчикъ, сдѣлай мнѣ свистокъ!
Дѣдушка, найди мнѣ бѣленькій грибокъ!

И добрый дѣдушка все это покорно исполнялъ, пока смерть не подкралась къ нему роковою стопой.

И на его могильной плитѣ, какъ лучшую характеристику его милой поэзіи, слѣдовало бы начертать вотъ эти стихи о почившемъ старикѣ:

Одинокъ, угасъ онъ въ домикъ своемъ,
И горюють дѣтки больше всѣхъ по немъ.

Кто поймаетъ бѣлку, сдѣлаетъ свистокъ?..
Долго будетъ милъ имъ добрый старичокъ.

И гдѣ спитъ теперь онъ непробуднымъ сномъ,
Часто голоса ихъ слышны вечеркомъ...

Да, дѣти больше всѣхъ горюють по немъ, потому что въ сутолокѣ борьбы и заботы большинству не до нихъ, и кто же изъ серьезныхъ и взрослыхъ станетъ заниматься ими, — кто поймаетъ бѣлку, сдѣлаетъ свистокъ?..

Трудно прослѣдить, какъ душа ребенка, сначала прозрачная и невинная, постепенно затуманивается и теряетъ свою свѣжесть и чистоту. Гдѣ раньше передъ вами въ миниатюрѣ повторялась исторія мірозданія, и вы видѣли, какъ дѣвственную почву озарялъ благословенный свѣтъ, и воочию происходило передъ вами рожденіе мыслей, — тамъ черезъ немногіе годы вопаряются умыслы, блѣднѣють и гаснутъ слѣды непосредственности, и расчетливыя уста нерѣдко говорятъ не то, что переживаетъ сердце. Какъ лепестки мимозы, свергивается душа, и проникають въ челоуѣка духъ лукавства и лжи, духъ угрюмой осторожности и подозрѣнія. Уныло и дѣловито протекаетъ жизнь, и тѣни и темныя краски ложатся на внутренній міръ, и мы не все повѣряемъ другъ другу: тамъ, гдѣ прежде было открыто, свѣтло и откровенно, возникаютъ сумеречныя кулисы, за которыми иногда скрываются истинныя пружины рѣчей и поступковъ. (Такъ передъ усложнившейся дѣйствительностью исчезаетъ дитя, и рождается сложный и замкнутый взрослый челоуѣкъ.)

Но дитя исчезаетъ не совсѣмъ. Въ разгарѣ условностей, насущныхъ интересовъ и стремленій оно порою воскресаетъ и зоветъ къ себѣ какъ далекое воспоминаніе, какъ вечерній звонъ. Наивное и непосредственное заявляютъ о своихъ правахъ, потому что въ основѣ и глубинѣ нашего существа, подъ тяжкимъ слоемъ жизненныхъ впечатлѣній, подъ гнетомъ «усталой совѣсти», все же таится ребенокъ. И жалко тѣхъ людей, которые съ грузомъ своихъ лѣтъ и своихъ заботъ на плечахъ забываютъ въ себѣ ребенка, заглушаютъ

его. Но обыкновенно что-нибудь дѣтское остается у всѣхъ, и своеобразно всплываетъ оно у стариковъ.

Дѣды и внуки сходятся между собою, начала и концы встрѣчаются. Зрѣлый человѣкъ дѣлаетъ жизнь, и ему некогда; старый же кончилъ свою работу, отбылъ свой урокъ, и старость въ той или другой формѣ является отдыхомъ. Для старика завершилась жизненная борьба, потускнѣли краски міра, охладѣло участіе къ нему, и міръ сдѣлался тѣснѣе, — быть можетъ, міръ сдѣлался уютнѣе. Досугъ, печальный досугъ старика позволяетъ уходить подальше отъ повседневныхъ заботъ; и вотъ, когда спадаетъ ихъ шелуха, возвращается ребенокъ. Это возвращеніе нерѣдко бываетъ грустно, потому что оно знаменуетъ собою распадъ психическаго міра, пониженіе умственныхъ силъ. Но тамъ, гдѣ онѣ сохраняютъ свою прежнюю цѣльность, какъ это было у Плещеева, — тамъ второе дѣтство значительно теряетъ свой обидный и жалостный характеръ, и отъ его соприкосновенія съ дѣтствомъ первымъ, съ дѣтствомъ дѣвственнымъ, рождается идиллія. Тогда въ кругу своихъ внуковъ воссѣдаетъ дѣдушка и рассказываетъ сказки

Про лису, про колобокъ,
Да про квакушку-лягушку,
Да про мышкинъ теремокъ.

Это, разумѣется, трогательно; однако никто не станетъ отрицать, что въ недолгой встрѣчѣ уходящаго изъ жизни и входящихъ въ нее, въ этой прощальной бесѣдѣ старика и дѣтей, кроется великая скорбь. На отжившемъ инструментѣ порвались уже многія струны, и его отдали дѣтямъ. Не будетъ въ долгіе зимніе вечера спокойно рассказывать сказки тотъ, въ комъ бьется и трепещетъ собственная кипучая жизнь. Мы всѣ хотимъ, чтобы какъ можно позже насталъ для насъ зимній вечеръ нашихъ дней, мы бѣжимъ своею мыслью этого грядущаго отдыха, и хорошо бы всегда работать, спѣшить и стремиться и не имѣть времени, медлительнаго времени для сказокъ. Но для большинства изъ насъ, если только мы будемъ жить вообще, этотъ вечеръ и отдыхъ настанетъ, и огонь нашего духа погаснетъ не сразу, не въ разгарѣ, а будетъ тлѣть и содрогаться въ старческомъ мерцаніи.

Придетъ зима. И вотъ тогда лучшіе изъ насъ уберегутся отъ опасности завистливаго отчужденія; въ холодѣ старчества не будутъ они брюзжать на молодую поросль, на радостные побѣги чужой весны. Не исполнится горькое слово Пушкина, не будутъ они средь новыхъ поколѣній какъ «докучный гость, и лишній, и чужой», — нѣтъ, они благословятъ эту новую жизнь и бережно пере-

дадутъ ей изъ рукъ въ руки свои недовершенные замыслы, свои лучшія надежды. Можетъ быть, грустно будетъ у нихъ на душѣ, но отъ души пожелаютъ они, чтобы то счастье, за которое они боролись и котораго сами не извѣдали,—чтобы оно засіяло надъ «курчавыми головками» дѣтей, надъ юностью, полной силъ и отваги. Въ этомъ — утѣшеніе старости, въ этомъ — примиряющее начало того зрѣлища, которое представляетъ собою старикъ, окруженный молодыми; въ этомъ, наконецъ,—и высшій смыслъ произведеній Плещеева и Помяловскаго.

Морозы раніе безжалостно побили
Безпечной юности любимые цвѣты.

Всю-то, всю мою дорожку
Раннимъ снѣгомъ занесло...
Было время золотое,
Да какъ сонъ оно прошло.

Этотъ элегическій мотивъ нерѣдко слышится въ стихотвореніяхъ Плещеева. Онъ жалуется и на жизнь, и на самого себя. Жизнь обманула, не сдержала своихъ свѣтлыхъ обѣщаній, «судьба прекословила надеждамъ», но и самъ онъ мало помогаль ближнему (а благо ближняго всегда служило ему путеводной звѣздой), самъ онъ многого не совершилъ, оказался ниже своихъ собственныхъ идеаловъ: «раба безсилъе наложило свою печать на всѣ его дѣла», и казнить его «палачъ неумолимый—совѣсть».

Тѣни родныя! взывалъ я съ тоскою—
Не былъ я вѣренъ святому завѣту...

Что же, тягаться съ жизнью и спорить, кто больше виноватъ, кто хуже—она ли, онъ ли? Нѣтъ, въ сердцѣ поэта зарождаются только грусть и отреченіе, и онъ скорбитъ о себѣ и прощаетъ жизни, и вѣритъ, и утѣшается тѣмъ, что «эта чаша зла», которая отравила всѣ его дни, не дойдетъ до устъ новаго поколѣнія. «Безплодной жизни повѣсть слезами горькими не смыть», и хотя нельзя заглушить въ себѣ этихъ слезъ тоски и раскаянія, но все же

Впередъ, безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!

Самъ онъ ушелъ впослѣдствіи на покой, но никогда не былъ онъ врагомъ безпокойныхъ, ищущихъ правды и добра.

Пора домой! Не опоздать бы мнѣ;
Не заперты ль ворота на запоръ?
И огонекъ мерцаетъ ли въ окнѣ,
Маня къ себѣ усталый, грустный взоръ?

Странникъ усталъ... Собственная жизнь изжита, — да будетъ же благословенна чужая! Собственная молодость улетѣла, — да возмѣстится она чужою! Благородное всепрощеніе и ласка: таково основное настроеніе поэзіи Плещеева. Онъ разсказаль, что былъ у Христа-младенца садъ и много розъ взрастилъ Онъ въ немъ; когда же розы расцвѣли, еврейскія дѣти сорвали ихъ, и садъ былъ весь опустошенъ.

„Какъ ты сплетишь теперь вѣнокъ?
Въ твоємъ саду нѣтъ больше розъ!“

„Вы позабыли, что шипы
Остались мнѣ“, сказалъ Христосъ.

И изъ шиповъ они сплели
Вѣнокъ колючій для него,
И капли крови, вмѣсто розъ,
Чело украсили Его.

Это очень характерный символъ: розы — другимъ, шипы — себѣ. Плещеевъ сознательно примкнулъ къ такому дѣлежу и радовался за тѣхъ, кого вѣнчали розы молодости и счастья. Онъ былъ поэтъ кроткій и нѣжный, онъ былъ пѣвецъ дѣтей, и его старая фигура, окруженная юностью, всегда будетъ скромно и вдумчиво стоять въ кругу русскихъ писателей.

Но Плещееву и не трудно было приблизиться къ дѣтямъ и приобщить себя къ этой свѣтлой порѣ упованій и вѣры въ жизнь. У него были настроенія безмятежныя, міровоззрѣніе ясное, — можно сказать, безъ всякой доли серьезнаго скептицизма. Конечно, какъ мы уже знаемъ, и по этому небу проходили облака печали, и онъ жалѣлъ, что жизнь сложилась не такъ, какъ онъ хотѣлъ, что улетѣли милые образы и умерла та, которая играла ему шубертовскую серенаду. Но за дымкой этой свѣтлой грусти были опредѣленные идеалы, и онъ непоколебимо зналъ, чего требоваль отъ міра. Плещеевъ смотрѣлъ на него и видѣлъ его совершенно отчетливо, у него было свое исповѣданіе, своя религія жизни. Онъ твердо вѣрилъ въ науку и думаль, что подъ ея знаменемъ совершится великое общественное дѣло. Въ своихъ дѣтскихъ стихотвореніяхъ онъ часто воспѣваетъ школу и ждетъ отъ нея счастья и свѣта: всѣ дѣти когда-нибудь скажутъ ей спасибо. Онъ искренне любилъ «меньшого брата» и не долженъ былъ насильственно прививать къ себѣ этой любви. Плещеевъ говорилъ о немъ своимъ любимымъ дѣтямъ, когда они сидѣли въ комнаткѣ уютной зимнимъ вечеркомъ и слушали игру и сказки мамы: онъ напоминаль имъ, что есть другія дѣти, бѣдныя и сирья, у которыхъ «нѣтъ въ зиму теплага угла»:

Если приведется
Встрѣтить вамъ такихъ,
Вы, какъ братьевъ, дѣтки,
Приголубьте ихъ.

Онъ «на слезы страждущихъ отвѣтствовалъ слезою» и скорбѣлъ о томъ, что на чей-то роковой зовъ «рано, рано осень въ гости къ намъ пришла»; ему всегда была памятна «святая тишина убогихъ деревень», сѣрыхъ избушекъ, и въ далекой чудной Ниццѣ писалъ онъ о себѣ:

Въ плескѣ волнъ и въ шумѣ листьевъ,
Въ пѣснѣ вѣтра въ часъ ночной
Слышу плачь я о невгодахъ
Стороны моей родной.

Плещеевъ отождествлялъ поэта и пророка и хотѣлъ «провозглашать любви ученье» и нищимъ и богачамъ. Онъ завѣщалъ хранить «чистыя химеры». «Ужъ бога гроздїй онъ давно не прославлялъ»; въ его цѣломудренной поэзіи очень рѣдки эротическіе мотивы, и глубокія волненія любви прошли мимо него. Къ женщинѣ онъ взываетъ голосомъ не страсти, а нравственнаго поклоненія:

О, явись мнѣ, дорогая,
Безупречная моя!

Какъ старому шарманщику его стихотворенія, женщина грези-лась ему въ иной, спокойной красотѣ:

Онъ видитъ домикъ, потонувшій
Въ листьвѣ зеленой и цвѣтахъ,
И образъ женщины прекрасной
Съ малюткой смуглымъ на рукахъ.
И какъ Мадонна на картинѣ,
Такъ у открытаго окна
Стоитъ, прижавъ къ груди ребенка,
Съ улыбкой ясною она.

Онъ боялся за дѣвушку, для которой наступаетъ страсти первая гроза: «не степной былинкѣ слабой съ ураганомъ вынести бой». Любимая женщина въ темномъ гротѣ, въ часъ свиданія, говорила ему не о личныхъ тревогахъ и радостяхъ сердца: нѣтъ, она знала, что волнуетъ Плещеева, и потому утѣшала его, что придетъ день, когда на землѣ не будетъ ни горя, ни страданій. Плещеевъ слишкомъ принадлежалъ обществу, онъ слишкомъ считалъ себя должникомъ ближняго, для того чтобы онъ могъ подолгу заниматься сво-

имъ внутреннимъ міромъ, отдаваться всей сложности и тонкости чувства. Антитеза богатыхъ и бѣдныхъ, угнетающихъ и угнетенныхъ, зрѣлище сираго и нагого, «кремнистый путь» общественнаго борца привлекали къ себѣ почти все участливое вниманіе добраго поэта. И то общественное, чему онъ посвятилъ свои небогатыя силы, расширило предѣлы его симпатій, но зато сказалось въ отсутствіи утонченныхъ переживаній, сдѣлало его психику элементарной. Онъ и природу любилъ въ ея скромныхъ формахъ, въ ея «зеленыхъ ивушкахъ», и она врачевала ему «духа страданья незримыя», и онъ отдалъ ей прекрасную дань поэтическаго восхищенія въ своихъ «Лѣтнихъ пѣсняхъ».

Вообще, хотя много ударовъ и невзгодъ пало на эту застѣнчивую и простую душу, но они ея не затуманили, и потому естественно, что она тяготѣла ко всему дѣтскому и молодому и все дѣтское и молодое тяготѣло къ ней.

Но совсѣмъ иной была душа Помяловскаго, и тѣмъ разительнѣе, что она тоже любила міръ дѣтей и была исполнена горячаго благоволенія къ молодости.

Плещеевъ не сомнѣвался въ своемъ міровоззрѣніи, а Помяловскій въ лицѣ Череванина показалъ намъ такую тревогу и мятежъ духа, такую мрачную скорбь и смятеніе, что жутко становится за него и за себя.

«Знаешь ли, — говоритъ Череванинъ, — что значитъ честно мыслить, не бояться своей головы, своего ума, смотрѣть въ свою душу не подличая, а если не вѣришь чему, такъ и говорить, что не вѣришь и не обманывать себя? О, это тяжелое дѣло!.. Я не хочу вашего спокойствія. Есть страшныя мысли въ мірѣ идей, и бродятъ онѣ днемъ и ночью, и когда рисуешь и когда вино пьешь. Особенно когда находишься одинъ, глухо вокругъ тебя, задумаешься, замечтаешься, фантазіи и образы растутъ, мысли поднимаются на такую высоту, что кажутся дикими; но идетъ за ними душа до тѣхъ поръ, что начинаешь бояться за свой разсудокъ и въ страхъ хватаешь въ руки голову... Но рѣдко я живу теперь мыслью, состарился и измучился бесплодно. Гаснетъ хмель въ рѣчахъ, всякая мечта замираетъ, не чувствую злости ко злу, расположенія къ добру; смѣхъ пропадаетъ: хоть бы совѣсть мучила, и того нѣтъ; скоро я, кажется, совсѣмъ мучиться перестану, — останется одна безчувственность... Не желалъ бы я воротить свою молодость! Ей-Богу не желалъ бы! Не надо мнѣ ея, не надо! Это время выработыванія идей, непониманія жизни и осмысливанія ея, взъерошиванія волосъ, — одушевленные лица, бессонныя ночи, горячія рѣчи, — все это опротивѣло мнѣ, потому что человѣкъ какъ

ни горячится, а все-таки кончится тѣмъ, что оплѣшивѣеть и окиснеть. А гдѣ же моя дѣтская жизнь? Она стала предметомъ умозрѣнія, фантазіи, общихъ фразъ и слѣпого воспоминанія. Всѣ состоянія тѣла и души, все, что составляетъ жизнь, есть предметъ забвенія. Всѣ событія отъ времени потеряли цвѣтъ подробностей и значеніе внутренняго смысла, цѣпь жизни разорвана на куски, пружины и кольца распаялись. Чѣмъ доказать, что я жилъ? Пусть другіе насъ забудутъ: намъ ли думать о безсмертіи; но неужели я такъ ничтоженъ, что не стою собственнаго вниманія и памяти? Скучно, скучно!»

Мы сдѣлали эту большую цитату потому, что въ ней, въ ея безпримѣрныхъ словахъ, сказался весь Помяловскій съ трагедіей своего опустошеннаго сердца. Пессимизму дальше некуда идти: можно ли глубже ощущать свое несчастье и печальнѣе хоропить свое прошлое и свое настоящее? Череванинъ страшился физической смерти и мучительно думалъ о томъ, какъ «захлопнуть гробъ крышкой и завинтить ее вѣчнымъ винтомъ вѣчнаго цеха мастеръ, гробовщикъ Иванъ Софроновъ». Но что въ сравненіи съ Софровымъ самъ Череванинъ, который не чужой гробъ захлопываетъ роковою крышкой, а свой собственный,—безвременный гробъ своей души? Онъ выразилъ въ своемъ монологѣ безпредѣльную скорбь человѣчества, вѣковѣчную жалобу на то, что мы умираемъ каждое мгновенье, что мы не помнимъ даже своего дѣтства и не стоимъ собственнаго вниманія и памяти. Это вообще мучило Помяловскаго, и даже его молодая героиня Надя Дорогова страдаетъ отъ сознанія того, что все ступшевывается и забывается.

Къ этому прибавьте великое равнодушіе человѣка къ человѣку. «Заснула ли (чья-нибудь) жизнь, какъ болото, захрясла ли въ бѣдности, истомилась ли въ болѣзни, заглохла ли въ невѣжествѣ, пороки...,—много ли насъ тревожитъ жизнь? Равнодушны мы къ ближнему; рѣдко можемъ понять его несчастье».

«Веселенькіе пейзажики» Череванина - Помяловскаго, «смотрящаго прямо въ лицо пучеглазой совѣсти», являются одной изъ самыхъ безотрадныхъ страницъ русской литературы; но и въ эту глубокую тьму все-таки западаютъ свѣтлые лучи, — и эти лучи идутъ изъ жизни молодой, особенно дѣтской. Правда, Помяловскій, въ противоположность Плещееву, который вѣрилъ, что можетъ и не быть духовной старости, что можно съ нею бороться,—Помяловскій думалъ, что какъ ни горячись, а все-таки оплѣшивѣешь и окиснешь. Молодость въ его глазахъ кончается. Но пока она не умретъ, она прекрасна,—прекрасна какъ Леночка, въ которой таятся большія возможности одухотворенной жизни, прекрасна какъ дѣти.

Пока вѣчнаго цеха мастеръ, духовный гробовщикъ Иванъ Софроновъ, сдѣлаеть свое мертвое дѣло, до тѣхъ поръ надо жить. Но чѣмъ жить? чѣмъ жилъ Помяловскій?

Въ пустынь, которую видѣлъ кругомъ себя Череванинъ-Помяловскій, ему надо было на кого-нибудь опереться; передъ нимъ была смерть, но онъ не хотѣлъ ея. Онъ былъ безпомощенъ, и, вѣроятно, поэтому въ своихъ произведеніяхъ онъ такъ часто и до вѣрчиво обращается къ читателю и его дружбѣ, спрашиваетъ его мнѣнія и совѣта и какъ бы просить его участія и сотрудничества въ своей жизненной и писательской работѣ. Это производитъ очень трогательное впечатлѣніе, и даже въ самомъ резонерствѣ, которому иногда предается Помяловскій, вы чувствуете ноты глубокаго лиризма, сдержанный вопль тоскующей души; оттого, между прочимъ, онъ такъ привязывается къ своимъ героямъ и принимаетъ каждаго изъ нихъ такъ близко къ сердцу, — къ сердцу не авторскому только, но и человѣческому. Но читатель не можетъ служить достаточной опорой: быть можетъ, это — добрый старый профессоръ изъ «Мѣщанскаго счастья», но еще вѣрнѣе, что это — самодовольный Семень Ивановичъ («Вуколь»), который высшее наслажденіе находитъ въ томъ, чтобы у себя въ кабинетѣ перебирать гербовую бумагу, и въ которомъ сосредоточена вся тупость и злая безмыслица жизни. Гдѣ же, въ комъ исцѣленіе отъ скуки и скорби? Помяловскій не любилъ себя, онъ не любилъ взрослыхъ, — этихъ людей, у которыхъ нѣтъ «нравственной собственности»; онъ казнилъ ихъ и себя въ Молотовѣ, который понимаетъ свое сходство съ Чичиковымъ, даже въ любознательности своей имѣеть нѣчто чичиковское, копить деньги и радуется орѣховому креслу у камина своей уютной квартиры. И вотъ Помяловскій, несчастный и одинокій, грезитъ о «семейномъ кругломъ столѣ», за которымъ можно было бы посидѣть «просто такъ, сложа руки»; о женщинѣ, передъ которой въ его рассказахъ затихаетъ его иронія; онъ радуется за сиротливаго мальчика, что тотъ хоть изрѣдка слышалъ «ласковое слово любящей женщины, а это много значить въ жизни человѣка». Но семейнаго круглаго стола у Помяловскаго не было, какъ не было у Молотова лицъ, подъ которыми протекло бы его дѣтство; и рѣдко слышалъ онъ ласковое слово любящей женщины.

Чаще всего онъ встрѣчалъ дѣтей, и онъ зналъ ихъ тонко. Онъ былъ психологъ предразсвѣтной жизни человѣка, психологъ дитяти. Онъ хорошо понималъ и хорошо описалъ, какъ озлобляется и какъ примиряется душа ребенка; и вотъ именно она служила для него опорой и огонькомъ въ его холодной и темной жизни. Въ дѣтяхъ —

спасеніе. Онъ видѣлъ ихъ и въ бурсѣ, онъ зналъ ихъ какъ уро-
довъ, но все же <именно дѣтское сердце было для него лучшей
драгоценностью міра.>

Нѣтъ ничего болѣе идиллическаго и умиротворяющаго, чѣмъ
разговоры Егорки Молотова съ его отцомъ; нѣтъ большей ласки,
чѣмъ отношеніе Помяловскаго къ Вуколу, безобразному и испу-
ганному ребенку съ большой головою.

Или вотъ маленькій Одея въ одной рубашонкѣ, на босую ногу,
всталъ съ теплой постели и тихонько подкрался къ спавшей сестрѣ,
которую обидѣлъ отецъ, потому что она хотѣла выйти за того,
кого любила, а не за стараго генерала Подтяжина.

«Какая же она развратная?» прошепталъ братишка и заботли-
вой дѣтской рукой закрылъ обнаженную грудь сестры. Потомъ онъ
тихо наклонился и поцѣловалъ сестру въ щеку, робко и осторожно.
Точно отъ этого поцѣлуя, лицо ея просвѣтлѣло, слеза замерла въ
дрожащихъ рѣсницахъ и, вдругъ склонивъ голову на влажный ло-
конъ, она вздохнула легко и спокойно. Вся тиха и счастлива, по-
коилась Надя, облитая луннымъ свѣтомъ, легшимъ золотыми поло-
сами по шелковому одѣялу. Долго смотрѣлъ на нее братъ. Но вотъ
онъ отошелъ отъ постели, сталъ горячими колѣнями на холодный
полъ и прошепталъ молитву, въ которой слова и чувства были
ребячьи. Не долго онъ молился, но хорошо, лучше своей матери.
На другой день мальчику очень хотѣлось сказать сестрѣ, какъ онъ
молился за нее, но стыдно было, неловко. Вырастетъ большой,
расскажетъ. Эта молитва будетъ дорога ему и тогда, когда онъ
утратитъ самую вѣру. Бываютъ такія въ дѣтствѣ молитвы».

Эти строки написалъ тотъ самый человѣкъ, который вынулъ
изъ своей души и вложилъ въ уста Череванину безнадежныя, без-
отрадныя слова. И этотъ же человѣкъ, глубоко отзывавшійся на
обиду дѣтскаго сердца, создалъ еще и другіе образы дѣтей: Дани-
лушку, Володю, любовно заглянулъ въ ихъ маленькія души «и,
въ гробъ сходя, благословилъ».

Помяловскій на первой же страницѣ своей книги вводитъ насъ
въ обстановку, гдѣ—грязныя соски и табачный запахъ, гдѣ ре-
бенка бьютъ по головѣ и бессмысленно и свирѣпо истязаютъ роз-
гами, ремнями, крапивой; онъ сразу же подъ гнетомъ тяжелаго
наслѣдія бурсы раскрываетъ передъ нами уголокъ безобразія и
пошлости. Но онъ сумѣлъ показать здѣсь и черты нѣжныя, благо-
родныя, свѣтлыя. Въ хаосѣ бурсацкаго класса, бурсацкаго ада, онъ
замѣтилъ мальчика, который «мечталъ о матери, сестрахъ, о со-
сѣднемъ садѣ помѣщика, о прудѣ, гдѣ онъ ловилъ карасей»; онъ
сердечно описалъ, какъ нелюбимый, всѣми обижаемый Семеновъ

припоминаетъ свою родную семью, добрую мать, которая вносить самоваръ, брата и сестренку, щебечущихъ у стола, на которомъ звенятъ чайныя ложки и блюда,—и въ невыразимой тоскѣ при-слоняется мальчикъ къ стеклу и рыдаетъ; а здѣсь же избитый, обиженный Карась, глотая соленыя слезы, молить отца: «тятенька, возьмите меня домой». Всѣ эти черты у Помяловскаго были его собственныя, и въ нихъ больше чѣмъ гдѣ бы то ни было отпечатлѣлась его страдальческая душа, которая погибла и втайнѣ молилась о спасеніи. Поэтому словомъ глубокаго состраданія и благодарности поминаютъ русская литература и русское общество этого бурсака, который въ теченіе всей своей недолгой обиженной жизни преодолевалъ въ себѣ череванинскіе мотивы. Онъ родился на кладбищѣ, гдѣ обильно разрастаются цвѣты; и вотъ <кладбище съ цвѣтами служить едва ли не лучшимъ символомъ для творчества этого человѣка>, который носилъ въ себѣ много темныхъ призраковъ и бореній, но печальную и сочувственную душу котораго такъ часто и желанно посѣщали нѣжные образы дѣтей и милая, несчастная Леночка.

Глѣбъ Успенскій.

Одинокое и оригинальное мѣсто, которое занимаетъ Глѣбъ Успенскій въ нашей литературѣ, прежде всего характеризуется совершенно необычной формой его произведеній. Его духовное наслѣдіе велико, онъ написалъ очень много (хотя и ничего лишняго), — но только рѣдкія изъ этихъ безчисленныхъ страницъ образуютъ законченное цѣлое. Онъ не только не оставилъ намъ ни одного романа или повѣсти, но даже и небольшіе цѣльные рассказы его тонутъ въ массѣ отрывковъ и набросковъ, въ безконечной вереницѣ отдѣльныхъ сценъ и эпизодовъ. Успенскій самъ называлъ свою литературную дѣятельность черновой работой, матеріаломъ, который онъ самоотверженно

подбиралъ для другого, будущаго художника; но если даже принять такое скромное сравненіе, то надо замѣтить, что эта черновая основа его писаній — тотъ драгоценный черноземъ, на которомъ раскидываются золотыя нивы желтѣющаго хлѣба. Въ самомъ дѣлѣ, его рассказы не готовы; но, читая ихъ, вы присутствуете при самомъ таинствѣ художественнаго созиданія, вы какъ бы видите предъ собою рожденіе беллетристики. Изъ пѣны жизни выходитъ его любимая Венера Милосская, прекрасная богиня красоты.

Вотъ она, житейская дѣйствительность, отраженная Успенскимъ въ строгой формѣ публицистическаго разсужденія, — но вы не успѣли оглянуться, какъ эта статья, эта статистика, эта «черная мошкара или крупа» цифръ подъ руками автора вдругъ обращается въ осязательныя картины, въ живые образы, и, напримѣръ, нелѣпая статистическая дробь, «четверть лошади» на «каждую тамъ квадратную, что ли, или ревизскую душу», — эта дробь, таящая въ себѣ человѣческое цѣлое, сейчасъ же выступаетъ въ своей горестной

правдѣ и принимаетъ фигуру согбенной крестьянской женщины, въ семьѣ которой нѣтъ лошади и которая поэтому, отправляясь за двѣ версты на покось, мучительно задумывается, какъ ей донести своего ребенка, когда въ одной рукѣ у нея полушубокъ и подстилка, а въ другой—коса и обѣдъ для мужа; и вотъ Успенскій видитъ, что къ этой женщинѣ подходитъ добрый сосѣдъ-крестьянинъ и послѣ долгихъ опытовъ и раздумья съ шутивными прибаутками кое-какъ прилаживаетъ дѣвочку къ матери на шею; и баба медленно, не шевелясь ни вправо, ни влѣво, трогается съ мѣста, и писатель мысленно идетъ вслѣдъ за нею и слушаетъ ея прерывистый, задыхающійся рассказъ и провожаетъ ее на покось, гдѣ такъ трудно работается съ четвертью лошади. Статистическія таблицы непосредственно развернулись въ панораму жизни.

И всѣ эти сцены и картинки не представляютъ для Успенскаго только внѣшняго орнамента или виньетки, безъ которой можно было бы легко обойтись: нѣтъ, онѣ органически вытекаютъ изъ его сердца и поэтической фантазіи, которая воспламеняется отъ прикосновенія къ дѣйствительности; это — своеобразное проявленіе той «власти земли», подчиненіе которой было въ его глазахъ такъ естественно и отрадно. Наша бѣдная, несчастная земля вызываетъ въ немъ душевную боль и рисуется ему въ видѣ страдающихъ людей. Онъ и воспроизводитъ ихъ страдальческія лица, намѣчаетъ ихъ сильными и выразительными штрихами; но создать изъ этого живого и трепещущаго матеріала законченную художественную галерею — для этого у Глѣба Успенскаго недостаетъ спокойствія и объективности. Художнику перешель дорогу публицистъ, художникъ слагаетъ свои кисти передъ человѣкомъ. Успенскій могъ бы повторить о себѣ горькія слова Ибсена: «въ жизненной битвѣ подо мною палъ крылатый конь поэзіи». Сильно развитая впечатлительность не позволяетъ отдаваться безмятежной эстетической работѣ, которая требуетъ внутренняго и внѣшняго досуга,—а жизнь между тѣмъ не ждетъ, она волнуетъ своими ежедневными и ежечасными тревогами и неумолкаемо стучится въ душу, гостепримную для этихъ тревогъ, для чужой скорби и жалобы. Не знаетъ покоя безпокойный внутренній міръ Успенскаго, и потому чѣмъ дальше въ жизнь, тѣмъ больше художественный моментъ теряетъ у него свою самостоятельность. Не то, чтобы это было нормальное изсякновение таланта, скромнаго по своимъ размѣрамъ: вся трагедія нашего писателя именно въ томъ и заключается, что впечатлѣнія дѣйствительности тушили въ немъ очень крупное дарованіе, очень яркую и самобытную силу.

Нельзя быть художникомъ на ходу, на лету, а Успенскій все

время странствовалъ, все время ходилъ по большой дорогѣ жизни и слушалъ ея голоса, ея звуки, ея немолчные разговоры, которые онъ и повторялъ во всей реальности ихъ трагикомическаго содержанія и даже во всѣхъ переливахъ интонаціи. Едва ли кто-нибудь изъ русскихъ писателей такъ много путешествовалъ по Россіи, такъ много ѣздилъ, какъ Глѣбъ Успенскій. На палубѣ парохода, по желѣзной дорогѣ, большей частью въ третьемъ классѣ, который «галдитъ, безъ умолку галдитъ во всѣхъ поѣздахъ, бѣгающихъ по русской землѣ», онъ ѣдетъ, ѣдетъ по родному краю, чуткимъ слухомъ, чуткимъ духомъ вникая во «всѣ неурядицы, всѣ горести и тяготы, всѣ неудовлетворенныя желанія-мечтанія Великой, Малой, Бѣлой Россіи». Онъ ѣдетъ, ѣдетъ русскими дорогами, русскимъ бездорожьемъ, ѣдетъ по Волгѣ и Камѣ, по Черному морю и Каспію, и всюду самъ собою встрѣчается ему тотъ людской матеріаль, котораго онъ ищетъ, потому что онъ именно—ловець, «ловець чловѣковъ», и на него бѣжитъ чловѣкъ. И въ результатъ передъ нами—какая-то психологическая этнографія, путешествіе въ чужія души, какъ въ чужія, но близкія страны. Непрерывное томленіе духа побуждаетъ Успенскаго, бездомнаго странника, идти на огонекъ чловѣческихъ душъ, останавливать всѣхъ и каждого, заводить разговоръ съ другими путешественниками, съ другими переселенцами, потому что всѣ люди такъ интересны, у каждого есть свое интимное содержаніе, свое затаенное горе, и столько можно услышать глубокихъ рѣчей, и, можетъ быть, изъ чьихъ-нибудь скромныхъ устъ нечаянно-негаданно раздастся то слово правды и свѣта, котораго жаждетъ истомленная душа писателя-путника. И жизнь Успенскаго обращается въ длинный рядъ дорожныхъ встрѣчъ; большинство его разказовъ представляетъ собою разговоръ съ какимъ-нибудь случайнымъ попутчикомъ, и много у него такихъ собесѣдниковъ, потому что бесѣда—великая потребность его внимательной и общительной души. Его мучить совѣсть, если онъ не поговоритъ «самымъ настоящимъ, самымъ душевнымъ разговоромъ», на примѣръ, съ этой партіей добровольцевъ, гдѣ «зачастую попадаютъ брилліанты искренности, доброты, простоты, самоотверженія». И эпиграфомъ для многихъ произведеній Успенскаго могли бы служить эти слова, какъ стонъ звучащія въ одномъ изъ его очерковъ: «Боже мой, какъ мнѣ страшно, какъ мнѣ жадно хочется поговорить о чемъ-нибудь живомъ и услышать живое чловѣческое слово!»

Онъ слушаетъ жизнь, подобно тому какъ одинъ изъ его героевъ, подъ аккомпаниментъ чужихъ насмѣшекъ, читаетъ жизнь. Правда, и Глѣбъ Успенскій, не думая о себѣ, интересуясь другими, много

читаетъ, въ особенности газеты; онъ понимаетъ все страшное краспорѣчіе бѣглой лѣтописи дня, съ ея свѣдѣніями «о маслѣ изъ дѣрева, о говядинѣ изъ бумаги», и факты, которые она передаетъ, не улетаютъ отъ него, «какъ муха, на мгновеніе пристѣвая вамъ на руку или на лобъ»: они запечатлѣваются въ его сердцѣ жгучими буквами. Но главнымъ образомъ онъ слушаетъ жизнь, и ея «степной ревучій вѣтеръ, облетая съ шумомъ стѣны его жилья», доносить къ нему «множество самыхъ тревожныхъ звуковъ, въ которыхъ слышенъ и какъ бы набатъ отдаленный и неумолкаемый, и волны, и крикъ».

Степной ревучій вѣтеръ жизни, донося ея тревожный набатъ, ея волны и крики, развѣ дастъ безпокойному путнику погрузиться въ нѣгу художественнаго созерцанія? Нѣтъ, при такихъ условіяхъ можно только торопливо зарисовывать въ походный альбомъ жизненные силуэты и сцены, какъ это и дѣлаетъ Успенскій. У него и получилась цѣлая груда записныхъ книжекъ, и онъ называетъ одну изъ нихъ своей «растрепанной подругой». Жизнь вмѣщена въ записныя книжки. Ихъ одухотворенныя, трепещущія и нервныя страницы богаты человѣческими примѣрами, разнообразной комбинаціей житейскихъ положеній. Онѣ содержатъ много біографій, и притомъ біографій, принадлежащихъ такимъ людямъ, жизнью которыхъ мало кто интересуется. Она протекаетъ никому невѣдомая, никому не любопытная, и въ то же время какъ значительна и близка она для того, кто несетъ ея бремя на самомъ себѣ! И вотъ это горькое противорѣчіе, эту обиду никому не рассказанной біографіи разрѣшаетъ Успенскій, вдумчивый слушатель дѣйствительности, участливый собесѣдникъ людей.

Онъ и въ деревню отъ времени до времени уходитъ для того, чтобы отдохнуть отъ своего путешествія по жизни, отъ человѣческаго шума столицы. И въ деревнѣ, въ самомъ дѣлѣ, «темная, черная ночь, смиловавшись надъ измученными нервами, по которымъ столичный день, какъ полупьяный таперъ на разбитомъ инструментѣ, колотитъ съ утра до ночи, закрываетъ, наконецъ, крышку инструмента и ни единымъ толчкомъ не трогаетъ избитыхъ струнъ». Но развѣ и деревня, обильное гнѣздо всякихъ тягостей, можетъ надолго дать покой?

При такомъ живомъ отношеніи къ живому нельзя быть объективнымъ художникомъ, и самъ Успенскій быть художникомъ не хочетъ. Но талантъ есть нѣчто роковое, и отъ его стихійной власти освободиться нельзя. Невольно встаютъ передъ воображеніемъ конкретныя фігуры и слышится характерный говоръ; невольно жизнь подъ взглядомъ скорбящихъ глазъ сама собою слагается въ худо-

жественныя сочетанія, и приходитъ въ движеніе людской калейдоскопъ. Публицистъ не можетъ удержаться на своей логической высотѣ. Успенскій разсуждаетъ, но онъ и рассказываетъ, — и трудно опредѣлить, какая сфера является для него болѣе родной. Все время разсказъ и разсужденіе ведутъ между собою борьбу, — отголосокъ того глубокаго раздвоенія, которое переживаетъ душа писателя. Но душа эта все-таки едина, и въ ея внутреннее единство сходятся тѣ психологическіе и литературные осколки, тѣ драгоценныя человѣческіе дребезги, на которые подъ молотомъ жизни раздробилось творчество Успенскаго. Вотъ почему одна изъ своеобразныхъ чертъ его въ томъ и состоитъ, что публицистическій моментъ его писаній не производитъ оскорбительнаго впечатлѣнія преднамѣренности. Вы можете принять его литературную манеру или не принять ея, — но только не упрекайте его въ преобладаніи разсудка надъ художественной интуиціей: на самомъ дѣлѣ пограничная линія между ними не рѣзка, и она теряется въ общемъ единствѣ писательскаго духа, въ порывѣ одного вдохновенія. Разсказы Успенскаго въ художественномъ смыслѣ не готовы, но вы не можете сказать, что они тенденціозны. И скорѣе вы его публицистическія страницы назовете художественными, чѣмъ его художественныя вещи — публицистическими.

Онъ вмѣстилъ жизнь въ свои записныя книжки. Сложное, нелѣпое, страшное своими ненужными случайностями, жизненное цѣлое преломилось о его духовный міръ и получило отъ него свое освѣщеніе и смыслъ. Жизнь неблагообразна, и между тѣмъ она должна была отразиться въ такой душѣ, которую по преимуществу отличало благообразіе. Н. К. Михайловскій давно подмѣтилъ въ Успенскомъ стремленіе къ гармоніи. Съ этой эстетической жадью нашъ художникъ пришелъ въ такую среду, которая многими чертами своего быта особенно далека отъ благолѣпія. И великая заслуга Успенскаго заключается въ томъ, что среди безобразія, которое его окружило, онъ не только самъ не потерялъ красоты, но и прозрѣлъ ее въ глубинѣ искалѣченной, скомканной человѣческой души; онъ увидѣлъ ее въ такой оболочкѣ, подъ которой другіе, быть можетъ, никогда бы и не почувяли ея благословеннаго присутствія. А Глѣбъ Успенскій ее замѣтилъ, ее воспѣлъ.

Въ центрѣ его произведеній лежитъ, какъ онъ самъ выражается, «большое горе людей, живущихъ въ маленькихъ избушкахъ». Онъ интересуется маленькими людьми; онъ описываетъ тѣхъ, кто свои дни коротаетъ невидимкой, на черной лѣстницѣ жизни. Бытописатель мѣщанства, мелкаго чиновничества, мастеровыхъ и крестьянъ, онъ изображаетъ происходящую въ этой сферѣ ожесточенную борь-

бу за существованіе. Героемъ и двигателемъ всего является здѣсь кусокъ хлѣба, и Успенскому приходится много писать о матеріальномъ, о практическомъ и дѣловомъ, онъ невольно долженъ опустаться на самое дно житейской прозы, грубой и далекой отъ всякаго изящества. Жизнь обращается къ нему прежде всего той стороной, которая направлена къ земному и его насущнымъ заботамъ. Онъ мало интересуется женщиной, природой, и человѣчество у него на первый взглядъ—какое-то экономическое. Но, часто говоря о хлѣбѣ, онъ никогда не забываетъ, что не о хлѣбѣ единомъ живѣтъ человѣкъ. Въ этомъ—его замѣчательная и самая характерная особенность. Сквозь сѣрую пелену и кору реальныхъ думъ о заработкѣ, о пропитаніи, сквозь все это хозяйственное, которымъ исполнены его страницы, просвѣчиваетъ у него глубокій идеализмъ, и луврская богиня лучами своей неумирающей красоты достигаетъ Растеряевой улицы. То, что Венеру онъ увидѣлъ въ обликѣ мужицкаго, то, что онъ помнилъ о ней и чувствовалъ ее въ деревнѣ, въ темныхъ переулкахъ уѣзднаго городка, среди мастеровыхъ, въ нескладномъ шумѣ будничнаго прозябанія,—это дѣлаетъ его не однимъ только бытописателемъ крестьянской среды и страды, это дѣлаетъ его художникомъ духа и даетъ ему въ русской литературѣ права на бессмертіе.

Подъ благодатнымъ вліяніемъ милосской Венеры онъ и нужду описываетъ не столько въ ея внѣшнемъ ужасѣ, сколько въ ея оскорбительной власти надъ человѣческой душой, надъ человѣческой красотой. Его занимаетъ разоренье не только экономическое, но и нравственное. Нужда калѣчитъ, уродуетъ, комкаетъ душу, клонитъ ее долу, и прекрасное человѣческое существо, которое должно бы развиваться во всей полнотѣ и богатствѣ своихъ свободныхъ силъ, теряетъ свой нормальный обликъ, великое спокойствіе своей отъ Бога завѣщанной красоты, и какъ больное дерево принимаетъ искаженныя, уродливыя очертанія. И старушка Претерпѣва, когда-то благообразная, неторопливая, неозабоченная, теперь въ запыленной, искалѣченной шляпкѣ обиваетъ чужіе надменные пороги, крѣпко прижимаетъ къ груди засаленное пропеніе и, горькая вдова, собираетъ сухіе купеческіе пироги и позеленѣвшія копейки. Или бѣдный чиновникъ любитъ дѣтей, но боится ихъ имѣть; онъ любитъ жену, но избѣгаетъ ея, и чтобы испросить себѣ помощи у Бога, класть въ могилу сына счетъ расходовъ на погребеніе, твердо вѣря, что двѣнадцать рублей, «истраченные имъ по этому предмету и составляющіе двѣ трети мѣсячнаго жалованья, обратятъ вниманіе неба на его усердіе».

Только одно и достойно человѣческой души—выпрямиться во

весь свой ростъ. Между тѣмъ Успенскій видитъ кругомъ себя, какъ она, обезображенная, изнываетъ въ тѣсныхъ клѣткахъ, и онъ часто рисуетъ эти унылые маленькіе города, эти глухіе русскіе уголки, залитые проливными дождями, обвѣянные осенней непогодой, скованные ледяной зимой, эти безчисленные жалкія улицы, «никѣмъ не вспоминаемыя, никѣмъ не сторожимыя»,—улицы, въ которыхъ тоскливо проходятъ дни и годы и покосились не только ветхіе домишки, но и, главное, люди. Обитатели этихъ душныхъ клѣтокъ изуродованы жизнью, но къ своему уродству они не привыкаютъ, и то, что въ нихъ не привыкаетъ, это и есть воспоминаніе о великой и прекрасной человѣческой нормѣ, о той луврской богинѣ, которая не чужда ни одной, даже самой искалѣченной душѣ. Правда, ужасы обездоленности и цѣпкой нужды какъ бы потеряли уже въ Растеряевой улицѣ свою остроту, и эта улица имѣетъ уже свои нравы; ея несчастье приобрѣло длительный характеръ, обратилось въ какой-то законъ, въ ней «трагическія свадьбы» разыгрываются «съ музыкой»,—отчего Успенскій и можетъ говорить о ней съ печальной улыбкой, какъ бы слегка насмѣхаться надъ своими страдающими героями; онъ можетъ рисовать ея трагизмъ въ краскахъ юмора, котораго никогда не вызоветъ отдѣльное рѣзкое горе, отдѣльная жгучая обида жизни. Но бессознательная сила привычки далеко не забираетъ; она усыпляетъ, она успокаиваетъ человѣчскій духъ только на поверхности, а въ глубинѣ остаются тоска и недовольство. Жители Растеряевой улицы къ ней не могутъ прилѣпиться, съ ней не могутъ сродниться навсегда. Въ этомъ для нихъ—источникъ новыхъ страданій, но въ этомъ и отрадное свидѣтельство ихъ божественнаго происхожденія, ихъ аристократическаго родства съ Венерой Милосской. Они изуродованы, но они смутно помнятъ о своей былой красотѣ и хотятъ ее вернуть. Они отказываютъ страшной улицѣ въ приспособленіи къ ней. Они стремятся уйти изъ нея. Протестъ противъ растеряевскаго быта въ свою очередь часто принимаетъ у нихъ тоже безобразныя формы (трудно выпрямиться тому, кого покосили цѣлые годы нищеты, униженія и невѣжества),—но дорогъ уже самый протестъ, самый фактъ конечной неприспособленности. Обыватели Растеряевой улицы въ ней томятся, и въ тѣ минуты, когда пелена привычки спадаетъ съ ихъ глазъ и жизнь является передъ ними въ своей пугающей наготѣ,—въ эти минуты они съ ужасомъ видятъ предъ собою однообразный рядъ все тѣхъ же дней, и тягостная перспектива опять сулитъ имъ проливные дожди, вьюги и метели. Растеряевцы тоскуютъ. Они чувствуютъ, что жизнь ихъ—не настоящая, не человѣческая, а какая-то бессмысленная и кошмарная, что они притво-

ряются живыми, какъ ихъ жалкій городокъ «по чьему-то приказанію притворяется городомъ». И потому, напримѣръ, въ лѣтній вечеръ подѣ тишиною мнимаго города, среди мнимыхъ людей, зрѣеть мучительная трагедія. «Повсюду тихо, вездѣ заперты ворота и ставни, нигдѣ не видно огня, и кажется, что глухой уголокъ спитъ мертвымъ сномъ. Ничуть ни бывало... Тамъ, въ темнотѣ, кто-нибудь пьетъ и проклинаетъ свою участь; въ другомъ, темномъ какъ смоль углу кто-нибудь пьетъ и молчить... И вездѣ, за этими запертыми ставнями, въ темныхъ душныхъ спальняхъ, подѣ темнымъ душнымъ небомъ, на крылечкахъ уѣздный людъ пилитъ другъ друга, пилитъ тихо, чуть слышно, какъ чуть слышно зудитъ пила, которою перепиливаютъ человѣческія кости».

Они терзаютъ другъ друга, потому что они хотятъ уйти изъ Растеряевой улицы. Но куда? Чтобы покинуть ея лачуги, вырваться изъ-подѣ ея низкихъ потолковъ, надо преодолѣть и внѣшнія препятствія, и собственное безсиліе и безволіе. Поэтому легче всего уйти не на самомъ дѣлѣ, а только иллюзорно, — обмануть сознание, потушить его хмелемъ. Услужливыя чары вина создадутъ желанное забвеніе, и въ его туманѣ исчезнетъ Растеряева улица, расширятся горизонты духа. Благодаря вину, можно не думать, не чувствовать, уйти въ миражи его паровъ. Это и дѣлаютъ герои Успенскаго. Потенціально они всѣ пьяны, у каждаго на дорогѣ стоитъ кабакъ, и духъ алкоголя подстерегаетъ свои бѣдныя жертвы, особенно когда несчастье покажетъ имъ свое темное лицо. Пьяный магнитъ, отвлекая отъ реальной жизни, вовлекая въ иллюзію или безпамятство, порождаетъ особую трагическую задачу—дать зарокъ, устоять, не уступить вину. Такъ часто въ разсказахъ Успенскаго выступаетъ эта драма побѣднаго кабака. Возникаетъ специальная трудность, особенно для рабочаго, — не растратить скуднаго заработка, благополучно пройти небольшое разстояніе отъ завода къ дому, сдѣлать удовольствіе изголодавшимся дѣтямъ, не побить жены, посидѣть за идиллическимъ самоваромъ. Но какъ наложить оковы на собственную волю, когда она, шутя и насмѣхаясь, рветъ ихъ на части! И разоряется родное гнѣздо, и еще ниже становятся потолки жизни, и давятъ они пьяную голову, давятъ страдающее сердце.

А тутъ еще гложетъ червь самолюбія (двигатель не менѣе важный, чѣмъ хлѣбъ); оно требуетъ, чтобы всегда были деньги на вино, — иначе осрамишься передъ товарищами. И соблазняетъ цѣловальникъ. Это — образъ, по истинѣ трагическій. Его «полная здоровая фигура уже давнымъ-давно красуется на высокомъ кабацкомъ крыльцѣ». И цѣловальникъ самъ не пьетъ, — въ трезвомъ

цѣловальникъ есть нѣчто роковое. Московскій старьевщикъ у Глѣба Успенскаго одѣтъ очень тепло: въ этомъ его сила надъ забнувшими людьми; и, снисходительно заглядывая къ нимъ въ холодныя каморки, онъ презираетъ ихъ, потому что они — люди безъ вещей. Такъ и трезвѣй цѣловальникъ презираетъ своихъ пьяныхъ кліентовъ; и когда рабочій въ изступленіи, въ изумленіи предъ его холодной низостью призываетъ Бога, онъ, степенный, положительный, строго останавливаетъ своего завлеченнаго гостя: «ты про Бога своими *пьяными* устами не очень», — цѣловальникъ попрекаетъ пьянствомъ! Вернувшись отъ него домой, пьяный рабочій какъ будто засыпаетъ мертвымъ сномъ, и рыдающая жена рѣшается на минуту сходить къ сосѣдкѣ. «Наскоро рассказываетъ она пріятельницѣ, въ чемъ дѣло, занимаетъ до вечера хлѣба и тотчасъ возвращается домой. Прямо подъ ноги ей бросаются изъ избы три собаки, съ явными признаками молока на мордѣ. Чужая гибель молока, припасеннаго ребенку, она дѣлаетъ торопливый шагъ черезъ порогъ и наталкивается на пустой сундукъ съ отломанной крышкой; въ сундукѣ нѣтъ платья, на стѣнѣ нѣтъ старой чуйки, на кровати нѣтъ мужа, а люлька съ ребенкомъ описываетъ по избѣ чудовищные круги, попадая то въ печку, то въ стѣну». Женщина бросается вдогонку за мужемъ, но цѣловальникъ уже оказалъ гостепріимство ея пьяному мужу, спрятавъ его и безсовѣстно смѣется надъ несчастной матерью, надъ несчастной женой...

Для того чтобы отдаваться духу вина и дурманомъ заволакивать гнетущій кошмаръ Растеряевой улицы, необходимо содѣйствіе какого-нибудь человѣческаго паука. Онъ высасываетъ кровь и этимъ гонитъ въ кабакъ. Такую роль играетъ Прохоръ Порфирычъ, одна изъ разновидностей Чичикова. На его счастье другіе обладаютъ множествомъ несчастій. Тепло одѣтый старьевщикъ, трезвѣй цѣловальникъ, счастливый Прохоръ Порфирычъ—все это люди, идущіе по одной дорогѣ и составившіе заговоръ противъ раздѣтыхъ, пьяныхъ и несчастныхъ. Прохору Порфирычу особенно хорошо, потому что онъ вполне сладилъ съ собственнымъ сердцемъ, безъ всякихъ нравственныхъ затрудненій обманно разорилъ родную мать, и голосъ чужого горя и жалости никогда не дойдетъ до его спокойной, расчетливой, принципиально-низкой души. Онъ пріобрѣтаетъ во что бы то ни стало, во что бы это ни стало другимъ. Но такъ какъ его фигуру написалъ Глѣбъ Успенскій, то въ эту жалкую оболочку нашъ писатель вдохнулъ нѣчто высшее и большее, чѣмъ пріобрѣтательская страсть. Въ глазахъ Успенскаго Прохоръ Порфирычъ, одинъ изъ сыновъ Растеряевой улицы, тоже хочетъ выпрямиться, и отъ бессмыслицы и тупости, которая его

окружаетъ, онъ тяготѣеть къ человѣческой нормѣ, хотя ея конкретныя черты и представляются ему въ нелѣпомъ видѣ. Онъ копить деньги не только ради денегъ, — онѣ нужны ему, чтобы не быть хуже другихъ, чтобы все у него было «какъ въ первыхъ домахъ» и чтобы отсутствіемъ манишки не спустить себя въ уровень толпѣ.

Это очень знаменательно и характерно для Успенскаго: въ людяхъ онъ замѣчаетъ не только и не столько первичныя инстинкты жизни и самосохраненія, сколько самолюбіе и любовь къ власти. Никто не хочетъ принижено и робко выходить статистомъ на жизненные подмостки; мало кто соглашается быть хотя бы и нумеромъ вторымъ. Всякій жаждетъ имѣть значеніе, играть видную роль, встрѣтить чужое признаніе и уваженіе. Мало жить: надолжить почетно и властно. Это стремленіе къ мощи, это ницшевское *Wille zur Macht*, представляетъ собою залогъ всего гордаго и прекраснаго, на что способно человѣчество. Прохоръ Порфирычъ, какъ это ни странно, пріобщается къ источнику людскаго величія. Но душа у него — мелкая, пустая, и оттого ницшеанскіе мотивы вырождаются тамъ въ нѣчто плоское и уродливое. Когда къ силѣ тяготѣеть безсильный, когда мощи хочетъ слабый, то въ этомъ не будетъ ничего благороднаго. *Wille zur Macht* безъ нравственнаго содержанія принимаетъ смѣшныя или трагическія формы. Самолюбіе, прекрасное сѣмя величія, на дурной почвѣ даетъ плоды жалкіе. Это оно, какъ мы уже видѣли, толкаетъ рабочаго въ кабакъ. Въ своихъ невинныхъ проявленіяхъ это оно заставляетъ супружескую чету разоряться на «обстановочку», на дешевую фольгу и мишуру жизни, и пренебрегать ея сущью, — и дѣти, да и сами супруги сидятъ голодные (голода никто не увидитъ). Если военный писарь Хрипушинъ считаетъ себя медикомъ и специалистомъ по заочному лѣченію, если онъ ходитъ изъ дома въ домъ, подавая свои изумительныя врачебныя совѣты, то имъ руководитъ не только стремленіе набрать копейки, но опять-таки и самолюбіе: онъ хочетъ, чтобы его признали; онъ презираетъ нѣмецкихъ докторовъ и въ свое превосходство надъ ними вѣритъ уже изъ одного патріотизма. Но этой, сравнительно безобидной страстью тяготѣніе къ мощи не ограничивается. Самолюбіе переходитъ въ самодурство. Возникаетъ жажда чужого трепета, чужой дрожащей преданности; хочется слыть чѣмъ-нибудь благодѣтелемъ, кого-нибудь обязать. Сердце великодушное бѣжить чужой благодарности, а здѣсь, наоборотъ, робкимъ присутствіемъ благодарныхъ только и живутъ. Съ отрадой смотрятъ здѣсь, какъ мальчикъ, получивъ не даромъ, а за свою работу, десять копеекъ, въ экстазѣ благодарности и умиленія

«брякается объ полъ всѣмъ, чѣмъ только можно брякнуться, — лбомъ, локтями, колѣнками». Чиновникъ Толоконниковъ нарочно женился на самой некрасивой и бѣдной дѣвушкѣ въ городѣ, для того чтобы ежеминутно чувствовать себя ея спасителемъ и встрѣчать покорный, беспомощный взглядъ ея заплаканныхъ глазъ. Кто оскорбленъ въ своемъ желаніи власти, кто не встрѣтилъ признанія въ одной сферѣ, тотъ особенно будетъ вымещать свою малость на другихъ, и онъ непременно создастъ себѣ хотя бы крошечное царство, въ которомъ будетъ властвовать и устрашать. Онъ наслаждается чужой боязнью; ему нужно, чтобы трепетали передъ нимъ «испуганныя души» жены, дѣтей, прислуги, — ему нужны какіе-нибудь подданные. Его гнететъ собственная личность, собственная тупость, и онъ ищетъ себѣ исхода въ этой атмосферѣ имъ навѣяннаго страха. Униженный въ одномъ уголкѣ жизни, онъ унижаетъ въ другомъ. Такъ мутится прекрасный источникъ самолюбивой и гордой личности, такъ все далѣе и далѣе уходитъ человѣкъ отъ своей нормы, — и вырастаетъ человѣчество изуродованное. Одни хотять казаться выше своего роста, другіе, наоборотъ, принижены, — но всѣ неестественны, всѣ исковерканы. Въ глазахъ Успенскаго это уродство — не прирожденное и потому не безнадежное: вернется прежняя красота. Безсознательно и безобразно ищутъ ея даже Толоконниковы и Прохоры Порфирычи; то дурное, что они дѣлаютъ, въ своемъ конечномъ истокѣ выходитъ именно изъ глубокаго тяготѣнія къ силѣ и гордости. Исконное теченіе души нелѣпая жизнь направила въ русло извращенное, но самое теченіе нормально, и, благодаря ему, люди, на свое счастье или несчастье, не могутъ навсегда освоиться съ Растеряевой улицей.

Такъ Успенскій подмѣчаетъ въ каждомъ тлѣющую обиду жизни, нестерпимое сознаніе своего униженія. А быть униженнымъ — это значить не быть человѣкомъ.

Эти общіе мотивы и мѣрила Успенскій специально прилагаетъ къ русской жизни. Дѣло въ томъ, что есть эпохи, когда трепеть, вселяемый одними людьми въ другихъ, составляетъ главное психологическое содержаніе жизни: Россія въ первой половинѣ XIX вѣка была особенно богата «испуганными душами», душами мертвыми, и въ сочиненіяхъ Глѣба Успенскаго этотъ періодъ нашелъ себѣ очень яркое и своеобразное отраженіе. Но рисуя опредѣленное время, авторъ поднялся надъ нимъ. Здѣсь мы опять встрѣчаемъ то идеалистическое и вѣчное, что свѣтится изъ его творчества, повидимому столь привязаннаго къ данной минутѣ, столь приуроченнаго къ моменту и мѣсту. Глѣба Успенскаго нельзя понять внѣ исторіи русской общности, его нельзя понять безъ крымской кампаніи и 19 фев-

раля, безъ русско-турецкой войны; всегда видишь у него тѣ фактическіе поводы и пружины, тѣ внѣшнія соціально-экономическія силы или историческія событія, которыя привели отдѣльную личность къ той или иной душевной катастрофѣ; у него нѣтъ, такъ сказать, психогенеза, т.-е. душа его героевъ не рождаетъ сама собою своихъ волненій и порывовъ, она не создаетъ ихъ безъ осязательной причины, изъ темныхъ нѣдръ своего собственнаго глубокаго бытія,—безъ внѣшняго Глѣбъ Успенскій не обходится. Но имъ онъ не замыкаетъ круга своихъ наблюденій и своей литературной работы. Проводя явственныя матеріальныя нити между средой и душевными переживаниями, онъ интересуется именно тѣмъ, какъ внѣшнее переходитъ во внутреннее, какъ событія отражаются въ сознаниі и чувствѣ. Это сочетаніе исторіи и психологіи, отличающее Успенскаго, опять-таки дѣлаетъ его не только писателемъ текущаго или истекшаго дня, но и выразителемъ постоянныхъ запросовъ духа. Вотъ почему эпоха русской исторіи, обильная пугающими и испуганными, предстала въ его художественномъ изображеніи не въ одной своей временной сути, но и въ своей постоянной человѣческой характерности. Русское не затмило всеобщаго.

Нескладная жизнь вездѣ заставляетъ пугать и страшиться. И вотъ, вырастаютъ дѣти, приученныя бояться «инспектора», бояться не того, что могуче своей нравственной силой, а того, что грозитъ внѣшними угрозами богатства или власти. Бога страшатся кощунственно и недостойно: словно «камня, который можетъ свалиться съ крыши и убить»; Богъ напугалъ, но не вызвалъ къ себѣ благоговѣнія. Для того чтобы не бояться самому, надо породить боязнь въ другихъ. Отсюда — простая и ясная философія жизни: захватить какъ можно больше ея ощутительныхъ благъ, уловить ее въ ея сытости, въ ея почетѣ, и добиться только того, что выгодно. Если въ такую среду случайно является гость иного міра, является одинъ изъ тѣхъ людей, которые самоотверженно посвятили себя духу, то это производитъ сильное, но не долгое впечатлѣніе. Вотъ, напримѣръ, въ пугливую и пугающую семью приходитъ юродивый Парамонъ. Онъ медленно приближается по средней большой дорожкѣ сада, и тогда всѣмъ кажется, что на нихъ идетъ «что-то необыкновенное, не то погибель, не то милость, не то само будущее». Парамонъ носить тяжелыя вериги, носить желѣзную шапку; онъ не только отклонилъ всѣ радости и удобства жизни, но и добровольно взялъ на себя огромное страданіе, и съ этой мукой своего подвижничества онъ приходитъ туда, гдѣ тщательно избѣгаютъ страданія самаго маленькаго. Воплощенное без-

корыстіе предстало передъ корыстными, необыкновенное — передъ обыкновенными. Парамонъ не боится сильныхъ и богатыхъ, и весь онъ, въ тягости своего убора, въ возвышенности своихъ интересовъ, представляетъ явленіе совершенно другого порядка, чѣмъ та мѣщанская семья, въ которую онъ пришелъ необычнымъ странникомъ. Чуждый «холодному, несчастному, боязливому влаченію жизни», Парамонъ оторвалъ мысли дѣтей отъ земли, по которой они ползли ползкомъ, «поднялъ ихъ уныло склонившіяся головы къ небу и звѣздамъ» и толкнулъ ихъ, бѣдныхъ дѣтей, «на дорогу, по которой они могли бы дойти до сознанія правъ живого человѣка». Но Парамонъ не можетъ оставаться долго среди робкихъ и корыстныхъ. Онъ коснулся дѣтей, но скоро ихъ отняли у него. Ему дали было пріютъ въ садовой бесѣдкѣ, онъ украсилъ ее образами и картинами, туда собирались дѣти, и онъ говорилъ съ ними о великомъ, — и юныя души парили на высотахъ идеала. Но однажды вечеромъ раздался звонокъ, — и всѣ испугались: въ этомъ домѣ боялись звонка. И въ самомъ дѣлѣ, полицейскій надзиратель возбудилъ вопросъ о паспортѣ Парамона; юродивый имѣлъ святую душу, имѣлъ вериги и тяжелую желѣзную шапку, тяжелѣе шапки Мономаха, но онъ не имѣлъ паспорта. И святой человѣкъ долженъ былъ исчезнуть; опустѣла бесѣдка, опустѣли и души дѣтей, отъ которыхъ «улетѣлъ ангель пробужденнаго сознанія». Старшіе раскаялись въ томъ, что оказали гостепрѣимство безпаспортному человѣку; въ борьбѣ святости и паспорта одолѣлъ послѣдній; нелѣпое, ненужное взяло верхъ надъ истиной, и настоящей оказалась жизнь прозаическая, грубая, внѣшне-сильная. Всѣ опять стали какъ бы ниже ростомъ, и опять воцарилось «нравственное безкрыліе». «Вотъ какія феи стояли надъ колыбелью» того поколѣнія, которому именно крылья-то и нужны были, потому что оно должно было разрушить старый, крѣпостническій укладъ Россіи и совершить дѣло освободительной реформы. Былъ близокъ восходъ русскаго солнца, и на слабыя согбенныя плечи надо было поднять великое и радостное бремя 19-го февраля. Въ неподготовленное сознаніе, прикованное къ низинамъ жизни, «внутренне-испуганное» испугомъ раба, надо было ввести идеи чуждыя и ослѣпительныя — идеи правды, свободы, равноправія. Рухнула опека, отъ каждаго потребовали сознательной отвѣтственности и стремленія къ тому, что идетъ за предѣлы личныхъ интересовъ. Совѣсть упала на почву безсовѣстнаго. И потому эта новая жизнь, эти новыя мысли большинству оказались не подъ силу. Многіе дожили до весны, увидѣли зеленое, но какъ Ваня Птицынъ, одна изъ жертвъ разлагавшагося «взятчнаго полапа», они уже не могли принять ея въ свои омертвѣлыя души,

и весна оказалась для нихъ поздней гостьей, которой не вынесло, не вмѣстило изнуренное сердце. Среди людей, которые были отравлены «неуступчивой живучестью» крѣпостного строя и воспитались «въ самой густотѣ неуваженія чужой личности, въ самыхъ затхлыхъ понятіяхъ», возникла мучительная растерянность, — и вотъ тогда «заболѣли мыслью, заболѣли сердцемъ, заболѣли совѣстью: сколько тутъ фигуръ, прямо легшихъ пластомъ, отказавшихся идти впередъ, сколько умирающихъ и сколько бодрыхъ, смѣлыхъ, настоящихъ. Началась съ этой минуты на Руси драма; понеслись проклятія, пошли самоубійства, отравы... слышались и благословенія».

Успенскій воспроизвелъ главнымъ образомъ не благословенія и не тѣхъ «бодрыхъ, смѣлыхъ, настоящихъ», для кого привѣтливъ былъ свистъ «чугунки», этой эмблемы новаго, и кого пьянила ликующая радость перваго поѣзда, поѣзда жизни, который изъ захолустной сонной тишины побѣдно увлекаетъ къ осмысленной и свѣтлой дѣятельности. Для людей, ринувшихся въ битву того времени, у Глѣба Успенскаго не нашлось ни яркихъ красокъ, ни торжествующихъ звуковъ, потому что и собственная душа его была обезсилена и самъ онъ былъ измолотъ въ «кофейной мельницѣ» жизни. Его герой, похожій на него, въ дѣтствѣ многого не зналъ, не подозрѣвалъ, — дѣйствительность раскрылась передъ нимъ сразу во всей своей глубинѣ и важности, и когда онъ, взрослымъ, истерзаннымъ человѣкомъ, посѣтилъ однажды родной городъ, этотъ городъ жегъ его страшными воспоминаніями, и путникъ жизни обратился къ нему съ такою страдальческой укоризной: «Все-то вы меня, господа люди, госпожи улицы и господа деревья и сады, все-то вы меня обманывали!.. Отчего это вы ни разу не сказали мнѣ, какъ вы измучились, какъ вы много утаили отъ меня вашего горя? Отчего это, государи глухіе переулки, не сказали вы мнѣ ни единого слова о томъ, что мнѣ надо идти стоять за васъ горой, что мнѣ надо имѣть руки желѣзныя, сердце лютное и око недреманное? Отчего вы, бѣдняги мои, старались всегда «укачать» меня, заговорить меня веселыми словами, когда я плакалъ отъ бессознательной тоски, говорили мнѣ «не думай!» вмѣсто того, чтобы разбудить, сказать: думай, братъ, за насъ, потому нашихъ силъ нѣту больше!.. Убаюканный вами, я спокойно спалъ и не зналъ, что въ темныя осеннія и зимнія ночи, когда на дворѣ льетъ дождь или воеетъ вьюга, вы поѣдомъ ѣли, ни въ чемъ неповинные, другъ друга и проклинали свою адскую жизнь. Зачѣмъ ничего-то этого вы мнѣ не сказали? Зачѣмъ я не зналъ, что измучили васъ эти ночи, измучили дни, измучили эти дома и сады — развѣ я такой бы былъ?

Развѣ бы я не постоялъ за васъ, горемычныя мои? А вы все молчали, да таили, да прятали... посмотрите-ка, какъ я измучился-то, покуда узналъ!..»

Одно изъ самыхъ позорныхъ наслѣдій до-реформенной эпохи съ ея запугивающимъ воспитаніемъ, съ ея поклоненіемъ силѣ денегъ и власти, это—несвободная совѣсть. Успенскій часто съ недоумѣніемъ и горечью возвращается къ типу русскаго дѣятеля, котораго характеризуетъ разобщеніе между совѣстью и обязанностью. Здѣсь и тамъ встрѣчаются люди, которые живутъ неправдой; но ихъ неправда—не спокойная, не самоувѣренная: это—неправда пополамъ съ правдой. Они, входя въ общее сплетеніе несправедливой русскаго системы, дѣлаютъ много дурного, но дурное не образуетъ гармоніи съ ихъ сознаніемъ. Сознаніе, совѣсть у нихъ лучше дѣла. И все-таки совѣсть уступаетъ. Отсюда—неуваженіе къ самому себѣ, неуваженіе къ собственной работѣ, какое-то внѣшнее и глубокоциничное отношеніе къ дѣлу своей жизни. Въ отчаяніи Успенскій хотѣлъ бы, чтобы эти либеральныя акцизные чиновники, совершающіе свои коварныя «прогулки», эти исправники и судьи, эти священники, равнодушно внимающіе злу, были попросту жестоки; онъ съ горя жаждетъ хотя бы такой, отрицательной гармоніи. Но нѣтъ,—всѣ эти люди поверхностно чувствуютъ и думаютъ одно, а дѣлаютъ другое, противоположное, и только будочникъ Мырцецовъ, охраняемый отъ сомнѣній своей безнадежной умственной скудостью, исповѣдуетъ опредѣленную философію шиворота и въ своей будкѣ, которая стоитъ «на углу двухъ весьма глухихъ и бѣдныхъ переулковъ уѣзднаго города», не знаетъ разлада между теоріей и практикой, чистосердечно «тащитъ и не пуцаетъ».

Во имя чего же нарушаются велѣнія совѣсти, и люди принимаютъ на себя безсовѣстную обязанность? Глѣбъ Успенскій часто указываетъ на то, что русскіе дѣятели оправдываютъ себя въ этомъ потребностями семьи. И даже тотъ хозяинъ гостиницы, который приводитъ дѣвушекъ своимъ развратнымъ посягателямъ, дѣлаетъ это ради семейства и дѣтей и «не имѣетъ времени за хлопотами подумать, что и у той дѣвушки, которую онъ представилъ, тоже есть родители, что и она такое же дитя, какъ и его дѣвочка, что даже голосъ и смѣхъ ея почти дѣтскіе». Глава семьи, ради послѣдней, рѣшается на сдѣлки съ честью, и вся жизнь его уходитъ на работу, бессмысленную и безсовѣстную; ради семьи онъ, «скрючившись, сидитъ въ управленіи московско-индійской желѣзной дороги». И творится съ нимъ глубокая трагедія. Онъ именно для того и создалъ себѣ родной уголь, чтобы избѣгнуть одиночества,—но въ семьѣ своей онъ бесконечно-одинокъ. Его угнетало когда-то «ощущеніе

оторванности отъ общаго потока жизни», и вотъ весною, когда «все плакало кругомъ въ ароматической жаркой тѣмѣ», опустился Джонъ Ячменное Зерно, цвѣточная пылинка, въ почву, и «сталъ маленькій, зеленый ростокъ веселыми живыми глазками посматривать на Божій свѣтъ». Но въ то время какъ ее, жену, «зеленый ростокъ», потянуло въ стебель, къ теплу и плодородію, Джонъ Ячменное Зерно, мужъ, «превратился въ корень и полѣзъ куда-то въ землю, на какую-то темную, хлопотливую работу»,—и корень не можетъ прекратить своей черной работы, для того чтобы не зачахъ стебель. Между корнемъ и стеблемъ, между мужемъ и женою воцаряется разладъ: «она—къ солнцу, я—во тьму», и они опять становятся чѣмъ-то единымъ, становятся «мы» только въ тѣ моменты, когда оба сознаютъ свое несчастье, свое одиночество, сознаютъ, какъ обманули ихъ надежды, зародившіяся весною въ ароматической жаркой тѣмѣ... Такъ интеллигентные мужъ и жена, въ противоположность крестьянской четѣ, идутъ по жизни разными дорогами, и, кромѣ того, ради жены и ради дѣтей мужъ приноситъ жертвы постыдныя. Его трагедія усиливается еще тѣмъ, что жена и дѣти, если въ нихъ проснулось стремленіе къ правдѣ и справедливости, эти жертвы и самого жертвователя отвергаютъ, ихъ не хотятъ, и «всѣ эти хлопоты, заботы, всѣ тяжкіе труды, подъемлемые тружениками во имя семейства, разлетаются прахомъ». Глубоко-мучительна драма отца, отвергнутаго сыномъ,—но все же благо сыну, что онъ отринулъ принесенную ему безчестную жертву!..

Такимъ образомъ, русскій интеллигентный человѣкъ въ глазахъ Успенскаго не достигъ цѣльности и гармоніи въ своей жизни и не управился со своимъ сознаниемъ, не удовлетворилъ своей совѣсти. Быть можетъ, это и заставило Успенскаго, въ его тоскѣ по цѣльности, обратить свои взоры туда, гдѣ сознание играетъ малую роль, гдѣ человѣкъ, покоряясь не самому себѣ, а какой-то высшей стихійной силѣ, не можетъ послушаться ея велѣній. Не тамъ ли, на материнской груди земли, можно найти покой отъ сомнѣній и тревогъ, не тамъ ли упраздняется и самое существованіе совѣсти и предстаетъ спокойная, прекрасная Венера съ мужицкими, земледѣльческими завитками волосъ по угламъ лба? Не тамъ ли выпрямляется согнутая человѣческая фигура? Власть земли, кабала у травинки зеленой освобождаетъ вотъ этого большого мужика съ бородой, съ могучими руками и быстрыми ногами отъ всякой отвѣтственности,—обо всемъ думаетъ и печется, за все отвѣчаетъ его космическая хозяйка. Она справедлива, она какъ мать,—отъ нея не обидно принимать кару неурожая, отъ нея не совѣстно принимать и обильные дары, и сколько бы она ни родила, сколь

много бы она ни дала, здѣсь не будетъ той несоизмѣримости между работой и заработкомъ, которая существуетъ въ социальныхъ человѣческихъ отношеніяхъ. Земля честна. Она воспитываетъ, и трудъ надъ нею по существу своему благороденъ. Величайшее дѣло, это—земледѣліе. Въ царствѣ урожая и неурожая каждую минуту воочию осуществляется та великая и таинственная связь человѣка съ мировымъ цѣлымъ, которая во всякой другой области исчезаетъ подъ наноснымъ слоемъ искусственнаго и выдуманнаго. Оттого земледѣлецъ, въ своемъ типѣ, въ своей осанкѣ и бытѣ, остается неизмѣненъ, хотя кругомъ его смѣняются тысячи поколѣній. «Ржаное поле» поставляетъ все тѣхъ же людей, и какъ будто все тотъ же старикъ Силантій, что и двадцать лѣтъ назадъ, грѣбется на завалинкѣ, и тѣ же Марутки и Лизутки выкрикиваютъ: дяденька, купи цвѣточковъ, дяденька, купи малинки...

На спокойномъ фонѣ земледѣльческаго мировоззрѣнія нормально протекаетъ и семейная жизнь, слитая съ жизнью мірской. Мужъ и жена связаны единствомъ интересовъ, которые оба они черпаютъ изъ черныхъ нѣдръ земли. Женщина работаетъ въ полной гармоніи съ природой, съ солнцемъ, съ вѣтеркомъ, «съ этимъ сѣномъ, со всѣмъ ландшафтомъ, съ которымъ слиты ея тѣло и ея душа». Успенскій вообще съ лаской и нѣжностью относится къ печальницѣ—крестьянской женщинѣ, и ему пріятно, что она «вся живетъ только живымъ, живьемъ, вся находится въ плѣну живой растущей травы, живого зеленѣющаго поля, живой квокчущей птицы, живыхъ мычащихъ телятъ». Только сознаніе, больное сознаніе русскаго человѣка, можетъ разрушить этотъ миръ съ природой, это тихое существованіе, обвѣянное стихіями. Именно, когда наступаетъ трагическій досугъ урожая, время работающаго сознанія, крестьянинъ вспоминаетъ свою «ужасную, черную, темную жизнь, весь этотъ мракъ сорокапятилѣтней маяты»,—вспоминаетъ онъ и ту «единственную, свѣтлую, удивительную радость жизни», которая была связана съ именемъ Аннушки, первой любви. И онъ въ сонномъ бреду называетъ это имя, и растетъ глухая тревога ревности въ душѣ его жены, и, быть можетъ, во всемъ этомъ зрѣетъ кровавое зерно будущей драмы: вотъ что сдѣлалъ досугъ, вотъ что сдѣлало сознаніе, прервавшее стихійную полосу жизни, поднявшееся надъ властью земли.

Конечно, Глѣбъ Успенскій, покоривъ человѣка землѣ, запретивъ ему работу сознанія, на этомъ не могъ успокоиться. Какъ ни велика власть стихіи не она является для него послѣднимъ убѣжищемъ чувства и мысли. Надъ природой онъ ставитъ любовь. Онъ говорить, что въ природѣ, хотя и все—правда, все честно, «но не все

въ ней ласково». А человѣческаго онъ безъ ласки, безъ любви не понимаетъ, не принимаетъ. Въ лѣсу на горѣ звучатъ веселые «птичекъ хоры», ночью онъ молчаливъ и торжественъ,—между тѣмъ и въ то время, когда онъ молчитъ, и въ то время, когда онъ весь поетъ и зеленѣетъ, живое каждую минуту поѣдаетъ въ немъ живое, и слышится пискъ, отъ котораго «щемить то заячье, то овечье, то птичье сердце». Въ лѣсу человѣческаго общества происходитъ то же самое; здѣсь тоже господствуютъ зоологическіе, лѣсные законы, но вопль людей еще ужаснѣе, потому что здѣсь поѣдаютъ другъ друга существа разумныя. Никто не виноватъ въ этомъ взаимномъ поѣданіи, но душа все-таки содрогается, потому что надъ нею властвуетъ правда не зоологическая, а божеская. И Глѣбъ Успенскій съ неослабимъ вниманіемъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ въ людскомъ лѣсу появляются Родіоны-радѣтели, которые хотятъ претворить эгоистическое сердце человѣка въ сердце все-скорбящее, хотятъ «объютить» страдающихъ людей, — и они успѣваютъ въ своемъ благородномъ стремленіи. Глѣбъ Успенскій не хотѣлъ примириться съ зоологической правдой, съ «желѣзными законами» жизни,—онъ не вѣрилъ въ желѣзо, не преклонился передъ желѣзнымъ букетомъ, который нѣмецкіе патріоты когда-то поднесли своему знаменитому канцлеру. Отъ «желѣзныхъ фіалокъ», отъ «свинцовыхъ ландышей» онъ звалъ къ живымъ цвѣтамъ, къ живой любви. Онъ слишкомъ зналъ, что въ мірѣ происходитъ «ежедневный и ежегодный посѣвъ жестокости», но въ этой жестокой атмосферѣ, подъ натискомъ гнетущихъ впечатлѣній, онъ умѣлъ спасти свое сердце отъ желѣза. Иногда, правда, душа его отъ «обилія и безрезультатности страданія», отъ всяческихъ гибелей и разореній какъ-то деревнѣетъ, запирается точно на замокъ; но подъ замкомъ она, общительная и отзывчивая, долго быть не можетъ. И когда онъ видитъ, напримѣръ, какъ мужикъ кладетъ холодными руками на холодномъ вѣтрѣ холодныя и грубыя полѣнья и вѣтеръ царапаетъ его по лицу своимъ тупымъ лезвіемъ,—въ глубинѣ души у него «разверзается что-то горячее, какъ огонь, и разливается жаромъ рыданій». И хочется оплакать и «неустанные труды этихъ неустанныхъ (мужицкихъ) рукъ, и холодъ избъ, и тьму ночей съ бьющимся отъ страшнаго сна ребенкомъ, и жестокость этого же мужика къ родному брату». Жалобные звуки гуслей пробудили состраданіе въ одномъ героѣ Успенскаго, жившемъ среди ожесточающей обстановки. Но чаще жалость возбуждается не этими механическими средствами,—она приходитъ отъ людей, отъ Родіоновъ, отъ Парамоновъ, отъ «чуткихъ сердець». Вотъ священникъ и діаконъ, похожіе на «одушевленные кошельки»; они думаютъ, что вселенная —

это не болѣе, какъ вмѣстилище разнаго рода крупныхъ и мелкихъ денегъ, и какъ только «какая-нибудь монета, вращающаяся во вселенной», попадаетъ къ нимъ, они довольны и счастливы. И вдругъ, какъ Парамонъ-юродивый, является передъ ними учительница Абрикосова. Она покинула богатство, почетъ и спокойствіе и пришла въ деревню учить крестьянскихъ ребятишекъ. Она за ними ухаживаетъ, она спрашиваетъ одного изъ нихъ: хочешь, я тебя буду любить?—ну, люби, когда хошь,—снисходительно отвѣчаетъ мальчикъ... Ради чего же она это дѣлаетъ и какъ примирить ея дѣланіе, ея жертву, съ ясной житейской филозофіей одушевленныхъ кошелевковъ? Примирить нельзя, и діаконъ испытываетъ глубокое недоумѣніе и потрясеніе, которое всколыхнуло его сердце, затянувшееся было тиной равнодушія. Абрикосова сдѣлала то, что въ темной ночи его совѣсти «пробѣжали какія-то зарницы» и онъ заболѣлъ великой болѣзью, къ счастью, неизлѣчимой,—заболѣлъ совѣстью и мыслью. Ее же пережилъ и тотъ сибирскій злодѣй, который какъ дядя Власъ пришелъ въ ужасъ отъ самого себя, отъ своей злобы. И совѣстливая мысль вообще носится по Россіи. «Тихими-тихими шагами, незамѣтными, почти неспостижимыми путями пробирается она въ самые мертвые углы русской земли, залегаетъ въ самыя неприготовленныя къ ней души. Среди, повидимому, мертвой тишины, въ этомъ кажущемся безмолвіи и снѣ, по песчинкѣ, по кровинкѣ, медленно, неслышно перестраивается на новый ладъ запуганная, забитая и забывшая себя русская душа, а главное—перестраивается во имя самой строгой правды». И когда она перестроится, тогда на центральное маховое колесо общества будетъ наложенъ приводный ремень, и «отдѣльныя колесики, которыя теперь вертятся безъ усталости и безъ толку», придуть въ разумное движеніе, и люди-атомы соединятся въ стройное цѣлое, въ единое содружество, чтобы вмѣстѣ побороть ненужное, излишнее неблагообразіе жизни.

Оптимизмъ Успенскаго, его незыблемая вѣра въ грядущее благообразіе, въ то, что современное изуродованное и приниженное человѣчество выпрямится,—эта вѣра зиждется у него на томъ, что онъ и теперь, въ окружающей дѣйствительности, видитъ отдѣльныя явленія красоты. Когда онъ съ «деревяннѣмъ» благоговѣніемъ разсматривалъ мастерскую художника, онъ вдругъ остановился передъ одной картинкой и не могъ отъ нея отойти,—она его не пускала («словно я зацѣпилъ карманомъ, какъ иногда бываетъ, за ручку двери»). На картинкѣ была изображена дѣвушка лѣтъ пятнадцати-шестнадцати, гимназистка или юная студентка, которая бѣжитъ съ книжкой на курсы или на урокъ, въ пледѣ и мужской круглой

шапочкѣ. Его плѣнила та не женская и не мужская, а общечеловѣческая свѣтлая мысль и печаль не о своемъ горѣ, которой дышало лицо молодой дѣвушки; его очаровала эта духовная красота. Потомъ онъ увидѣлъ ее, эту дѣвушку или ея духовную сестру, живую. Однажды черной ночью, въ дождь и вѣтеръ, онъ забрелъ въ какой-то огромный лѣсъ или паркъ и скоро очутился передъ громадной развалиной стариннаго барскаго дворца. «И въ паркѣ темно, и пусто во дворцѣ—только вѣтеръ реветъ и воетъ, раскачивая огромныя деревья. Куда идти?» Въ самомъ дѣлѣ, куда идти Успенскому черной ночью, среди пустынныхъ развалинъ? Но, обойдя руину съ другой стороны, онъ замѣтилъ огонекъ, который свѣтился въ полуразрушенной каморкѣ. Тамъ сидѣла молодая дѣвушка, сельская учительница, и поправляла дѣтскія сочиненія на темы: «какъ я разъ испужался» и «какъ я разъ расшибся». Завязался простой разговоръ между нею и Успенскимъ, а въ это время въ комнату вбѣжала деревенская дѣвочка, закутанная въ платокъ и съ высокой палкой въ рукѣ. «Я у тебя, Алексѣвна,—сказала она учительницѣ,—нонѣ почевать не буду... мнѣ надоть пьяныхъ и прохожихъ по дворамъ разводить. Отецъ-то хмельнъ, а очередь наша, такъ вотъ я вмѣсто отца-то». Да, ей трудно учиться, бѣдной дѣвочкѣ; въ другомъ мѣстѣ Глѣбъ Успенскій рассказалъ, какъ ее ругаетъ бабушка за то, что она тайкомъ готовитъ свои уроки при свѣтѣ жалкихъ, но все же дорогихъ огарковъ. Ей трудно учиться, ее трудно учить, и все-таки она учится, и все-таки дѣвушка въ каморкѣ стараго дома учить ее. Въ углу развалины съ тетрадками и сказками именно она, сельская учительница, зажгла для Успенскаго тотъ привѣтливый огонекъ, который указываетъ дорогу заблудившемуся путнику. И въ черной окружающей тьмѣ свѣтится этотъ огонекъ, потому что дѣвушка, какъ новая весталка, самоотверженно блюдетъ его и не даетъ погаснуть,—хотя это и тяжело, мучительно-тяжело въ нашу русскую непогоду и неурядицу. И Глѣбъ Успенскій утѣшенъ этой свѣтлой дѣвушкой, и, какъ онъ самъ говоритъ, ему становится хорошо и легко на душѣ, на его измученной душѣ.

Правда, не всѣхъ утѣшить сельская учительница. Крестьянскій юноша-самоучка сталъ писать стихи о людской неправдѣ и призывалъ въ нихъ къ свободѣ и братству. Стихи были ужасны, и ихъ не приняли въ журналъ (это не стихъ, а шесть—сказалъ автору жестокой редакторъ). Одна свѣтлая дѣвушка прочла юношѣ другіе стихи, прекрасные, написанные великими поэтами, и они тоже говорили, дивными словами говорили о людской неправдѣ и призывали къ свободѣ и братству. И ничего?—спросилъ юноша.

То-есть ничего и послѣ этого, и послѣ такихъ стиховъ? И дѣвушка должна была сознаться, что да, покуда ничего, покуда и эти стихи не сдѣлали міра справедливѣе и свободнѣе; она рассказала ему объ историческихъ неудачахъ добра. Юноша ужаснулся и былъ безутѣшенъ.

Можетъ быть, онъ и правъ. Во всякомъ случаѣ, та душевная красота, которая озаряетъ дѣвушку въ мужской шапочкѣ или сельскую учительницу, зажегшую свой огонекъ и скорбящую не своимъ горемъ, все это — красота самоотверженія, все это говоритъ о благородной способности человѣка принимать на себя чужую печаль; но міръ самоотверженіемъ вѣнчаться не можетъ. Вѣдь самопожертвованіе, это — дитя совѣсти, которая выросла чрезмѣрно въ силу чужой безсовѣстности. Если бы равномѣрнѣе, справедливѣе распредѣлялась совѣсть между людьми, не было бы нужды въ героизмѣ и страдальческой красотѣ самоотверженія. И потому не временной ли только является эта красота? < Вѣдь и совѣсть въ своемъ отраженномъ страданіи, страданіи за другихъ, тоже способна отклонить человѣческое существо отъ его нормальнаго и прекраснаго облика; вѣдь и совѣсть можетъ скомкать душу. > И Глѣбъ Успенскій, дѣйствительно, вѣрилъ, что есть на свѣтѣ красота спокойная, самодовлѣющая, безжертвенная, — красота превыше совѣсти, парящая надъ нею. Въ этомъ — центръ міровоззрѣнія Успенскаго. Его послѣднее слово не этика, а эстетика. >

Есть въ мірѣ пѣсня, которая звучитъ наперекоръ злу и его заглушаетъ. «Горя, нужды, тоски, холода, голода, слезъ, злобы, — тьма! Но вотъ несутся же эти животворные, вѣчные, неизмѣнные звуки, несутся они какъ звуки пѣсни жаворонка. Неизмѣнна эта пѣсня сначала для малаго ребенка, потомъ для молодого парня и, наконецъ, для старика. Человѣкъ былъ ребенкомъ — сталъ старикомъ, а жаворонокъ все тотъ же: все такъ же прячется въ солнечномъ лучѣ, въ глубинѣ свѣтлаго воздуха и поетъ все ту же, вѣковѣчно-неизмѣнную, радостную пѣсню. И народная пѣсня такая же вѣковѣчно-неизмѣнная, и она говоритъ только о неугасимой, несокрушимой силѣ жизни, напоминаетъ только эту радость жить, звучитъ никогда не старѣющимъ, вѣчно и неизмѣнно-юнымъ звукомъ».

«Радость жить» идетъ отъ источника всякой радости и всякой жизни — отъ богини красоты. И ее видить, о ней помнить даже тотъ, кто, повидимому, знаетъ одну только заботу и печаль.

Затопивъ печку сырыми дровами, закутавшись въ рваный полушубокъ, послѣ горькаго и безпокойнаго дня заснулъ тяжелымъ сномъ сельскій учитель Тяпушкинъ. И вдругъ во снѣ онъ «хруст-

нуль» всѣмъ существомъ своимъ, какъ бываетъ, «когда человѣкъ растеть». Онъ, дѣйствительно, нравственно выросъ и проснулся съ какимъ-то счастливымъ воспоминаніемъ въ груди. Онъ вспомнилъ, какъ много лѣтъ назадъ стоялъ онъ въ парижскомъ Луврѣ передъ статуей Венеры Милосской и какъ она выпрямила его скомканную душу и вдохнула гордость и радость въ глубину его «искалѣченнаго, измученнаго существа». Передъ этой великой «каменной загадкой», воплотившей не специальную женскую красоту, а красоту нормальнаго человѣческаго облика вообще, Тяпушкинъ ощутилъ счастье быть человѣкомъ, и онъ почувствовалъ свое родство съ Венерой Милосской.

За стѣнами Лувра шумить суетная и несчастная парижская улица, и Венера Милосская отѣняетъ этотъ пестрый шумъ своей величавой и спокойной красотой. Она отѣняетъ, она упрекаетъ, но она и утѣшаетъ насъ. Она показываетъ намъ самихъ себя подъ тѣми роковыми наслоеніями жизни, отъ которыхъ потускнѣли наши глаза, поблекли наши лица: она нѣмою рѣчью своей красоты говоритъ намъ, униженнымъ и обиженнымъ, изуродованнымъ и измученнымъ, — она говоритъ, что мы прекрасны, что мы гармоничны, что это только бессмыслица нашихъ сѣрыхъ дней насъ обездолила и обезсилила, пригнула долу, исказила наши божественныя черты. Она говоритъ, что мы можемъ подняться и выпрямиться, что никто и никогда не разобьетъ въ насъ Венеры Милосской. Если бы жизнь даже и прониклась такимъ вандализмомъ, чтобы посягнуть на этотъ бессмертный образъ, — ея святотатственное дѣло никогда не удастся, и (въ храмѣ нашей души, во внутреннемъ Луврѣ человѣка, будетъ вѣчно жить Венера Милосская,) какъ живетъ ея нетлѣнная статуя въ отдѣльной комнатѣ музея, откуда она смотритъ на весь очарованный міръ и гдѣ очарованный міръ посѣщаетъ ее, какъ благодарный и благоговѣйный паломникъ — свое божество.

«Въ глухой, занесенной снѣгомъ деревушкѣ, въ скверной, непривѣтливой избѣ, въ темнотѣ и тоскѣ безмолвной томительной зимней ночи» вспоминается учителю Тяпушкину Венера Милосская, и онъ съ отрадой чувствуетъ, что между нимъ, холоднымъ и голоднымъ, и ею, прекрасной и гордой, есть внутренняя связь, что они — родные. Богиня далека отъ этой глухой деревушки, но въ то же время она такъ близка изстрадавшемуся сердцу Тяпушкина. И для того, чтобы она была еще ближе къ нему, чтобы она охраняла его отъ жизненной неправды и чтобы не сжалась его душа, онъ купитъ себѣ ея фотографію и повѣситъ ее здѣсь, на стѣнѣ, — и въ холодной комнатѣ сельскаго учителя Тяпушкина будетъ красоваться ея изображеніе, и всякій разъ какъ онъ взгля-

нетъ на нее, всякій разъ какъ онъ вспомнить, что эта прекрасная человѣческая возможность, эта великая человѣческая необходимость жива и что [«въ Луврѣ все благополучно»] — всякій разъ онъ найдетъ себѣ въ этомъ созерцаніи, въ этомъ сознаніи новый источникъ силъ, новое вдохновеніе для своей будничной работы и заботы.

Покуда въ мірѣ есть красота, покуда «въ Луврѣ все благополучно», еще можно жить на бѣломъ свѣтѣ. Это испыталъ, въ этомъ убѣжденъ не человѣкъ, избалованный счастьемъ, — въ это вѣрить горемычный, истерзанный Тяпушкинъ: повѣримъ же и мы Тяпушкину. И его духовный творецъ, Глѣбъ Успенскій, тоже всей своей изболѣвшей душой вѣрилъ, что это великій грѣхъ противъ красоты, противъ Бога и человѣка — комкать и уродовать свободное существо, родственное Венерѣ Милосской; онъ тоже вѣрилъ, что, покуда въ мірѣ есть красота, покуда Венера стоитъ въ отдѣльной комнатѣ Лувра, покуда она живетъ въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ, никакія внѣшнія силы не сумѣютъ насъ безнадежно исказить и еще можно жить на свѣтѣ, несмотря на всѣ маленькіе и большіе недостатки его стихійнаго механизма и на всѣ скорби его внутренняго строя.

Личная жизнь Успенскаго въ ея послѣдніе годы была окутана тяжелой пеленою безумія; но, вѣроятно, въ свѣтлые промежутки ему грезилась все та же Венера Милосская, потому что именно она составляетъ внутренній художественный свѣтъ его произведеній, потому что именно ея невидимо-видимая статуя смотритъ на насъ изъ глубины его рассказовъ и облагораживаетъ всѣ эти страницы о грубой жизни, о бѣдности и водкѣ, о слѣпой случайности и нелѣпицѣ нашихъ событій и страданій.

Гаршинъ.

Въ русскомъ обществѣ не слабѣетъ интересъ къ рассказамъ Гаршина; отъ болѣе яркихъ и пышныхъ свѣтилъ мы все возвращаемся къ его тихой музѣ, и въ нашемъ сознаниіи одновременно возникаетъ его собственное прекрасное лицо съ задумчивыми глазами. Его немногія, простыя и непритязательныя страницы составляютъ на горизонтѣ русскаго слова какое-то скромное и чистое созвѣздіе, и отъ него «спитъ земля въ сіяньи голубомъ», и на этомъ фонѣ одна за другою медленно проносятся картины человѣческаго горя. Всѣ произведенія Гаршина подернуты элегической дымкой. Скорбь не давитъ, не гнететъ его, онъ можетъ улыбаться и шутить, но въ сердцѣ его все же никогда не изсякаетъ чистый родникъ грусти.

И это неудивительно. Если въ мірѣ насилія и злобы, въ мірѣ стихійной торопливости слѣпыхъ событій бросить съ какой-нибудь платоновской звѣзды сознание, и притомъ сознание нравственное, совѣсть, то въ этой враждебной сферѣ оно будетъ чувствовать себя испуганной сиротою и на дѣйствительность отзовется недоумѣніемъ и печалью. Такое сознание и есть Гаршинъ. Если бы онъ былъ глубокій мудрецъ и мыслитель, то въ самой работѣ своей синтезирующей мысли, въ пытливомъ созерцаніи мірового зрѣлища онъ могъ бы найти отвлеченіе отъ своей непосредственной горести; онъ могъ бы творить, напримѣръ, философскую систему, и безконечныя перспективы теоріи дали бы ему забвеніе отъ душевной тоски. Но его сознание носитъ иной характеръ. Оно не острое, не всеобъемлющее, не оригинальное,—оно только чуткое и совѣстливое. Герой его разсказа «Встрѣча», учитель Василій Петровичъ, пораженный чужой безсовѣстностью, это — хорошій и честный, но обыкновенный и, можетъ быть, даже ограниченный человѣкъ.

У Гаршина, употребляя чеховское выражение, «болить совѣсть». И эта боль только усиливается отъ тѣхъ неизбежныхъ столкновений и встрѣчъ, какія всякому приходится имѣть въ жизни. Пусть сознание испугано міромъ, въ который оно попало; но вѣдь жизнь такова, что въ ней нельзя ограничиваться одной сердечной печалью, нельзя пугливо бродить по ней безъ цѣли и безъ дѣла: надо занять въ ней определенное мѣсто, такъ или иначе приобщиться къ ея работѣ и заботѣ. Пока не пришла смерть—сама собою или ускоренная самоубійствомъ, желанно разрубившая Гордіевъ узелъ тягостныхъ сомнѣній,—надо жить, надо идти на войну существованія и провести на его бранномъ полѣ много дней, между ними—четыре страшныхъ дня. Одной мысли, одной совѣсти мало; каждаго изъ насъ фатально ожидаетъ дѣло,—и вотъ здѣсь обрушивается на насъ мучительная трагедія: совѣсть и дѣло, сознание и дѣйствіе не совпадаютъ между собою, болѣзненно противорѣчатъ другъ другу. И жестокая иронія судьбы заходитъ такъ далеко, что именно совѣсть побуждаетъ откликаться на призывъ зла, совершать кровавые подвиги, и человекъ съ кроткимъ сердцемъ и лучистыми глазами добровольно идетъ на убійство и мучительство. Правда, есть и дѣло добра, есть ангелы не только праздные, но и работающіе (съ ними сравнивалъ Гаршинъ сестеръ милосердія); но все же міръ устроенъ такъ, что самое яркое и страстное дѣло въ немъ, это—дѣло злое. Самый красный цвѣтокъ, это—цвѣтокъ зла. Ничто не требуетъ такой душевной силы, такого напряженія и дѣйственности, какъ именно убійство. Въ немъ—высшая потенція человѣческой энергіи, оно являетъ собою дѣло по преимуществу. Когда Гамлетъ перешелъ отъ размышленія къ дѣйствию, когда онъ сталъ дѣлать, онъ сталъ убивать. И Гамлетъ убивающій, это—самое зловѣщее и безотрадное явленіе жизни.

Эта роковая антиномія совѣсти и дѣла терзала Гаршина, и онъ вдохнулъ ее въ свои рассказы. Въ нихъ большую роль играетъ убійство, какъ необходимый апопееозъ дѣла, на которое рѣшилась мысль. Трудный путь должно пройти чистое сознание для того, чтобы претвориться въ дѣло, и когда сознание достигаетъ своей цѣли, это дѣло на своей вершинѣ оказывается убійственнымъ. Совѣсть, чуткая совѣсть, которая такъ строга была къ себѣ, такъ лелѣяла, щадила, любила другихъ,—совѣсть неизбежно впадаетъ въ безсовѣстное, наталкивается на самое себя, какъ Брутъ на собственный мечъ, и вотъ происходятъ неожиданныя «происшествія»: дѣло подъ нашими руками обращается въ смерть, и мы убиваемъ,—убиваемъ и себя, и тѣхъ, кого любимъ.

Отъ дѣла зарекаться нельзя. И «смирный, добродушный моло-

дой человѣкъ, знавшій до сихъ поръ только свои книги да аудиторію», подхвативъ волною жизни и отдавъ свое тѣло войнѣ. Хрупкое и нѣжное сознаніе низринуто въ пучину стихійнаго. На мимозу впечатлительной совѣсти обрушивается такая груда потрясающихъ впечатлѣній, такая нелѣпица и ужасъ, какъ война. Аудиторія и книги, «трудъ любви и правды»—все это брошено, все это не нужно, и нужна только матерія, бессознательная сила, которая бы давала и отражала удары. Сознаніе можетъ здѣсь даже оказаться вреднымъ. Оно, между прочимъ, создаетъ и занимающую Гаршина проблему трусости: въ ней оно ставитъ человѣку вопросъ о собственной опѣнкѣ. Не будь сознанія, не дремли оно и въ потенциальной формѣ инстинкта, была бы какая-то беззавѣтная, но и бессмысленная храбрость, слѣпая отвага матеріи.

Гаршинъ, человѣкъ съ кроткою душою и лучистыми глазами, идетъ на войну. Онъ идетъ даже не потому, чтобы его требовалъ какой-нибудь внѣшній призывъ: нѣтъ, онъ ищетъ самоотверженія, онъ покорствуется совѣсти. «Четыре дня» показали ему, въ какую реальность обратились его совѣстливыя мечты.

Человѣчество привыкло уже къ тому, что братъ убиваетъ брата. Впервые это сдѣлалъ Каинъ, и въ кровавый слѣдъ ему пошло его окаянное потомство. Но у Гаршина убиваетъ Авель. Это гораздо трагичнѣе и сложнѣе; совѣсть, натолкнувшись на дѣло, сраженная имъ, должна испытывать здѣсь ни съ чѣмъ несравнимыя муки. Каинъ убилъ изъ корысти и зависти, онъ хотѣлъ убить,—Авель былъ чистъ и кротокъ душою, и отъ души его были далеки убійственные помыслы и замыслы. И тѣмъ не менѣе Авель убилъ. И вотъ въ гаршинскихъ «Четырехъ дняхъ» онъ лежитъ на полѣ битвы, и его сознаніе, тонкое, сочувствующее, человѣчное, говоритъ ему, что онъ убилъ человѣка. Рядомъ съ нимъ лежитъ его жертва,—мертвый, окровавленный человѣкъ. И думаетъ Авель: «Я не хотѣлъ этого. Я не хотѣлъ зла никому, когда шелъ драться. Мысль о томъ, что и мнѣ придется убивать людей, какъ-то уходила отъ меня. Я представлялъ себѣ только, какъ я буду подставлять свою грудь подъ пули. И я пошелъ и подставилъ». И думаетъ Авель: «Кто онъ? Быть можетъ, и у него, какъ у меня, есть старая мать. Долго она будетъ по вечерамъ сидѣть у дверей своей убогой мазанки, да поглядывать на далекій сѣверъ: не идетъ ли ея ненаглядный сынъ, ея работникъ и кормилецъ?..» Многіе убиваютъ, но рѣдкіе думаютъ послѣ этого. А здѣсь—какая дума! Дѣло уже совершилось. И сознаніе человѣка, до сихъ поръ только думавшаго, неспособнаго на дѣло-убійство и все же его совершившаго,—это сознаніе проснулось послѣ убійственнаго кошмара, и еще напряженнѣе, чѣмъ раньше, про-

должаетъ оно свою молчаливую работу. Теперь оно предается томительному недоумѣнью, ужасу раскаянія. Подъ чернымъ болгарскимъ небомъ лежитъ убившій. Его гнететъ медленность и страшная сознательность собственныхъ ощущеній. Его терзаетъ боль и жажда; трепещетъ возбужденная мысль, и сильнѣе прежняго болить совѣсть. Для того, кто сдѣлалъ, т.-е. убилъ, мѣняется. То, что было недавно, кажется отдаленнымъ въ глубину времени; обезсиленные, раненныя ноги едва ползаютъ, и сажени превращаются въ версты. И рядомъ съ убитымъ лежитъ убитый. Великое примиреніе скорби и смерти положило ихъ рядомъ, но раньше между ними была бездна, и только теперь видно, какъ ничтожна была эта бездна, вырытая холодной ненавистью войны. Физическое сосѣдство убитаго съ почти убитымъ убійцей, какъ нѣкій символъ, еще явственнѣе показываетъ Авелю, что и въ нравственномъ отношеніи они были сосѣди и братья. Одинъ уже умеръ, другой умретъ,—по крайней мѣрѣ, другой въ этомъ убѣжденъ, и онъ не надѣется, что товарищи найдутъ его среди труповъ на полѣ смерти и вернуть къ жизни. И мы съ ужасомъ воспринимаемъ ту поразительную ситуацію, которую набросалъ на этихъ страницахъ Гаршинъ: убитый феллахъ разлагается, «мириады червей падаютъ изъ него», и убившій видитъ это и думаетъ, что скоро настанетъ его чередъ разложенія; такъ въ одной картинѣ сливаются для него и для насъ страшное будущее и страшное настоящее.

«Четыре дня» замѣчательны правдивостью и простотой своего анализа, они описываютъ безпримѣрное физическое страданіе въ присущихъ Гаршину мягкихъ и въ то же время реалистическихъ и потрясающихъ краскахъ,—но они имѣютъ еще и другое значеніе. Безсильно распростертый на полѣ брани, въ оскорбительномъ сосѣдствѣ съ зловоннымъ трупомъ, герой, виновникъ этого трупа, представляетъ собою не только израненное тѣло, но и такое же измученное сознаніе. Онъ лежитъ на землѣ и какъ Андрей Болконскій смотритъ въ небеса; на полѣ сраженія такъ обычна эта поза, такъ естественно и невольно возникаетъ эта знаменательная противоположность окровавленной земли и спокойнаго неба. Онъ теперь одинокъ, и далеко отъ него все живое. И въ этомъ одиночествѣ и мукѣ, въ этой мертвой тишинѣ, его сознаніе, какъ бы обнаженное и предоставленное самому себѣ, все думаетъ свою думу о братьяхъ, которые не понимаютъ другъ друга, о братьяхъ, которые другъ друга убиваютъ. Тѣмъ, что онъ вернулся къ жизни, онъ обязанъ своей жертвѣ-брату: у челоуѣка, сердце котораго онъ проткнулъ штыкомъ, нашлась фляга съ водою, и вода убитаго поила и спасала убившаго. И послѣ этого, вернувшись къ жизни, Авель еще болѣе погрузится въ свою думу

и совѣсть; быть можетъ, онъ еще тревожнѣе и глубже противопоставить стихійному міру свое сознание, которое на собственномъ ужасномъ опытѣ узнало, что такое дѣло и какъ это дѣло роковымъ образомъ воплощается въ убійство и зло.

Однако въ борьбѣ стихіи и сознания послѣднее не одолѣетъ. Не только Гаршина, но и всѣхъ идущихъ на войну, увлекаетъ «невѣдомая тайная сила», то «безсознательное, что долго еще будетъ водить человечество на кровавую бойню». Люди уходятъ въ далекія поля—напримѣръ, они недавно, уже послѣ Гаршина, шли на манчжурскіе холмы, чтобы тамъ настигла ихъ шальная пуля, которая не хочетъ «умирать одна и попадаетъ прямо въ сердце солдату». Они уходятъ отъ смерти близкой и спокойной для смерти дальней, и родное кладбище, мимо котораго идутъ ихъ сомкнутые ряды, какъ будто смотреть на нихъ удивляясь: «Зачѣмъ идти вамъ, тысячамъ, за тысячи верстъ умирать на чужихъ поляхъ, когда можно умереть и здѣсь, умереть спокойно и лечь подъ моими деревянными крестами и каменными плитами? Оставайтесь!». Но они не остались,—къ недоумѣнію кладбища и къ собственному недоумѣнію; они не остались, потому что ихъ гнала стихійная мощь. Никакое сознание не спасется отъ безсознательнаго, какъ гаршинскій Кузьма не спасся отъ гангрены, и осколокъ гранаты убиваетъ «барина», который мгновеньемъ назадъ такъ тонко думалъ и такъ нѣжно чувствовалъ. На войнѣ, «при звукѣ смерти», умолкаетъ сознание. Движущіеся подъ «безжалостнымъ» солнцемъ (на войнѣ и солнце безжалостно), движущіеся ряды людей, это—сонная, усталая матерія: «первыя десять верстъ почти ничего не сознаешь, люди шагаютъ совсѣмъ сонные». Конечно, «теперь самое лучше не думать, не разсуждать, а безъ критики принимать всякія случайности жизни и развѣ только выть, когда больно», т.-е. превратиться въ то, чему ты, сознательное существо, противоположно,—въ безсознательно дремлющую матерію. Вотъ одинъ изъ воиновъ «былъ замѣчательный красавецъ, голубоглазый, стройный, ловкій. Онъ лежитъ теперь на Аясларской горѣ, и отъ его голубыхъ глазъ и прекраснаго лица уже ничего не осталось». И часто лишь послѣ того, какъ отъ воюющихъ ничего не останется и пущечное мясо исполнить свое назначеніе,—лишь послѣ этого капитанъ Венцель вспомнить, что они были люди, что они теперь «мертвые люди». Смерть, полное торжество безсознательнаго, сдѣлала чудо: она въ чужомъ сознаніи воскресила безжизненный прахъ, дѣло своихъ же рукъ, она умилила чужую совѣсть, и мертвые солдаты стали людьми.

Характерное для гаршинскихъ персонажей фатальное сочетание рефлексіи и крови проявляется не только на войнѣ. Жизнь вообще

богата элементами войны; здѣсь и тамъ вдумчивая душа невольно кончаетъ убійствомъ, этой кульминаціей дѣла, и совѣсть ведетъ къ смерти. Оттого герой «Надежды Николаевны» убилъ Безсонова, оттого Безсоновъ убилъ Надежду Николаевну, и въ «Происшествіи» изъ-за нея убилъ себя Иванъ Ивановичъ. Въ этомъ финалѣ смерти есть нѣчто роковое. Его не хотятъ, и онъ все-таки приходитъ. Гордая и вольнолюбивая пальма *Attalea Princesps* росла своимъ пышнымъ ростомъ, для того чтобы изъ тюрьмы-оранжереи выйти на воздухъ и свободу. Ее предупреждали, что «рѣшетки прочны и стекла толсты», что директоръ спилить ея непокорную верхушку, но пальма не слушала робкихъ и поднималась все выше и выше. Скомкалась листовенная вершина ствола, «холодные прутья рамы впились въ нѣжные молодые листья, перерѣзали и изуродовали ихъ», но дерево упрямо давило на рѣшетки. И лопнула толстая желѣзная полоса, — «надъ стекляннымъ сводомъ гордо высилась зеленая корона пальмы». Но была глубоко разочарована пальма, и жертва ея оказалась безплодной: дохнула на нее слезливая осень, и морозъ пронизалъ ея нѣжное тѣло, и какъ будто охватили ее сѣрыя клочковья тучи. «И *Attalea* поняла, что для нея все было кончено. Она застывала. Вернуться снова подъ крышу? Но она уже не могла вернуться. Она должна была стоять на холодномъ вѣтрѣ, чувствовать его порывы и острое прикосновеніе снѣжинокъ, смотрѣть на грязное небо, на нищую природу, на грязный задній дворъ ботаническаго сада, на скучный огромный городъ, виднѣвшійся въ туманѣ, и ждать, пока люди, тамъ внизу, въ теплицѣ, не рѣшатъ, что дѣлать съ нею». Люди рѣшили ее спилить, ее убить. Такова была участь пальмы, когда она изъ своей мечты, изъ обители своего гордаго сознанія, вышла на суровый холодъ дѣла. Она погибла. Но этого мало: кромѣ самоубійства, здѣсь было еще убійство, — смерть опять, въ угоду совѣсти, взмахнула своей косою. Подножіе большой пальмы съ любовью обвила маленькая, безсильная травка. Она любила *Attalea* и съ грустью думала: «если я, ничтожная, вялая травка, такъ страдаю безъ своего сѣренькаго неба, безъ блѣднаго солнца и холоднаго дождя, то что должно испытывать въ неволѣ это прекрасное и могучее дерево!» Нѣжно обвилась она вокругъ *Attalea*; слабая и маленькая, она не могла добраться до свободы и только просила могучую пальму, чтобы та на волѣ, счастливая и радостная, вспоминала иногда о своемъ маленькомъ другѣ и рассказала ему, все ли такъ же прекрасно, какъ было, на Божьемъ свѣтѣ. И потомъ, когда у самага корня перепилили *Attalea Princesps*, «маленькая травка, обвившая стволъ дерева, не хотѣла разстаться со своимъ другомъ и тоже попала подъ пилу». И бросили охалку пожелтѣвшей травы,

бросили ее «прямо на мертвую пальму, лежавшую въ грязи и уже полузасыпанную снѣгомъ». Такъ *Attalea Princesps* невольно убила маленькую травку, которая ее любила. И точно такъ же молодая дѣвушка, для того чтобы послѣдней радостью порадовать маленькаго умирающаго брата, убиваетъ цвѣтущую розу и потомъ, срѣзавшую, ставитъ ее въ отдѣльномъ бокалѣ у ранняго гробика. Если бы дѣвушка этого не сдѣлала, розу слопала бы жаба, и цвѣтокъ радъ, что онъ умеръ другою смертию, вмѣстѣ съ ребенкомъ, и что скатилась на него слезинка изъ дѣвичьихъ глазъ. И даже старикъ-цыганъ въ «Медвѣдяхъ» — разсказъ, замѣчательномъ по своеобразной и объективной трагичности — обреченъ на то, чтобы изъ собственныхъ рукъ убить стараго звѣря, своего кормильца и друга. Мы убиваемъ тѣхъ, кого любимъ.

Всѣ эти невольные самоубійцы и убійцы, своимъ прикосновеніемъ разрушающіе дорогое и любимое, сами являются жертвами общаго жизненнаго и психическаго строя. Они не виноваты, эти Авели убивающіе. Но совѣсть, которая болитъ, не знаетъ никакихъ оправданій, и казнь ея мучительна. Какой-то голосъ, не переставая, нашептываетъ герою «Надежды Николаевны» о томъ, что онъ убилъ человѣка. Его не судили: признали, что онъ убилъ, защищаясь. «Но для человѣческой совѣсти нѣтъ писанныхъ законовъ, нѣтъ ученія о невмѣняемости, и я несу за свое преступленіе казнь».

Ее у Гаршина, рыцаря совѣсти и ея мученика, несутъ многіе. Ибо нравственное сознаніе въ своей требовательности найдетъ преступное въ каждой жизни, въ каждой душѣ. Оно такъ рѣшаетъ, что жить вообще — это значитъ преступать. Не надо непремѣнно совершить что-нибудь кровавое: нѣтъ, насторожившаяся совѣсть осудитъ и безъ него. Она осудила, на примѣръ, героя «Ночи». Трагедія этого человѣка заключается въ томъ, что онъ являетъ собою воплощенное сознаніе, — вѣрнѣе, самосознаніе. Онъ непрерывно глядитъ въ самого себя и думаетъ о себѣ. Мы застаемъ его ночью, — ночью, «когда все спитъ въ огромномъ городѣ и въ огромномъ домѣ». Но онъ не спитъ. Не умолкаетъ его бессонная мысль. Тикаютъ карманные часы, отбивая тактъ неумолимой стихійной силѣ, безсознательному теченію жизни, — тикаютъ часы, «назойливо повторяя вѣчную пѣсенку времени». Онъ слушаетъ время. Казалось бы, онъ давно бы могъ привыкнуть къ звуку часовъ. Но его сознаніе такъ неугомонно и неусыпно, что онъ лишенъ великаго успокоенія привычки. Сплошная рефлексія, которая не привыкаетъ, онъ чуждъ этой механической силѣ, и отъ него далеки усыпленіе и дремота обычнаго. Этотъ не спящій, не привыкающій человѣкъ — Агасеръ своей

возбужденной мысли. На протяжении восьми шаговъ своего кабинета онъ уподобляется Вѣчному Жиду. Онъ безъ устали бродить по безконечному міру своего сознанія, которое не только не умираетъ,—которое даже не засыпаетъ. И вся его прошлая жизнь у него «какъ на ладони», и въ своей памяти онъ перебираетъ все, т.-е. нѣчто бездонное. Несчастье Агасера—въ томъ, что онъ не можетъ умереть; несчастіе гаршинскаго героя—въ томъ, что онъ не можетъ исчерпать и остановить своего сознанія и, что еще хуже, своей совѣсти. Она предъявляетъ къ нему строгія обвиненія, хотя въ житейскомъ смыслѣ онъ и не сдѣлалъ ничего дурного. Въ его душу и уста Гаршинъ вкладываетъ глубокую идею нравственной задолженности. «Я всю жизнь должалъ самому себѣ. Теперь насталъ срокъ расчета — и я банкротъ, злостный, завѣдомый». Каждый изъ насъ можетъ сказать, что онъ задолжалъ и другимъ, и себѣ,—недаромъ въ молитвѣ просить: «остави намъ долги наша». Такъ много прекрасныхъ обѣщаній не исполнено, столько надеждъ улетѣло, такой обманъ сопровождалъ не только поступки, но и помыслы! Другіе не нашли въ насъ того, что они имѣли право найти; мы сами не осуществили возможностей своего духа. И жизнь представляетъ собою такую сѣть лжи, столько записано за нами неоплатныхъ моральныхъ долговъ, что остается одинъ исходъ, обычный для банкротовъ: спустить курокъ вотъ этого заранѣе припасеннаго револьвера. Тогда «не будетъ обмана себя и другихъ, будетъ правда, вѣчная правда несуществованія». Какой поразительный выводъ! Правда, это—несуществованіе, и значить, существованіе, это—неправда. Словно всякое наше дыханіе и движеніе включаетъ въ себѣ грѣхъ и обманъ. Но, какъ вы помните, герой «Ночи» пришелъ къ «правдѣ несуществованія» не съ помощью револьвера: его убилъ потокъ воспоминаній, нахлынувшихъ вмѣстѣ съ колокольнымъ звономъ въ раскрытое окно, въ раскрывшееся сердце. Колоколь напомнилъ ему, что есть жизнь внѣ міра личныхъ ощущеній, есть жизнь, когда вѣришь въ дѣло и въ удовлетворимость своей совѣсти. Есть жизнь—и она была когда-то у героя,—гдѣ рефлексія не зияетъ ненасытной пропастью, гдѣ чувства искренни, гдѣ мысли неподдѣльны. Таковы дѣти. Недаромъ пришло ему на память евангельское слово: «если не обратитесь и не будете какъ дѣти». Въ двухъ отношеніяхъ дитя противоположно гаршинскому герою: чиста его совѣсть и просто его сознаніе. И мысль о дитяти, мысль о томъ, что надо выйти изъ своего личнаго я, «бросить его на дорогу», не мудрствуя взять на свою долю, на свои плечи, часть настоящаго, житейскаго горя и связать себя съ общей жизнью,—

эта мысль умилила Алексѣя Петровича и наполнила его горячим восторгомъ. Благовѣсть міра и благовѣсть мира торжественно зазвонилъ для него тысячами колоколовъ, «солнце ослѣпительно вспыхнуло»—и увидѣло «человѣческій трупъ съ мирнымъ и счастливымъ выраженіемъ на блѣдномъ лицѣ».

Агасоерь пересталъ ходить, но Агасоерь и умеръ. Въ этомъ было его счастье. Герой «Ночи» прозрѣлъ, и перестали тикать часы, послушный счетчикъ времени,—но остановилось для него и самое время. Замолкла неугомонная рѣчь его бессоннаго сознанія, но угасла и самая жизнь. Было ли въ этомъ его счастье? Вѣроятно,—да. По крайней мѣрѣ, общій духъ произведеній Гаршина учить насъ, что совѣсть неудовлетворима, и если бы страдалецъ ночи сумѣлъ перенести свое возрожденіе и ступилъ на желанную тропу живого дѣла, то съ нимъ произошла бы специфически-гаршинская драма: дѣло привело бы его къ убійству, обогрило бы его кровью, и совѣсть продолжала бы свою пытку.

Какъ Алексѣй Петровичъ, ничего дурного, въ житейскомъ смыслѣ, не сдѣлалъ и художникъ Рябининъ, и однако сознаніе безпощадно мучить его. Въ душѣ его корчится подъ страшными ударами молота несчастный, трижды несчастный глухарь. Удары молота бьютъ по груди истомленнаго рабочаго, но они же страшной тяжестью падаютъ и на совѣсть художника Рябинина. Такъ далеки эти два человѣка одинъ отъ другого, и все же между ними есть соединеніе совѣсти, и глухарь не даетъ спать, не даетъ жить художнику. Дѣдовъ спокойно рисуетъ пейзажи, онъ не проходитъ мимо осоки, мимо дождя, но онъ не даритъ своего художественнаго вниманія труженику. А Рябининъ не находитъ покоя въ искусствѣ и изнываетъ отъ ударовъ, падающихъ на чужое тѣло. И для того чтобы облегчить свою совѣсть, онъ написалъ это чужое страдающее тѣло, онъ написалъ глухаря. Это не картина, это — боль. Это не картина, это—крикъ отчаянія и призывъ о помощи. Художникъ вызвалъ рабочаго изъ глубины душнаго, темнаго котла, чтобы онъ «ужаснулъ своимъ видомъ эту чистую, прилизанную, ненавистную толпу». «Кто позвалъ тебя? Я, я самъ создалъ тебя здѣсь... Прийди, силою моей власти прикованный къ полотну... Ударь ихъ въ сердце, лиши ихъ сна, стань передъ ихъ глазами призракомъ! Убей ихъ спокойствіе, какъ ты убилъ мое...» Да, онъ убилъ спокойствіе художника, и художникъ не успокоился и послѣ того, какъ написалъ глухаря: послѣдній все продолжалъ жить въ его головѣ, въ его душѣ. Ибо совѣсть по существу своему безпокойна. Тогда Рябининъ совѣмъ покинулъ свое искусство, отказался отъ своего

таланта, пошелъ въ учителя, — тамъ совѣсть не найдетъ ли себѣ большаго удовлетворенія, тамъ ея не пощадитъ ли своеобразный Прометей современности, прикованный къ своему котлу? Рябининъ надѣется, что на новой дорогѣ онъ приуготовитъ себѣ нравственный отдыхъ, и довѣрчивое чувство къ самому себѣ и къ жизни овладѣваетъ имъ, — такое чувство какъ въ дѣтствѣ, «когда, бывало, проснешься почью возлѣ спящей матери, когда въ окно стучитъ вѣтеръ и въ трубѣ жалобно воетъ буря, и бревна дома стрѣляютъ, какъ изъ пистолета, отъ лютаго мороза, и начнешь тихонько плакать, и боясь, и желая разбудить мать, и она проснется, сквозь сонъ поцѣлуешь и перекрестить, и, успокоенный, свертываешься калачикомъ и засыпаешь съ отрадой въ маленькой душѣ». Но изъ заключительной строки гаршинскихъ «Художниковъ» мы узнаемъ, что эти надежды были обмануты, что успокаивающій образъ матери съ ея благословеніемъ и крестнымъ знаменемъ исчезъ навѣки, что Рябининъ «не преуспѣлъ». Такъ или иначе, глухарь остался, и совѣсть не нашла себѣ покоя; ибо совѣсть по существу своему неспокойна и неудовлетворима.

Глухарь, который принимаетъ на свою грудь неумолимые удары чужого молота, вся жизненная драма крови и насилія, горестная судьба гордой пальмы и маленькой травки, все это — зло. И естественно, что въ душѣ человѣка возникаетъ стремленіе съ корнемъ вырвать зло изъ этого міра. Но Гаршинъ показалъ, что возникаетъ это стремленіе въ душѣ человѣка безумнаго; совѣсти не успокоишь, зла не исторгнешь. Тотъ, кто боролся съ краснымъ цвѣткомъ зла, былъ помѣшанъ. Только ночью, когда онъ спалъ, въ его измученномъ, блѣдномъ лицѣ не было ничего бессмысленнаго: спящіе безумцы кажутся мудрыми, потому что во снѣ всѣ мудры или всѣ безумны — частичнымъ безуміемъ сновидѣній. Въ сумасшедшемъ домѣ онъ проявлялъ буйное движеніе, какую-то лихорадочную дѣятельность, ту же неугомонность Агасеера, пока его разстроенная мысль не нашла для себя объекта — красный цвѣтокъ, въ которомъ онъ увидѣлъ концентрацію зла, кроваваго зла. Больной чувствовалъ себя внѣ времени и пространства; его фантазія именно потому и стала безумной, что она побѣдила смерть и время. Онъ не приурочивалъ ни себя, ни другихъ къ опредѣленному дню и мѣсту, и больница символически рисовалась его несчастной головѣ, какъ все человѣчество, собранное изъ всѣхъ временъ и странъ, живое и мертвое, человѣчество изъ сильныхъ міра и солдатъ, убитыхъ въ послѣднюю войну. Больной чувствовалъ себя внѣ пространства и времени; между тѣмъ онъ локализовалъ зло и воплотилъ его въ

пространственно-временную форму цвѣтка, — удивительно ли, что его постигла неудача и вмѣсто одного сорванного цвѣтка сейчас же выросталъ другой?

Бурно охваченный впечатлѣніями дня, рабъ, а не господинъ своихъ впечатлѣній, безумецъ увидѣлъ зло лицомъ къ лицу и окрасилъ его въ кровавый цвѣтъ войны. Этотъ цвѣтъ — самый распространенный въ мірѣ. На колпакѣ больного даже крестъ былъ красный, и больной сравнивалъ крестъ и цвѣты — цвѣты были ярче. Зло сильнѣе. Воплощенное въ красномъ цвѣткѣ, оно испускало отъ себя ядовитое, смертельное дыханіе, которое отравляло всю окружающую природу, всю жизнь. Дерево смерти, Анчаръ стоитъ въ пустынѣ чахлой и скупой, на почвѣ, зноемъ раскаленной, — цвѣтокъ зла живетъ около насъ, въ мирномъ и красивомъ саду. Къ Анчару человѣка посылалъ человѣкъ, и отравленный рабъ умиралъ у ногъ непобѣдимаго владыки, — къ цвѣтку зла человѣкъ подошелъ самъ, по доброй волѣ, чтобы цѣною собственной жизни спасти міръ отъ губительной отравы. У новаго Анчара стояли даже сторожа, и они не позволяли человѣку рвать цвѣты. Они боялись, что будетъ разнесенъ весь садъ. О, эти сторожа и пѣстуны зла! Ослѣпленные, безумные, они лелѣютъ и оберегаютъ его красные цвѣты; они сами — зло, движущееся зло, большее, чѣмъ то, которое прячетъ свои корни въ землѣ и выглядываетъ изъ нея страшными глазами своихъ красныхъ лепестковъ. Они не позволяли самоотверженному человѣку рвать цвѣты, и онъ долженъ былъ хитрить, чтобы достигнуть своей великой и святой цѣли. Но мало сорвать цвѣтокъ: надо перелить его смертельное дыханіе въ собственное тѣло; и помѣшанный взялъ цвѣтокъ къ себѣ, на свое ложе, прижалъ его къ своей больной груди, и «когда свѣжіе, росистые листья коснулись ея, онъ поблѣднѣлъ какъ смерть и въ ужасѣ широко раскрылъ глаза. Холодный потъ выступилъ у него на лбу». Онъ пріютилъ на своей груди змѣю зла и ходилъ съ нею, сжавъ руки крестомъ. Онъ бурно ходилъ, для того чтобы задушить, чтобы утомить зло. А въ саду между тѣмъ ярко алѣлъ еще другой цвѣтокъ, — зло еще не было вырвано цѣликомъ. И безумецъ укрѣплялъ свои силы для новой борьбы. Онъ не спалъ по ночамъ, а силы ему были нужны: и вотъ передъ рѣшительной битвой онъ жадно набросился на пищу и съѣлъ огромное количество каши, для того чтобы подкрѣпить себя къ предстоящему подвигу... Онъ сорвалъ и второй цвѣтокъ. Новыя змѣи впились въ его измученную грудь и пропитали все его тѣло своимъ страшнымъ ядомъ. Послѣ того какъ былъ сорванъ второй цвѣтокъ, не выдержали усердные сторожа зла и связали больного. Но какой ужасъ, какая трагедія: вѣдь на куртинѣ остался

еще и третій цвѣтокъ! Онъ едва распустился, но онъ еще расцвѣтеть, и кто поручится, что это — послѣдній? Онъ показался безумцу послѣднимъ, но только потому, что безумецъ умеръ. Гидра мака, гидра цвѣтовъ необъятна, и красный цвѣтокъ превращается въ красный садъ, и этотъ садъ обнимаетъ собою весь міръ, и міръ загорается краснымъ отблескомъ зла. Напрасны всѣ усилія больного; напрасно, теряя послѣдній остатокъ силъ, окровавленными руками согнулъ онъ желѣзные прутья рѣшетки, чтобы проникнуть въ садъ, надъ которымъ разостлалась «тихая, теплая и темная ночь». «Звѣзды блестяли на черномъ небѣ, ласково мигали лучами, проникавшими до самаго его сердца», и съ третьимъ цвѣткомъ въ рукахъ поднялся онъ къ этимъ ласковымъ звѣздамъ. Изъ мертвой, окоченѣвшей руки его нельзя было вынуть красный цвѣтокъ, «и онъ унесъ свой трофей въ могилу».

А въ саду продолжали роскошно и буйно расти еще болѣе яркіе, еще болѣе алые цвѣты мака, цвѣты зла. Безумецъ хотѣлъ неуповимое зло, разсѣянное въ мірѣ, сосредоточить и собрать въ одномъ предметѣ и сразу смять и задушить его. Великодушный борецъ чувствовалъ, что сорванный цвѣтокъ надо положить на собственную грудь — эту несчастную грудь мірового глухаря, отъ вѣка принимающую на себя удары чужого молота. Но онъ не понималъ, что въ этой груди уже и раньше была красная отравка мака, что зло не можетъ быть вынесено куда-нибудь наружу, что самый страшный, самый красный цвѣтокъ растетъ въ собственной душѣ человѣка. Оттого и нельзя вырвать этого цвѣтка, оттого и нельзя въ мірѣ избыть краснаго.

Оно сопутствуетъ намъ повсюду и разгорается не только пламенемъ войны. Безъ краснаго не могъ обойтись и кроткій Семень въ «Сигналѣ», — для того чтобы спасти поѣздъ, мчавшійся на встрѣчу гибели, онъ долженъ былъ кровью своего тѣла оросить бѣлый платокъ. И когда уже «стало черно въ глазахъ его и пусто въ душѣ его», выронилъ онъ флагъ. «Но не упало кровавое знамя на землю; чья-то рука подхватила его и подняла высоко навстрѣчу подходящему поѣзду. Машинистъ увидѣлъ его, закрылъ регуляторъ и далъ контръ-паръ. Поѣздъ остановился».

Поднялъ кровавое знамя тотъ самый Василій, который хотѣлъ погубить поѣздъ и людей. Василій смирился. Это сдѣлалъ и гордый Аггей, который долго жилъ одинъ, «точно на высокой башнѣ стоялъ», и думалъ, что одно это мѣсто его достойно: «хоть одиноко, да высоко». Но не можетъ человѣкъ вѣчно оставаться на одинокой высотѣ, гдѣ ожесточается сердце, — и сошелъ съ нея просвѣтленный Аггей, и сталъ онъ слугою нищимъ, сталъ для нихъ «и свѣтъ, и пища, и другъ, и братъ».

Это — заключительные, это — примирительные моменты въ творествѣ Гаршина. Нельзя вырвать краснаго цвѣтка, и сознание, осуществляясь въ дѣло, терпитъ роковую неудачу, совѣсть обращается противъ самой себя. Но человѣкъ не можетъ все-таки не идти на призывъ этой неудовлетворимой совѣсти, куда бы она ни влекла, — въ безуміе, въ смерть, на гору Аяслара... Онъ идетъ, идетъ, нравственный Агасеръ, и пока онъ идетъ, пока онъ живетъ, нѣтъ ему успокоенія.

Не разнообразны и не богаты линіи въ разсказахъ Гаршина. Есть у него слишкомъ прямыя антитезы (художники Дѣдовъ и Рябининъ, инженеръ Кудряшевъ и учитель Василій Петровичъ); онъ порою злоупотребляетъ формой дневника, который, если вѣрить ему, ведутъ почти всѣ, точно у всѣхъ достаетъ на это гаршинскаго лиризма; онъ неубѣдительно въ своемъ изображеніи Надежды Николаевны, въ которую почему-то всѣ влюбляются и которую всѣ жалуютъ, точно и они, какъ самъ Гаршинъ, видятъ въ ней не столько женщину, сколько воплощенный укоръ совѣсти, точно и они, какъ самъ Гаршинъ, въ сердцѣ своемъ озабочены горькой долей этихъ женщинъ безъ фамилій, этихъ людей, приносимыхъ въ жертву людямъ.

Но общая психологическая ткань его разсказовъ замѣчательна дорогой простотою, и отличаетъ ихъ высокое чувство мѣры; только въ «Надеждѣ Николаевнѣ» передаетъ онъ больше того, что нужно. Въ Гаршинѣ счастливо и стройно переплетаются мотивы гуманиста и естествоиспытателя. Онъ человѣческимъ содержаніемъ и любовью оживилъ природу, но описалъ ее такую, какова она въ дѣйствительности, и это сочетаніе позволило ему съ юморомъ и лаской создать чудные и милые образы растений и животныхъ, — свою лягушку и жабу, прелестныхъ героевъ «Того, чего не было», свою пальму и травку, и недолгую «розовую жизнь», отданную умирающему мальчику, и даже безпокойныхъ рыбъ въ преступномъ акваріумѣ Кудряшева.

И своеобразенъ онъ тѣмъ, что въ этихъ своихъ нѣжныхъ и чистыхъ, какъ бы незамѣтныхъ и стыдливыхъ разсказахъ онъ поставилъ жгучую проблему совѣсти и дѣла.) Этимъ объясняется то впечатлѣніе глубокой серьезности, которое они производятъ на всѣхъ. Писатель кроткій, исполненный любви, онъ такъ часто говоритъ о страшномъ дѣлѣ, о смерти, крови, убійствѣ, — но убійство и смерть не оскорбляютъ у него, не пугаютъ, потому что онъ освѣщенъ внутреннимъ и необходимымъ свѣтомъ взыскательной совѣсти. Писатель и участникъ войны съ ея жестокой злобой, Гаршинъ самъ остался незлобенъ, и та же чуткая совѣсть глядитъ на

вась изъ-за кроваваго призрака войны, которая именно самоотверженію его не давала покоя. Писатель, самъ охваченный безуміемъ и удивительно воплотившій безуміе въ алыхъ краскахъ «Краснаго цвѣтка», Гаршинъ, однако, въ противоположность Достоевскому, не вдохнулъ этимъ въ свои цѣломудренныя страницы ничего большого и безпокойнаго: нѣтъ, надъ головою страдальца, трогательно поражающаго зло въ видѣ цвѣтка, сіяютъ тихія, ласковыя звѣзды, потому что и самое помѣшательство его, этого *Гамлета сердца*, не что иное, какъ благородное безуміе великой совѣсти.

Короленко.

Нѣсколько лѣтъ назадъ чествовали пятидесятый день рожденія Короленка, и это превратилось въ общественный праздникъ, который лишній разъ показалъ, какой душевной любовью заслуженно пользуется нашъ даровитый писатель. Но, быть можетъ, самой значительной долей всеобщей симпатіи, которой окружена его личность, онъ обязанъ именно тому, что онъ не только писатель, что страницами его рассказовъ не исчерпывается его значеніе для Россіи, его нравственная связь съ русской публикой. Его жизнь продолжаетъ его литературу, и литература—жизнь. Короленко честенъ. То, что онъ написалъ, и то, что онъ сдѣлалъ, въ сознаніи русскаго читателя сливается въ гармоническое единство. Короленко дорогъ русской интеллигенціи главнымъ образомъ потому, что въ его произведеніяхъ отражается глубоко-отзывчивое сердце, мимо котораго не можетъ пройти ни одна серьезная обида, ни одна общественная неправда. Онъ по самому существу своей натуры—заступникъ и защитникъ; въ той области, гдѣ нужна и возможна чужая помощь, онъ никогда не остается равнодушенъ и за всякаго обиженнаго поднимаетъ свой мягкій и властный голосъ. Въ этомъ отношеніи Короленко, такъ сказать, во многое вмѣшивается, и тѣ, кому это непріятно, могли бы сравнить его съ Донъ-Кихотомъ, если бы нашъ русскій рыцарь былъ только благороденъ; но онъ сверхъ того—разуменъ, и свое участіе и борьбу онъ расточаетъ не понапрасну и не смѣшно; онъ умѣетъ различать невинныхъ отъ разбойниковъ, и злые великаны, которыхъ онъ стремится одолѣть, существуютъ реально: это не плоды его фантазіи, не вѣтряныя мельницы, которыя своимъ хлѣбомъ спасали бы насъ отъ «голоднаго года». Его обаятельная сила коренится въ томъ, что на каждую отдѣльную несправедливость, которыхъ онъ много встрѣчалъ на своемъ жизненномъ пути, онъ обрушивается съ такой энергіей и

убѣжденностью, словно въ ней сосредоточивается все міровое зло и отъ побѣды надъ этой случайной неправдой зависитъ дальнѣйшая судьба всего человѣчества. Напрасно какой-нибудь Мефистофель напомнилъ бы ему жестокое изреченіе своего гетевского прототипа: «она не первая»,—для Короленка это не важно, и онъ хочетъ, чтобы она была послѣдняя. И оттого, когда вокругъ насъ совершится что-нибудь злое и неправое, вы знаете навѣрное, что это болѣзненнымъ эхо отзовется въ душѣ Короленка и встрѣтитъ его осужденіе, его печаль и его сильное вмѣшательство. На компасѣ общественной совѣсти стрѣлка обращается именно туда, куда влечетъ Короленка, и, если вы пойдете за нимъ, вы пойдете за правдой. Въ этомъ смыслѣ онъ представляетъ какъ бы особую категорию русской дѣйствительности, и передъ нимъ, «человѣкомъ въ черномъ сюртукѣ», склоняются люди другихъ одеждъ и настроеній. Всѣ чувствуютъ въ немъ большую совѣсть, которая не застынетъ ни отъ какого мороза и которой ничѣмъ нельзя усыпить. Мороза и холода въ изобиліи послала ему судьба; но подъ снѣжной пеленою жизни сохранилъ онъ горячее сердце и любовь къ страдающему человѣку. Духовно Короленко изъ Малороссіи никуда не уѣзжалъ. Въ суровой Сибири увидѣлъ онъ тихую «Марусину замку», настоящую малороссійскую хату, и это было странно для него самого, и казалось ему, что сейчасъ дрогнетъ плѣнительная картина и какъ дымное марево разсѣется иллюзія милаго хуторка. Но ничего не дрогнуло, потому что полевые цвѣты родной Украйны, ея грустныя пѣсни, ея голубое небо жили въ его душѣ, и это внутреннее тепло и ласка навсегда спасли его отъ рокового дѣйствія внѣшней ожесточающей невзгоды. И вотъ, съ любовью идетъ онъ по жизни, выбираетъ и широкія и проселочныя дороги, и людныя и пустынные мѣста, перекрещиваетъ ее по всѣмъ направленіямъ и крутизнамъ,—и всюду замѣчаетъ онъ бѣдныхъ путешниковъ, обиженныхъ души, печальное разнообразіе человѣческаго несчастья и беспомощности. Ему видится, напримѣръ, сиротливая фигура старушки, которая, едва передвигая натруженные ноги, плетется на богомолье,—и «только рожь шепчетъ по сторонамъ» ея многотруднаго пути. Или исчезающей точкой на горизонтѣ проходить передъ нимъ уніатъ Островскій, котораго людская злоба и лукавство гонять съ мѣста на мѣсто и который на одной изъ этихъ недолгихъ стоянокъ собственными руками выкопалъ могилу своей женѣ, а теперь угрюмо бродитъ по тайгѣ, держа за руку свою маленькую дочь. Или въ голодномъ краю, гдѣ Короленко многихъ накормилъ насущнымъ хлѣбомъ и оживилъ своимъ участиемъ, гдѣ нелѣпыя легенды, которыя сначала присвоивали ему «званіе слуги

антихристовъ», потомъ упали «въ бесиліи передъ фактомъ, какъ падаетъ пыль, поднятая вѣтромъ надъ степью», гдѣ за него молились Богу и отъ имени его затихали волненія, — въ голодномъ краю встрѣчались ему плачущія женщины, и онѣ за сорокъ верстъ относили своимъ дѣтямъ его участливыя лепты. Всѣ благодарно помнить его гражданскіе подвиги, его публицистическую борьбу, и это соединеніе кротости и силы, это дѣйственное недоумѣніе передъ зломъ, эта высокая человѣчность являются со стороны Короленка такой неоцѣнимой заслугой, что имя его, какъ благородно-безпокойнаго искателя правды, навсегда будетъ занесено въ исторію русской общественности и, отдавшій своимъ современникамъ такъ много сердца, онъ всегда будетъ проникать желаннымъ гостемъ и въ чужія сердца.

Неутомимая гуманность, которой исполнены труды и дни Короленка, отличаетъ и всѣ его беллетристическія произведенія. Но въ нихъ она слишкомъ явна и настойчива, въ нихъ она заглушаетъ болѣе мужественные тоны и не оставляетъ мѣста для художественной объективности. Разумѣется, нельзя писать о человѣкѣ безъ человѣчнаго отношенія къ нему, и въ творчество каждаго писателя неизбѣжнымъ элементомъ входитъ глубокая любовь къ людямъ, — къ тѣмъ самымъ людямъ, которые въ той или другой формѣ составляютъ предметъ и конечную цѣль его прекраснаго изображенія. Однако у великихъ талантовъ эпоса и драмы она является сокровенной подпочвой; они стыдливо охраняютъ ее отъ чужихъ взоровъ и въ своемъ воспроизведеніи жизни похожи на природу, которая «добру и злу внимаетъ равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва». То, что они создали, безспорно, пробуждаетъ въ васъ добрыя чувства, какъ отдаленный симпатическій отзвукъ ихъ собственнаго любовнаго настроенія, которое имъ незримо сопутствовало въ моментъ вдохновенія и творческой мечты. Но этотъ внутренній свѣтъ любви и добра они зажигаютъ бессознательно, и онъ горитъ у нихъ такъ, что источникъ его остается невидимъ, и онъ вовсе не падаетъ непремѣнно на человѣческіе образы, какъ это мы всегда замѣчаемъ у Короленка. Послѣдній не только фигуры свои озаряетъ свѣтомъ гуманности, но и показываетъ, откуда идутъ монотонные лучи этого сіянія, — т.-е. всякій разъ откровенно и ясно показываетъ намъ свою человѣческую душу. У него все прямолинейно: онъ говоритъ о человѣкѣ и, въ извѣстной мѣрѣ, достигаетъ человѣчныхъ результатовъ. Между тѣмъ въ истинно-великихъ произведеніяхъ къ нашему внутреннему міру прокладывается болѣе сложный путь, въ началѣ котораго можетъ стоять что-нибудь, по видимому, далекое отъ нашихъ людскихъ интересовъ и въ концѣ

котораго, однако, «волшебной силой пѣснопѣнья» возникаетъ неосвязаемо-глубокій гуманный эффектъ.

Геніальный безумецъ изнывалъ подъ гнетомъ «человѣческаго, слишкомъ человѣческаго»,—какъ разъ оно идетъ на насъ изъ разсказовъ Короленка, и къ этому присоединяется еще человѣчное, слишкомъ человѣчное. Странно сказать, но въ мірѣ короленковскихъ произведеній, гдѣ даже лѣсъ шумитъ не своимъ стихійнымъ шумомъ, а легендой о человѣческой семейной драмѣ,—въ этомъ мірѣ тѣсно и душно отъ многократнаго присутствія человѣка, и только человѣка. Здѣсь нѣтъ воздуха, здѣсь не чувствуется космоса, и передъ вами на пространствѣ маленькаго уголка люди заботятся исключительно о собственныхъ специфическихъ дѣлахъ, не проникаясь и по дорожа сознаниемъ своей загадочной связи съ великой вселенной. Какъ ни широка сама по себѣ сфера человѣческихъ страданій и радостей, но въ сравненіи съ тѣмъ, что ее окружаетъ, она кажется мелкой, и Короленко, замыкаясь въ нее, становится повиненъ въ своеобразномъ эгоизмѣ. Для того чтобы мы, люди, были свободны отъ этого упрека въ себялюбивой ограниченности, необходимо царство нашихъ людскихъ интересовъ показывать въ его существѣ и вѣчной основѣ, необходимо приводить его въ соприкосновеніе съ другими областями жизни. Короленко этого не дѣлаетъ. Это не значитъ, разумѣется, чтобы онъ изображалъ однихъ людей,—мы помнимъ его прекрасныя описанія природы и гдѣ-то говоритъ онъ даже о драмѣ, которая «понятна лошадиному сердцу». Рѣчь идетъ вообще не о какихъ-нибудь конкретныхъ чертахъ: мы имѣемъ въ виду егo общій тонъ и общую манеру, которая на все, что бы онъ ни рисовалъ, кладетъ отпечатокъ узко-человѣческаго. Изъ этихъ рамокъ онъ не выходитъ, и въ этихъ рамкахъ заключаются его воспитательная сила и его художественная слабость.

Онъ воспитываетъ, потому что онъ добръ и его произведенія могутъ служить школой жалости и любви. Онъ сострадательно и привѣтливо относится къ людямъ и даже тѣхъ, кто ему несимпатиченъ, пишетъ въ мягкихъ краскахъ. Онъ осуждаетъ злое дѣло, но не самого дѣятеля. Однимъ изъ самыхъ характерныхъ признаковъ его нравственно-литературной фізіономіи является особая внутренняя вѣжливость—въ самомъ положительномъ и высокомъ значеніи этого слова. Онъ никогда не забываетъ о человѣческомъ достоинствѣ, о святыяхъ правахъ личности, и бережно признаетъ ихъ даже въ томъ, кто отрицаетъ ихъ за другими.

Но онъ не скрываетъ своей доброты, онъ не стыдится ея, и благоволеніе его души свободно прорывается наружу и составляетъ однообразный фонъ и сердцевину всѣхъ его произведеній. Человѣ-

колюбіе не остается за ними въ глубинѣ,—оно заключено въ нихъ самихъ; они говорятъ все, что хотѣли сказать, и когда вы прочли сочиненія Короленка до конца, то вы исчерпали ихъ, потому что вы наткнулись на ихъ послѣдній выводъ и ихъ послѣднюю грань— все то же слишкомъ явное человѣколюбіе. Между тѣмъ, не говоря уже о болѣе великихъ именахъ, Мопассанъ и Чеховъ научили насъ, своихъ современниковъ, нераздѣльно отдаваться несравненной власти того впечатлѣнія, которое производятъ рассказы, не столько ценные виднымъ присутствіемъ авторскаго состраданія, сколько для всѣхъ доступной гуманности. Эти писатели ничего отъ насъ не хотятъ,— Короленко, самъ гуманный, хочетъ и отъ насъ гуманной реакціи. Эти писатели не превосхищаютъ нашего впечатлѣнія,—Короленко видимо рассчитываетъ на него. Той самой аудиторіи, которой говоритъ Короленко свои добрыя рѣчи, творецъ «Хмурыхъ людей» повѣдалъ о драматизмѣ скучной человѣческой исторіи въ потрясающей формѣ внѣшняго безстрастія, и отъ этого гложущая, затаенная тоска людей всколыхнулась въ нашемъ сердцѣ еще болѣе томительной волной. Чеховъ не требуетъ во что бы то ни стало нашего сожалѣнія, когда онъ лѣпитъ, напримѣръ, скульптуру голода,— этого голоднаго мальчика изъ «Устриць», стоящаго рядомъ съ голоднымъ отцомъ, или когда онъ рассказываетъ о Варѣ, такъ просто задушившей ребенка, или о Васѣ, который въ ужасѣ отъ того, что отецъ пропилъ его пальто, гдѣ въ карманѣ лежали записная книжка съ золотыми буквами «Nota bene», карандашъ и переводныя картинки. Эта художественная невозмутимость, это строгое воплощеніе жизненнаго факта сильнѣе отбѣняютъ весь ужасъ нашихъ дней, нежели сочувствіе и гуманность Короленка, которая въ концѣ-концовъ принимаютъ характеръ какого-то насилія надъ спокойной и свободной волей читателя. Въ этомъ суровомъ мірѣ, гдѣ и природа, и люди равнодушно дѣлаютъ такъ много страшнаго и жестокаго, я тоже имѣю право на суровость и замкнутый покой,—Короленко меня этого права лишаетъ и настаиваетъ на томъ, чтобы я удивлялся, приходилъ въ волненіе и чтобы я непременно былъ добрѣ. Онъ не хочетъ допустить во мнѣ объективности и стучится въ мое предполагаемое доброе сердце. Онъ не ограничивается скромной ролью рассказчика и, рассказавъ мнѣ что-нибудь, не замѣчаетъ, что я уже понялъ его, что миссія его кончена: онъ нравственно не уходитъ отъ меня, не оставляетъ меня одного. Онъ присоединяетъ къ ясному тексту ненужный комментарий доброты. И такъ какъ это повторяется непрерывно, то комментарий начинаетъ преобладать надъ текстомъ. Не то, чтобы это истолкованіе было выражено словами, носило грубо-тенденціозный характеръ,—нѣтъ, оно болѣе

тонко, но и болѣе навязчиво: оно разлито въ самомъ колоритѣ разсказовъ, заложено въ ихъ складкахъ, насыщаетъ всѣ ихъ страницы. И потому отдѣльные образы растворяются въ общемъ избыткѣ человѣколюбія. Оно до такой степени заполняетъ собою творчество Короленка, что имъ проникнуты даже дѣти,—возрастъ, который, по словамъ Гюго, даетъ возможность каждому человѣку однообразно начинать исторію своей жизни: я былъ малъ, я былъ дитя, я былъ жестокъ. Напримѣръ, маленькій герой изъ «Дурного общества», сынъ судьи, обладаетъ гуманностью въ такомъ большомъ количествѣ, что изъ-за нея очень блѣдно проступаютъ другія черты, присущія его фізіономіи,—беззавѣтно-шаловливыя черты ребенка. Вѣтеръ напѣваетъ ему въ его дѣтской постели о «десяткахъ людей, лишенныхъ тепла и крова»; онъ знаетъ щемящую боль состраданія и говоритъ о себѣ: «главное, я не могъ забыть холодной жестокости, съ которой торжествующіе жильцы замка гнали своихъ несчастныхъ сожителей, а при воспоминаніи о темныхъ личностяхъ, оставшихся безъ крова, у меня сжималось сердце»,—въ другомъ мѣстѣ взрослый авторъ говоритъ уже о самомъ себѣ: «сердце у меня сжимается невольнымъ сочувствіемъ», и этотъ мотивъ звучитъ на всемъ протяженіи короленковскихъ разсказовъ.

Конечно, доброта, дышащая въ произведеніяхъ Короленка, находится въ органической связи съ тѣмъ, что въ противоположность авторамъ-пессимистамъ, онъ не видитъ въ мірѣ воплощенной и окончательной безсмыслицы, а признаетъ въ немъ разумный и добрый смыслъ и въ его жестокую разладицу вноситъ начало примиренія и любви. Но этотъ оптимизмъ былъ бы совмѣстимъ и съ художественной объективностью, и онъ вовсе не требуетъ той откровенной и чрезмѣрной сердечности, которая характеризуетъ нашего беллетриста.

Впрочемъ, онъ пытается иногда прикрыть ее и для этого прибѣгаетъ къ юмору; но изъ-подъ легкой маски послѣдняго все-таки просвѣчиваетъ доброе лицо съ ясными глазами, и юморъ не заглушаетъ звуковъ сантиментальныхъ, которыми нерѣдко разрѣшается лира Короленка. Въ этомъ отношеніи вы какъ-то не довѣряете его шутливости, вы не можете считать ее отраженіемъ дѣйствительно-юмористическаго міросозерцанія. Это онъ, какъ дѣти говорятъ, «нарочно» придаетъ насмѣшливый оттѣнокъ своей сострадательной отзывчивости на горе бѣднаго Макара; это онъ «нарочно» пользуется шуткой, когда разсказываетъ печальную исторію крестьянина Савоськина, который «съ своей стороны принялъ участіе въ полемикѣ» о томъ, боленъ онъ или нѣтъ: «писать онъ не умѣлъ,—онъ просто взялъ да умеръ». И въ этихъ случаяхъ юморъ его (вообще

не глубокой) гораздо меньше свободен и привлекателен, нежели тамъ, гдѣ онъ не служитъ внѣшней формой состраданія, а просто сопровождаетъ, на примѣръ, лѣнныя подвиги милого Тюльпа на шаловливой выгравшей Ветлугѣ, или болѣе выразительныя атлетическія и амурныя дѣла богомольнаго сапожника Андрея Ивановича, или свободный стиль американскихъ репортеровъ.

Такимъ образомъ, юморъ тоже не поднимаетъ нашего автора надъ обычной гуманностью, т.-е., другими словами, не поднимаетъ его надъ читателями. Именно въ этомъ равенствѣ между писателемъ и его публикой заключается одна изъ отрицательныхъ особенностей Короленка. Его философія, которую онъ нерѣдко высказываетъ, его остроуміе, его мораль—все это обычно, все это не имѣетъ сверхъестественно-тонкихъ и неожиданныхъ чертъ, какими великіе творцы поражаютъ очарованный міръ. Короленко слишкомъ похожъ на своего читателя. И, помимо литературнаго дарованія, его отличаетъ отъ насъ только неподражаемая мягкость души и рѣчи. Но великое не мягко, великое сурово. Пушкинъ ли не былъ другомъ бѣднаго человѣческаго сердца? Между тѣмъ, вспомните, въ какое мужество и цѣломудріе немногихъ беспощадно-холодныхъ словъ облекъ онъ вѣчную исторію Анчара:

Но человѣка человѣкъ

Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ—

И тотъ послушно въ путь потекъ

И къ утру возвратился съ ядомъ.

Многообразно отравляетъ человѣка человѣкъ, и Короленко это хорошо и страдальчески знаетъ, и много рассказалъ онъ объ этомъ,—однако онъ ни разу не поднялся на торжественную и строгую вершину пушкинской неумолимости и простоты.

Но и въ той человѣческой сферѣ, которую нашъ гуманный писатель сдѣлалъ исключительнымъ предметомъ своего творчества, онъ избралъ не самое глубокое и существенное. Душевнымъ драмамъ, которыя переживаютъ его герои, недостаетъ тонкости. Страданіе, которое они терпятъ, очень элементарно и проходитъ въ общихъ и примелькавшихся чертахъ. Весь трагизмъ жизни вообще рисуется Короленку въ слишкомъ крупномъ и осязательномъ видѣ. Недаромъ онъ серьезно употребляетъ такія выраженія, какъ хоромы и лачуги; недаромъ въ душѣ у его стараго звонаря самое горе какъ-то празднично и тоже обще. Нашъ писатель мало различаетъ оттѣнки. Во внутреннемъ мірѣ человѣка онъ взялъ только то, что есть въ немъ рациональнаго, яснаго, обыденнаго; ему чуждъ всякій мистицизмъ, и для него остаются недоступны едва уловимыя,

темныя, ирраціональныя волненія безпокойной души или страшная прелесть грѣха и страсти. Въ этой области смутнаго ему знакомы только инстинкты бродяжничества, и ихъ воплотилъ онъ въ нѣсколько яркихъ фигуръ. Человѣкъ страдаетъ у Короленка, главнымъ образомъ, отъ другого человѣка, а не отъ самого себя, и даже природное несчастье слѣпоты вскорѣ свернуло у него со своей стихійной дороги и превратилось въ ручеекъ альтруизма, идейныхъ разговоровъ, общественныхъ настроеній,—и опять передъ нами все то же человѣческое, слишкомъ человѣческое. Онъ самъ такъ хорошо говорилъ о «закрытыхъ окнахъ» своего слѣпота музыканта, но онъ вывелъ его изъ темнаго одиночества; онъ распахнулъ эти окна, и хлынулъ въ нихъ свѣтъ гуманнаго перерожденія: слѣпой проникся сознаниемъ чужого горя, и для Короленка онъ черезъ это прозрѣлъ, и Короленко, въ обликъ дяди Максима, счелъ свое назначеніе исполненнымъ. Но это не такъ. Для насъ гораздо важнѣе и глубже была бы одинокая душа слѣпца, и мы хотѣли бы, чтобы авторъ не спѣшилъ приводить ее въ обычное соприкосновеніе съ окружающимъ міромъ и общественной средой. Но одинокаго человѣка вообще мало у Короленка, одинокій человѣкъ не близокъ и не дорогъ его соціально-художественной натурѣ. Та дѣвушка-графиня, которая въ «Дурномъ обществѣ», «величавая и сухая, въ черной амазонкѣ», проѣзжала по городскимъ улицамъ, не интересуется его; но читателю этотъ мелькнувшій силуэтъ говорить о многомъ, и чудится ему здѣсь, какъ и въ другой, пушкинской, графинѣ, «иная повѣсть: долгія печали, смиренье жалобъ». Короленко проходитъ мимо нея, потому что въ ея затаенной и тонкой драмѣ нѣтъ событій; а онъ преимущественно—психологъ событій, въ душѣ его героевъ отражаются какіе-нибудь крупные факты и невзгоды, поразительные удары судьбы,—напримѣръ, убійства. <У него есть много изображеній такого драматизма, который бываетъ въ результатѣ рѣдкаго стеченія обстоятельствъ и свой источникъ имѣетъ извнѣ. Но гораздо меньше занимаетъ его та глубокая трагедія, которая неслышно и невидимо созрѣваетъ въ сердцѣ человѣка, иногда безъ всякаго внѣшняго повода, на почвѣ однихъ только сокровенныхъ впечатлѣній.> Онъ не знаетъ, что нѣтъ событій страшнѣе внутреннихъ, которыя протекаютъ въ будничной обстановкѣ и совѣмъ не требуютъ для себя декорацій чрезвычайныхъ. Писатель крупныхъ линій, писатель внѣшнихъ поводовъ> Короленко не могъ придумать бѣльшаго несчастья, чѣмъ тѣлесное калѣчество, и для того чтобы ярко воплотить страданіе, онъ создалъ безногую и безрукую фигуру человѣка,—необычное явленіе природы, ея капризъ и феноменъ («Парадоксъ»). Ему кажется, что это—

страшное и разительное противорѣчіе, если физически-уродливое существо исповѣдуетъ убѣжденіе, будто «человѣкъ созданъ для счастья, какъ птица для полета». И «мать вставала и крестила насъ, стараясь этимъ защитить своихъ дѣтей отъ перваго противорѣчія жизни, острой занозой вонзившагося въ дѣтскіе сердца и умы». Дѣти, правда, могли видѣть въ феноменѣ предѣлъ человѣческаго несчастья, но потомъ слѣдовало вынуть эту острую занозу и понять человѣка болѣе тонко, въ большей сложности и разнообразіи его внутреннихъ движеній. Короленко только въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ произведеній «Не страшное» высказался о томъ, что трагедія жизни проста и, для того чтобы она была паразитической, вовсе не нуждается во внѣшнихъ ужасахъ; но и здѣсь онъ стоитъ больше на точкѣ зрѣнія общественной, чѣмъ индивидуально-психологической, и здѣсь онъ не выходитъ изъ сферы широкихъ очертаній.

Оттого, что Короленко такъ рационаленъ въ своихъ взглядахъ на человѣческое страданіе, оттого, что онъ почти всюду находитъ для него опредѣленныя причины, онъ убѣжденъ, что есть для него и опредѣленное исцѣленіе и вождельный конецъ. Слишкомъ ясно и конкретно то реальное, чѣмъ недоволенъ Короленко; слишкомъ понятно, что это за огоньки, которые «все-таки, все-таки» сверкаютъ передъ нимъ впереди и манятъ его къ себѣ, — выступаетъ ли онъ подъ русскимъ именемъ, зовутъ ли его Хуанъ-Марія-Хозе-Мигуэль-Діацъ. И когда до этихъ привѣтливыхъ огоньковъ доплыветъ лодка нашей жизни, тогда Короленко будетъ удовлетворенъ. Но онъ ничего не говоритъ о тѣхъ, безконечно болѣе далекихъ и недостижимыхъ, мистическихъ огняхъ, по которымъ отъ вѣка тоскуетъ неутолимая человѣческая душа и которыхъ она не можетъ даже назвать по имени. Короленко теоретически удовлетворимъ. И потому онъ не вѣченъ, и потому онъ не великъ. Въ области духа тоже есть свои Маріи, которымъ — единое на потребу, и свои Марены, которыя пекутся о многомъ.

«Каждый писатель — особая страна,» и по странѣ великаго писателя вы идете, идете, и не видать ей конца-краю, и вы даже не представляете себѣ, что здѣсь могутъ быть границы. Въ маленькихъ же странахъ, гдѣ царитъ художественная ограниченность или элементарность, вамъ сразу бросаются въ глаза предѣльныя линіи тѣснаго горизонта. И писателямъ такой страны міръ и человѣкъ рисуются въ общихъ и немногихъ чертахъ, и все для нихъ гораздо проще, чѣмъ это въ дѣйствительности и чѣмъ это видятъ ихъ болѣе зоркіе собратья. Простая и благодушная концепція «Макара» изображаетъ дѣло такъ, что бѣдный якутъ въ своей оправдатель-

ной рѣчи открывалъ старому Тойону до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ Ему стороны міровой правды; и Тойонъ слушалъ его съ большимъ вниманіемъ, и на глазахъ у него показывались слезы,—тѣ самыя услужливыя слезы, которыя у Короленка такъ часто увлажняютъ и человѣческіе глаза. И узнавъ о томъ, какъ страдалъ на землѣ бѣдный Макаръ, старый Тойонъ растрогался и помиловалъ его, и деревянная чашка съ грѣхами якута поднялась высоко-высоко. Но у Макара не зародилась болѣе сложная и болѣе мучительная, болѣе загадочная мысль: старый Тойонъ знаетъ все то, о чемъ Ему говорилъ Макаръ, старый Тойонъ правду видитъ, да не скоро скажетъ, старый Тойонъ знаетъ, что Макара гоняли всю жизнь,—и все-таки Макара гоняли, гоняли засѣдатели и исправники, гоняли нужда и голодъ, морозъ и жары, гоняли дожди и засухи, гоняла промерзшая земля и злая тайга. Это гораздо серьезнѣе. Глубже и величественнѣе тайна и трагедія міра, потому что старый Тойонъ все знаетъ, и если бы даже Онъ прежде не зналъ, то въ человѣческихъ молитвахъ давно уже донеслись бы до него несмолкающія жалобы бѣднаго Макара. Здѣсь нѣчто большее, чѣмъ простое недоразумѣніе, какъ это думаетъ якутъ и какъ это, можетъ быть, думаетъ и самъ Короленко. И характерно, что такъ легко и быстро удовлетворенъ измученный человѣкъ; правда, это <въ святочномъ разсказѣ, гдѣ неожиданная ласка счастья распутываетъ узелъ жизненныхъ тревоженій и бѣдъ. Но не многого требуютъ отъ міра авторы святочныхъ разсказовъ>

Въ художественной странѣ Короленка границы еще явственнѣе потому, что въ ней слишкомъ видна и та грань, которая отдѣляетъ замыселъ отъ его технического осуществленія. Печать словесной отдѣлки лежитъ на его разсказахъ, и въ нихъ много тщательной литературы. Но она все-таки не уберегла его отъ изъяновъ которые показываютъ, что онъ недостаточно ясно видѣлъ тѣхъ, кого изображалъ. Напримѣръ, одинъ изъ членовъ «Дурного общества», безумный профессоръ, не переноситъ упоминанія о рѣзжущихъ и колющихъ орудіяхъ, и мальчишки нарочно терзаютъ его крикомъ: «Ножи, ножницы, иголки, булавки!»,—а чрезъ немногія страницы онъ сидитъ и шьетъ, и Тыбурцій говоритъ ему: «Брось иголку». Или невѣжественному Макару будто бы снится такая фраза: «У всѣхъ остальныхъ людей зло и добро приблизительно уравниваются чашки»; тамъ же о лицахъ праведниковъ говорится, что они «обмыты духами».

И все-таки, несмотря на всѣ эстетическіе недостатки писателя, фигура Короленка является одной изъ самыхъ желанныхъ и привлекательныхъ въ современной русской словесности. Чаруетъ порою

его трогательный и мягкій романтизмъ, его нѣжная меланхолія, которая разлита по его произведеніямъ и въ тихомъ свѣтѣ которой виднѣются заблудившіяся въ мірѣ сиротливыя души и милые образы дѣтей: маленькая степенная женщина Эвелина, сначала такъ испугавшаяся и потомъ такъ пожалѣвшая слѣпного мальчика; или блѣдная Маруся, изнемогшая отъ сѣрыхъ камней подземелья и въ предсмертныя минуты ревниво прижимавшая къ себѣ чужую куклу; или другая бѣдная дѣвочка, затерянная между скалъ и водъ Спбири и смѣявшаяся такимъ слабымъ смѣхомъ, «точно кто перекладывалъ кусочки стекла».

«Когда же пришло время и намъ оставить тихій родной городъ... въ послѣдній день, мы оба, полные жизни и надежды, приносили надъ маленькой могилкой свои обѣты». Такъ говоритъ о себѣ и о своей сестрѣ маленькій герой «Дурного общества». И это понятно и печально всѣмъ, потому что всѣ когда-нибудь, въ буквальномъ или, ужъ навѣрное, въ нравственномъ смыслѣ, оставляютъ тихій родной городъ, близкія могилы и уходятъ въ даль; но трудно потомъ найти другую родину, и міръ—чужой, и зовутъ къ себѣ покинутыя жизни и могилы. Короленко создалъ образы такихъ людей, которые не могутъ откликнуться на этотъ зовъ и тоскуя бродятъ въ огромномъ мірѣ, заброшенные далеко отъ родного угла. Это великая печаль, когда далеко то, что близко сердцу. И Короленко знаетъ трагедію пространства, какъ безъ насмѣшки сказалъ бы Ницше,—«паеосъ разстоянія»; онъ знаетъ тѣ роковыя часы, когда «чужая сторона враждебно вѣетъ своимъ мракомъ и холодомъ, когда предъ встревоженнымъ воображеніемъ грозно встаютъ неизмѣримою, неодолимою далью всѣ эти горы, лѣса, безконечныя степи, которыя залегли между тобой и всѣмъ дорогимъ, далекимъ, потеряннымъ». Онъ знаетъ, какъ вихрь судьбы безошадно отметааетъ людей другъ отъ друга и одинъ не можетъ потомъ найти другого. Къ Тимохѣ, невольному гостю негостепріимнаго сѣвера, много лѣтъ назадъ приходилъ какъ-то человѣкъ изъ родного края; но онъ не видѣлъ Тимохи и только велѣлъ передать ему, что дочку его замужъ выдали: «Правда ли, нѣтъ ли,—замѣчаетъ по этому поводу Тимоха,—я, братъ, и не знаю». Такъ затериваются въ мірѣ человѣческія души. Но ихъ находить, о нихъ напоминаетъ чуткій и сердечный писатель, который самъ испыталъ много скорби и зла, но вѣритъ добру и любитъ человѣческое лицо. И не только ему, этому писателю, но и обществу дорогъ тотъ несчастный скиталецъ, котораго не успокаиваетъ и холодная чужая сторона. Изъ произведеній Короленка смотритъ на насъ именно этотъ родной намъ «чужой че-

ловѣкъ», который живетъ въ якутской юртѣ и которому отъ Макаровой пѣсни становится еще тяжелѣе на душѣ. И въ произведеніяхъ Короленка во имя правды, столь дорогой писателю, стучить своимъ знаменательнымъ стукомъ фанатичный Яковъ,—образъ глубокій въ своемъ трагикомизмѣ; стучитъ онъ, пока не заставятъ его умолкнуть,—но это будетъ поздно, потому что онъ уже постучался въ наше сердце, и никогда не замретъ въ насъ отголосокъ его убѣжденности и его мученической судьбы.

Чеховъ.

Недавняя кончина Чехова произвела на многихъ впечатлѣніе семейной потери,—до такой степени роднилъ онъ съ собою, плѣняя мягкой властью своего таланта. Но въ то же время объяснить его, подвергнуть его страницы анализу — очень трудно, потому что въ своихъ разказахъ, обнимающихъ все глубокое содержаніе жизни, онъ сплеталъ человѣческія души изъ тончайшихъ нитей и обвѣвалъ ихъ почти неуловимымъ дыханіемъ проникновенной элегіи. Какъ одинъ изъ его героевъ, жившій въ чудномъ саду, онъ былъ царь и повелитель нѣжныхъ красокъ. Писатель оттѣнковъ, онъ замѣчалъ всѣ малѣйшія переживанія сердца; ему былъ доступенъ самый ароматъ чужой души. Вотъ отчего нельзя, да и грѣшно разбирать по

ниточкамъ драгоценную ткань его произведеній: это разрушило бы ее, и мы сдунули бы золотистую пыль съ крылышекъ мотылька. Чехова меньше чѣмъ кого-либо расскажешь: его надо читать, и, читая, мы какъ бы пьемъ его строки, мы боимся въ нихъ пропустить хотя бы единое слово, потому, что несмотря на свою простоту,—правда, дорогую и благородную, оно содержитъ въ себѣ художественный штрихъ наблюдательности, необыкновенно смѣлое и поэтичное олицетвореніе природы или вещей, удивительную человѣческую деталь.

Онъ тѣмъ болѣе держитъ читателя въ плѣну своего тонкаго письма, что психологическая сила скорби, которой оно проникнуто, своеобразна и велика.

. Нѣтъ, ничто

Такъ не печалитъ насъ среди веселій,
Какъ томный, сердцемъ повторенный звукъ.

Скорбь неотразима. Она всегда права. Когда радость придет къ вамъ, вы можете ея не принять, и она исчезнетъ, спугнутая горемъ, которое живетъ кругомъ и внутри каждаго изъ насъ. Но когда печаль, томная или тяжкая, постучится въ наше сердце, оно непремѣнно откроется для нея, и она обниметъ насъ и заговоритъ, и отъ ея прикосновенія зарождаются слезы. Такъ именно подходитъ къ сердцу Чеховъ: можно ли отказать ему въ гостепріимствѣ?

Для его скорби характерно то, что сперва она звучала у него лишь робкой нотой задумчивой грусти и къ ея преобладанію онъ пришелъ отъ яркаго комизма, который, впрочемъ, никогда не покидалъ его и впослѣдствіи. Чеховъ писалъ въ *Осколкахъ*, въ *Стрекозѣ*. Онъ началъ анекдотомъ и кончилъ тоской. Отъ безпечной шутовскости онъ поднялся на самыя вершины горя и создалъ страницы, полныя чернаго унынія. Человѣкъ, который прежде такъ смѣялся и такъ смѣшилъ, потомъ окуталъ жизнь траурной пеленой.

Конечно, по существу здѣсь нѣтъ ничего поразительнаго. Глубокому духу скоро открывается внутреннее сродство между смѣшнымъ и скорбнымъ, и Чеховъ только повиновался своей стихійной глубинѣ. Несоотвѣтствіе между идеей и ея проявленіемъ въ одинаковой степени можетъ быть послѣднимъ источникомъ какъ смѣшного, такъ и трагическаго. Нелѣпыя слова, которыя не покрываютъ своихъ понятій, бессмысленные поступки, внезапныя измѣненія хамелеона житейскихъ ситуаций, когда, напримѣръ, въ странной группировкѣ человѣческихъ фигуръ встрѣча «толстаго» и «тонкаго» принимаетъ столь неожиданный оборотъ,—все это вызываетъ улыбку. И она сама по себѣ является великой разрѣшительной силой и производитъ нравственно-очищающее вліяніе. Но когда ненужное, нестройное, неблагообразное заполняетъ всѣ поры существованія, когда нелѣпица разрастается въ несчастье и своей карриатурой вытѣсняетъ правильныя линіи жизни, тогда одного смѣха уже недостаточно, и онъ естественно переходитъ въ скорбь. Смѣхъ, это—признакъ превосходства, силы, въ немъ есть нѣчто божественное, и на вершинахъ Олимпа громовыми раскатами звучалъ гомерическій смѣхъ боговъ. Но боги могли смѣяться надъ другими, надъ бѣдной землей и ея смертными обитателями, а мы обречены высмѣивать только себя. И горько намъ служить объектомъ смѣшного. Какая драма—быть хотя бы тѣмъ чеховскимъ чиновникомъ, который умеръ отъ генеральскаго гнѣва! Смѣхъ очищаетъ, и потому его признаютъ за желанный и положительный моментъ духа; но смѣшное—явленіе отрицательное, явленіе горестное. Отъ великаго до смѣшного—одинъ шагъ, и потому смѣшное печально.

Такъ знаменательно, что фізіологическій смѣхъ на своей высотѣ разрѣшается въ плачь. За смѣшного человѣка обидно, потому что онъ—вырожденіе великаго, вырожденіе человѣческаго. Какъ бы невинна ни была его комичность, но всякое смѣшное дѣйствіе не есть ли все-таки посягательство и грѣхъ противъ Дѣла (*im Anfang war die That*), и всякое смѣшное слово не есть ли посягательство и грѣхъ противъ Слова? Смѣшное не можетъ быть сущностью человѣка, не можетъ быть природой чего бы то ни было. Смѣшное временно,—проникновенный взглядъ идетъ дальше его. Какъ Поликрать боялся того постоянного праздника, который праздновала его душа, какъ онъ для умиловленія небесной зависти хотѣлъ печали, такъ и смѣющийся почувствуетъ наконецъ тревогу и раскаяніе въ томъ, что онъ забылъ серьезное міра, и тѣмъ внимательнѣе и вдумчивѣе обратится онъ къ серьезному. Правда, улыбка не оставитъ его, и въ грусти, которая его осѣнитъ, все же будетъ слышенъ свойственный ей слабый отголосокъ радости, сладости...

И Чеховъ обратился къ серьезному. На чемъ бы ни останавливалъ онъ взглядъ своихъ задумчивыхъ глазъ, все принимало для него очертанія скорби. Миѳическій царь безумно выпросилъ себѣ у боговъ коварный даръ своимъ прикосновеніемъ все обращать въ золото: и золотымъ слиткомъ становился для него хлѣбъ насущный. Чеховъ такого дара не просилъ, онъ его не хотѣлъ, онъ жаждалъ радости и жизни,—но поневолѣ претворялъ онъ жизнь въ золото печали, въ осеннее золото увядающихъ листьевъ. Даже чарующія картины, даже благословенное появленіе красоты разрѣшаются у него мелодіей элегической. Дважды мелькнули передъ нимъ прекрасныя женскія лица, но онъ испытывалъ «не желанія, не восторгъ, а тяжелую, хотя и пріятную грусть». Ему становилось жаль и самого себя, и красавицы, и тѣхъ, кто ее окружалъ, точно они навсегда «потеряли что-то важное и нужное для жизни». Онъ смутно помнилъ, что «капризная красота осыпается какъ цвѣточная пыль», и онъ переживалъ то «особенное чувство», которое пробуждается въ человѣкѣ отъ созерцанія настоящей красоты. И никогда не покидало его это платоновское воспоминаніе, эта свѣтлая печаль о далекой сферѣ идеала.

Воспоминаніе вообще, его чары и его муки имѣютъ очень важную долю во всемъ творествѣ Чехова, нерѣдко образуютъ главный колоритъ и настроеніе его рассказовъ. Наши дни проходятъ, и проходя, они оставляютъ въ душѣ свои смутные, слитные образы, и человѣкъ—по свидѣтельству Чехова, особенно русскій человѣкъ—любитъ вглядываться въ эти рѣющіе призраки былого, предпочитая ихъ пестротѣ и шуму текущаго дня. «Что

пройдетъ, то будетъ мило» и будетъ ласкать и печалить своей невозвратимой прелестью. «Проходили мимо меня люди со своей любовью, мелькали ясные дни и теплыя ночи, пѣли соловьи, пахло сѣномъ—и все это милое, изумительное по воспоминаніямъ, у меня, какъ у всѣхъ, проходило быстро, безслѣдно, не цѣнилось и исчезало, какъ туманъ... Гдѣ все оно?»

Если въ роковомъ увяданіи нашей жизни воспоминаніе молодого и ранняго само по себѣ волнуетъ грустью, то противоположность между счастливымъ прошлымъ и скорбью настоящаго совсѣмъ уже разрываетъ сердце на части. И въ ссылкѣ, сырою, холодною ночью, на рыжемъ глинистомъ берегу ворчащей рѣки, неутѣшно рыдаетъ молодой татаринъ, вспоминая свою родную Сибирскую губернію, свою Волгу, свою красивую, застѣнчивую жену, которая будетъ теперь «ходить по деревнямъ съ открытымъ лицомъ и просить милостыню». Или безсрочно-отпускной рядовой Гусевъ умираетъ въ чуждыхъ водахъ Тихаго океана, и въ бреду грезится ему родная деревня на сѣверѣ («Боже мой, въ такую духоту какое наслажденіе думать о снѣгѣ и холодѣ!»), вспоминаются ему дѣти-племянники, катающіеся на саняхъ, дѣвочка Акулька, которая распахнула шубу и выставила ноги: «глядите, мошь, люди добрые, у меня не такіе валенки, какъ у Ваньки, а новые»...

Сердце человѣка обречено на то, чтобы разрываться. Оно не только, по слову нѣмецкаго поэта, не имѣетъ голоса въ зловѣщемъ совѣтѣ природы, но даже и внѣ стихій, въ своихъ, человѣческихъ, дѣлахъ оно бьется болью. Ибо жизнь, какъ она и отразилась въ книгахъ Чехова, представляетъ собою обильный выборъ всякаго несчастья и нелѣпости. Чеховъ показалъ ее какъ смѣшное, какъ печальное, какъ трагическое. У него есть ужасы внѣшняго сцѣпленія событій, капризные и страшныя выходки судьбы; у него еще больше внутренняго драматизма, который имѣетъ свой источникъ хотя бы въ тяжеломъ характерѣ человѣка, въ злобной скукѣ того мужа, который запретилъ своей женѣ танцовать и увезъ ее домой въ разгарѣ веселаго уѣзднаго бала. Вообще, вовсе не должна разразиться какая-нибудь особая катастрофа, какая-нибудь «воробьиная ночь» жизни, вовсе не должна произойти особая невзгода, для того чтобы сердце загрустило. Чеховъ занятъ больше статикой жизни и страданія, чѣмъ ихъ бурной динамикой. Въ самомъ отцвѣтаніи человѣческой души, въ неуклонномъ изсякновеніи нашихъ дней, таится уже для него неизсякаемый родникъ страданія, и развѣ это не горе, что студентъ Петя Трофимовъ, недавно такой цвѣтущій и юный, теперь носить очки и смѣшонъ, и невзраченъ, и всѣ говорятъ ему: «отчего вы такъ подурнѣли? отчего постарѣли?»

И страница за страницей, рассказъ за рассказомъ тянется эта безотрадная панорама, и теперь, когда полное собраніе сочиненій Чехова, въ странномъ сосѣдствѣ съ «Нивой», сотнями тысячъ экземпляровъ проникло въ самые отдаленные углы русскаго общества и сотни тысячъ разъ повторилась участь рядового Гусева, подъ котораго нехотя и лѣнливо подставляетъ свою пасть акула, многіе, вѣроятно, почувствовали испуганное недоумѣніе и страхъ передъ кошмаромъ обыденности. Вотъ, на примѣръ, люди сидятъ и играютъ въ лото, и вдругъ раздается выстрѣлъ: это лопнуло что-нибудь въ походной аптекѣ или это разбилось человѣческое сердце. И есть даже что-то непривлекательное и жуткое въ той, на первый взглядъ, меланхолической равномѣрности, въ той привычкѣ, съ которою Чеховъ одинъ за другимъ выпускалъ свои темные снимки міра. Безъ конца—только смерть положила конецъ—онъ рисовалъ эти страшные образы, и его глаза, раскрытые на ужасъ, какъ будто сами не ужаснулись, только отуманились. Если видишь то, что видѣлъ Чеховъ, нельзя быть спокойнымъ. Хочется крикомъ отчаянія прорѣзать эту невозмутимую тишину, это безстрастіе, съ которымъ художникъ тщательно и мастерски воспроизводитъ безконечныя перспективы страданія, всю человѣческую муку. Если міръ таковъ, то съ нимъ нельзя примириться, и надо биться головой объ этотъ «унылый, окаянный» сѣрый заборъ съ гвоздями, который окружаетъ не только палату № 6, но и всю земную дѣйствительность. «Человѣчскій» талантъ, «тонкое, великолѣпное чутье къ боли», соприкосновеніе ужасу—все это обязываетъ: исполнилъ ли Чеховъ свое обязательство? Студентъ Васильевъ, когда увидалъ «живыхъ женщинъ», которыхъ продаютъ, покупаютъ, убиваютъ, перенесъ мучительный припадокъ,—онъ рыдалъ, терзался, онъ едва не сошелъ съ ума: острой болью охватило его недоумѣніе передъ равнодушной неправдой жизни, передъ спокойствіемъ этого снѣга, который своими бѣлыми, молодыми пушинками такъ же весело падаетъ въ развратный переулокъ, какъ и во всѣ остальные улицы міра. Но затѣмъ товарищи, которые совѣтовали ему «объективно смотрѣть на вещи», и «полный, бѣлокурый» докторъ, прописавшій ему бромистый калий, успокоили, вылѣчили его; полегчало Васильеву, и онъ «лѣнливо поплелся къ университету». Онъ будетъ теперь лѣнливо плестись по жизни, и больше съ нимъ не случится припадка, больше онъ не будетъ въ отчаяніи. Онъ привыкнетъ, какъ это и рыдавшему въ ссылкѣ татарину жестоко предсказывалъ его привыкшій товарищъ. Если Васильевъ изъ лучшихъ, онъ уже не станетъ самъ ходить въ ужасный переулокъ, который онъ проклиналъ, но все же будетъ свидѣтелемъ того, какъ-

ходятъ въ него другіе и какъ «смоленскіе бухгалтеры» посылаютъ въ него все новыя и новыя партіи женщинъ. И даже въ общемъ контекстѣ чеховскаго міросозерцанія можно прочесть, что и самъ Васильевъ, пожалуй, въ позорный переулочекъ еще и еще пойдетъ... Онъ привыкнетъ.

И мы прокляли бы, трижды прокляли бы «замѣну счастья», миролюбивую привычку, если бы это только она тушила въ людяхъ припадки состраданія, чуткую впечатлительность къ добру и злу. Но то, что сохраняетъ людей для міра, и то, что сохранило въ Чеховѣ спокойствіе, необходимое для поэтическаго творчества, это, въ конечномъ основаніи,—сила жизни, сила любви и свѣта, которая побѣждаетъ и разсѣиваетъ всѣ тягостные фантомы ночи. Не безслѣдно, не даромъ каждый день восходитъ солнце. Только эта врожденная привязанность къ солнцу, источнику живого, только этотъ неисчерпаемый запасъ его, живущій въ человѣкѣ, и можетъ объяснить, почему Чеховъ, почему другіе писатели скорби впитали ее въ себя, но не изнемогли отъ нея. Любовь сильнѣе смерти. И она, любовь, просвѣчиваетъ сквозь ту объективную строгость, которою облакаетъ Чеховъ свои произведенія. Онъ часто рассказываетъ неумолимо и холодно—вспомните, напримѣръ, поразительный тонъ «Стараго дома». Но этимъ художникъ только даетъ свой суровый отвѣтъ суровой дѣйствительности, передъ которой онъ не хочетъ сдаваться. Онъ словно говоритъ ей: «Ты насылаешь невзгоды и несчастья, ты смѣешься и коварно сплетаешь для людей такія сѣти ужасовъ, отъ которыхъ стынетъ кровь въ жилахъ,—но я не буду сѣтовать и содрогаться, и я повѣдаю объ этомъ спокойно. Того, что происходитъ въ глубинѣ моего сердца, я не покажу тебѣ: это не твоя забота, не твое дѣло. Быть можетъ, въ меня и въ моихъ ближнихъ, какъ въ Лаокоона, впадаютъ твои змѣи, но я останусь спокоенъ, какъ это подобаетъ художнику, подобаетъ творцу. И если тѣни и тѣни ложатся на мое блѣднѣющее лицо, это не твоя забота, не твое дѣло. Я буду спокоенъ до послѣдняго дыханія и безъ жалобъ и слезъ расскажу о тебѣ другимъ. Ты меня не удивишь, и я мужественно приму твои отравленные дары, твои смертоносные удары: величіе моего сознанія и моей художественной мощи я противопоставлю твоей жестокости». Подъ слоємъ этого эпического спокойствія дышитъ однако глубокій, цѣломудренный лиризмъ, и даже онъ сказывается нерѣдко въ самой формѣ изложенія, въ какомъ-нибудь задушевномъ восклицаніи: «о, какая суровая, какая длинная зима!» Вообще, удивительное сочетаніе объективности и глубоко-интимнаго настроенія составляетъ самую характерную и прекрасную черту литературной манеры Чехова,—этихъ

сжатыхъ разсказовъ, гдѣ осторожно и чутко взята лишь квинтъ-эссенція человѣческаго, гдѣ оно звучитъ лишь своею «музыкой».

«Однозвучный жизни шумъ» томилъ Чехова, и онъ воспроизвелъ его въ своемъ художественномъ откликѣ. Эта жизнь часто рисовалась ему въ видѣ движенія или дороги: приходятъ и уходятъ поѣзда, уѣзжаютъ, пріѣзжаютъ люди, посѣщая, покидая свои усадьбы, дома съ мезонинами, новыя дачи; мелькаютъ города и станціи, звенятъ колокольчики. Иногда жизненная поѣздка весела, отрадна, сулитъ что-то въ будущемъ, но чаще она обманываетъ. Алехинъ долго таилъ отъ любящей и любимой женщины свое чувство,— и вотъ, наконецъ, онъ признается ей въ своей любви, и цѣлуетъ ее, и плачетъ («о, какъ мы были съ нею несчастны!»); и съ жгучей болью въ сердцѣ понялъ онъ, какъ ненужно и мелко было все то, что мѣшало имъ любить другъ друга,—но уже поздно, поздно, и черезъ мгновенье поѣздъ унесетъ ее далеко, унесетъ навѣки; жизнь двинется дальше, она не ждетъ, и первый поцѣлуй останется послѣднимъ. Сладкое счастье любви уже такъ близко коснулось другого молодого путника, и онъ уже обнялъ женщину, очарованную его бѣлокурой головой,—но властно зоветъ его жизненное путешествіе, у двери показался ямщикъ, и надо изъ теплой комнаты опять двинуться въ снѣжную дорогу, подъ завываніе метели, и вотъ уже «лѣниво зазвучалъ одинъ колокольчикъ, затѣмъ другой, и звенящіе звуки мелкой, длинной цѣпочкой понеслись отъ сторожки». Надъ юношей насмѣялась жизненная поѣздка, какъ насмѣялась она въ родномъ углу надъ Вѣрой, которую поглотило «спокойное зеленое чудовище степи». И въ той же степи, на затерянномъ полустанкѣ, тоскуетъ свидѣтель чужого передвиженія, человѣкъ, которому некуда ѣздить и передъ которымъ «женщины мелькаютъ только въ окнахъ вагоновъ, какъ падающія звѣзды». А сельская учительница, быть можетъ, символъ всей русской интеллигенціи, знающая только одну дорогу—отъ школы до города, постарѣвшая, огрубѣлая, измученная своей жизнью въ избѣ, гдѣ отъ сырости потускнѣла даже фотографія матери, единственный остатокъ лучшихъ дней,—учительница ѣдетъ, ѣдетъ весеннимъ бездорожьемъ на тряской подводѣ, и лошадь входитъ въ рѣку, холодную, быструю, мутную; рѣзкій холодъ пронизываетъ Марью Васильевну, калоши и башмаки полны воды, платье и шубка мокры, подмочены сахаръ и мука. А на желѣзнодорожномъ переѣздѣ опущенъ слагбаумъ; со станціи идетъ-мчится ликующій, счастливый курьерскій поѣздъ. Марья Васильевна, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ холода, смотритъ на его окна, отливающія яркимъ свѣтомъ, «какъ кресты на церкви». «На площадкѣ одного изъ вагоновъ перваго

класса стояла дама, и Марья Васильевна взглянула на нее мелькомъ: мать! Какое сходство! У матери были такіе же пышные волосы; такой же точно лобъ, наклонъ головы. И она живо, съ поразительной ясностью, въ первый разъ за всѣ эти тринадцать лѣтъ, представила себѣ мать, отца, брата, квартиру въ Москвѣ, аквариумъ съ рыбками и все до послѣдней мелочи, услышала вдругъ игру на роялѣ, голосъ отца, почувствовала себя, какъ тогда, молодой, красивой, нарядной, въ свѣтлой, теплой комнатѣ, въ кругу родныхъ; чувство радости и счастья вдругъ охватило ее, отъ восторга она сжала себѣ виски ладонями и окликнула нѣжно, съ мольбой: мама! И заплакала, неизвѣстно отчего... Да, никогда не умирали ея отецъ и мать, никогда она не была учительницей, то былъ длинный, тяжелый, страшный сонъ, а теперь она проснулась... И вдругъ все исчезло. Шлагбаумъ медленно поднимался. Марья Васильевна, дрожа, коченѣя отъ холода, сѣла въ телѣгу».

Умчался курьерскій поѣздъ и унесъ съ собою призракъ матери, призракъ былого счастья, и ѣдетъ, ѣдетъ учительница на тряской подводѣ въ свою школу, гдѣ ее ожидаетъ грубый сторожъ, который бьетъ дѣтей, и грубый попечитель, котораго надо умолять о присылкѣ дровъ. Умчался курьерскій поѣздъ, и опять «длинной вереницей, одинъ за другимъ, какъ дни человѣческой жизни», тянутся вагоны товарные, и какъ будто нѣтъ имъ конца, нѣтъ конца этой медленной «гусеницѣ».

На дорогѣ жизни между прочимъ интересуютъ Чехова люди чужого движенія, тѣ, которыхъ посылаютъ, которые заняты дѣломъ не своимъ. Характерно, что у него часто выступаютъ лишенные «обыкновеннаго, пассажирскаго, счастья» почтальоны, кондуктора, сотскіе—всѣ эти обреченные на движеніе ради другихъ. Они въ большинствѣ относятся къ разряду хмурыхъ людей, они сердятся—«на кого они сердятся: на нужду, на людей, на осеннія ночи?»; они безчувственны къ разговору, у нихъ холодная кровь и непривѣтливая душа, какъ непривѣтливо осеннее утро, когда солнце восходитъ «мутное, заспанное, холодное». Эти скитальцы жизни, которымъ говорятъ: «хлѣбъ твой черный, дни твои черные», эти перекати-поле и странники, идущіе, бредущіе,—они призракомъ встаютъ передъ своими болѣе счастливыми собратіями, и, напримѣръ, судебному слѣдователю Лыжину ночью, въ тепломъ домѣ, грезится, что по снѣжной полянѣ идутъ, поддерживая другъ друга, старый сотскій и земскій агентъ, прекратившій самоубійствомъ свое безцѣльное жизненное движеніе, свое тяжелое жизненное сновидѣніе; они идутъ, соединенные общностью человѣческой судьбы, и вмѣстѣ поютъ какой-то мистическій хоралъ: «Мы идемъ, мы идемъ, мы

идемъ... Вы въ теплѣ, вамъ свѣтло, вамъ мягко, а мы идемъ въ морозъ, въ метель, по глубокому снѣгу... Мы не знаемъ покоя, не знаемъ радостей... Мы несемъ на себѣ всю тяжесть этой жизни, и своей, и нашей... У-у-у! Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ»...

Но въ какихъ бы формахъ ни совершалось движеніе людей, будетъ ли оно свое или чужое, отраженное, каждый изъ его участниковъ одинаково несчастенъ, и недаромъ въ сновидѣніи Лыжина въ одну пару соединены сотскій и самоубійца, нищій физическій и нищій духовный. Всѣ несчастны, и всѣ чувствуютъ себя въ мірѣ безнадежно одинокими, какъ одинокъ въ степи зеленый тополь. И не всегда онъ даже зеленый: осенью онъ переживаетъ, обнаженный, страшныя ночи, «когда видишь только тьму и не слышишь ничего, кромѣ безпутнаго, сердито воющаго вѣтра»; а зимою, покрытый инеемъ, «какъ великанъ, одѣтый въ саванъ», онъ глядитъ сурово и уныло на одинокаго путника, точно понимаетъ и собственное одиночество. Именно тогда, когда жизнь срываетъ съ насъ зеленую листву молодости и человѣку, «какъ это ни странно», оказывается уже «пятьдесятъ одинъ годъ»,—тогда особенно думаешь уже не только о конечномъ сиротствѣ всякой живой души, но и о томъ «одиночествѣ, которое ждетъ cadaго изъ насъ въ могилѣ», и тогда «звѣзды, глядящія съ неба уже тысячи лѣтъ, само непонятное небо и мгла, равнодушныя къ короткой жизни человѣка, гнетутъ душу своимъ молчаніемъ». Равнодушный, однообразный, глухой шумъ моря, раздававшійся и тогда, «когда еще не было ни Ялты, ни Ореанды», говоритъ «о покоѣ, о вѣчномъ снѣ, какой ожидаетъ насъ». Въ безсонныя ночи думается о холодѣ смерти; «и потемки, и два окошка, рѣзко освѣщенные луной, и тишина, и скрипъ колыбели напоминаютъ почему-то только о томъ, что жизнь уже прошла, что не вернешь ея никакъ». Чужое одиночество сознаетъ даже чуткая душа ребенка, и когда надъ Егорушкой въ «Степи» склонилась прекрасная графиня Дралицкая, «ему почему-то пришелъ на память тотъ одинокій стройный тополь, который онъ видѣлъ днемъ на холмѣ». И для сиротливаго, для отжившаго, «все, что нравилось, ласкало, давало надежду— шумъ дождя, раскаты грома, мысли о счастьѣ, разговоры о любви— все это становится однимъ воспоминаніемъ», и впереди «ровная пустынная даль: на равнинѣ ни одной живой души, а тамъ на горизонтѣ темно, страшно».

Самое печальное въ жизни, въ уходящей жизни, это—нравственное опустошеніе, которое она производитъ въ насъ самихъ. Мы обманули свои собственные прекрасныя надежды и обѣщанія; потускнѣли всѣ впечатлѣнія бытія, опоплились и поблекли наши

чувства, и духовная старость оледенила всё пылкія стремленія, всё благородные замыслы. Каждый разъ природа опять чиста и нова, и утромъ такъ свѣжъ росистый садъ,—а наше человѣческое утро исчезаетъ навсегда, и нѣтъ обновленія усталому сердцу. И какъ это грустно смотрѣть на бѣлый вишневый садъ, на длинную аллею, которая блеститъ въ лунныя ночи, и думать о томъ, что дѣтство и чистота улетѣли навѣки, и грезить о томъ, что «покойная мама идетъ по саду въ бѣломъ платьѣ»,—но нѣтъ, это не мама, это «склонилось бѣлое деревцо, похожее на женщину». «О, мое дѣтство, чистота моя! Въ этой дѣтской я спала, глядѣла отсюда на садъ, счастье просыпалось вмѣстѣ со мной каждое утро, и тогда уже онъ былъ точно такимъ, ничего не измѣнилось. Весь, весь бѣлый. О, садъ мой!.. Опять ты молодъ, полонъ счастья, ангелы небесные не покинули тебя. Если бы снять съ груди и плечъ моихъ тяжелый камень, если бы я могла забыть мое прошлое!»

Ангелы небесные не покидаютъ вишневаго сада, и къ саду возвращается его бѣлая молодость, его чистая весна. Но невозвратно бѣлое челѣвка. И сознаніе его утраты налагаетъ свою тѣнь на всю дальнѣйшую жизнь. Бѣлые цвѣты вишневаго сада и призрачная мама въ бѣломъ платьѣ оттѣняютъ все, что есть темнаго въ душѣ у Раневской, и горько и стыдно ей думать о Парижѣ, о томъ, что въ немъ было и что еще будетъ. Чистота умерла. Но, можетъ быть, послѣ того какъ умереть и сама Раневская, на ея могилѣ, какъ и надъ бѣдной героиней «Старости», будетъ стоять «маленькій бѣлый памятникъ» и будетъ смотрѣть на прохожихъ «задумчиво, грустно и такъ невинно, словно подъ нимъ лежитъ дѣвочка, а не распутная, разведенная жена»?..

Чистота, бѣлое умираетъ, и жутко и страшно заглядывать въ глубину собственной совѣсти, звать на судъ самого себя. Вотъ—Лаевскій, герой «Дуэли». «Онъ вспомнилъ, какъ въ дѣтствѣ во время грозы онъ съ непокрытой головой выбѣгалъ въ садъ, а за нимъ гнались двѣ бѣловолосыя дѣвочки съ голубыми глазами, и ихъ мочилъ дождь; онѣ хохотали отъ восторга, но когда раздавался сильный ударъ грома, дѣвочки довѣрчиво прижимались къ мальчику, онъ крестился и спѣшилъ читать: «святъ, святъ, святъ!» О, куда вы ушли, въ какомъ вы морѣ утонули, зачатки прекрасной чистой жизни? Грозы ужъ онъ не боится и природы не любить, Бога у него нѣтъ, всё довѣрчивыя дѣвочки, какихъ онъ зналъ когда-либо, уже сгублены имъ и его сверстниками, въ родномъ саду онъ за всю свою жизнь не посадилъ ни одного деревца и не вырастилъ ни одной травки, а живя среди живыхъ... только разрушалъ, губилъ и лгалъ, лгалъ»...

Раневская, Лаевскій и всѣ падшіе имѣютъ еще силы переносить самихъ себя. Но семнадцатилѣтній юноша Володя себя не перенесъ. То нечистое, что въ него проникло, наполнило его острымъ стыдомъ, и его убилъ этотъ стыдъ передъ собою, передъ пошлостью родной матери, передъ пошлостью любимой женщины, очарованіе которой исчезло въ нѣсколько мгновеній. Онъ видѣлъ солнечный свѣтъ и слышалъ звуки свирѣли; солнце и свирѣль говорили ему, что «гдѣ-то на этомъ свѣтѣ есть жизнь чистая, изящная, поэтическая,—но гдѣ она?». И только вспомнились Володѣ Біарриць и двѣ дѣвочки-англичанки, съ которыми онъ когда-то бѣгалъ по песку. И тѣ же дѣвочки, олицетвореніе всего чистаго и прекраснаго, вѣроятно пронесли въ его угасавшемъ воображеніи, когда онъ спустилъ курокъ револьвера и полетѣлъ въ какую-то «очень темную, глубокую пропасть».

Такъ долженъ былъ Володя прервать короткую нить своихъ искаженныхъ дней; но Чеховъ и вообще показалъ, какъ рано блекнутъ наши дѣти. Онъ любитъ ребенка; онъ ласково держитъ его за руку и глубоко, съ доброй улыбкой заглядываетъ въ его маленькую душу. И есть нѣчто прекрасное и трогательное въ этой группѣ: Чеховъ и ребенокъ. Глаза, уже оскорбленные и утомленные жизнью, свѣтящіеся вечернимъ свѣтомъ юмора и печали,—и глаза, на жизненное утро только что раскрывшіеся, всему удивленные и довѣрчивые. Но много печальныхъ страницъ посвятилъ Чеховъ описанію того, какъ «невыразимо-пошлое вліяніе гнететъ дѣтей и искра Божья гаснетъ въ нихъ и они становятся похожими другъ на друга мертвецами». Искра Божья гаснетъ въ дѣтскомъ сердцѣ, потому что оно въ испугѣ и недоумѣніи сталкивается съ пошлостью взрослого человѣка, съ драмою жизни. Не только гибнутъ Варька и Ванька, которымъ спать хочется и ѣсть хочется и которые напрасно зываютъ о защитѣ къ міровому дѣдушкѣ, но и тѣ дѣти, которыя вырастаютъ въ обезпеченной средѣ, морально погибаютъ, зараженные неисцѣлимой пошлостью. И когда-то нѣжныя, кудрявыя, мягкія, какъ ихъ бархатныя куртки, они сдѣлаются сами взрослыми людьми, и когда мертвые похоронятъ своихъ мертвыхъ и равнодушный ораторъ произнесетъ надъ ними свою нелѣпую рѣчь, они, эти новые отпрыски старыхъ корней, пополнятъ собою провинціальную толпу человѣчества и станутъ жителями чеховскаго города.

Въ этой нравственной провинціи нѣтъ ни одного честнаго, нѣтъ ни одного умнаго человѣка, и бездарные архитекторы безвкусныхъ домовъ строятъ здѣсь клѣтки для оцѣненѣлыхъ душъ, и на все налегаетъ грузная, безнадежная, густая пелена обыденности. И пошлость, какъ спрутъ, обвиваетъ cadaго, и часто нѣтъ силъ

боротся противъ ея насилія. По слову Тютчева, пошлость людская безсмертна; но, сама безсмертная, она мертвить все, къ чему ни прикасается. Она останавливаетъ живое творчество духа, она силой бездушнаго повторенія обращаетъ въ механизмъ и рутину то, что должно бы быть вѣчно новое, вѣчно свѣжее, вѣчно первое. Остановка духа именно потому и оскорбительна, что подвижность составляетъ самое существо его. Отъ пошлости стынуть и гаснуть слова, чувства, мысли; она заставляетъ людей употреблять однѣ и тѣ же фразы и прибаутки, изъ которыхъ вынуты понятія; она заставляетъ тяжело переворачивать въ умѣ однѣ и тѣ же выдохшіяся идеи, и всѣ цвѣты жизни, весь садъ ея, она претворяетъ въ нѣчто искусственное, бумажное, безуханное. Особенно мертво то, что притворяется живымъ, и пошлое тѣмъ ужаснѣе, что оно выдаетъ себя за живое. Оно считаетъ себя правымъ, оно не сознаетъ своей мертвенности и самодовольно, безъ сомнѣній, распоряжается въ подвластной ему широкой сферѣ.

Оттого пошлость и была лютымъ врагомъ чуткаго, безостановочно-духовнаго и творческаго Чехова. Въ теченіе всей своей недолгой жизни онъ, какъ писатель, боролся съ нею; она гналась за нимъ по пятамъ, и онъ постоянно слышалъ за собой ея тяжелое, ея мертвое дыханіе. Ея не избыть, отъ нея не оградиться. Вотъ на святкахъ мать диктуетъ Егору, отставному солдату, письмо къ дочери и зятю, и она хочетъ, страстно хочетъ излить всѣ свои лучшія материнскія чувства, послать свое благословеніе, сказать самое ласковое, дорогое, завѣтное,—а Егоръ, «сама пошлость, грубая, надменная, непобѣдимая, гордая тѣмъ, что она родилась и выросла въ трактирѣ, сидитъ на табуретѣ, раскинувъ широко ноги подъ столомъ, сытый, здоровый, мордатый, съ краснымъ затылкомъ», сидитъ и пишетъ—что онъ пишетъ! «Въ настоящее время, какъ судьба ваша черезъ себѣ определила на Военное Попрыще, то мы Вамъ советуемъ заглянуть въ Уставъ Дисциплинарныхъ Взысканій и Уголовныхъ Законовъ Военнаго Ведомства, и Вы усмотрите въ ономъ Законѣ цивилизацію Чиновъ Военнаго Ведомства»... Вотъ Андрей, «охваченный нѣжнымъ чувствомъ», сквозь слезы говоритъ своимъ сестрамъ, своимъ тремъ сестрамъ: «милыя мои сестры, чудныя мои сестры! Маша, сестра моя»,—а въ это время растворяется окно и выглядываетъ изъ него... пошлость, выглядываетъ Наташа и кричитъ: «кто здѣсь разговариваетъ такъ громко?.. *Il ne faut pas faire du bruit, la Sophie est dormée déjà. Vous êtes un ours*». Вотъ идетъ архитекторъ подъ руку съ дочерью, милой дѣвушкой, и говоритъ ей о звѣздахъ, о томъ, что даже самыя маленькія изъ нихъ—цѣлыя міры, и при этомъ онъ указываетъ

на небо тѣмъ самымъ зонтикомъ, которымъ давеча избилъ своего взрослого сына. Безутѣшна мать, у которой убили единственного ребенка; но священникъ, «поднявъ вилку, на которой былъ соленый рыжикъ, сказалъ ей: Не горюйте о младенцѣ. Таковыхъ есть царство небесное». Пошлость разнообразна. Ея не перечислишь, ея наловишь.

Только отъ дѣвушекъ вѣтъ нравственной чистотою, и многія сохраняютъ ее навсегда; свѣтлые женскіе образы встаютъ передъ нами въ произведеніяхъ Чехова, обвѣянные лаской, какой они не знали со временъ Тургенева, — эти тоскующія чайки, которыхъ убили, эти женщины, которыхъ разлюбили, эта Катя изъ «Скучной исторіи»: она прежде смѣялась такъ весело и бархатно, потомъ жизнь смяла ее, и она уже больше не смѣялась... И можетъ быть, среди нихъ, въ кругу милыхъ трехъ сестеръ, которыя стали нашими общими сестрами, около некрасивой и обаятельной Полины Разсудиной изъ «Трехъ лѣтъ», Анюты изъ «Моей жизни» и Ани изъ «Вишневаго сада», меркнутъ всѣ эти попрыгуны, супруги и Ариадны, напоминающія своей холодной любовной рѣчью «пѣніе металлическаго соловья», и эта дочь профессора, которая когда-то, дѣвочкой, любила мороженое, а теперь любить Гнеккера, молодого человѣка съ выпуклыми глазами, молодого человѣка, олицетворяющаго собою пошлость...

Обыватели пошлаго города, граждане всесвѣтной глуши, или уживаются, мирятся съ обыденностью, и тогда они счастливы своимъ мѣщанскимъ счастьемъ, или они подавлены ею, и тогда они несчастны, тогда они — лишніе, обойденные. Но большинство счастливы, и на свѣтѣ въ сущности очень много довольныхъ людей, и это на свѣтѣ — самое печальное. Въ тишинѣ вялаго прозябанія они мечтаютъ о своемъ крыжовникѣ, и они получаютъ его; кислыми ягодами крыжовника отгораживаются они отъ остального міра, отъ міра страдающаго, и не стоитъ у ихъ дверей человѣкъ съ молоточкомъ, который бы стучалъ, стучалъ и напоминалъ объ окружающей неправдѣ и несчастьи. Были и есть люди съ великими молоточками слова, — Чеховъ принадлежитъ къ ихъ благородному сонму; изъ-за нихъ человѣчество не засыпаетъ окончательно, убаюканное шумомъ дней, довольное своимъ крыжовникомъ. Но многіе, многіе сидятъ въ своихъ футлярахъ, и никакое слово не пробудитъ ихъ отъ вялой дремоты. Они робки и боятся жизни въ ея движеніи, въ ея обновленіи.

Впрочемъ, страхъ передъ нею, страхъ передъ тѣмъ, что она «трогаетъ», конечно, еще не влечетъ за собою нравственнаго паденія. Въ русской литературѣ есть классическая фигура человѣка,

который пугался жизни, бѣжалъ отъ нея подъ защиту Захара, на свой широкій диванъ, — но въ то же время онъ былъ кротокъ, нѣженъ и чистъ голубиной чистотою. Пѣна всяческой низменности клочкотала вокругъ Обломова, но къ нему не долетали ея мутные брызги. А Бѣликовъ, который тоже смущался и трепеталъ передъ вторженіемъ жизни, черезъ это впадалъ не только въ пошлость, но и въ подлость. И вотъ почему на могилу Обломова, гдѣ дружеская рука его жены посадила цвѣтущую сирень, русскіе читатели до сихъ поръ совершаютъ духовное паломничество, а Бѣликова, читаемъ мы въ разсказѣ, пріятно было хоронить. Правда, Чеховъ совсѣмъ не убѣдилъ насъ, что ославленный учитель греческаго языка долженъ былъ въ силу внутренней необходимости отъ своего страха перейти къ доносамъ и всяческой низости. Этого могло и не быть: боязнь жизни и робкое одиночество совмѣстимы съ душевной чистотою. Вообще, не безъ вульгарнаго оттѣнка издѣваясь надъ тѣмъ, что Бѣликовъ умиленно произносилъ чудныя для его слуха греческія слова, разсказчикъ совсѣмъ упустилъ изъ виду то мученіе, которое долженъ былъ переносить человѣкъ, всего боявшійся и страдавшій бредомъ преслѣдованія, и въ этомъ смыслѣ «Человѣкъ въ футлярѣ» — произведеніе слабое. Но зато на многихъ другихъ страницахъ Чеховъ, къ сожалѣнію, слишкомъ убѣдительно показалъ своихъ горожанъ въ презрѣнномъ ореолѣ трусливости и мелочного приспособленія къ требованію обстоятельствъ и властныхъ людей.

А тѣ, кто не приспособляется, тоскливо бредутъ по жизни, которая кажется имъ скучной и грубой исторіей, смѣной однотонныхъ дней, какимъ-то нравственнымъ «третьимъ классомъ» или городомъ Ельцомъ, гдѣ «образованные купцы пристають съ любезностями». Они тащатъ свою жизнь «волокомъ, какъ безконечный шлейфъ». И всѣ, какъ приспособленные, такъ и неприспособленные, не живутъ, а превращаютъ свою жизнь въ медленныя, длительныя похороны самихъ себя. Въ длинномъ кортежѣ дней только и дѣлаютъ они, что приближаются къ могилѣ.

Уныніе неприспособленныхъ чеховскихъ героевъ многіе критики склонны объяснять русскимъ безвременьемъ восьмидесятыхъ годовъ. Но трудно этимъ истолкованіемъ удовольствоваться, потому что Чехова и его тоску можно представить себѣ въ любое время, въ любую, хотя бы и самую героическую, эпоху. Возможно и вѣроятно только то, что общій духъ историческаго періода, когда зло, въ его государственной формѣ, торжествовало свой исключительный праздникъ и безнаказанно, издѣвательски попирало всѣ лучшія и благороднѣйшія проявленія мысли, слова, вѣры, когда въ гражданинѣ былъ оскорбленъ и человѣкъ, когда явно выступало передъ всѣми

бессиліе и безпомощность свободолюбиваго сознанія и многіе въ отчаяніи и апатіи опускали «ненужныя руки», — возможно и вѣроятно, что такое угнетенное общественное настроеніе отразилось въ душѣ и творчествѣ Чехова. Но было бы странно приписывать чеховской скорби только этотъ случайный и временный характеръ и отказывать ей въ болѣе глубокой, обще-психологической основѣ. Намъ кажется, что лишнихъ людей Чехова и его самого, въ конечномъ основаніи, удручалъ, безотносительно къ особенностямъ русской жизни, вѣчный законъ повторенія. Все въ мірѣ уже было, и многое въ мірѣ, несмотря на истекшіе вѣка, осталось неизмѣннымъ. Остались неизмѣнными горе и неправда, и въ спокойное зеркало вселенной какъ бы смотрится все та же тоскующая міровая и человѣческая душа. Подъ глубокимъ слоемъ пепла лежали сожженные лавой древніе Геркуланумъ и Помпеи, но подъ этой пеленою картина прежней жизни осталась такою же, какъ ее захватила, какъ ее остановила текущая лава. Такъ и подъ слоемъ всѣхъ новшествъ и новинокъ, какія приобрѣло себѣ человѣчество, Гамлетъ-Чеховъ видитъ все то же неисцѣлимое страданіе, какъ оно было и въ то «безконечно-далекое, невообразимое время, когда Богъ носился надъ хаосомъ».

Самая непрерывность и повторяемость людскихъ происшествій уже налагаетъ на нихъ, въ глазахъ Чехова, отпечатокъ пошлаго. Праздничная атмосфера счастья и весны окружаетъ у Толстого дѣвушку-невѣсту, Кити Щербацкую или Наташу Ростову; а чеховской невѣстѣ говорятъ слова любви, — но сердце ея остается холодно и уныло, и ей кажется, что все это она уже давно слышала, очень давно, или читала гдѣ-то въ романѣ, въ старомъ, оборванномъ, заброшенномъ романѣ. Она, тоскуя, проводитъ бессонныя ночи, и ей невыносима эта вновь отдѣланная квартира, ея будущее жилище, эта обстановка и картина извѣстнаго художника, которую самодовольно показываетъ ей счастливый женихъ.

Что же? Быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ человѣчество состарилось, и хотя всякій живетъ за себя, начинается свою жизненную дорогу сызнова, все же на каждомъ изъ нашихъ переживаній, на каждомъ событіи нашего душевнаго бытія, лежитъ отпечатокъ того, что все это уже было и столько невѣстъ уже испытало свое весеннее чувство? Быть можетъ, въ глубинѣ нашей бессознательной сферы созрѣлъ ядовитый плодъ усталости, и плечи сѣдого человѣчества утомились грузомъ исторіи, тяжестью воспоминаній? Быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ міръ истребался, поблѣднѣлъ, и мы, наслѣдники и преемники безчисленныхъ поколѣній, уже не имѣемъ силы воспри-

нимать настоящее во всей свѣжести и яркой праздничности его впечатлѣній?

Кто знаетъ? Несомнѣнно, что здѣсь Чеховъ подходитъ къ самымъ предѣламъ человѣческаго въ его отличіи отъ природы. Каждая весна, которая «въ условный часъ слетаетъ къ намъ свѣтла, блаженно равнодушна», сіяетъ безсмертіемъ и не имѣетъ «ни морщины на челѣ»:

Цвѣтами сыплеть надъ землю,
Свѣжа какъ первая весна;
Была ль другая передъ нею—
О томъ не вѣдаетъ она.
По небу много облакъ бродятъ,
Но эти облака—ея:
Она и слѣду не находитъ
Отцвѣтшихъ весенъ бытія.
Не о быломъ вздыхаютъ розы
И соловей въ ночи поетъ,
Благоухающія слезы
Не о быломъ Аврора льетъ;
И страхъ кончины неизбѣжной
Не свѣтъ съ древа ни листа.
Ихъ жизнь, какъ океанъ безбрежный,
Вся въ настоящемъ разлита.

«Не о быломъ вздыхаютъ розы и соловей въ ночи поетъ», а человѣкъ—сплошное воспоминаніе, и бывшее тѣсно переплетается у него съ настоящимъ и кладетъ свои тѣни, свое отмершее на минуту текущую. И какъ ни прекрасенъ май, «милый май», но онъ—повтореніе прежняго, и теряетъ свою цѣнность, свою свѣжесть монета жизни, когда-то блестящая, когда-то прекрасная.

Впрочемъ, если вѣрить старому пастуху, играющему на «больной и испуганной» свирѣли, и сама природа уже не обновляется, она умираетъ, «всякая растенія на убыль пошла, и міру не вѣкъ вѣковать: пора и честь знать, только ужъ скорѣй бы! нечего канителить и людей попусту мучить». Великій Панъ умираетъ. Послѣ него остается безпросвѣтное уныніе. Старѣющій среди вѣчно-юпой природы, человѣкъ и ее затуманилъ своею старостью. «Обидно на непорядокъ, который замѣчается въ природѣ». Жалко міра. «Земля, лѣсъ, небо... тварь всякая—все вѣдь это сотворено, приспособлено, во всемъ умственность есть. Пропадаетъ все ни за грошъ. А пуще всего людей жалко». И чувствуется не только для человѣка, но и для вселенной «близость того несчастнаго, ничѣмъ не

предотвратимаго времени, когда земля, какъ падшая женщина, которая одна сидитъ въ темной комнатѣ и старается не думать о прошломъ, томится воспоминаніями о веснѣ и лѣтѣ и апатично ожидаетъ неизбѣжной зимы; когда поля становятся темны, земля грязна и холодна, когда плачущая ива кажется еще печальнѣе, и по стволу ея ползутъ слезы, и лишь одни журавли уходятъ отъ общей бѣды, да и тѣ, точно боясь оскорбить унылую природу выраженіемъ своего счастья, оглашаютъ поднебесье грустной, тоскливой пѣсней».

Чеховскіе лишніе люди изнемогаютъ подъ гнетомъ повторенія, и въ этомъ заключается ихъ нравственная слабость. Ибо душа богатая на однообразіе внѣшняго міра отвѣчаетъ разнообразіемъ внутреннихъ впечатлѣній, и непрерывно разворачивается ея безконечный свитокъ. Недаромъ Киркегоръ моральную силу человѣка понимаетъ какъ способность и любовь къ повторенію. Для датскаго мыслителя въ первомъ, эстетическомъ, періодѣ жизни мы по ней порхаемъ, касаемся ея поверхности то въ одной, то въ другой точкѣ, все пробуемъ, ничѣмъ не насыщаемся, бѣжимъ отъ всякой географической и психологической осѣдлости, въ каждую минуту «имѣемъ наготовѣ дорожные сапоги»; мы требуемъ какъ можно больше любви, но не надо дружбы, не надо брака, и изъ каждой чаши сладостны только первые глотки. Этический же періодъ характеризуется повтореніемъ, его символизируетъ бракъ, и тогда прельщаетъ не пестрота чужой дали, а свое родное однообразіе, и тогда душа становится глубокой въ своей сосредоточенности.

Чеховскіе лишніе герои не находятъ себѣ удовлетворенія въ этомъ второмъ періодѣ, не выдерживаютъ искуса повторенія, и жизнь протекаетъ для нихъ какъ осенній дождь, удручающій въ своей монотонной капели. Они не умѣютъ взрастить своего внутреннего сада, и сиротливыми тѣнями идутъ они по міру. Изнеможенные повтореніемъ, его не осилившіе смѣною внутреннихъ обновокъ, они пускаютъ свою ладью на волю жизненныхъ волнъ, потому что ихъ собственная воля блѣдна и слаба; она, «какъ подстрѣленная птица, подняться хочетъ и не можетъ». И въ жизни, кипящей заботами и трудомъ, они ничего не дѣлаютъ.

Чеховъ любитъ изображать людей недѣлающихъ. Недѣланіе проникаетъ у него въ самые разнообразные круги общества и даже въ такую среду, демократическую и рабочую, гдѣ трудъ, казалось бы, является чѣмъ-то естественнымъ. Студентъ Петя Трофимовъ зоветъ любимую дѣвушку и всѣхъ людей къ новой жизни, къ новой работѣ, къ необычному труду, но самъ онъ никакъ не можетъ кончить университетскаго курса, самъ онъ ничего не дѣ-

лаеть. Лишніе герои Чехова не вѣркують въ дѣло своей жизни и плетутся по ней съ потушенными огнями.

Но только ли словомъ укоризны должны мы бросить въ его недѣлающихъ людей? Или, быть можетъ, ихъ бездѣйственное отношеніе къ міру въ своемъ послѣднемъ основаніи имѣеть глубокой и глубоко-чистый источникъ?

Къ «недѣланію» призывалъ насъ еще раньше великій писатель. Толстой не хотѣлъ, конечно, проповѣдовать лѣни, онъ не требовалъ отъ насъ, чтобы мы праздно сложили бездѣятельныя руки и предоставили міръ его собственному теченію. Но онъ говорилъ намъ, что шумная суতোлка дѣла, работы, профессіи, отвлекаетъ насъ отъ мысли о великомъ и важномъ. Подхлестываемые бичомъ нужды и реальныхъ потребностей, мы бѣжимъ по землѣ; все время только строимъ жизнь, лѣпимъ изъ ея глины свои хрупкія подѣлки, но о ней не думаемъ; мы только воздвигаемъ подмости для своей жизненной пьесы, и у насъ уже не остается досуга и силъ для того, чтобы сыграть ее самое. Намъ некогда. Въ суетѣ своего повседневнаго занятія и муравьиного строительства мы не размышляемъ о его послѣдней цѣли и не предаемся созерцательной вдумчивости. И на закатѣ нашихъ торопливыхъ дней окажется, что, погруженные въ свое дѣло, мы ни разу не взглянули жизни въ ея глубокіе, въ ея загадочные глаза, и мы уйдемъ изъ міра безъ міросозерцанія, уйдемъ въ тягостномъ недоумѣніи передъ его смысломъ и тайной. Зачѣмъ же и куда мы спѣшили, во имя чего мы работали не покладая рукъ и, склоненные къ землѣ, никогда не смотрѣли въ небеса?

Безспорно, что подобныя мысли о великомъ недѣланіи должны были жить въ созерцательной душѣ Чехова, и потому онъ отворачивался отъ «ненужныхъ дѣлъ», изъ-за которыхъ жизнь становится «безкрылой». Устами своего художника онъ требуетъ, чтобы всѣ люди имѣли также время «подумать о душѣ, о Богѣ, могли пошире проявить свои духовныя способности». Онъ любитъ «умное, хорошее легкомысліе», онъ радъ за чуднаго старика о. Христофора, во всю свою жизнь не знавшаго ни одного такого дѣла, «которое, какъ удавъ, могло бы сковать его жизнь».

Кромѣ того, дѣлають дѣятели, но дѣлають и дѣльцы. Чеховъ дорогъ тѣмъ, что онъ не любитъ въ человѣкѣ дѣльца. Онъ презираетъ «дѣловой фанатизмъ», который заставляетъ не только дядю Егорушки, но и богатаго Варламова озабоченно «кружиться» по степи, между тѣмъ какъ эта степь исполнена такой волшебной красоты, такихъ несравненныхъ очарованій. На за отарами овецъ, за туманомъ житейскихъ расчетовъ, ея не чувствуютъ, не замѣчаютъ,

и обиженная степь, тоскуя, сознаетъ, что «она одинока, что богатство ея и вдохновеніе гибнуть даромъ для міра, никѣмъ не воспѣтыя и никому ненужныя, и сквозь радостный гулъ слышишь ея тоскливый, безнадежный призывъ: пѣвца! пѣвца!» Поэтъ Чеховъ услышалъ этотъ призывъ и воспѣлъ ее дивными словами, но все же степь находится въ плѣну у плантаторовъ и дѣльцовъ, у Варламова, у тѣхъ, кто кружится по ней въ дѣловой пляскѣ хозяйственной заботы. —

Да, Чеховъ какъ будто не любилъ, не понималъ дѣла. Онъ не любилъ дѣятеля, который себя сознаетъ и цѣнитъ, который хлопочетъ; онъ не любилъ строгой Лиды, которая бѣднымъ помогала вовсе не такъ граціозно и поэтически, какъ пушкинская Татьяна, и благодаря которой «на послѣднихъ земскихъ выборахъ прокатили Балагина». Онъ не воплотилъ гармоніи между дѣломъ и мыслью, и въ концѣ жизни знаменитаго профессора, выдающагося ученаго, оказывается, что онъ не имѣлъ общей идеи, бога живого чело-вѣка, что духъ его какъ будто не участвовалъ въ искусной работѣ его знаній и таланта. Дѣло рисовалось Чехову въ образѣ дѣльца, въ неприглядномъ видѣ Боркина, антипода Иванову; дѣло символизировалось для него ключами отъ хозяйства, кружовеннымъ вареньемъ, которое столь удобно для экономическаго угощенія и которое въ концѣ концовъ пропадаетъ, засахаривается, какъ у Варвары изъ «Оврага». Въ каждомъ дѣлѣ онъ чувствовалъ непріятный отбѣнокъ хлопотливости и суеты, привкусъ какого-то шумнаго безпокойства, которое недостойно медлительной и величавой думы чело-вѣка. И хозяйству, дѣлечеству онъ противопоставалъ не дѣятельность, а бездѣліе. Дѣловитость весела, жизнерадостна, пошла, какъ Боркинъ, или же она тупа своей «бездарной и безжалостной честностью», какъ докторъ Львовъ или фонъ-Коренъ, а бездѣліе изящно, меланхолично, грустно, и оно поднимаетъ своихъ жрецовъ высоко надъ суетливой толпою.

Но Чеховъ и самъ чувствовалъ, какъ несправедливо такое распредѣленіе психологическихъ красокъ; онъ смутно сознавалъ, что не Боркиными ограничивается дѣло жизни и что далеко не всѣ лишніе люди—люди желанные. У него есть и случайные, правда, силуэты настоящихъ дѣятелей; на примѣръ, не похожъ на Боркина и не похожъ на доктора Львова тотъ другой прекрасный докторъ изъ «Бѣглеца», который своей притворной суровостью трогательно маскировалъ свою безконечную доброту и ласку къ бѣдному мальчику Пашкѣ и, вѣроятно, ко всѣмъ бѣднымъ мальчикамъ на свѣтѣ. И, что еще важнѣе, Чеховъ самъ не разъ каралъ себя за свое художественное пристрастіе къ тоскующимъ героямъ бездѣлія и без-

воля. Вѣдь это онъ написалъ почти каррикатурный образъ Лаевскаго изъ «Дуэли», вѣдь это у него Ивановъ горько насмѣхается надъ своей «гносной меланхоліей», надъ игрой въ Гамлета. Медленной походкой идетъ чеховскій Ивановъ по жизни, и отъ его мертваго прикосновенія гибнуть женщины; земля его глядитъ на него «какъ сирота», вся русская земля глядитъ на него какъ сирота и ждетъ не дождется его,—а онъ, лѣнивый и вялый, позорно жалуется на свое переутомленіе, на то, что поднялъ онъ бремя непосильное и не соблюлъ душевной гигиены. Онъ не только лишній. Онъ не кротокъ, какъ лишній Обломовъ: послѣдній только самъ легъ въ безвременную могилу, онъ никого не оскорбилъ, никого не убилъ, а Ивановъ въ изможденное лице своей умирающей жены бросилъ «жидовку» и бросилъ смертный приговоръ. И докторъ Андрей Ефимовичъ тоже не былъ дѣятеленъ; онъ много читалъ, онъ много думалъ, но въ жизни онъ не принималъ участія и оставался равнодушнымъ зрителемъ того, что дѣлалось въ палатѣ № 6, гдѣ надъ стихійнымъ ужасомъ люди воздвигли еще свое искусственное и ненужное страданіе, поставили сторожа Никиту, «скопили насиліе всего міра». Изъ-за того, что онъ не могъ одолѣть всего зла и насилія въ мірѣ, онъ и въ окружающую жизнь не вносилъ ни крупинцы добра, и когда Иванъ Дмитричъ, великій страстотерпецъ номера шестого, разрывая жалостью всякое сердце, въ минуту просвѣтлѣнія мечтательно говорилъ, что давно уже онъ не жилъ по-человѣчески, что хорошо было бы теперь проѣхаться въ коляскѣ куда-нибудь за городъ и потомъ полѣчиться отъ головной боли,—Андрей Ефимовичъ въ своемъ преступномъ недѣланіи, подавленный разсужденіями, не свезъ бѣднаго мученика за городъ подышать весною и не сталъ лѣчить его отъ головной боли... Вообще, Чеховъ самоотверженно показалъ въ близкомъ его сердцу лишнемъ человѣкѣ все, что есть въ немъ отрицательнаго и жестокаго, все, что есть въ немъ злополучнаго для себя и для другихъ. Чеховъ зналъ все, что можно сказать противъ лишнихъ,—особенно тамъ, гдѣ нужны столь многіе, гдѣ нужно столь многое.

И все же иные его лишніе въ основномъ направленіи и настроеніи своего духа выше полезныхъ. Они погружены въ недѣланіе потому, что не спѣшатъ воспользоваться жизнью; они созерцаютъ, они думаютъ о ней, они чувствуютъ ее и тихо приближаются къ ея фактическому содержанію,—а торопливая жизнь между тѣмъ ускользаетъ, и они оказываются ненужными, обойденными; и вишневые сады, и женскія сердца переходятъ въ другія, болѣе расторопныя и цѣпкія руки. Жизнь не терпитъ раздумья, созерцанія, мысли; нѣтъ, говоритъ она человѣку:

«люби меня безъ размышлений, безъ тоски, безъ думы роковой». И непосредственныя натуры жадно приникаютъ къ ней своими немудрствующими устами. Въ этомъ, быть можетъ, есть особая красота и мудрость, но это вырождается и въ элементарную привязанность къ текущей минутѣ, къ заботѣ и злобѣ дня; это—источникъ всяческаго мѣщанства, пошлости и рутинны. И кто торопится навстрѣчу жизни, тотъ не станеть думать о томъ, что будетъ черезъ двѣсти-триста лѣтъ, а лишніе объ этомъ думаютъ и тѣмъ безконечно возвышаются надъ жизнелюбивой толпой. Они не расчищаютъ себѣ дороги въ сутолокѣ человѣческаго торжища, они не толкаются и не «размахиваютъ руками». Они—аристократы духа, и въ нихъ таится благородное наслѣдіе датскаго принца. Въ траурныхъ одеждахъ своей «тоски и думы роковой» не спѣша идутъ они среди торопливыхъ и, занятые своимъ внутреннимъ міромъ, не замѣчаютъ пестраго говора жизни. Воля, направленная на внѣшнее дѣло, тихо дремлетъ у нихъ; зато не умолкаетъ нѣжное, тонкое чувство, и, «прижавшись къ праху въ сознаньи горькаго безсилія», они тоскуютъ по высшей красотѣ и правдѣ. Они не удовлетворены, и благо имъ за ихъ великую неудовлетворенность! Они тяготеютъ къ идеалу, къ своей нравственной «Москвѣ», и если, правда, они не прилагаютъ мощныхъ усилій къ тому, чтобы осуществить свои «безкрылыя желанья», если изъ-за этого они не дѣятели, то ужъ во всякомъ случаѣ они и не дѣльцы, не практики. На шумномъ поприщѣ людской корысти, среди крикливыхъ и суетливыхъ, среди разсчетливыхъ и умудренныхъ, они оказываются лишними людьми. Но какъ «премудрость міра—безумье предъ судомъ Творца» і не Марѳа, пекущаяся о многомъ, а Марія знаетъ единое на потребу, такъ, быть можетъ, на высшую оцѣнку, иные изъ лишнихъ Чехова окажутся наиболѣе нужными.

И не будемъ ихъ карать: вѣдь и безъ того они сами, они первые падаютъ жертвами своего безволія. Жизнь сама ихъ наказываетъ, и они гибнутъ. Простимъ ихъ бездѣятельность. 22 августа продадутъ ихъ вишневы садъ; люди дѣла предупреждаютъ ихъ объ этомъ, совѣтуютъ что-нибудь предпринять,—«думайте, думайте!» Но они не думаютъ. Для каждаго изъ насъ настанетъ свое 22 августа, день расплаты, день разлуки; но мы боремся противъ его грозящей тѣни и всячески его отодвигаемъ. А лишніе люди Чехова безропотно идутъ къ нему на встрѣчу. И 22 августа продадутъ ихъ садъ, ихъ домъ, «старого дѣдушку»,—а вѣдь разстаться съ домомъ, это значить разбить свою душу, потому что «милый, наивный, старый» домъ Чеховъ всегда изображаетъ какъ гнѣздо человѣческой души (онъ «много видалъ ихъ на своемъ вѣку,—большихъ и малыхъ, камен-

ныхъ и деревянныхъ, старыхъ и новыхъ»): живыми глазами смотрятъ на него окна мезонина, и на вещахъ осѣдаетъ безмолвный отпечатокъ нашихъ интимныхъ переживаній. Докторъ Андрей Ефимовичъ неправъ въ своемъ безучастіи къ дѣлу жизни, но вѣдь его и сразила жизненная Немезида: такой поклонникъ ума, онъ сталъ безумецъ и самъ попалъ въ № 6, отъ котораго никому нельзя зарекаться, и тамъ онъ погибъ отъ ударовъ сторожа Никиты и отъ мученій своей проснувшейся совѣсти, которая оказалась такой же «несговорчивой и грубой», какъ и жестокий сторожъ. Не бросимъ камня въ бездѣтельнаго Иванова: онъ уже наказанъ, онъ самъ вычеркнулъ себя изъ списка живыхъ и застрѣлилъ себя въ день своей свадьбы. И за то, что художникъ былъ празденъ, за то, что онъ былъ только пейзажистъ, Лида, жестокая въ своей дѣловитости, услала отъ него прелестную Женю, его маленькую блѣдную королеву, которую онъ нѣжно цѣловалъ въ грустную августовскую ночь, когда свѣтила луна и пугали обильно падавшія звѣзды; и вотъ онъ теперь одинъ, праздный пейзажистъ, и въ тоскѣ своего одиночества онъ зоветъ свою любовь: «Мисюсъ, гдѣ ты?» Ему кажется, что она вспоминаетъ о немъ, что она его ждетъ,—но, можетъ быть, Лида выдала ее замужъ за человѣка дѣятельнаго, за энергичнаго земца?...

Наивные и безкорыстные, лишніе люди Чехова ушли отъ суеты, «не размахиваютъ руками и бросили въ колодезь ключи отъ хозяйства». Какъ Соломонъ изъ «Степи», спалившій въ печкѣ свои деньги и за это ославленный сумасшедшимъ, они свое безучастіе къ жизни искупили своимъ страданіемъ и своей нравственной чистотой. Чеховъ вложилъ имъ въ души глубокое пренебреженіе къ выгодѣ и житейскому разсчету. Они, дѣйствительно, отбросили далеко ключи отъ хозяйства, эти страшные ключи, которые гремятъ на поясѣ у хозяйки и гремучими змѣями проникаютъ въ сердце, отравляя чувства и помыслы. Они знаютъ, что когда Богъ призоветъ къ себѣ стараго Федора Степаныча («Три года»), Онъ спроситъ его не о томъ, какъ онъ торговалъ и хорошо ли шли его дѣла, а о томъ, былъ ли онъ милостивъ къ людямъ. Для нихъ мучительно смотрѣть, какъ экономная тетя Даша, звеня браслетами на обѣихъ крѣпкихъ и деспотическихъ рукахъ, носится по своей хозяйственной державѣ, съ очень серьезнымъ лицомъ цѣлый день варить варенье и цѣлый день заставляетъ прислугу бѣгать и хлопотать около этого варенья, «которое будетъ ѣсть не она», прислуга. Лишніе люди не сѣютъ и не жнутъ, но зато они и не хозяйничаютъ. А для ихъ духовнаго творца, Чехова, быть можетъ, нѣтъ фигуры болѣе пошлой, чѣмъ именно хозяйинъ.

Но писатель возвышеннаго, онъ показаль хозяйство не только въ его обыденныхъ низинахъ, не только въ его чичиковской неприглядности,—онъ явилъ его намъ и въ ореолѣ кровавомъ, въ отблескѣ зловѣщаго. Аксинья изъ «Оврага», это—воплощенное хозяйство въ его трагизмѣ, это—кульминація дѣловитости въ ея ужасѣ. Аксинья—хозяйка-преступница. «Красивое, гордое животное», «змѣя, выглядывающая изъ молодой ржи», она рано встаетъ, поздно ложится и весь день бѣгаетъ въ погреба, амбары и лавку, гремя ключами; и ради нихъ, ради этихъ ключей, она обварила кипяткомъ ребенка Липы, единственное достояніе кроткой, безотвѣтной, безхозяйственной женщины, и послѣ этого «послышался крикъ, какого еще никогда не слыхали въ Уклеевѣ», отъ какого, быть можетъ, еще никогда не содрогалось и сердце русскаго читателя... И обваренный кипяткомъ, маленькій Никифоръ, душа котораго носится вверху, около звѣздъ, расскажетъ Богу, что творится на суетной землѣ, что дѣлаетъ на ней хозяйство. И въ концѣ-концовъ хозяйство гибнетъ; оно распадается,—все равно, въ поэтической ли формѣ сада или въ грязной лавкѣ Цыбукина, который въ концѣ своей темной торгашеской жизни не умѣетъ отличить настоящихъ рублей отъ фальшивыхъ, подаренныхъ ему роднымъ сыномъ. Въ концѣ хозяйственной жизни, при ея тускломъ и неправедномъ свѣтѣ, нельзя отличить истины отъ лжи. Оттого лишніе люди и не этимъ жалкимъ свѣточемъ руководятся въ своемъ бездомномъ и чистомъ существованіи. И всѣмъ завѣщаютъ они освободить свою душу отъ мелочныхъ заботъ, отъ безсмертной пошлости и прозы, отъ хозяйственнаго сора; печально уходя изъ ставшаго чужимъ вишневаго сада, они оставляютъ глубокой завѣтъ—бросить въ колодезь ключи отъ хозяйства.

Непрактичные и неспособные къ дѣлу, лишніе люди Чехова любятъ слова,—теплыя, высокія, хорошія слова, которыя живутъ въ каждой человѣческой груди, но цѣломудренно прячутся, потому что окружающая жизнь приметъ ихъ удивленно и холодно,—ей довольно словъ только будничныхъ и обыкновенныхъ. Между тѣмъ, хочется говорить. Хочется говорить о чемъ-нибудь великомъ и важномъ, «о Шиллерѣ, о славѣ, о любви». Душа взволнована и жаждетъ слова. Изъ рамокъ временнаго и низменнаго стремится она къ высокому: это—одинъ изъ обычныхъ мотивовъ чеховской музыки. И онъ находитъ себѣ осуществленіе не въ тѣхъ умныхъ разговорахъ и рѣчахъ, которые нерѣдко встрѣчаются на страницахъ у Чехова, недостаточно глубокіе и оригинальные: нѣтъ, онъ сказывается преимущественно въ томъ чарующемъ лиризмѣ и въ тѣхъ порывахъ къ вѣчному, которые осѣняютъ его героевъ.

Но въ чеховскомъ городѣ, среди людей, «говорящихъ свою чепуху» и записывающихъ свои мысли въ жалобную книгу, книгу мудрости обывателей, — съ кѣмъ же можно говорить о Шиллерѣ, о славѣ, о любви? Въ пошломъ царствѣ кто же отзовется на такой разговоръ? Для того чтобы удовлетворить свою тоску по возвышенной бесѣдѣ, свое желаніе говорить и слышать великія слова, надо уйти отъ здоровыхъ и счастливыхъ, надо уйти отъ нормальныхъ въ палату № 6. Только тамъ, среди безумныхъ и несчастныхъ, докторъ Андрей Ефимовичъ, которому часто снились умные люди и бесѣды, говорилъ и слышалъ то, что нужно человѣческому духу; только тамъ, въ зловѣщей палатѣ кошмара и страданія, нашель онъ сердце и великодушіе, которыхъ не было въ городѣ; и изъ однихъ безумныхъ, но благородныхъ устъ изливались тамъ пламенные рѣчи о «насиліи, попирающемъ правду, о прекрасной жизни, какая со временемъ будетъ на землѣ, объ оконныхъ рѣшеткахъ, напоминающихъ каждую минуту о тупости и жестокости насильниковъ», — и получалось «безпорядочное, нескладное покурри изъ старыхъ, но еще недоштыхъ пѣсенъ».

И Ковринъ тоже сѣтоваль, что его лишили счастья безумія. Онъ упрекалъ своихъ родныхъ, что его лѣчили, что поэтому исчезли для него экстазъ и вдохновеніе и пересталъ къ нему являться въ рамкѣ смерча блѣдный черный монахъ со скрепченными руками на груди и, въ благословенной галлюцинаціи, пересталъ говорить ему дивныя рѣчи о томъ, что онъ, Ковринъ, гениаленъ, что онъ бессмертенъ, что великій удѣлъ ожидаетъ человѣчество. Ковринъ хотѣлъ безумія, искалъ миража. Правда, въ свои предсмертныя мгновенія онъ возжаждалъ нормального, простого, «онъ звалъ Таню, звалъ большой садъ съ роскошными цвѣтами, обрызганными росой, звалъ паркъ, сосны съ мохнатыми корнями, ржаное поле, свою чудесную науку, свою молодость, смѣлость, звалъ жизнь, которая была такъ прекрасна».

И Чеховъ тоже звалъ жизнь, и для него она тоже была прекрасна. Въ этомъ заключается его благородное и великое своеобразие. Писатель сумерекъ, онъ страстно любилъ солнце, и въ міръ пришелъ онъ, говоря словами поэта, чтобъ видѣть это солнце и синій кругозоръ. Онъ не брюзга и не пессимистъ. Затаенная, застѣнчивая радость жизни переливается въ его произведеніяхъ, и никто тоньше его не понималъ и не чувствовалъ всего, что есть на землѣ поэтичнаго и отраднанаго. Въ лунномъ свѣтѣ меланхоліи, въ ея задумчивомъ колоритѣ изобразилъ онъ міръ, но міръ пріобрѣлъ отъ этого только новую красоту. Вѣдь «такъ хорошъ и мягокъ лунный свѣтъ», и чаруетъ даже его «колыбель» — кладбище съ бѣлыми крестами и па-

мятников; на кладбище «въ глубокомъ смиреніи смотрятъ съ неба звѣзды, сонныя деревья склоняютъ свои вѣтви надъ бѣлымъ, и здѣсь нѣтъ жизни, нѣтъ и нѣтъ, но въ каждомъ темномъ тополѣ, въ каждой могилѣ чувствуется присутствіе тайны, общающей жизнь тихую, прекрасную, вѣчную». И среди могилъ думается о прекрасномъ, о живомъ: «сколько здѣсь зарыто женщинъ и дѣвушекъ, которыя были красивы, очаровательны, которыя любили, сгорали по ночамъ страстью, отдаваясь ласкѣ, и бѣлѣютъ уже не куски мрамора, а прекрасныя тѣла, которыя стыдливо прячутся въ тѣни деревьевъ»...

Чеховъ имѣлъ, какъ онъ выражается, продолжительныя очныя ставки съ тихими лѣтними ночами; онъ любилъ ту природу, которая боится «проспать свои лучшія мгновенья»; онъ любилъ тѣ минуты ея, когда наканунѣ праздника «собираются отдыхать и поле, и лѣсъ, и солнце,—отдыхать, быть можетъ, молиться»; и когда онъ проѣзжалъ по унылой степи міра, ему приходили на память степныя легенды, всѣ прекрасныя грезы, которыми живетъ и дышитъ міръ, всѣ плѣнительныя сказки бытія, и тогда въ голубомъ небѣ, въ лунномъ свѣтѣ, въ полетѣ ночной птицы, во всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, чудились ему «торжество красоты, молодость, расцвѣтъ силъ и страстная жажда жизни,—душа давала откликъ прекрасной, суровой родинѣ и хотѣлось летѣть вмѣстѣ съ ночною птицей».

Полетъ ночной птицы надъ заснувшей землей былъ ему вообще отраденъ и дорогъ, потому что, кромѣ солнца, любилъ онъ и ночь, «благополучную ночь», когда «ангелы-хранители, застилая горизонтъ своими крыльями, располагаются на ночлегъ» и когда грезится Чехову какой-то млечный путь изъ человѣческихъ душъ. Онъ зналъ мистику ночи, и были понятны ему тютчевскіе мотивы, стихійное вѣяніе космическаго. Ночью міръ являетъ иное зрѣлище. Ночью міръ не пошлъ. Тогда спадаетъ съ него денная чешуя обыденности, и онъ становится глубже и таинственнѣе; вмѣстѣ съ звѣздами ярче и чище загораются огоньки человѣческихъ сердецъ—вѣдь «настоящая, самая интересная жизнь у каждаго человека проходитъ подъ покровомъ тайны, какъ подъ покровомъ ночи», и Чеховъ вообще понималъ людей глубже, чѣмъ они кажутся себѣ и другимъ. Ночью земля принимаетъ загадочныя очертанія, и всѣ будничные предметы, всю спокойную прозу современности душа претворяетъ въ идеальное. Далекіе огни въ полѣ напоминаютъ лагерь филистимлянъ; мнутся великаны и колесницы, запряженные шестерками дикихъ бѣшеныхъ коней; въ жизнь переходятъ рисунки изъ Священной исторіи, и встрѣчныхъ во тьмѣ

спрашиваетъ Липа: «вы святые?»—и тѣ, не удивленные, отвѣчаютъ: «нѣтъ, мы изъ Фирсанова». Глубокій, истинный міръ ночного разрушаетъ всѣ предѣлы времени и пространства. Сближаются настоящее и прошлое. Одинокій огонь костра бросаетъ свой мистическій свѣтъ на далекое, на ушедшее, и въ нынѣшнюю ночь, близкую къ Пасхѣ, воскресаетъ другая, давнишняя, памятная міру ночь въ Геосиманскомъ саду, — «воображаю: тихій-тихий, темный-темный садъ, и въ тишинѣ едва слышатся глухія рыданія»: то рыдаетъ Петръ, трижды отрекшійся отъ Христа. А въ пасхальную ночь Чеховъ поминаетъ того монаха Николая, «симпатичнаго поэтического человѣка», который выходилъ «по ночамъ переключаться съ Иеронимомъ и пересыпалъ свои акаѣисты цвѣтами, звѣздами и лучами солнца»; онъ былъ непонятъ и одинокъ, мечтаетъ Чеховъ, у него были мягкія, кроткія и грустныя черты лица, и въ его глазахъ свѣтилась ласка и едва сдерживаемая дѣтская восторженность. Чеховъ съ невыразимой нѣжностью понимаетъ всю скорбь смиреннаго Иеронима, который потерялъ въ безвѣстномъ сочинителѣ акаѣистовъ своего друга и теперь, въ святую ночь, долженъ перевозить на паромѣ богомольцевъ, вмѣсто того чтобы самому быть въ церкви, слушать пѣснопѣнія и «жадно пить своей чуткой душой красоту святой фразы». Чеховъ понимаетъ его, потому что и самъ онъ своей чуткой душою тоскуетъ по нѣжной и сладкой красотѣ акаѣиста. И онъ тоже хотѣлъ бы воспѣть его міру, пересыпать его цвѣтами, звѣздами и лучами солнца, «чтобы въ каждой строчкѣ была мягкость и ласковость»...

И вообще, въ глазахъ Чехова, въ его печальныхъ глазахъ, міръ былъ достоинъ акаѣиста. Чеховъ зналъ всю неуловимую отраду жизни, все обаяніе молодости, всю нѣгу страсти и любви, неотразимой и непобѣдимой, и прелесть утра, и наивную красоту и умиленіе ребенка, и вѣчно свѣжій росистый садъ, и уютъ родного дома, и тонкія руки дѣвушки, просвѣчивающія сквозь широкіе кисейные рукава, и восторженную душу шестнадцатилѣтней Нади Зелениной, которая вернулась изъ театра послѣ «Евгенія Онѣгина» и вся дышитъ искрометнымъ счастьемъ, вся полна молодого смѣха. По его произведеніямъ разлита безпредѣльная нѣжность человѣческихъ отношеній, и всѣ эти сестры и братья, невѣсты и возлюбленные, дяди и племянницы говорятъ у него другъ другу такія сладкія и ласковыя слова, отъ которыхъ замираетъ очарованное сердце,—слова, за которыя полюбила Константина изъ «Степи» три года не любившая его красавица. И эту же нѣжность переноситъ онъ и на природу, и ему кажется, что даже «сонные тюльпаны и

присы тянутся изъ темной травы, точно прося, чтобы и съ ними объяснились въ любви»...

Все это онъ зналъ и чувствовалъ, любилъ и благословлялъ; все это онъ опажнулъ своею лаской и озарилъ тихой улыбкой своего юмора. И въ то же время на него глядѣла и «тонкая красота человѣческаго горя», и вся его мрачная глубина; и въ то же время онъ былъ на Сахалинѣ и видѣлъ самый предѣлъ человѣческаго униженія и несчастья; и Сахалинъ былъ для него островомъ только географически, а въ нравственномъ смыслѣ вѣдь это все тотъ же материкъ нашей злополучной жизни, нашей духовной каторги.

«Солнце легло спать и укрылось багряной золотой парчѣй, и длинныя облака, красныя и лиловыя, сторожили его покой, протянувшись по небу... У самаго пруда въ кустахъ, за поселкомъ и кругомъ въ полѣ заливались соловьи. Чьи-то года считала кукушка и все сбивалась со счета, и опять начинала. Въ прудѣ сердито, надрываясь, перекликались лягушки, и даже можно было разобрать слова: «И ты такова! И ты такова!» Какой былъ шумъ! Казалось, что всѣ эти твари кричали и пѣли нарочно, чтобы никто не спалъ въ этотъ весенній вечеръ, чтобы всѣ, даже сердитыя лягушки, дорожили и наслаждались каждой минутой: вѣдь жизнь дается только одинъ разъ!.. О, какъ одиноко въ полѣ ночью, среди этого пѣнія, когда самъ не можешь пѣть, среди непрерывныхъ криковъ радости, когда самъ не можешь радоваться, когда съ неба смотреть мѣсяцъ, тоже одинокій, которому все равно, весна теперъ или зима, живы люди или мертвы»...

Море отражаетъ въ себѣ лунный свѣтъ и въ сочетаніи съ нимъ образуетъ «какое согласіе цвѣтовъ, какое мирное, покойное и высокое настроеніе!» «Глядя на великолѣпное, очаровательное небо, океанъ сначала хмурится, но скоро самъ приобретаетъ цвѣта ласковые, радостныя, страстныя, какіе на человѣческомъ языкѣ и назвать трудно»,—а въ это время (мы уже видѣли) въ глубинѣ океана происходитъ встрѣча Гусева и акулы.

Какой же здѣсь возможенъ синтезъ и какъ дать міру общую оцѣнку, вынести ему опредѣленный приговоръ? Вы чувствуете, что гдѣ-то здѣсь, по близости, въ степи, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ вами есть кладъ, есть счастье, но какъ его найти? Или счастье фантастично? И существуетъ оно гдѣ-то внѣ жизни? Быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ отъ прикосновенія къ реальности блекнетъ всякій идеалъ, и «надо не жить, надо слиться въ одно съ этой роскошной степью, безграничной и равнодушной, какъ вѣчность, съ ея цвѣтами, курганами и далью, и тогда будетъ хорошо?» Мо-

ментъ внѣжизненнаго, посторонняго, моментъ созерцательнаго отношенія къ жизни вѣдь такъ часто встрѣчается у Чехова.

Онъ не оставилъ цѣльнаго міровоззрѣнія, и намъ приходится самимъ выбирать между той радостью и той горестью жизни, которыя онъ одинаково изобразилъ въ своихъ книгахъ. Для ума здѣсь остается великое недоумѣніе, и спокойные цвѣта океана, природу ликующую или природу равнодушную мы не можемъ примирить съ тоскою и скорбью, съ немолчнымъ безпокойствомъ человека. «Если бы знать... если бы знать...» — вздыхаютъ сестры. Но мы не знаемъ. И тайна окружаетъ насъ. Порывы къ вѣчному, которое лучезарно, проникающая міръ красота, — и плѣнь у смерти и ужаса, плѣнь у временнаго и пошлаго, которое такъ опасно для духа, — черезъ эту бездну, черезъ это роковое зянiе можетъ перекинуть мостъ одна только вѣра.

И знаменательно то несомнѣнное, что не тѣ, кто стоитъ на берегу и видитъ чужую гибель, но сами гибнущіе, сами страдающіе все-таки славятъ у Чехова жизнь, надѣются на нее и трогательно питаютъ къ ней глубокое довѣріе. Въ тихую ночь утихаетъ даже безмѣрное горе Липы, въ тихую и прекрасную ночь вѣрится, что, какъ ни велико зло, «все же въ Божьемъ мірѣ правда есть и будетъ, такая же тихая и прекрасная, и все на землѣ только ждетъ, чтобы слиться съ правдой, какъ лунный свѣтъ сливается съ ночью».

Все на землѣ терпѣливо ждетъ сліянiя съ правдой и милосердіемъ. И дѣвушка, у которой разбили сердце, которая пережила застѣнчивую обиду и горе дурнушки, находитъ въ себѣ силы для того, чтобы утѣшать другого несчастнаго, своего дядю Ваню. Она вѣруетъ, вѣруетъ горячо, страстно. И она кладетъ свою утомленную голову на руки дяди и увѣряетъ его, что Богъ сжалятся надъ ними, что они увидятъ жизнь свѣтлую и прекрасную, что они съ умилениемъ и съ улыбкой оглянутся на свои теперешнія несчастья, — они отдохнутъ.

«Мы отдохнемъ! Мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ... Ты не зналъ въ своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнемъ. Мы отдохнемъ».

Все человѣчество, какъ бѣдный дядя Ваня, не знало въ своей жизни радостей, — оно утомлено за свои долгіе и страдальческіе вѣка. Его усталость Чеховъ изобразилъ въ краскахъ великой печали. Но онъ завѣтно мечталъ о безсмертномъ отдыхѣ человѣчества.

Вотъ уже больше двухъ лѣтъ, какъ и самъ онъ отдохнулъ. Онъ отдохнулъ отъ грубости, которая его оскорбляла, отъ человѣческой скорби, которой питался его духъ, отъ смѣшного и горь-

каго,—онъ отдохнулъ. И мы не знаемъ, намъ Чеховъ не скажетъ, дѣйствительно ли онъ увидѣлъ все небо въ алмазахъ, дѣйствительно ли онъ услышалъ пѣніе ангеловъ, — кто уходитъ изъ жизни, тотъ уносить съ собою великую тайну, великую разгадку тайны... Но мы знаемъ, что навѣрное дано Чехову безсмертіе у насъ въ душѣ, и она стремится къ нему, писателю идеала, въ идеальныхъ порывахъ своихъ, когда не замыкаютъ ея всяческіе ключи отъ хозяйства, когда, неудовлетворенная и неудовлетворимая, тоскуетъ она по красотѣ и вѣчности, по свѣтлой радости духа.

Спитъ Чеховъ на кладбищѣ Дѣвчяго монастыря, около могилы своего отца, недалеко отъ могилы своего друга поэта Плещеева, и среди духовныхъ свѣтилъ Россіи тихими лучами грусти и упованія сіяетъ надъ родной землею чистый образъ его, незакатная звѣзда его имени.

И кто знаетъ, надо ли жалѣть о томъ, что онъ, такой чуткій, воспринявшій отъ міра столько печали, больше не живетъ? Если бы онъ жилъ теперь, онъ сталъ бы еще задумчивѣе и блѣднѣе, чѣмъ онъ былъ. И потрясающія содроганія, которыя испытываетъ нынѣ человѣческая душа, прибавили бы, навѣрное, не одну лишнюю скорбную страницу въ его книгахъ, провели бы не одну новую страдальческую тѣнь на его истомленномъ лицѣ. Пусть говоритъ, кто можетъ, о бодрящей силѣ русской кровавой грозы, о красотѣ всколыхнувшагося народнаго моря, — Чеховъ бы, во всякомъ случаѣ, отозвался не на эти бурные эффекты: онъ прежде всего замѣтилъ бы и глубоко перестрадалъ бы все несказанное горе, которое давить нашихъ современниковъ, всѣ эти материнскія и сиротскія слезы, всѣ эти неудержимые вопли и стоны, которыми звучитъ наша дѣйствительность, которые несутся отъ свѣжихъ могилъ, съ разросшихся кладбищъ. Столько смертей смертнымъ страхомъ и безысходной скорбью, въ послѣднія угасающія мгновенья, сжали людскія сердца, столько жизней погибло въ трепетъ, которому нѣтъ имени, и въ ожиданіи смертной казни такое нечеловѣческое ощущеніе, такой неопикуемый ужасъ пережили люди, что все это какъ бы вышло изъ глубины сердецъ и сгустилось въ кошмарный, полный призраковъ туманъ, который заслонилъ собою солнце, тяжело нависъ надъ каждой чувствующей душою и еще болѣе усилилъ чеховскую категорію русской жизни—черную тоску. Итакъ, можетъ быть, не надо жалѣть, что самъ Чеховъ избавленъ отъ этихъ впечатлѣній и, отстрадавъ свой недолгій вѣкъ, безпробудно спитъ за монастырской оградой? Не видитъ, не слышитъ, не содрогается...